

9(47)

П338

ХАЙДАРШО ПИРУМШОВ

РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

XVI—СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКОВ
В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ДУШАНБЕ—2000

4
0338
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. А. ДОНИША

ХАЙДАРИШО ПИРУМШОЕВ

РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
XVI—СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКОВ
В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ответственный редактор академик АН Республики
Таджикистан, доктор истори-
ческих наук, профессор
815450 **Б. А. ЛИТВИНСКИЙ.**

КИТОВХОНИ
Академияи улуми
Ҷумҳур и Тоҷикистон
БИБЛИОТЕКА
А. Донишгоҳи Ҷумҳурии
Таджикистон

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАОРИФ»,

ДУШАНБЕ — 2000

Автор выражает искреннюю признательность директору Издательско-производственного объединения «Шарки озод» кандидату исторических наук **ДОДОХОНОВУ Манзурхону Додохоновичу** за содействие в выпуске данной монографии, а также ответственному редактору издания академику **ЛИТВИНСКОМУ Борису Анатольевичу** и редактору **ФРОЛОВУ Владимиру Васильевичу**.

Хайдаршо ПИРУМШОЕВ. Российско-среднеазиатские отношения XVI — середины XIX веков в русской историографии.

— Душанбе: «Маориф», 2000.— 338 с.

Монография является первым фундаментальным исследованием, посвящённым комплексному историографическому изучению работ русских дореволюционных исследователей в освещении истории российско-среднеазиатских отношений. XVI — середины XIX веков.

Всесторонний анализ трудов русских исследователей, сопоставление приводимых ими фактов, суждений и выводов по основным вопросам данной проблемы с многочисленными опубликованными и неопубликованными источниками позволили автору не только по достоинству выявить вклад и оценить их заслуги, но и существенно углубить и расширить рамки научного освещения истории российско-среднеазиатских взаимоотношений.

Материалы данного исследования, выводы и рекомендации автора могут быть широко использованы при написании фундаментальных и обобщающих работ по средневековым и новым периодам истории и историографии государств Центральной Азии, истории внешней политики России, а также при составлении учебников и пособий для исторических факультетов вузов.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
Т. Г. ТУХТАМЕТОВ;

доктор исторических наук, профессор
О. Б. БОҚИЕВ.

Душанбе,
Издательство «Маориф»,
2000.

ВВЕДЕНИЕ

История взаимоотношений стран и народов всегда вызывала и вызывает повышенный интерес исследователей по той простой причине, что прогресс любого государства зависит прежде всего от степени прочности взаимовыгодных связей его с близкими и дальними странами. Поэтому крайне трудно, да и невозможно изучить историю отдельно взятой страны, ограничиваясь лишь её узкотерриториальными географическими рамками.

Это, в частности, отчётливо прослеживается в истории народов Средней Азии, разделивших всю горечь внешних нашествий, внутренних противоречий, раздробленность и радость ощущения взаимных материальных и духовных связей. Не менее тесно эти отношения по воле судьбы сложились и развивались у народов региона с их великим северным соседом — Россией.

История русско-среднеазиатских отношений, прошедших различные испытания в большей части положительно, поучительна. О прочности этих взаимных интересов свидетельствуют происходившие в последние годы события, к сожалению, одинаково печальные для всех народов стран СНГ.

Но при всех своих изъянах это десятилетие вошло в нашу историю. А история всегда поучительна, даже самые её мрачные периоды у наиболее сознательной части представителей общества пробуждали интерес и оптимизм, что давало возможность, оглядываясь назад, находить причины происходящего или закономерность уже произошедшего события и тем самым проложить дорогу к разумному или объективному восприятию ситуации. Тогда в общем комплексе кажущихся неприемлемых для нормального привычного воображения явлений, можно обнаружить зародыши, а затем и ростки новых реалий, способствующих в перспективе общественному прогрессу. То же самое, при всём том глубочайшем кризисе, охватившем все стороны жизни народов бывшего Союза в результате его распада, всё же самым болезненно ощутимым явилось нарушение тесно переплетённых взаимных интересов всех наций и народностей страны.

При всех колебаниях всё отчётливее приходится осознавать, да и вочью ощущать тот факт, что несмотря на всякие попытки разъединить народы, некогда дружно жившие в одной из могущественных держав мира, они про-

должают чувствовать взаимную привязанность друг к другу. Иначе и быть не может. История неоднократно доказывала простую истину о том, что крайне трудно, да и невозможно одним махом разрубить все традиционно установившиеся узы, из которых сложились отношения или вернее взаимоотношения двух или же нескольких народов. Причём, степень прочности эти взаимоотношений во многом зависит от их продолжительности во времени. Ибо со временем они становятся сначала доверительными, а затем и традиционно дружественными. Это убедительно можно продемонстрировать на примере России и среднеазиатских государств, взаимоотношения которых сложились ещё задолго до образования Киевской Руси и продолжают поныне, несмотря на все события и перемены, происходившие в жизни этих народов на том или ином этапе их исторического развития. В этом отношении неслучаен повышенный интерес, который проявлен к изучению данного вопроса со стороны как дореволюционных, так и советских исследователей.

Их работы, взаимно дополняя друг друга по времени и по конкретным фактам, дают довольно цельную картину этих взаимоотношений, но, к сожалению, отсутствие специального фундаментального исследования не может оставаться незамеченным.

В особенности это относится к средневековому периоду истории таких взаимоотношений. Хотя сохранившиеся сведения в общей совокупности свидетельствуют о большой взаимной заинтересованности русского и среднеазиатского государств в установлении и развитии торгово-посольских контактов. Об этом свидетельствуют частные взаимные отправки послов и торговых караванов. Но несмотря на то, что отдельные посольства получили освещение в русской дореволюционной и советской исторической литературе, тем не менее отсутствие заметного исследования истории этих взаимоотношений ясно ощущается и по сей день. Хотя необходимость в более серьёзном исследовании данной проблемы давно назрела. В этом плане справедливы сказанные ещё несколько десятилетий назад, в начале 50-х годов, слова известного востоковеда А. А. Семёнова о том, что «история освещения сношений России московского и даже царского периодов со среднеазиатскими ханствами всё чаще остаётся неясной, хотя и имеются труды, посвящённые этим ханствам, по так называемым газетным и общим темам

(вроде походов, путешествий, описаний, наказов посольствам, отдельным послам и т. п.)¹.

Известный советский исследователь, посвятивший немало серьёзных работ, касающихся истории русско-среднеазиатских взаимоотношений более позднего периода и вообще политики России в данном регионе (в XIX — начале XX вв.), Н. А. Халфин, профессионально осознавая сложность и трудоёмкость их исследования, пишет: «Взаимоотношения России с государствами Средней Азии, особенно со времён Московской Руси, представляют интересный и благодарный, хотя и чрезвычайно трудоёмкий сюжет. Но его всесторонняя разработка может быть под силу лишь большому коллективу»².

К сожалению, за прошедшие несколько десятилетий, за исключением работ М. К. Рожковой³, М. Ю. Юлдашева⁴, М. Аппангесова⁵, М. А. Михалева⁶ и ряда других, в этом направлении заметных сдвигов не произошло.

Намного хуже обстоит дело с историографическим изучением данной проблемы. В этом плане оно дальше общего обзора литературы, использованной авторами при написании обобщающих или специальных работ, касающихся освещения истории отдельных периодов русско-среднеазиатских связей, не пошло. Отсутствие такого рода исследования не только затрудняет определение степени изученности вопроса в целом, но и выявление заслуг того или иного учёного в его разработке, приверженности к тому или иному методологическому направлению и в конечном итоге, объективности подхода к анализу дей-

¹ Семёнов А. А. К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой в начале XIX в. // Известия АН УзССР. — Ташкент, 1951, № 1. — С. 85.

² Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). — М., 1974. — С. 5.

³ Рожкова М. А. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60 годы XIX века. — М., 1933.

⁴ Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей с Россией в XVI—XVII вв. — Ташкент, 1964.

⁵ Аппангесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в VIII—XIX вв. — Ашхабад, 1981.

⁶ Михалев Г. А. Торговые и посольские связи со среднеазиатскими ханствами через Оренбург: вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. — Ташкент, 1982.

ствия официальных властей и лиц, внесших лепту в укрепление этих взаимоотношений.

Такой подход позволил бы уверенно определить приоритетные проблемы исторической науки, с одной стороны, и соответствующий структурный анализ объекта исследования, с другой. Тем более, что в имеющейся литературе нередко прослеживается идея предвзятости. В частности, нередко проявляется склонность многих авторов к абсолютизации права России на Среднюю Азию или же одностороннюю выгодность связей для ханств региона.

Всё это привело к мысли о необходимости взяться за такую крайне серьёзную, сложную, но вместе с тем столь важную и благородную работу, какой является научное освещение вклада русских исследователей в изучение взаимоотношений России со Средней Азией. Серьёзность такого рода исследования заключается: а) в отсутствии того необходимого и прочного фундамента, на котором обычно воздвигаются более масштабные исследования; б) в степени ответственности автора, решившего брать на себя бремя выполнения подобного исследования. Сложность его определяется: а) обширностью хронологических рамок; б) скудностью и разбросанностью (особенно до начала XVIII в.) материала. Нужность или же крайняя полезность его диктуется тем обстоятельством, что: а) давно назрела необходимость появления такой работы; б) особую актуальность она приобретает в наше время, когда в силу происходящих событий не только нависла серьёзная угроза над исторически сложившейся традицией добрых взаимоотношений между народами Средней Азии и России, но и неблагоприятным силам удалось в известной степени разжечь межнациональную рознь, что уже привело к великим жертвам и массовым бегствам или вынужденным переселениям на огромной территории бывшего Союза. И, наконец, благородность подобного исследования заключается в ощущениях чувства долга, благодарности и ответственности современных и грядущих поколений исследователей перед памятью тружеников науки, оставивших в наследство бесценные сведения и аналитические суждения о событиях более ранних и тех, свидетелями которых они являлись, а также авторов сводных фундаментальных исследований, освещающих историю народов Средней Азии в целом и отдельных её периодов в частности. Причём,

практика показала, что мимо наследия русских дореволюционных исследователей не могли и не могут проходить все учёные, намеревавшиеся заняться серьёзными научными изысканиями по истории Средней Азии.

Вышеприведённые суждения стали той почвой, на которой зиждется наша твёрдая убеждённость в актуальности исследуемой проблемы.

Следует отметить, что несмотря на отсутствие специального исследования, данный вопрос не мог оставаться для учёных незамеченным. Он в той или иной мере присутствует во всех серьёзных трудах советских авторов, так или иначе касающихся истории государств Средней Азии. В целом литературу, причастную к выявлению заслуг русских дореволюционных исследователей в изучении истории региона, в том числе и различных аспектов русско-среднеазиатских взаимоотношений, условно можно разделить на четыре группы:

1. Сводные и фундаментальные труды по дореволюционной истории Средней Азии;

2. Историографические работы, освещающие вклад русских исследователей в изучение истории и культуры региона;

3. Исследования, посвящённые изучению политики царизма в Средней Азии до середины 80-х годов XIX в. и истории завоевания или присоединения края к России;

4. Работы, касающиеся изучения русско-среднеазиатских посольских и торгово-экономических связей.

Каждое исследование, относящееся к этим группам, разумеется, имеет свою цель, соответственно и задачи, в рамках которых, в зависимости от логики постановки вопросов, специально или попутно высвечивались те или иные грани русско-среднеазиатских отношений.

В литературе, относящейся к первой группе, традиционно чаще в предисловиях с особой теплотой говорится о заслугах русских дореволюционных исследователей, и, как правило, выделяются разделы, посвящённые русско-среднеазиатским отношениям или, если речь идёт о более позднем периоде, наблюдается стремление освещать политику царизма в регионе. Это особенно заметно прослеживается в сводных академических и фундаментальных

трудах по истории государств и народов Средней Азии⁷.

Немало сделано и по части освещения заслуг русских исследователей советскими учёными. Наиболее важными по данному направлению следует считать работы Б. Г. Гафурова, Б. В. Лунина, Б. И. Искандарова, Б. А. Литвинского, Н. М. Акрамова, О. Б. Бокиева, Д. Ю. Арапова и других⁸.

Что касается степени отражения в исследованиях третьей категории работ, то следует заметить, что отдельные

⁷ Гафуров Б. Г. История таджикского народа.—Т. I.—М., 1955; он же, Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.—Кн. 1, 2.—Душанбе, 1989; История Казахской ССР.—Т. I—II.—Алма-Ата, 1957—1959; История Киргизской ССР.—Т. I.—Фрунзе, 1968; История таджикского народа.—Т. I.—Кн. 1—2.—М., 1963—1964; История Туркменской ССР.—Т. I.—Кн. 1—2.—Ашхабад, 1957; История Узбекской ССР.—Т. I.—Ташкент, 1967.

⁸ Гафуров Б. Г., Мирошников Л. И. Изучение цивилизации Центральной Азии.—М., 1971; Луний Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане.—Ташкент, 1958; он же. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX—начало XX вв.).—Ташкент, 1962; он же. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.—Ташкент, 1965; он же. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения.—Ташкент, 1979; Искандаров Б. И. Из прошлого Таджикистана.—Душанбе, 1974; он же. Вклад русских учёных в изучение дореволюционного Таджикистана//Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук.—1974.—№ 3 (77).—С. 22—31; Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семёнов.—М., 1971; они же. Академик А. А. Семёнов.—Душанбе, 1974; Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк.—Душанбе, 1963; он же. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья. Докт. диссертация.—М., Институт востоковедения АН СССР, 1975; Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев.—Душанбе, 1973; они же. М. С. Андреев—исследователь горных таджиков (на тадж. яз.).—Душанбе, 1977; Бокиев О. Б. Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии.—Душанбе, 1976; он же. Освещение в истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей.—Душанбе, 1991; Масанов Э. А. Очерки истории этнографического изучения казахского народа.—Алма-Ата, 1966; Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии.—М., 1981; Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей.—Душанбе, 1990; Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX—начала XX вв.—Душанбе, 1992; он же. Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в.—Душанбе, 1996.

детали интересующей нас проблемы лишь эпизодически мелькают в тех разделах, где речь идёт о политике царского правительства в Средней Азии до её присоединения к России. В этом направлении наиболее заметными по научной значимости и охвату материала являются работы П. Г. Галузо, К. Е. Житова, Н. Г. Апполовой, Е. Б. Бекмаханова, Н. А. Халфина, В. Д. Джамгерчинова, О. Б. Бокиева и др.⁹

Особый интерес представляют работы, освещающие русско-среднеазиатские посольские и торговые связи в том или ином периоде их истории. К их числу, помимо вышеприведённых работ М. К. Рожковой, М. Ю. Юлдашева, М. Аннаненесова и Г. А. Михалевой, относятся исследования А. В. Панкова, А. Чулошниковой, А. А. Семёнова, Б. М. Искандарова, Р. М. Масова, Т. Г. Тухтаметова¹⁰.

Несмотря на то, что в работах вышеуказанных авторов всех перечисленных групп или категорий широко ис-

⁹ Галузо П. Г. Туркестан—колония.—Ташкент, 1935; Житов К. Е. Завоевание Средней Азии царской Россией.—Ташкент, 1939; Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века.—Алма-Ата, 1948; она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв.—М., 1960; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России.—М., 1957; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90 гг. XIX в.).—М., 1965; он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.).—М., 1964; Джамгерчинов В. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России.—Изд. 2-е.—Фрунзе, 1963; Бокиев О. Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России.—Душанбе, 1994.

¹⁰ Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.//В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почтители (сб. ст.).—Ташкент, 1927.—С. 20—47; он же. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725 гг. Торговля с Бухарой//Известия Среднеазиатского географического общества.—Т. XIX.—1924.—С. 47—58; Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XV—XVII вв.//Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.—Ч. I.—Вып. 3.—Л., 1932.—С. 61—88; Семёнов А. А. К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой в начале XIX в.//Известия АН УзССР.—№ 1.—1951.—С. 85—95; Искандаров Б. И., Масов Р. М. Россия и Таджикистан.—Душанбе, 1984; Масов Р. М. История исторической науки и историография социальства в Таджикистане.—Душанбе, 1988.—С. 20—50; Тухтаметов Т. Г. Истоки дружбы.—Душанбе, 1987.

пользован материал, привлечённый из трудов русских исследователей и порою им даны соответствующие оценки, тем не менее они в целом далеки от соответствующего историографического анализа избранной нами проблемы. Имеющиеся в этом отношении попытки в основном являются эпизодическими и в большинстве своём выходят за хронологические рамки настоящего исследования.

В этом плане наибольшую ценность представляют работы академика В. В. Бартольда «Арабские известия о русах»¹¹ и «История изучения Востока в Европе и России»¹², в которых автор в общем контексте историографического освещения роли российских исследователей в изучении Востока не упустил из виду главные моменты, оставившие следы в истории русско-среднеазиатских отношений с древних времён до присоединения края к России.

Таким образом, тот уровень, которым на сегодня располагает отечественная и зарубежная историография в освещении данной проблемы, свидетельствует о явно неудовлетворительной степени её изученности.

Исходя из намерения восполнить этот пробел в историографии, и подготовлена настоящая работа. Цель исследования заключается в комплексном историографическом анализе трудов русских исследователей, официальных и неофициальных документов (отчёты и исследования, основанные на результатах личных наблюдений послов, членов посольств, участников различных научных изысканий, экспедиций, военных походов, путешествий), отражающих основные принципы и направления русско-среднеазиатских взаимоотношений, а также более обстоятельном освещении истории их развития до середины 60-х годов XIX века.

В работе впервые предпринята попытка не только комплексного историографического изучения, но, как явствует из её содержания, и исторического исследования русско-среднеазиатских взаимоотношений до вступления России в капиталистическую фазу развития.

Всесторонний анализ трудов русских исследователей, со-

поставление приводимых ими фактов, выводы и заключения по тем или иным вопросам данной проблемы с многочисленными опубликованными и неопубликованными источниками (письма, рапорты, донесения, отчёты, дневники, записки военных специалистов, официальные предписания, наставления, инструкции послов, их дневники, отчёты и множество других документов) позволили автору не только по достоинству выявить их вклад и оценить заслуги в разработке проблемы с учётом присущим им политических и методологических взглядов, но и значительно расширить и углубить рамки научного освещения истории русско-среднеазиатских отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с завершения образования российского централизованного государства (начало XVI в.) и простираются до официального вступления России в период капитализма, точнее до начала завоевания Средней Азии Россией (1864 год).

Литература, вошедшая в основу историографического анализа данной работы, достаточно обширна и разнообразна. Следует отметить, что чрезмерная обширность литературы и в целом насыщенность публикаций, в той или иной мере касающихся данного вопроса, создают немало трудностей в выборе соответствующего материала. Ввиду невозможности охватить содержание всех публикаций, в работе предпочтение даётся трудам профессиональных исследователей и тех авторов, работы которых представляются ценными, как по охвату фактического материала, так и их анализу. Работы компилятивного характера или публикации, содержание которых построено на дублировании, повторе или же простом совпадении, отбирались по принципу их хронологического выхода в свет.

Тщательный целенаправленный анализ публикаций русских авторов показывает, что хотя исследуемая проблема и не стала объектом их специального исследования, тем не менее позволяет выделить довольно ценные работы, в которых наиболее ярко отражаются русско-среднеазиатские и иные связи в том или ином периоде их исторического развития. К ним прежде всего относятся труды П. С. Савельева, Я. В. Хапыхова, Д. Голосова, А. Н.

¹¹ Бартольд В. В. Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— М., 1963.— С. 810—856.

¹² Бартольд В. В. Сочинения.— Т. IX.— М., 1977.— С. 197—482.

личные по содержанию и уровню официальные документы, исходящие от определителей политики России в Средней Азии (император, Министерство иностранных дел), предписания, инструкции, указания, и исполнителей более высокого (генерал-губернатор), среднего (начальники экспедиций, походов, посольств) и нижнего по рангу — соответствующие поручения, приказы, уведомления, рапорты, донесения, отчёты и проч. Отрадно заметить, что хотя и небольшая часть из них всё же увидела свет. Из числа опубликованных сборников архивных материалов в работе использованы документы из изданной части известной коллекции А. Г. Серебренникова, где собраны копии, хранившиеся в Петербурге, Москве, Оренбурге, Тифлисе, Ташкенте и Омске¹⁵. Немало ценных сведений извлечены из таких сборников как «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», «Русско-туркменские отношения в

XVIII—XIX вв.», «Международные отношения в Центральной Азии»¹⁶ и др.

В работе широко использованы соответствующие документы из Центрального военно-исторического архива РФ¹⁷ (г. Москва)¹⁸, Архива внешней политики России (г. Москва)¹⁹, Архива Академии наук РФ, Ленинградского отделения (г. Санкт-Петербург)²⁰, Центрального Государственного архива Республики Узбекистан (г. Ташкент)²¹, Архива востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения АН РФ²², Архива Географического общества РФ (г. Санкт-Петербург)²³.

Знакомство с имеющейся дореволюционной литературой и источниками приводит к убеждению в том, что по мере увеличения военно-экономической мощи России после образования централизованного государства в отношении официальных властей постепенно стало всё больше возобладать великодержавное настроение. Оно росло пропорционально ослаблению военно-экономической мощи среднеазиатских государств. В этом плане нельзя не согласиться с мнением О. Б. Бокиева о том, что «до царствования

пости России при Московском университете.— Кн. 1—М., 1861—С. 1—28; Путевые заметки майора Бланкенштейна о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева//Вестник Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем — ВИРГО).— Ч. XXII.—Кн. 3.—СПб., 1858.—С. 87—116; те же «Заметки»: Извлеч. СПб., 1858; Послание Петра I на Востоке. Посольство Флориа Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах.— М., 1986; Мейердорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— М., 1975; Назаров Филипп. Записки о некоторых городах и землях Средней части Азии.— М., 1968; Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах.— Ч. I—II.— М., 1822; Капдалов Е. Караван — записки во время похода в Бухарию российского каравана под военным прикрытием в 1824—1825 годах.— Ч. I.— М., 1827.— С. I—XVI; те же «Записки»: Извл. из «Русского инвалида».— №№19 и 20.— СПб., 1856; И в а н и н М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг.— СПб., 1874; Приложения к статье И. Залесова «Посольства в Хиву полковника Данилевского в 1842 г.»//Военный сборник.— Т. 49.— СПб., 1965—№5 (С. 41—45).— С. 55—75; Халиков Н. В. Описание Бухарского.— СПб., 1843; Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства.— ЗИРГО.— Кн. V.— 1851.— С. 62—139; Макшеев А. И. Путешествие по Киргизским степям.— СПб., 1896; Игнатъев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году.— СПб., 1895.

¹⁵ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Составитель полковник А. Г. Серебренников.— Т. 1—14.— Ташкент, 1915—1919. Следует заметить, что А. Г. Серебренниковым были подготовлены к изданию 70 томов сборника, но по стечению обстоятельств изданы только 14 томов. Коллекция хранится в Центральном Государственном Архиве (ЦГА) Узбекистана в г. Ташкенте. (Ф. II.— 715.— Оп. I.— Хр.: 1—74).

¹⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— Ч. I. (Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии в XVI—XVII вв.). Труды историко-географического института и ИВ АН СССР.— Вып. 3.— Л., 1932; Русско-туркменские в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сбор. архивных документов.— Ашхабад, 1963; Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв. Документы и материалы.— Кн. I.— М., 1989 и др.

¹⁷ В работе названия архивов приводятся по-старому, т. е. согласно тому официальному названию, при котором автором сделаны выписки и сняты копии соответствующих документов (чтобы не вызывать путаницу).

¹⁸ ЦГВИА РФ (в дальнейшем — ЦГВИА). Фонд Военно-учёного архива (ВУА); Фонд 400 Министерства военного главного штаба по азиатским делам.

¹⁹ АВПР. Ф.— СПб., Главный Архив, 1—9.

²⁰ Архив АН РФ, Ленинградское отделение, ф. 148. Русский комитет по изучению Средней Азии и Восточной Азии.

²¹ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. И.— 715.— Подготовительные материалы к составленной полковником А. Г. Серебренниковым публикации документов «Туркестанский край». Сборник материалов для истории его завоевания».

²² Архив ИВ АН РФ. Ленинградское отделение.— Фонд В. В. Бартольда (68), А. П. Федченко (809), Чокана Велиханова (23), В. И. Липского (303), Спесарева (115) и др.

²³ Архив ГО РФ.— Разряд 65, 89 и др.

Д
ис
А
са
ко
ше
пу
се
ш
ко
зо
А.
П
ск
ни
и

Петра I отношения между Россией и среднеазиатскими ханствами основывались на взаимовыгодных отношениях и носили исключительно мирных характер»²⁴. Хотя среди официальных чиновников и исследователей встречаются и те, кто был склонен утверждать, что в русско-среднеазиатской торговле вплоть до завоевания края получали одну сторону выгоду только среднеазиатские купцы, а русские, как правило, несли убытки. На это, в частности, указывает Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин (1858 — 1860) в своём письме на имя министра иностранных дел России²⁵. В таких утверждениях явно прослеживаются предвзятость и подстрекательство властей на усиление дипломатического и военного давления на ханства Средней Азии.

Начиная с Петра I, отдававшего предпочтение «действиям активным, наступательным», нежели «пассивной обороне государства», силовое давление в отношении к Средней Азии стало приоритетным фактором в официальной российской дипломатии. Все последующие правители России во главу угла ставили вопрос об упрочении своей политической и экономической позиции в регионе. Более того, стремление превращения его в колонию с начала XIX века стало доминирующим. Причём, вся эта политика проводилась под видом проявления «благородства и гуманизма» цивилизованной России в отношении к «отсталым», «диким», «варварам», каковым, якобы, являлось население ханств Средней Азии. Эта политика, к сожалению, нашла своё отражение да и оправдание у многих авторов.

В том можно легко убедиться, ознакомившись с работами не только специалистов, причастных к военным кругам (А. И. Макшеев, Д. И. Романовский, Л. Ф. Костенко, М. А. Тереньев и др.), но и некоторых представителей научно-академических кругов (В. В. Григорьев, Ф. Ф. Мартенс). Их концепция, основанная на преимущественном праве России в захвате и превращении Средней Азии в колонию, а также придерживаемая ими методологическая направленность в известной мере стала предметами разбо-

²⁴ Бокиев О. Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России.— Душанбе, 1994.— С. 13.

²⁵ АВПр.— Ф. СПб., Главный Архив, 1 9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 660.

ра со стороны многих советских исследователей, среди которых особо следует выделить Б. В. Лунина, Н. А. Халфина, О. Б. Бокиева. В частности, в своём труде «Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России» (Душанбе, 1994) О. Б. Бокиев, посвятив анализу концепции русских дореволюционных исследователей, причастных к изучению истории завоевания края целую главу²⁶, как бы подытоживает разбросанные, противоречивые мнения в этом направлении советских исследователей. Отрадно заметить, что автору удалось сравнительно чётко определить мотивы продвижения России вглубь Центральной Азии; несколько удачно классифицировать мнения дореволюционных исследователей относительно причин, побудивших русские власти вести политику постепенного, насильственного, а в отдельных случаях и мирного втягивания Средней Азии в орбиту своих колониальных владений.

Говоря о достигнутом прогрессе в изучении наследия русских дореволюционных исследователей, в известной мере причастных к среднеазиатскому региону, обилии попыток определить их политические взгляды, методологическую направленность, придерживаемые ими концепции, нельзя не заметить отсутствие и по настоящее время специальной работы с чётким научным анализом их политического кредо.

При разбросанности мнений, содержащихся в трудах советских исследователей, их запутанности, отсутствии единой сравнительно чёткой схемы с критериями определения причастности тех или иных авторов к тому или иному политическому течению или методологической направленности, естественно, затруднительно выявление степени искренности их подхода к анализу ситуации, что тем самым ограничивает возможности объективного определения их заслуг в развитии отечественной и мировой историографии.

Трудно да и нельзя втиснуть всех или более заметных дореволюционных исследователей в сложившийся в советской историографии перечень идеологических рамок или политических направлений, только основываясь на их отношении к властям, одобрении их колонизаторских намерений и определении мотивов расширения границ России за счёт среднеазиатских ханств, или же по их отношению к

²⁶ См.: Бокиев О. Б. Указ. соч.— С. 12—44.

церкви, славянской культуре и обычаям. Тем более, в настоящее время, когда меняются сложившиеся стереотипы мышления, ведение исторических исследований в пределах желаемых жёстких идеологических рамок, волей-неволей усиливается сомнение в объективности традиционного подхода к решению исследовательских задач. К примеру: «великодержавно-шовинистический» термин, применяемый к группе исследователей — сторонников колонизаторской политики царизма — не может ёмко отражать действия, исходящие из самой политической (монархическо-крепостнической) природы царизма, явившегося в то время господствующим строем в России. Представители этой группы открыто выступали в качестве ярых защитников монархического строя. И термин «монархическо-колонизаторский» может быть наиболее подходящим к этой группе. Или же считать всех исследователей, полагавших экономические интересы главным фактором продвижения России в Средней Азии, без разбора представителями группы «буржуазно-либерального» толка по меньшей мере сомнительно, хотя бы потому, что сама «буржуазия» в социальном плане не являлась однородной. Следовательно, нужно брать во внимание или разницу между крупной, средней и мелкой буржуазией, или по её социально-политическое определение: монархическая и либеральная, и причём каждая из них имела свои интересы. Только при таком подходе можно более полно и реально определить концепции их идейных приверженцев, которые могут быть различными. Также несколько абстрактным, на наш взгляд, является термин «либерально-демократический», применяемый для определения отдельной группы русских исследователей.

Словом, хотя утвердившееся мнение о приведённых выше концепциях и не вызывает сомнения, тем не менее, на наш взгляд, нельзя ограничиваться сложившейся схемой без надлежащего анализа индивидуального или нескольких близких по духу авторов, без учёта их особенностей и оттенков во взглядах (а они могут быть и должны быть разнообразными), втискивая их в рамки, ныне принятых на вооружение концепций. Тем более, что политико-экономическая реальность России конца XIX — начала XX веков, складывающаяся из своеобразности развития капитализма, его тесного переплетения с сохранившимися феодально-крепостническими отношениями, со всеми присущими от-

туда противоречиями, способствующими зарождению множества партий и политических течений, не могла не сказываться на формировании различного рода концепций в историографии того периода. Здесь вполне уместны слова академика Е. М. Жукова: «Историк не в состоянии абстрагироваться ни от той общественной среды, к которой он принадлежит, ни от тех воззрений, которые ей свойственны. Следовательно, то или иное отношение к историческим процессам и явлениям, т.е. их «оценка», даже независимо от воли автора, обязательно будут присутствовать в любом историческом сочинении»²⁷. Этот принцип обязывает современных и грядущих историков отметить эти отношения предшественников к историческим процессам, чтобы вполне разобраться в их «оценках».

Таким образом, вышесказанное приводит к заключению, что для всестороннего изучения социально-политической позиции дореволюционных русских исследователей-востоковедов требуется немало усилий (может быть, даже коллективных). Лишь такой подход может дать возможность по-настоящему разобраться в мироощущениях каждого из них, найти ключ к определению придерживаемых ими концепций.

Углубиться должным образом в разбор столь разбросанных мнений не входит в круг задач нашей работы по двум причинам: во-первых, как изложено выше, это сложный вопрос требует отдельного самостоятельного исследования; во-вторых, он в большей степени касается авторов, исследования которых по времени совпадают с периодом завоевания Средней Азии, её присоединения к России и колониальной политики России в регионе до победы Октябрьской революции, т.е. с капиталистическим периодом развития России.

Но всё же нельзя не заметить, что в последние годы перемены, происходящие в жизни общества, не могли не повлиять и на сложившуюся методологию исторических исследований. Заманчивая тенденция отхода от коммунистической идеологии всё больше захватывает и втягивает «вольнодумцев» в обриту этого процесса. Это проявляется в стремлении ряда так называемых теоретиков, которые, говоря о деидеологизации исторической науки, в то же

²⁷ Жуков Е. М. Очерки методологии истории.— М., 1987.— С. 39.

Время выдвигают свои «методологические концепции» типа «демократической», «гуманистической», «цивилизованной», основанной на «общечеловеческих ценностях» и т. п.

В силу стремления скорейшего вхождения в рыночную экономику «капиталистического рая» и подчинения общественно-исторического мышления этим стремлениям они не могут, вернее не хотят брать во внимание простую истину о том, что любая общественная наука, в том числе и история, не может быть безразлична, «нейтральна» по отношению к предмету своего анализа. «Нейтральность» по отношению к общественным явлениям, т. е. объективизм в его упрощённом, схоластическом понятии, неизбежно приводит к отказу от критического к ним отношения, к апологетике этих явлений, следовательно, к отказу от объективности²⁸.

Исходя из такой реалии, на наш взгляд, материалистический подход, придерживание принципа историзма при изучении происходивших событий является наиболее удачным методологическим фундаментом, дающим возможность объективного решения поставленных задач. Такой подход позволяет проследить процесс накопления фактических сведений, правильно определить заслуги отдельных исследователей, показать ценность материалов для современной науки.

Историографический характер работы не исключает и чисто исторического подхода к решению поставленных вопросов в зависимости от степени их освещённости их в научной литературе. Этот принцип открывает соответствующий простор для более полного и последовательного освещения истории русско-среднеазиатских взаимоотношений. Поэтому в работе встречаются немало эпизодов, когда те или иные события, ввиду их недостаточной изученности или отсутствия в дореволюционной литературе, изложены лишь на основе архивного материала.

Другим, что в работе не может остаться незамеченным, является приведённые в ряде случаев чрезмерно пространственных отрывков в качестве цитат из документов, причём с сохранением официального языка изложения. Придерживаться такого принципа вынуждает сам характер работы. По нашему убеждению в цитатах должны отражаться дух времени, логика суждению авторов или составителей доку-

²⁸ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории.— С. 39—52.

ментов, при вольном изложении которых, естественно, нарушается та атмосфера, при которой они создавались.

В работе преднамеренно отсутствует широкое привлечение иностранной литературы по следующим причинам: а) по теоретическим и фактическим принципам она далеко отстаёт от трудов русских исследователей. В этом плане, безусловно, правы авторитетные дореволюционные востоковеды, особо отметившие лидирующее место России в изучении истории и культуры Востока в целом, в Средней Азии в особенности. В. В. Григорьев не без основания выразил уверенность в том, что ещё в XVII веке русские знали о Средней Азии гораздо больше, чем предполагали западноевропейцы. «Неопровержимые свидетельства этому знакомству,— писал он,— представляют как «Книга Большому чертежу», так и знаменитое творение голландца Витсена, который все сведения свои о Средней Азии, изумившие Европу в конце XVII столетия, добыл и мог добыть только в России»²⁹. Как бы усиливая его мнение, выдающийся востоковед В. В. Бартольд недвусмысленно указывал, что в деле изучения истории мусульманской Средней Азии, как и в деле изучения её географии, «русская наука... была впереди западноевропейской»³⁰. Согласно ему «до XIX в. Средняя Азия была известна в Европе главным образом как «Тартария», как родина диких «тартар», которые время от времени нападали на культурные области Востока и Запада»³¹ и что там лишь в XVIII веке «стали известны русские сведения о Средней Азии»³². А попытку профессора Э. Д. Расса дать краткий очерк Туркестана с древнейших времён до русского завоевания³³, он считает лишь не более как «заслуживающей уважения пио-

²⁹ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии.— С. 3—4; автор имел в виду работу: Witsen N. Noord en Oost Tartarye ofte bondich ontwerp van eenige dier Landen, en Volker zo als voormals bekend Zyn geweest.— Amsterdam, 1692.

³⁰ Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Очерки.— Т. VII.— М., 1971.— С. 331.

³¹ Бартольд В. В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Сочинения.— Т. IX.— М., 1977.— С. 511.

³² Там же.— С. 512—513.

³³ Известно в виду книги: Skrine F. N. and Ross E. C. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times.— London, 1899.— XI+444 pp.

нерской работой»³⁴; б) Объём работы не позволил перегружать её материалами первостепенной важности; в) Более полезные и оригинальные работы (Марко Поло, Рюи Гонзалес де Клавихо, А.Бернс, А.Вамбери, Гумбольдт, К.Риттер, И.Ваттенберг и др.) переведены на русский язык и давно стали достоянием читателей и специалистов; г) Несмотря на вышеизложенные факты, освещение вклада западноевропейских учёных в изучение истории и культуры Средней Азии должно стать объектом специального исследования. Наши же суждения о них в данном случае относятся лишь к их вкладу в изучение истории взаимоотношений России и Средней Азии до середины XIX века.

Автор выражает искреннюю признательность известным учёным: академикам Б. А. Литвинскому, Б. И. Искандарову, А. М. Мухтарову, Р. М. Масову, профессорам (ныне покойным) Н. М. Акрамову, Т. Г. Тухтаметову и О. Б. Бокиеву — за ценные замечания и советы, которые были учтены в ходе подготовки данной книги к печати.

³⁴ Бартольд В. В., Указ, соч.— С. 513.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVI—XVII ВЕКАХ.

Посольские связи

Русско-среднеазиатские дипломатические отношения имеют глубокие исторические корни. Сохранившиеся сведения в общей совокупности свидетельствуют о большой взаимной заинтересованности русского и среднеазиатских государств в установлении дипломатических контактов на том или ином этапе истории их развития. Причём, в зависимости от обстоятельств и военно-экономической мощи той или иной стороны, учащались отправки посольств. Но периодический характер этих посольств сохранился вплоть до завоевания Средней Азии Россией.

Несмотря на то, что отдельные посольства, главным образом со стороны русских, получили освещение в исторической литературе дореволюционного и советского периода, тем не менее вопросы, касающиеся русско-среднеазиатских отношений вплоть до 50-х годов нынешнего столетия, не стали объектом изучения. В этой связи уместно заметить, что вышедшая в 1964 году работа М. Ю. Юлдашева «К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.» является первым заметным вкладом советских исследователей в этом направлении.

Намного хуже обстояло дело с историографическим анализом имеющихся работ. Поэтому следует выделить труд выдающегося востоковеда, академика В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России», в котором главным образом прослеживаются вопросы изучения Азии в целом. Хотя указанная работа для своего времени была выдающимся достижением в историографии изучения Средней Азии и всего Востока, тем не менее её нельзя считать достаточной в историческом анализе исследований, касающихся среднеазиатского региона в целом, не говоря уже о более конкретных проблемах взаимоотношений России со Средней Азией вплоть до её завоевания.

Среди работ, освещающих взаимоотношения России и среднеазиатских ханств, следует выделить упомянутые труды И. Весселовского, В. А. Ульяницкого, А. И. Макшеева, Ф. И.

Лобысевича, С. В. Жуковского и других. В качестве основных источников для дореволюционных да и для советских исследователей послужили «Статейные записки» и другие документы послов Антония Дженкинсона (1557 г.), Е. Флетчера (1587 г.), Михаила Тихонова, Алексея Бухарева, Ивана Хохлова (1620—1623 гг.), Ивана Федотова (1668—1670 гг.), Бориса и Семёна Пазухиных (1669—1673 гг.), а также сведения из описаний путешествия А. Олеария (1635—1639 гг.) в Персии³⁵, и др., которые были непосредственными очевидцами положений и имели соответствующие посольские поручения.

Говоря о степени изученности вопроса в дореволюционной историографии следует заметить, что трудности составляли сбор и систематизация тех материалов, которые оставляли после себя участники дипломатических миссий, путешественники (протоколы переговоров, дневники, путёвки, заметки, хранившиеся в архиве дипломатических учреждений и т. п.), которые являлись крайне важными источниками в освещении вопроса. Несколько лучше обстоит дело с изучением посольских связей России и Средней Азии более позднего периода, т. е. с начала XVIII века, с установлением власти династии Романовых.

В этом плане особая роль принадлежит С. В. Жуковскому. В его труде «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие», подготовленном к трёхсотлетию дома Романовых в той или иной мере освещены известные бухарские и хивинские посольства к Российскому двору и наоборот. В намерение автора входило полностью осветить проблему, опираясь не только на опубликованные, но и на неопубликованные источники. Тем не менее, работа не лишена недостатков, о чём свидетельствуют отзывы известных специалистов. В частности А. А. Семёнов писал «В этой книге несомненно многое отсутствует. Кроме того, нигде не

³⁵ Об Адаме Олиарии (Эльшлегер) см.: Бартольд В. В. История изучения Востока.— С. 307—308; более подробно об описании его путешествия см.: Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленного секретарём посольства Адамом Олиарием. В переводе с немецкого П. Барсова // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.— 1868.— Кн. 1.— С. 1—76; Кн. 2.— С. 1—102; Кн. 3.— С. 103—226; Кн. 4.— С. 227—288; 1869.— Кн. 1.— С. 389—530; Кн. 2.— С. 531—692; Кн. 3.— С. 693—796; Кн. 4.— С. 797—920; 1870.— Кн. 2.— С. 921—1038.

имеются ссылки ни на один документ архивного характера и остаётся неизвестным за какой период, и какие именно архивные материалы использованы автором»³⁶. О работе С. В. Жуковского имеется развёрнутый отзыв академика В. В. Бартольда, по мнению которого в ней есть крупные дословные заимствования у своих предшественников, без каких-либо ссылок³⁷. Тем не менее, создание такого труда (даже компилятивного и без должного анализа), где отражены если не все, то по крайней мере основные моменты истории русско-среднеазиатских связей, на наш взгляд, является крайне полезным для освещения вопроса. Разумеется, нельзя ставить под сомнение объективность мнения таких корифеев востоковедения, как В. В. Бартольд и А. А. Семёнов. Но оставаясь на позиции сравнительного анализа и сопоставления имеющихся публикаций следует заметить, что данная работа представляла собой более компактное и последовательное изложение деятельности посольств с обеих сторон, что прежде никто не брался за такое изложение материала. Именно с этой позиции можно оценивать данное исследование.

Хотя имеющиеся факты не оставляют сомнения о древности русско-среднеазиатских дипломатических связей, тем не менее в большинстве своём исследователи склонны к тому, чтобы считать миссию Дженкинсона первым официальным посольством России в Средней Азии.

Разумеется трудно определить, кто из исследователей впервые категорически высказал мнение о том, что список официальных дипломатических представительств России в Средней Азии должен возглавить именно англичанин Дженкинсон, или же ему надлежит быть русским официальным дипломатом № 1 в данном регионе. Но и то, что в большинстве своём специалисты, причастные к изучению вопросов, касающихся истории русско-среднеазиатских отношений, разделяют это мнение, является очевидным фактом. К их числу принадлежит и П. Савельев. В статье «Бухара в

³⁶ Семёнов А. А. К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX века.— С. 85.

³⁷ См.: Бартольд В. В. Рецензия на книгу С. В. Жуковского «Сношение России с Бухарой и Хивой» // Записки Московского отделения Императорского археологического общества.— Т. XXII.— Пг., 1915.— С. 341—443; см. так же: Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— М., 1964.— С. 419—422.

1835 году»³⁸, где перечисляя известных ему путешественников, посетивших Бухару до 1835 года, включая и Дженкинсона, он пишет: «Первый из европейских путешественников, сообщивших известия о Бухаре, был Дженкинсон, Вениами́н Тудельский, разумеется, не стоит в упоминании (кто он? — Х. П.)»³⁹. По его мнению это английский купец, имевший цели «открытия, если возможно, торгового пути через Россию в Китай и Индию». Дженкинсон пашёл, что «торговля Бухары с Россией была довольно значительной». В этой связи следует заметить и то, что по мнению того же автора, несмотря на постоянные торговые сношения России с Бухарой, ни один европейский путешественник не посещал этого города после Дженкинсона на протяжении более двух с половиной столетий до 1820 года⁴⁰. Миссии Дженкинсона В. В. Бартольд считал почином в сношениях России со среднеазиатскими ханствами⁴¹. Согласно его мнению, попытка Дженкинсона найти через Среднюю Азию путь в Китай хотя и не имела успеха, но прибытие из этого региона вместе с ним в 1559 году посольств Бухары, Балха и Ургенча (тогдашней столицы хивинского ханства) «было началом дипломатических отношений между узбекским ханством и Россией»⁴². На Дженкинсона, как на первого европейца, посетившего Мавераннахр с доверительными грамотами к туркестанским владетелям, указывает и А. И. Макишев⁴³.

В своём очерке «Исторический обзор путешествия в Бухару» действительный член РГО В. В. Завьялов даёт довольно лаконичный обзор путешествий, совершённых в Среднюю Азию, начиная с Дженкинсона (1558 г.), кончая Леманом (1841 г.)⁴⁴.

³⁸ Савельев П. Бухара в 1835 году с присоединением известных обо всех европейских путешественниках.— С. 19.

³⁹ Савельев. Указ. соч.— С. 19.

⁴⁰ Савельев П. Бухара в 1835 году.— С. 20—21. Судя по составленному Д. Голосевым списку европейцев, посетивших Среднюю Азию после Дженкинсона (приводится несколько позже в данной работе), категоричность мнения П. Савельева является маловероятной.

⁴¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 368.

⁴² Там же.

⁴³ Макишев А. И. Исторический обзор Туркестана.— С. 21.

⁴⁴ Завьялов В. В. Исторический обзор путешествия в Бухару.— Уфа, 1938.— С. 1—2.

Начиная свой обзор с упоминанием Дженкинсона, он пишет, что этот англичанин хорошо отзывался о Бухаре, как о большом городе с великолепными мечетями. Он также говорит о враждебных отношениях Бухары с Персией, о ханских доходах, о монетной системе и о бухарской торговле.

Несмотря на всё то внимание, которое уделяет В. В. Завьялов миссии Дженкинсона, следует заметить, что в отличие от других началом официальных сношений между Россией и Бухарой он считает посольство И. Д. Хохлова в 1620 году. Последний с весьма важными поручениями доходил до Самарканда (в ханской резиденции) и получил дружеский приём⁴⁵.

В своём «Очерке о Хивинском ханстве» известный востоковед Н. Веселовский, указывая на причины поездки первого посланника русского государя англичанина Дженкинсона, пишет, что Англия искала в то время новых рынков для своей торговли, старалась завязать отношения с Персией и другими государствами Азии. С этой целью в Россию в 1557 году Лондонско-московской компанией был отправлен Дженкинсон с тем, чтобы пробраться оттуда в Хиву и Бухару. В России Дженкинсон так сумел завоевать доверие Ивана Грозного, что тот позволил ему съездить страну и отправиться затем в Азию с тайным поручением к персидскому шаху⁴⁶. Причём, этот деловой англичанин, согласно утверждениям Н. Веселовского, четырежды побывал в России (1558, 1561, 1566, 1577 гг.).

Дженкинсон отправился в Хиву Каспийским морем и высадился на Мангышлакском полуострове в сентябре 1558 года. Через Хиву 23 декабря прибыл в Бухару⁴⁷. Хотя Дженкинсон и его спутники (Ричард и Роберт Джонсоны), пробыв здесь свыше 20 месяцев (апрель 1558 — сентябрь

⁴⁵ Завьялов В. В. Указ. соч.— С. 2—3.

⁴⁶ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 111.

⁴⁷ О путешествии Дженкинсона в Среднюю Азию. Более подробно см.: Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.//Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю. В. Готье.— Л., 1937.— С. 167—192; Ахмедов Б. А. Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона//Историко-географическая литература в Средней Азии XVI—XVII вв. (Письменные памятники).— Ташкент, 1985.— С. 194—200.

1559), не смогли достичь своей основной цели (открыть дорогу в Китай через Среднюю Азию), тем не менее, им удалось собрать немало полезных сведений о географическом, политическом и социально-экономическом положении Хорезма и Бухарского ханства. Этим они существенно расширили представления европейцев о Средней Азии. Посещение Дженкинсона совпало с обострением внутривосточного и экономического кризиса в крае, приведшим к упадку торговли, жестокой междоусобице и ослаблению международного престижа местных ханств⁴⁸. Он описал бедственное положение и незначительную торговлю в Бухарском ханстве. Ургенч он посетил и на обратном пути. С ним были отправлены из Бухары, Балха и Ургенча послы в Россию⁴⁹.

Поездка Дженкинсона активизировала местных правителей в отправке послов к московскому двору. Согласно мнению А. В. Панкова и раньше, до Дженкинсона, в Москве имелись посольства Хивы и Бухары, но частыми (приблизительно раз в 5 лет) они становятся именно после экспедиции Дженкинсона⁵⁰. В целом, миссия Дженкинсона получила достаточное освещение и соответственно положительно оценена советскими исследователями. В частности, Б. А. Ахмедов отмечает, что результаты этого посольства имели огромное значение как для России, так и для Средней Азии. Благодаря ему было положено начало активным дипломатическим, торговым связям между Россией и среднеазиатскими ханствами⁵¹.

Впрочем, поездка Дженкинсона интересна не только тем, что она считается началом официальных сношений между Россией и среднеазиатскими государствами, но и тем, что сам он являлся представителем торгово-дипломатических кругов чужой страны. В этой связи следует заметить, что практика использования представителя другой страны в качестве посла выглядит несколько необычной и редко встречается в истории дипломатических отношений между са-

⁴⁸ Ахмедов Б. Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона. — С. 199.

⁴⁹ Веселовский Н. Счерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве. — С. 122.

⁵⁰ Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв. — С. 31.

⁵¹ Ахмедов Б. Указ. соч. — С. 200.

мостоятельными государствами. Поэтому даже наличие достоверных сведений о такой практике трудно воспринимается со стороны отдельных исследователей. Об этом свидетельствуют, в частности, отношение одного из современных знатоков русской дипломатии периода XVI—XVII веков Л. А. Юзефовича к посольству Дженкинсона. Исходя только из соображения использования представителя третьей страны лишь при посылке послания и передачи отдельных документов и не более, он пишет: «Представителей третьих стран в двусторонних отношениях московская дипломатия использовала в редчайших случаях (например, в 1561 году англичанину А. Дженкинсону было поручено передать какие-то грамоты Ивана Грозного эмиру бухарскому)»⁵².

Как видно, автор не упоминает о поездке Дженкинсона в Среднюю Азию в качестве посла Ивана Грозного в 1558 году (причём автор неверно приводит дату 1561 г), говорит лишь о его поездке и передаче «каких-то грамот» царя бухарскому хану. Непризнание Л. А. Юзефовичем Дженкинсона как официального посла не является плодом неинформированности автора, а скорее всего может быть исходить из защиты державного достоинства России, с позиции какого-то примитивного патриотизма, что никак не увязывается с официальным восприятием этикета дипломатической службы того времени. Иначе как объяснить практику посылки в Среднюю Азию в качестве руководителей или членов посольств иностранцев, переходивших на службу России? По всей вероятности в таких случаях на первый план всегда выходила степень доверительного отношения властей к личности будущего посла и не менее важным считалось подготовленность его к такой миссии, т. е. кроме дипломатического профессионализма, важны были знание языков, истории и обычаев местных народов.

Во всяком случае, для истории интересны не столько личности, сколько их заслуги, проявленные в решении конкретных задач в той или иной конкретной обстановке, разумеется в зависимости от степени их полезности для общественного прогресса в целом государства, народа, отрасли и т. п. В этом контексте полезность поездки Дженкинсона в

⁵² Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...». Русский посольский обычай конца XVI — начала XVII вв. — М., 1988. — С. 159.

Среднюю Азию очевидна. Об этом свидетельствует оживление русско-среднеазиатских торгово-дипломатических связей, последовавшее после его поездки. Согласно приведённым данным С. В. Жуковского, во второй половине XVI века Москву посетили 6 бухарских и 5 хивинских послов⁵³. Но не более поздним подсчётам исследователя М. В. Фехнера за это время в русском государстве побывали 13 бухарских и 7 хивинских посольств⁵⁴. По подсчётам В. И. Костылева в период правления Ивана Грозного (1530—1584 гг.) Москву посетили 5 бухарских посольств⁵⁵.

Согласно «Реестру бухарским делам», составленного статским советником Малиновским за последнюю четверть XVI — до начала 80-х годов XVII вв.⁵⁶ Москву посетили 8 официальных представителей бухарских ханов, а Бухару — 7 русских посланцев.

Интерес в общем плане представляет и такой факт. По имеющимся документально подтверждённым данным, со второй половины XVI до начала XVIII веков, т.е. почти за полтора столетия, в России побывали 60 официальных представителей (преимущественно с посольской миссией и редко ганцы) из среднеазиатских ханств, что в среднем приходится по одному посольству через каждые 2,5 года. Что касается русских представителей или послов, то за это же время они посетили Среднюю Азию 11 раз (не считая миссии Дженкинсона), что в среднем составляет одно посольство на 13 лет⁵⁷.

Хотя на общем фоне заинтересованности официальных властей в усилении торгово-дипломатической взаимосвязи и

⁵³ См.: Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 4—14.

⁵⁴ Фехнер М. В. Торговля русскогосударства со странами Востока в XVI в.— М., 1956.— С. 100.

⁵⁵ Костылев В. И. Иван Грозный.— Кн. 1.— М., 1955.— С. 209—210.

⁵⁶ Текст документов приведён из Центрального Государственного архива древних актов (отдел «Бухарские дела») в качестве приложения к кн.: Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией.— С. 117—123.

⁵⁷ См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— Вып. 3 и Международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.— Л., 1932 (на обложке почему-то обозначена дата 1933 г.).— С. 400—417.

эти цифры выглядят недостаточными и несколько неутешительными, но если учесть, что помимо того было множество неофициальных посещений и почти непрерывающаяся взаимная торговля, приходится не сомневаться если не в постоянном взаимообмене послами, то в их сравнительно частых поездках.

К тому же, нельзя не согласиться с мнением М. Ю. Юлдашева, отмечавшего, что торговые и посольские связи Средней Азии с Россией в XVI—XVII веках были более постоянными, чем это представлялось некоторым дореволюционным исследователям⁵⁸. Этот факт может быть объяснён тем обстоятельством, что многие из дореволюционных исследователей были лишены той информационной базы или возможностей, которые имеют современные учёные. Это касается сравнительной централизованности архивного материала, обилия опубликованной литературы и возможностей (несмотря на ту трещину, которую дал и продолжает давать этот научный потенциал в связи со всё углубляющимся кризисом в обществе) стран бывшего Союза. Следовательно, неполный информационный обзор всех российских представителей, посетивших Среднюю Азию или, наоборот, не является виной русских дореволюционных исследователей.

Сомнения в том, что далеко не все лица получили отражение в официальных документах, сохранившихся до наших дней, усиливается при знакомстве с приведённым Д. Голосовым списком европейских путешественников, которые посетили Среднюю Азию после Дженкинсона.

Итак, согласно его данным после Дженкинсона Среднюю Азию посетили следующие западноевропейцы: Альдокк и Чайни в 1564 г., Эдвардс и Джонсон — 1565 г., Эдвардс и Чапман — 1568 г., Боруг, Эдвардс, Турунбуль, Тальбайе и Газазд — с 1579 по 1581 гг., Нивбери — 1582 г., Кихель — с 1585 по 1589 гг., Какаш и Декландер — 1602 г., Бенедикт Гоос — 1603 г., Тексейро — 1604 г., Стель и Кровтор — 1615 г., Позер — 1631 г., Гарсия Сильва — 1621 г., Пиестро де Лявали — 1614—1626 гг., Олеарнус, Крузнус, Герберт — 1628—1641 гг., Мандейло и Флеминг — 1636—1638 гг., Ион де Люкки — 1637 г., Андерсон — 1644—1650 гг., Тавернье — 1645

⁵⁸ Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей.— С. 85.

—1670 гг., Шардан — 1666—1669 гг. и 1673—1677 гг., Гайденфельд — 1680 г., Струис — 1645—1670 гг., Камфер — 1684 г.⁵⁹ Хотя в исторической литературе нет упоминания о многих из них, не говоря об их заслугах или же вкладе в накопление информации о крае, тем не менее, сам факт о почти непрерывном посещении края европейцами (кстати, многие или почти все из них в Среднюю Азию ездили через Россию) наводит на мысль, что российские представители могли бывать в этом регионе во много раз чаще и больше, хотя бы потому, что кроме обоюдной заинтересованности у них возможностей было куда больше.

Относительно отдельных представителей русских, которые посещали Среднюю Азию, немало упоминаний и подробностей имеется в работах ряда авторов. Например, В. В. Бартольд приводит данные о посещении русским послом (имя не указано) Ургенча в 1592 году⁶⁰. Интересен и факт пребывания в Ургенче русских представителей Михаила Тихонова и Алексея Бухарова в 1614 году. Посольство, отправленное в Персию, побывало в Средней Азии проездом и было принято ханом Араб-Мухаммедом. Согласно В. В. Бартольда, это было первое посольство на Востоке при доме Романовых и первое путешествие русских людей через Среднюю Азию, сведения о котором сохранились⁶¹. Помимо посольства Хохлова в Бухару, В. В. Завьялов приводит некоторые подробности относительно посольства Ивана Федотова и Матвея Муромца (1669 г.)⁶². Хотя они и не достигли Бухары, но они были полезными тем, что собрали много сведений об этом государстве и его политическом и коммерческом положении⁶³. После возвращения Федотова в июле

⁵⁹ См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. // Военный сборник. — Т. XXIX. — № 1. — С. 6—7. Примеч.

⁶⁰ Бартольд В. В., Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. (Рецензия) // Сочинения. — Т. II. — Ч. 2. — С. 421.

⁶¹ Там же.

⁶² Веселовский Н. указывает, что Муромец был простой астраханец, посадский человек. См.: Веселовский Н. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве. — С. 5, примечание.

⁶³ Завьялов В. В. Исторический обзор о путешествии в Бухару. — С. 5.

1669 года было отправлено в Бухару третье посольство во главе с братьями Борисом и Семёном Пазухинскими. В начале декабря Абдулазиз дал аудиенцию русским посланникам. По возвращении Борис Пазухин, кроме ханского письма и подарков привёз много «словесных поручений от Абдулазиза»⁶⁴. По мнению исследователя это было второе посольство в Бухаре при царствовании Алексея Михайловича (1645—1678 гг.), отправленное с целью «возвратить в Отечество русских пленников и упрочить торговые сношения»⁶⁵.

В изучении вопроса о взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами большое значение имеет освещение самой процедуры приёма послов⁶⁶, от которой во многом зависело определение отношений между этими государствами. В этом плане большой интерес представляет работа Н. Веселовского «Приём в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях», вышедшая в 1884 году. Работа составлена на богатой документальной основе, главным образом по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. Хотя изложение фактического материала сделано вполне научно и чувствуется стиль учёного Н. Веселовского, тем не менее, выводы его несколько однобоки. Ознакомившись с данной работой нетрудно заметить, что автор не скрывает своего презрения и предвзятости в отношении к среднеазиатским посольствам. Забывая о взаимовыгодном характере этих встреч, автор в приёмах послов видел только одностороннюю их выгоду в пользу среднеазиатских представителей и в ущерб России. Поэтому именно только в каких-либо исключительных случаях такие посланцы препровождались в Санкт-Петербург. Обычно же дальше Оренбурга их не пускали⁶⁷. Тем не менее, согласно мнению Н. Веселовского, несмотря на труд-

⁶⁴ Завьялов В. В. Указ. соч. — С. 6.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Подробно о порядке направления русских послов за рубеж и церемониал приёмов посольств см.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...». Око всей великой России, Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. — М., 1989.

⁶⁷ См.: Веселовский Н. Приём в России и отпуск среднеазиатских послов. — С. 1—2.

ности доступа послов к русскому двору, их приезд был довольно частым. «Подобных посольств к нам,— пишет он, — из одной только Хивы за время с 1616 по 1744 год насчитывается до 27, не считая дополнительных и некоторых из них гонцов, приезжавших с многочисленными свитами особо». Интересно отметить, что по подсчётам того же автора, отправка послов только из Хивы в среднем составляла одно посольство в 4,5 года. К тому же, если считать, что послы жили там «многие месяцы и даже годы»⁶⁸, то очень часто можно было наблюдать присутствие посланников Хивы и других среднеазиатских ханств в столице России. По мнению Н. Веселовского, это было тягостно и чувствительно для последней»⁶⁹. Поэтому и приём среднеазиатских послов не всегда отличался радушием и гостеприимством. Бывали случаи, когда русское правительство принимало крутые меры по отношению к посланцам, «сажало под арест, конфисковывало их имущество. Делалось это и вполне основательно, с целью обуздать дерзость ханов»⁷⁰. В качестве примера автор приводит тот факт, что за Ивана Хохлова, задержанного в Хиве в 1625 году, были задержаны хивинские послы Махтам-бай (может быть, правильнее Махрам или Махкам-бай) и Ходжи Юсуф с конфискацией их имущества.

Чтобы убедиться в предвзятости отношения того же автора к послам среднеазиатских государств, а она в известной степени совпадает с мнением определённых кругов представителей русской администрации, следует обратить внимание и на некоторые другие его высказывания.

В одном из них исследователь изложил свою мысль следующим образом: «...В конце концов казна наша несла убытки самые непроизводительные, а посланники наши подвергались в среднеазиатских ханствах всевозможным неприятностям и унижениям»⁷¹. Довольно подробно описав процедуру приёма послов в разное время, Н. Веселовский

⁶⁸ Веселовский Н. Приём в России и отъезд среднеазиатских послов.— С. 4.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.— С. 25—26.

указывает, что она в течение столетия значительно изменилась. В частности, в XVIII столетии было усвоено много европейских обычаев в деле международных сношений с Востоком. Но только «среднеазиатцы не изменились»⁷². Приведя факты о высокомерности придворных чиновников в отношении к среднеазиатским послам, он отмечает тот факт, что зачастую им переделявали фамилии с русским окончанием. Например, «Рузибаев (Рузум-бай), Рагимджанов (Рахим-джан), Ибрагим Азизов (Ибрагим-хаджи), Беков (Бек), Турсунов (Турсун), Аллагулов, Пирмаматов. Таким образом, возникли Адашевы, Бексаковы и т. п., а то и вовсе по-русски: Пермаметко (Пирмухаммед), Елумбетко Қазамбетов и т. д. «Даже Шейх-уль-Ислама,— пишет он,— обратили мы в Шейх Исламовича и в таком виде красуется он в посольских делах»⁷³. По мнению автора, титулы ханов Средней Азии в России не приравнивали с правителями Ирана. На пренебрежительное или даже высокомерное отношение к среднеазиатским послам указывают также А. Шепелев и Ф. И. Лобысевич. Характеризуя ряд важных посольств Средней Азии, отправленных в России и наоборот, Ф. И. Лобысевич отмечает, что «в сношениях своих с азиатскими владениями московские государи ревниво охраняли честь и достоинство русского имени»⁷⁴. В качестве примера приводит тот факт, что когда Абдулла-хан прислал в 1589 году к царю Фёдору Ивановичу посольство с грамотой без царского титула, то она не была принята, и хану отвечал не царь, а Годунов»⁷⁵.

Мнение отдельных исследователей, в особенности Н. И. Веселовского, считавших, что русские правители не нуждались в сохранении и укреплении посольских связей со среднеазиатскими ханствами из-за их экономической невыгодности по меньшей мере сомнительны. Основную цель этих посольств он (как и некоторые другие авторы) со стороны

⁷² Веселовский Н. Указ, соч.— С. 5—15.

⁷³ Там же.— С. 34—35.— Примеч. 20.

⁷⁴ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 5—7. См. также: Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией.— С. 6—7.

⁷⁵ Там же.— С. 10—11.

среднеазиатских послов видел в вымогательстве денег и подарков у русских правителей. Последние же, если соглашались на переговоры, то по его мнению, только ради освобождения русских невольников и не более. Однако при тщательном сопоставлении фактов легко можно обнаружить беспочвенность подобного суждения, категоричность утверждений. В этом отношении трудно согласиться и с мнением советского исследователя М. Ю. Юлдашева о том, что «документальный материал не подтверждает подобного взгляда... Приёмы среднеазиатских послов отнюдь не отличались небрежностью, они происходили, при том же церемониале как и посольства других государств — шведские, датские, польские, гоштинские»⁷⁶. Независимо от мнения Н. И. Веселовского и других исследователей о, якобы, незаинтересованности русского государя в посольских связях со среднеазиатскими государствами и определении последних только в роли просителей, Россия была заинтересована в сохранении и развитии нормальных торговых отношений. Это факт, не вызывающий сомнений. О том свидетельствует даже поверхностное знакомство с историей торговых отношений между Россией и среднеазиатскими государствами, краткий историографический анализ которого даётся в последующих главах данной работы. Что касается точки зрения М. Ю. Юлдашева, полностью опровергнутого мнением Н. И. Веселовского и его сторонников и доказывающего, что отношения русского двора к среднеазиатским послам ничем не отличались от отношений к посланцам других стран, то она также является сомнительной. Разумеется, были случаи, когда представители русского двора, да и сам царь, ласково принимал их. И были случаи, причём нередко, унижительные, выходящие за рамки нормального гостеприимства. Кстати, подобные действия наблюдались и со стороны среднеазиатских правителей в отношении к русским посланцам, о чём также убедительно свидетельствуют факты, приведённые в настоящей работе. Исходя из этого, на наш взгляд, следует рассматривать каждый конкретный эпизод отдельно, но в то же время, не выводя его из контекста тех обстоятельств и явлений, при которых он происходил. Только такой подход исключает столь категорично противо-

⁷⁶ Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.— С. 30.

положные выводы. Тем не менее, чтобы до конца выяснить подход Н. И. Веселовского к фактам и выявить степень его объективности к анализу данной проблемы, необходимо сослаться и на следующее его высказывание: «Главная, сокровенная, так сказать цель всех этих посольств заключалась в выживании у нас (т. е. у русского правительства — Х. П.) подарков. Представляя нашим государям через своих послов свои «любительские поминки», ханы без всякого конфуза заявляли, что им желательно получить взамен своего, обыкновенно неважного, а иногда и во все никуда негодного приношения... Чаще всего просили прислать кречетов, иногда панцырей, а то и просто денег»⁷⁷. М. Ю. Юлдашев верно подметил, что беспочвенность таких заявлений очевидна. Этот взгляд противоречит документальным данным. При этом он приводит немало убедительных фактов о богатых «поминках» или приношениях послов царю. Причём, автор полагает, что «поминки» представляли собой один из видов торговли⁷⁸, и если дарили послам что-то ценное, то взамен тех привезённых ими подарков. М. Ю. Юлдашев приводит также документальные подтверждения тому, что русский царь, как и бухарский хан или хивинский правитель требовал или настоятельно просил прислать ему те или иные товары⁷⁹. И более того, он убеждён, что требования русских царей часто превосходили ханские, а иногда были вообще невыполнимыми, например, требование царя «прислать ему золото, которое в Бухарах родится, пуд десять или пятнадцать, или двадцать»⁸⁰.

Разумеется, в истории дипломатии такое высокомерное отношение между представителями государств иногда встречается, а исследователи к этим фактам относятся примирительно, ибо недоброжелательный тон в дипломатии является признаком подтверждения или демонстрации военно-политической мощи государства. Проследившая историю развития России нетрудно видеть, что в российской дипломатии пренебрежительность в отношении к среднеазиатским п

⁷⁷ Веселовский Н. Приём и отъезд среднеазиатских послов.— С. 2—3.

⁷⁸ Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей.— С. 45.

⁷⁹ Там же.— С. 50—51.

⁸⁰ Там же.— С. 51.

лам практиковалась после распада мощной державы Тимура и Тимуридов.

В изучение истории взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами в дипломатическом плане определённый вклад внёс исследователь А. Шепелев. Интерес представляет его работа «Материалы для истории хивинского похода 1873 года», изданная на правах рукописи⁸¹. Не сомневаясь в древности торгово-дипломатических связей России со среднеазиатскими ханствами, автор указывает, что особое развитие посольские контакты получили со времени вступления на русский престол дома Романовых⁸². Излагая некоторые подробности, касающиеся отправки послов — Ивана Хохлова (1620 г.) к бухарскому правителю Имамкули-хану, Ивана Федотова и Матвея Муромца — в Хиву (1669 г.), братьев Бориса и Семёна Пазухиных — в Бухару (1669 г.), а также Василия Даудова — в Бухару (1675 г.), А. Шепелев отмечает, что в царском наставлении Хохлову предписывалось сохранение достоинства русского посланника перед ханом, что он, Хохлов, как представитель могущественной державы в приёмах должен иметь место выше других. О неукоснительном выполнении этих требований, по мнению автора, свидетельствует тот факт, что при вручении царской грамоты русский посол просил хана при чтении её текста слушать, стоя⁸³. Федотов с разрешения хана объездил важнейшие торговые города хивинского ханства и выкупил за 828 руб. 12 русских пленных. 22 русских пленников выкупили в Бухаре братья Пазухины. В этих же ханствах 33 пленных соотечественников выкупил Даудов⁸⁴.

Получить свободу для русских невольников и гарантию на беспрепятственную торговлю в ханствах Средней Азии было главным вопросом почти всех переговоров, что отражалось в посольских грамотах русских послов. Но, судя по результатам переговоров и наблюдая за их решением, нетрудно заметить, что, как правило, правители ханств дальше обещаний не пошли.

Разумеется, всё это не даёт повод считать обмен посольствами между Россией и ханствами Средней Азии бесполезным. Безусловно, они были выгодны во многих отношениях

⁸¹ Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России и Средней Азии.— С. 5.

⁸² Там же.— С. 8.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.— С. 9.

для обеих сторон. Согласно оценке А. Шепелева, отправка посольства в Среднюю Азию в конце XVI и XVII столетиях не только способствовала расширению политических и торговых отношений России с Востоком, но и оказывала неоценимую услугу географической науке, обогащая её замечательными по своей точности для того времени сведениями о Средней Азии⁸⁵.

Таким образом, факты свидетельствуют о сложившихся исторических традициях, взаимных дипломатических отношениях между Российским государством и ханствами Средней Азии. Эти отношения были взаимовыгодными не только с точки зрения дипломатии или торговли, но и установления доброжелательных отношений между русским и среднеазиатскими народами.

Обмен посольствами хотя и носил эпизодический характер, но, безусловно, способствовал оживлению русско-среднеазиатских торговых связей.

Торговые отношения

Несмотря на отсутствие специальных работ, вопросы, касающиеся освещения истории русско-среднеазиатских торговых отношений до конца XVII века, в определённой степени (в зависимости от наличия источниковой базы по тем или иным периодам) разработаны русскими исследователями.

Доступные источники, прежде всего официальные бумаги, путевые заметки, деловые документы представителей русских посольств, членов экспедиции, анализированы и обобщены в той или иной степени в трудах С. П. Савельева, Я. В. Ханькова, Н. И. Костомарова, Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, С. В. Жукоского и ряда других.

Следует отметить, что исследователям из-за отсутствия достоверных статистических данных невозможно было определить общий объём торговли среднеазиатских государств с Россией и наоборот. К тому же, первые документальные данные об официальной русско-среднеазиатской торговле относятся к XVI веку⁸⁶. Тем не менее, скупленный ана-

⁸⁵ Шепелев А. Очерки военных и дипломатических сношений.— С. 9.

⁸⁶ Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725 гг. Торговля с Бухарой // Известия Среднеазиатского географического общества.— Т. XIX.— Ташкент, 1924.— С. 23.

лиз обнаруженных источников приводит исследователей к мнению о существовании торговых отношений между русскими и среднеазиатскими народами в более древнем периоде их развития. Подтверждение этому можно найти в работах ряда авторов. В частности, известный исследователь П. С. Савельев с восхищением поддерживал заключения видного немецкого учёного-нумизмата конца XVIII — начала XIX веков Олуфа Гергарда Тихсена, который, тщательно изучив монетные находки в Европе, в том числе в европейской части России, пришёл к убеждению о существовании тесной торговой связи древнерусского государства со Средней Азией и призвал к более полному изучению имеющихся кладов, для бесспорного доказательства такой связи ⁸⁷.

Говоря о важности изучения монет, находившихся в России для более тщательного исследования вопросов, касающихся истории торговли со Средней Азией, П. С. Савельев указывает на большую заинтересованность в этом некоторых представителей официальных кругов, в частности, государственного канцлера графа Н. П. Румянцева ⁸⁸. Ссылаясь на обилие монет соответственно VII—X веков, П. С. Савельев считал, что период владычества Аббасидов в Западной, и Саманидов в Средней Азии являлся цветущим периодом русских торговых сношений с Востоком ⁸⁹.

Существование древних торговых связей не вызывали сомнения у Х. М. Френа ⁹⁰, Я. В. Ханькова, И. Срезневского, А. Шепелева, М. Д. Тебецькова, А. И. Макшеева, Ф. И.

Лобысевича ⁹¹. Их поддерживали в этом плане и советские учёные А. Якубовский, А. Чулошников, С. П. Толстов, Б. Г. Гафуров, Н. Н. Негматов ⁹² и др. Причём, в своих суждениях они исходили не только из тех документальных источников или археологических материалов, на которые ссылались их предшественники, а опирались преимущественно на результаты собственных изысканий и достижения соотечественников из научных центров бывшего Союза.

В развитии торговых связей большая роль принадлежала Новгороду и Пскову. Они, по мнению А. Шепелева, «принимали деятельное участие в торговых сношениях с цветущими областями Мавераннахра» ⁹³.

Согласно мнению ряда авторов, если в начале монгольское иго прервало торговые отношения Руси со Средней Азией, то впоследствии способствовало расширению этих связей. В то время, как князь и послы отправлялись к хану, простые русские торговцы стали появляться в его сред-

⁹¹ См.: Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. — С. 282—284; Срезневский И. Следы давнего знакомства с Южной Азией. — Девятый век // ВИРГО за 1859 год. — Книжка 1. — СПб., 1854. — С. 52—55; Шепелев А. Очерк дипломатических и военных сношений России со Средней Азией. — С. 1—3; Тебецьков М. Д. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. — Тифлис, 1895. — С. 13; Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. Отч. из ЗИРГО по отделению этнографии. — Т. VI. — СПб., 1879. — С. 3—4; его же: Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в Среднюю Азию русских. — С. 49—50; Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношениях. — С. 6—8; см. также: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). — СПб., 1870. — С. 44—58.

⁹² См.: Якубовский А. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Туркменской, Таджикской ССР. — Вып. 3. — Ч. 1. — Л., 1932. — С. 11—18. Следует заметить, что на обложке данной книги почему-то год издания, в отличие от титульного листа, обозначен 1933 г.; Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII веках // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — Вып. 3. — Ч. 1. — С. 61; Толстов С. П. Бируни и его время // Бируни (сборник). — М., 1950. — С. 15; Гафуров Б. Г. Таджики, Древнейшая, древняя и средневековая история; Негматов Н. Давлати Сомониён. Тоҷикон дар асрҳои IX—X. — Душанбе, 1989. — С. 95.

⁹³ Шепелев А. Очерки военных и дипломатических отношений России со Средней Азией. — С. 3; см. также: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 7.

⁸⁷ См.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика. — С. XXXVIII.

⁸⁸ Там же. — С. XXXVIII—XXXIX.

⁸⁹ Там же. — С. XXVI; более подробно о кладах восточных монет в Восточной Европе см.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. — М., 1966.

⁹⁰ Христиан Мартин Френ (1782—1851), ученик выдающегося немецкого ориенталиста О. Г. Тихсена, был приглашён в 1807 году из Ростка (Восточная Европа) в Россию в качестве профессора и руководителя кафедры восточных языков Казанского университета, а затем с 1817 года в Санкт-Петербург в Академию наук, где работал до конца жизни. Известен под инициалом Христиан Данилович. Более подробно о нём см.: Савельев П. С. О жизни и трудах Френа. — СПб., 1855.

неазиатских владениях. «С другой стороны,— пишет Ф. И. Лобысевич,— и новые подданные чингизовой державы, обитатели Мавераннахра, бухарцы и хорезмцы, издавна славившиеся своею промышленностью, начали чаще наезжать в Россию, где они не только преследовали чисто коммерческие цели, но и нередко являлись главными откупщиками татарской дани и притеснения народа русского»⁹⁴.

Следует заметить, что этим Ф. И. Лобысевич лишь подтверждает мысль о непрекращении торговых связей между Русью и Средней Азией в годы нашествия татаро-монголов и утверждения их владычества, высказанную полвека назад известным востоковедом Я. В. Ханьковым, а затем и А. Шенелевым. «Владычество татар в России,— пишет Я. В. Ханьков,— ещё ближе ознакомило хорезмцев с разными частями нашего Отечества, ибо они в первую эпоху этого владычества являлись главными и самыми страшными откупщиками татарской дани. Сверх того, заведение в то же время венецианских и потом генуэзских колоний в Чёрном море возобновило торговый путь студа в долину Сыра и Аму. А потому не удивительно, что уже в 1364 году встречаем показания летописцев о присутствии в Нижнем Новгороде многочисленных хивинских и бухарских торговцев»⁹⁵. Как бы усиливая эту мысль, А. Якубовский отмечал, что кажется, никогда в эпоху феодализма Средняя Азия не была в состоянии такого интенсивного товарообмена с юго-восточной Европой, как во второй половине XIII и особенно в XIV веках⁹⁶. Но всё же торгово-дипломатические отношения России со среднеазиатскими ханствами развернулись по-настоящему после свержения татаро-монгольского ига⁹⁷.

Указывая на дальнейший рост взаимных торговых отношений России с азиатскими странами, Ф. И. Лобысевич выделяет особую роль Нижнего Новгорода, куда привозили для продажи азиатские ткани, жемчуг, пряности и иные

⁹⁴ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию — С. 8; см. также: Брагинский И. С., Раджабов С. А., Ромоданов В. А. Историческое присоединение Средней Азии и Казахстана к России. В кн.: Брагинский И. С. Исследования по таджикской культуре. — М., 1977. — С. 56.

⁹⁵ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. — С. 282; см. также: Шенелев А. Очерк военных и дипломатических отношений России со Средней Азией. — С. 3—5.

⁹⁶ Якубовский А. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. — С. 3—5.

⁹⁷ См. Восток в М. Россия и Восток. — С. 5—10.

товары татарские, армянские купцы и торговцы из других восточных стран⁹⁸. Далее автор, развивая мысль о важности взаимной торговли в дипломатическом и экономическом сближении России со среднеазиатскими ханствами говорит об участвовавших посольствах среднеазиатских правителей с просьбами о покровительстве их поданных купцов. В этой связи следует отметить и его мнение о заинтересованности официальных кругов в непосредственной отправке своих купцов для приобретения товаров на местах. «Цари московские,— пишет он,— благосклонно относились к этим ходатайствам, сознавая пользу, приносимую государству расширением его торговых связей». Но вместе с тем, согласно его мнению, для России было бы ещё выгоднее, если бы необходимые азиатские произведения на местах покупали сами русские⁹⁹.

Этот исследователь заслуживает упрека в том, что в ряде случаев приводит высказывания предыдущих исследователей без изменения и ссылки на них (кстати, вышеприведённые его слова полностью позаимствованы у А. Шенелева¹⁰⁰) и это вполне может дать повод к обвинению в плагиатстве или, в лучшем случае, указать на комплиментарности характера его труда. Тем не менее, склонности его к поддержке мнения предыдущих исследователей следует считать положительной, если не в пользу оригинальности его исследования, то для усиления точек зрения тех авторов, у которых он их заимствовал.

Сказанное выше убедительно свидетельствует о правильности вывода Ф. И. Лобысевича в том, что становление и развитие торговых отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами имеет древние исторические корни. Бесспорно, правы в этом те исследователи, которые придерживались мнения о том, что их начало восходит далеко до образования древнерусского государства. Да иначе и быть не могло, хотя бы потому, что Средняя Азия с древнейших времён была известна не только как промежуточный, или транзитный район, через который проходил караванный путь, связывающий торговлю между Средней Азией и Европой

⁹⁸ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 9.

⁹⁹ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 13.

¹⁰⁰ См. и ср.: Шенелев А. Очерк военных и дипломатических сношений. — С. 7—8.

или наоборот, но и как самостоятельный торговый центр, поглощающий быть может большую часть товара, провозимого через него, а также дававший возможность для приобретения необходимого (местного) товара, пользующегося в то время большим спросом в других регионах Азии. В этом водовороте торговых связей, который охватывал и втягивал все более или менее цивилизованные государства, древнерусское государство не могло стоять в стороне. Но, к сожалению, вопрос этот, как было отмечено выше, изучен довольно недостаточно и не по вине исследователей, а в силу скудности материала и даже его отсутствия. Поэтому не удивительно, что высказывались и неверные суждения о более позднем происхождении этих связей. В частности, на такую мысль наталкивают слова П. Залесова о том, что они «едва ли не восходили (лишь — *Х. П.*) до XIV столетия», но заметными стали с покорением Русней Казани и Астрахани и то, как средства для поддержания дружеского расположения (как к соседям — *Х. П.*)», а ещё больше для исполнения постоянной цели «проложить через Среднюю Азию торговый путь в Индию». По его же мнению, «более точные сведения об этих сношениях начинаются с конца XVII столетия»¹⁰¹.

Проследившая за ходом развития русско-среднеазиатских торговых отношений, нельзя не заметить особую скудость внимания исследователей к эпохе Тимура и Тимуридов (1370—1507 гг.). По всей вероятности это объясняется тем, что шло слишком интенсивное социально-политическое и территориальное возрождение государства. Если в России этот процесс проявлялся в создании централизованного государства, то в Средней Азии он проявлялся в удачном стремлении и расширении государства Тимура. Это обстоятельство, разумеется, и не позволяло устанавливать и поддерживать размеренные мирные посольские и торговые взаимосвязи, хотя они, несомненно, существовали. Видимо, имея в виду ощущение информационной недостаточности, А. Якубовский отмечал: «Конец XIV в. в истории Средней Азии почти совсем не изучен. Нужно прямо сказать, что даже такое общеизвестное государство, как государство Тимура, если взять его не только с точки зрения социально-экономической, но и чисто политической, не имеет о себе ни одной

серьёзной работы в буржуазной историографии. XV веку более посчастливилось, однако работы В. В. Бартольда «Улугбек» и «Мир-али-Шир и политическая жизнь» не выходят за пределы простого описания внешних политических событий»¹⁰².

Несмотря на то, что в большинстве своём исследователи бесспорно признали древность установления торговых отношений между Русью и среднеазиатскими государствами, тем не менее, многие из них склонны считать началом официальных торговых связей миссию Дженкинсона (1558—1559 гг.). К их числу относятся известные историки Н. И. Костомаров, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд. Причём, последний недвусмысленно утверждал, что «почин в этом деле принадлежал не России и не ханствам Средней Азии, а англичанину Дженкинсону»¹⁰³. Одним из главных условий, обеспечивших становление русско-среднеазиатской взаимной торговли на постоянной основе, эти и другие исследователи полагали присоединение Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) к России¹⁰⁴.

Следует заметить, что все исследователи, причастные к изучению состояния русско-среднеазиатских торговых отношений в XVI—XVII веках говорили о заинтересованности русских царей в их развитии. О благожелательности, проявленной русскими самодержцами в XVI—XVII веках к бухарским и хивинским торговцам, свидетельствует тот факт, что царь Михаил Фёдорович, поощряя действия среднеазиатских купцов, «дал им льготу ездить для торгового промысла в Казань, Астрахань, Архангельск к пристани и в приморские города с правом не быть

¹⁰² Якубовский А. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой.— С. 52. Указанные работы В. В. Бартольда см.: Улугбек и его время // Соч.— Т. 11.— Ч. 2.— С. 25—196; Мир-Али-Шир и политическая жизнь.— Там же.— С. 197—260.

¹⁰³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 368. Мнение о вероятности существования более ранних торговых отношений, а также роли Дженкинсона в этом см. и ср. Иванов П. С. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX вв.).— М., 1958.— С. 76.

¹⁰⁴ См.: Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря.— С. 282; Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях.— С. 16—18, 42—43; Веселовский Н. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 11—12; Бартольд В. В. История изучения Востока...— С. 368.

¹⁰¹ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.— С. 41—42.

задержанным судом, исключая долговых обязательств и уголовных дел, принимать подводы, покупать суда и вообще быть безопасными от притеснений воевод»¹⁰⁵.

Интересно отметить ещё одно действие русских официальных заинтересованных кругов, способствующее развитию торговых связей и обеспечившее их на постоянной основе, — судоходство на Каспийском море. Как известно, традиционные караванные пути, по которым доставлялись товары на верблюдах, не могли удовлетворить потребности с обеих сторон. Для обеспечения нормальной торговли и увеличения товарооборота русское правительство держало на Каспийском море удобные для морского плавания суда, так называемые бусы. Они ходили дважды в год (весной и осенью) между Астраханью и Караганским пристанищем для торговли с Хивой и Бухарой. Для безопасности в распоряжение управляющему (обычно это поручалось какому-нибудь боярскому сыну или другому служивому лицу) выделялась военная охрана из числа стрельцов, пушкарей и соответствующих снаряжений. По прибытии в Караганское пристанище отправляли из местных представителей посланцев или глашатаев, как их называли, хабарщиков¹⁰⁶, чтобы известить о прибытии буса. Прибывшие к берегам купцы начинали торг, который продолжался около месяца. После торга, по договорённости подготовившие свой товар для отправки в Астрахань, погружали их в бус. Транспортировка товаров, таким образом, была выгодна для обеих сторон¹⁰⁷.

Хотя Н. И. Костомаров, как и другие исследователи, и ощущал недостаток статистических данных, касающихся торговых оборотов между русскими и Средней Азией, тем не менее его профессионализм в исторических изысканиях позволил ему в лаконичной форме представить общую картину этих торговых связей.

Успех торговли в большей степени зависел от отношения официальных кругов. В частности, заинтересованность царя Ивана IV в торговле стала главной причиной или стимулом её развития. По его инициативе в 1567 и 1568 годах были

¹⁰⁵ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства. — С. 44.

¹⁰⁶ Хабарщики — таджикское слово, означающее: передатчики, оповещатели словесных поручений.

¹⁰⁷ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства. — С. 107.

заключены договора с бухарским правителем¹⁰⁸. Среднеазиатские купцы в Астрахани имели специальное место, где они останавливались. Это место называлось «Бухарским». Согласно описаниям Н. И. Костомарова татарские купцы со своей стороны ездили компаниями или артелями в Хиву и Бухару, причём эти путешествия не были безопасными. Были случаи, когда караваны в казахской степи подвергались ограблению, как это было, например, в 1646 году. Разумеется, на это реагировали представители русской администрации, что приводило к наказанию купцов противоположной стороны, т. е. следовал ответ на указанные действия грабителей — наложение ареста на товары хивинцев и бухарцев в Астрахани¹⁰⁹. Были случаи, когда усиление конкуренции между торговыми группами приводило к принятию ряда действий в ущерб противоположной стороне. Согласно данным Н. И. Костомарова, при Михаиле Фёдоровиче (1623—1645 гг.) возникла конкуренция между астраханскими местными купцами и хивинцами. Русские подготавливали воевод не брать на суда хивинцев, чтобы заставить их продавать товары дешевле. Это показывает, что «русская торговля была очень важна для Хивы, и что в Астрахани было много хивинских купцов, ибо в противном случае купцы страшились бы стеснять их»¹¹⁰. Видимо, свои действия их организаторы тщательно скрывали. В случае огласки они могли бы быть подвергнуты наказанию со стороны царя.

Среднеазиатские купцы, как известно, не только торговали русскими товарами, но и товарами, приобретёнными из соседних азиатских стран, в частности из Китая, Персии и др. В реализации своих товаров и приобретении чужих Астрахань не была единственным главным торговым центром, где происходили основные операции по товарообмену и торговле вообще. Бухарские купцы, как утверждает Н. И. Костомаров, кроме Астрахани вели торговлю в Тобольске. Они снабжали Сибирь рукодельными изделиями. Ссылаясь на челобитную сибиряков в 1595 году, исследователь указывает, что последние просили «как милостыню, чтобы к ним приходили из Бухары торговые люди». Бухарские торговцы в Тобольске составляли своего рода компанию, члены

¹⁰⁸ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства. — С. 43.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

которой в деловых бумагах обозначались как «тобольские бухарцы»¹¹¹.

Вышеприведённое мнение несколько расширяется последующими исследователями. В частности, В. В. Григорьев указывает на выгодность среднеазиатского рынка для русских товаропроизводителей. «Естественные произведения России,— писал он,— требовавшиеся в Азии, исконно привлекали в неё торговцев этой последней. Когда пали Казань и Астрахань, через которые шла торговля России с Востоком, явились к Грозному послы из Самарканда, Бухары и других мест, прося «дороги гостям». Торговые сношения со Средней Азией были выгодны для России и потому «дорога гостям» была открыта охотно»¹¹². Далее он указывает, что для России было бы намного выгоднее, если бы нужные для неё товары приобретались на местах, а не через азиатских купцов на своей территории. Поэтому русские власти охотно содействовали организации торговых караванов, обеспечивая их безопасность. Это и явилось главной причиной, вызвавшей в XVII столетии посольства к среднеазиатским правителям. Учёный также указывает, что именно таким способом появлялась возможность для приобретения верных сведений о политическом положении среднеазиатских ханств¹¹³.

Анализ работ дореволюционных исследователей относительно истории торговых сношений между русским и среднеазиатскими государствами, без привлечения мнения советских учёных, их сопоставления, означало бы односторонний подход к проблеме и, разумеется, лишила бы возможности объективного подхода к наследию русских учёных и тем самым оценки их вклада в изучение интересующих проблем. В этой связи, сопоставляя мнение исследователей нескольких поколений, трудно, на наш взгляд, обнаружить существенные разногласия в описании общей картины торговых взаимоотношений между указанными государствами.

А. В. Панков, поддерживая мнение П. В. Ханькова о том, что торговля России со Средней Азией в XV и начале XVII веков «никогда не была целью, а только средством

¹¹¹ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства. — С. 44.

¹¹² Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. — С. 7—8.

¹¹³ Там же. — С. 8.

проникнуть в отдалённую Индию»¹¹⁴, в то же время относительно второй половины XVI и XVII веков отметил нечто противоположное. «Для второй половины XVI—XVII вв.,— пишет он,— данные «статейных списков» русских посольств в Средней Азии... говорят о торговле со Средней Азией, как о цели, а не только как о средстве»¹¹⁵. При этом в качестве примера он приводит посольства И. Хохлова и И. Федотова в Хиву и Бухару.

По его же данным присоединение Астрахани приблизило Россию к Каспийскому морю и дало ключ к торговле прежде всего с Персией и Средней Азией¹¹⁶. Хотя, по А. В. Панкову, как и другим авторам, отсутствие статистических показателей и затрудняло определить количество и ассортимент товаров, вывозимых с обеих сторон, тем не менее, опираясь на имевшиеся сведения, он отмечает, что купцы и разные промышленники христианского мира вывозили мехов на 400 или 500 тыс. рублей, рыбы зубы чётки, ножей, сабельных рукояток и других предметов. В подтверждение этого он приводит тот факт, что послу Пазухину велено было взять в числе царских товаров в Бухару рыбьего зуба до 12 пудов по цене 60 руб. за пуд. Кроме того, вывозились меха, деревянная посуда, а также тайком — оружие, металл, английские сукна и зеркала. Из Средней Азии вывозились шёлковые ткани, лошади. Из Бухары доставляли в Астрахань и Москву пряные коренья, мускус, серую амбру, ремень, хлопчатобумажные материалы, шёлк, краски и др.¹¹⁷

Касаясь истории торговых связей Средней Азии с соседними государствами, П. П. Иванов справедливо отмечает, что зависимости от обстоятельств в отдельные исторические периоды направление торговых путей изменялось, и в соответствии с этим — транзитное значение Средней Азии. Но изменявшаяся в тот или иной период международная обстановка не могла полностью нарушить традиционные связи Средней Азии с соседними странами¹¹⁸.

¹¹⁴ См.: Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. — С. 282.

¹¹⁵ Панков А. В. К истории торговых отношений Средней Азии с Россией. — С. 25.

¹¹⁶ Там же. — С. 28.

¹¹⁷ Там же. — С. 27.

¹¹⁸ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. — С. 74—75.

Указывая на наличие в средневековой и более поздний период тесных торговых связей Средней Азии с Восточной Европой, П. П. Иванов склонен отметить, что в период расцвета среднеазиатских государств, когда в Восточной Европе производительность стояла на низком уровне, она поставляла в Среднюю Азию главным образом сырьё. Начиная с XVI века, положение постепенно изменяется. Согласно его мнению, благодаря усиливавшимся экономическим связям Московского государства с Западной Европой, с одной стороны, и с зарождением элементов собственного капиталистического производства, с другой, в XVI и XVII веках характер торговли между Московским государством и Средней Азией меняется. Восточноевропейский рынок приобретает всё больший и больший экономический перевес¹¹⁹. Он также, как и другие авторы, склонен отставать точку зрения о том, что торговые отношения Руси со среднеазиатскими ханствами приняли более регулярный характер после завоевания Казани и Астрахани.

Говоря о степени изученности вопросов, связанных с русско-среднеазиатскими торговыми отношениями допетровского периода, в дореволюционной и советской литературе трудно пройти мимо упомянутой работы М. Ю. Юлдашева¹²⁰, в которой, помимо дипломатических отношений, кратко излагаются основные пути сообщения и характер торговых контактов между Средней Азией и Россией.

Работа эта насыщена фактами, приведёнными из сохранившихся документов, свидетельствующими о тесной взаимной связи. Интерес вызывает чёткое определение и анализ форм торговли Средней Азии с Москвой. По определению исследователя существовало три формы торговли: 1) «повольная» или обычная торговля; 2) продажа товаров царских и ханских при посредстве их личных представителей-купцов, обычно приезжавших вместе с посольствами; 3) так называемые «любительские поминки» — своего рода беспроцентный обмен в основном дорогими, редкими (заповедными) товарами между первыми купцами двух государств — царём и ханом¹²¹. Ассортимент товаров зависел от формы торговли и её участников. Среди товаров «поволь-

ной» торговли, обслуживающей широкие массы населения, преобладали дешёвые хлопчатобумажные ткани и недорогие поделки из них. Относительно ассортимента товаров, привозимых и вывозимых с обеих сторон, автор указывает, что из Москвы отправлялись преимущественно кожа, деревянная посуда, разные принадлежности конской упряжки, а также меха, западноевропейские сукна, мука ржаная, разные зеркала, гвозди, пуговицы, иголки, булавки, моржовая кость (последняя являлась царской монополией). В Московское же государство из Бухары ввозили текстильные изделия, среди которых преобладали бумажные «алачи» и шёлковые материи («шайи»), причём, бухарские хлопчатобумажные ткани в Московском государстве, по мнению автора, были вне конкуренции, как по качеству, так и по более низкой цене¹²².

Таким образом, анализ вышеприведённых работ исследователей, большинство которых следует считать компетентными, приводит к следующим заключениям:

Торговые отношения между Русью и среднеазиатскими государствами имеют глубокие корни и начались до образования древнерусского государства. Отсутствие каких-либо документов, свидетельствующих об официальном уровне (посредством государственных или правительственных соглашений) торговых отношений вплоть до завершения образования русского централизованного государства, хотя и стало поводом для сомнений у ряда исследователей о существовании постоянных торговых связей между этими странами в более отдалённые (древние) периоды их существования, тем не менее не могло явиться причиной для столь категоричного вывода со стороны специалистов, прошедших в той или иной степени академическую школу исторических исследований. Ибо они исходили из общих принципов исторического развития государства и общества. Любое государственное образование всегда заинтересовано в товарном обмене или торговле в более совершенном виде с самого начала его существования. Это не стало исключением и для древнерусского государства, хотя бы в силу того, что оно было своего рода связующим звеном между западными и восточными государствами, находившимися на более вы-

¹¹⁹ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. — С. 75—76.

¹²⁰ Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией. — Ташкент, 1964.

¹²¹ Там же, — С. 70—71.

¹²² См.: Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей.

С. 71—72; более полный ассортимент товаров, поставляемых торговцами с обеих сторон см.: Чулошников А. Торговля Московского государства со средней Азией в XVI—XVII вв. — С. 80.

сокой ступени исторического развития. Факт наличия древневосточных кладов, обнаруженных на территории европейской части России, говорит сам по себе.

Всё это наводит на мысль, что, несмотря на нечёткость или же неопределённость взглядов вышеупомянутых авторов в связи с отсутствием соответствующих документов о наличии торговых связей на официальном уровне, всё же согласно логике закономерности развития государственных образований следует предположить, что такая заинтересованность не могла не существовать на официальном уровне. Миссию Дженкинсона необходимо считать важной в двух отношениях. Во-первых, на сегодняшний день, несмотря на все догадки и предположения, она пока остаётся единственным доказательством начала официального установления торговых связей (во всяком случае, со стороны России). Хотя, на наш взгляд, справедливее будет считать её началом нового этапа русско-среднеазиатских торговых отношений. Во-вторых, визит Дженкинсона нужно называть первым (опять-таки ввиду отсутствия других источников) связующим звеном в торгово-дипломатическом отношении между Европой и среднеазиатскими государствами через Россию.

Следует отметить, что все западноевропейские товары в Среднюю Азию попадали только через Московское государство. О большой заинтересованности последнего свидетельствует тот факт, что после Дженкинсона ни одному западноевропейскому торговцу не было разрешено на проезд в Среднюю Азию со своим товаром. Из Западной Европы товары попадали в данный регион только через русских торговцев¹²³.

Бесспорным остаётся мнение, как дореволюционных, так и советских исследователей о том, что с занятием русскими Казани и Астрахани, торговля была поставлена на постоянную основу.

Появление европейских товаров на рынках Средней Азии, или же рост вывоза товаров из восточных стран в Россию и через неё в Западную Европу, свидетельствует о значении этих новых пунктов для торговли. Участвовавшие отправки посольств с обеих сторон благоприятно воздействовали на развитие торговых связей в XVII веке.

¹²³ См.: История Узбекской ССР.— Т. 1.— Кн. 1.— Ташкент, 1955.— С. 437—438.

ГЛАВА II. РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVIII ВЕКЕ

Среднеазиатская политика Петра I

Активизация внешнеполитического курса русского государства в период правления Петра I, её причины, главные направления и основные проблемы стали объектами пристального внимания как дореволюционных, так и советских исследователей. Не случайно по степени исторической освещённости период Петра I далеко превосходит предыдущие периоды в истории России.

Этот российский монарх, занявший прочное место «в мировой истории как революционер на троне»¹²⁴, хорошо понимал, что без решения внешнеполитических проблем нельзя создать необходимые предпосылки для осуществления намеченных целей во внутренней жизни страны. В общем комплексе задач, намеченных Петром I при осуществлении внешней политики, установление торговых отношений со Средней Азией занимало важнейшее место.

Следует также отметить, что в сохранившихся документах и работах современников доминирует мысль о намерении Петра I через Среднюю Азию установить торговые отношения с Индией, и, если удастся, с Китаем. Об этом в одной из работ говорится следующее: «Пётр I, стремясь к установлению торговых связей с Индией через Среднюю Азию попытался организованно проникнуть в Хиву»¹²⁵.

Несмотря на обилие документов и специальных исследований, посвящённых тем или иным сторонам деятельности Петра I, в том числе его политике по отношению к Средней

¹²⁴ См.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований (перевод с датского В. Е. Возгрила, Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Буганова).— М., 1985; рец. В. А. Артамонова см.: История СССР.— 1987.— № 1.— С. 217—218; см. также: Буганов В. А. Предисл. к труду: Кристенсен С. О. История России XVII в.— М., «Прогресс», 1989.— С. 5.

¹²⁵ Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX— начале XX вв. Победа Хорезмской Народной революции.— 1969.— С. 11.

Азии, приходится сожалеть, что до сих пор отсутствует исследование, дающее соответствующий историографический анализ трудов, которые посвящены этой стороне деятельности Петра I. Между тем научный анализ таких концепций и взглядов позволил бы не только определить заслугу того или иного автора в изучении проблемы, но и осветить возможные недостатки или упущения, которые имелись в силу ограниченности мировоззрения и взглядов отдельных историков, их тенденциозности в отношении к анализу фактов и т. д. Тем более, что в нынешнее время в связи с переменами, происходящими в жизни народов, входящих в СНГ, резко возросли требования к объективной оценке в истории наших предков.

С самого начала самостоятельного управления своим государством Пётр I проявлял интерес к Средней Азии. Интерес этот был довольно заметен уже на фоне правления царевны Софии, которое, однако, протекало без непосредственных (судя по отсутствию соответствующих источников), сношений со среднеазиатскими государствами. О росте интереса свидетельствует не только направление посольств со стороны Петра I¹²⁶, но и сравнительно частые визиты представителей среднеазиатских ханств к русскому двору. Перечень этих взаимных визитов, хотя и лаконично, но последовательно, приведён С. В. Жуковским¹²⁷. Согласно его данным, в 1690 году Россию посетило Хивинское посольство, хотя нет прямых ссылок на фамилию посла. Полагают, что это был Абреим Ажизов (может, Ибрагим или Абдураим Ажизов?). В ходе переговоров, как утверждает С. В. Жуковский, Петру I было предложено построить крепость на восточном берегу Каспийского моря с целью вести через неё кратким караванным путём торговлю с Хивой. Это предложение было оставлено без внимания из-за других, более неотложных проблем, стоящих перед правительством

¹²⁶ Согласно приведённым Д. Голосовым данным, в годы правления Петра I, с начала XVIII в. в пределах Средней Азии побывали: Мейер — 1703 г., Трушинский — 1713 г., подполковник Бухгольд (воен. эксп.) — 1714 г., Бекович-Черкасский (воен. эксп.) — 1714—1717 гг., Волжский — 1718 г., Бепевени — 1718 г., Вердеп, Соймонов и кн. Урусов — 1719 г., Лихарев — 1720 г., Соймонов — 1722 г., Гарбер — 1722—1723 гг., Брюс — 1723 г., см.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 году. — № 1. — С. 14. — Прим.

¹²⁷ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. — С. 39—66; см. также: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, — С. 147.

России, но оно послужило поводом к географическому описанию Каспийского моря. Следует отметить, что в этой связи русские исследователи добились по тем временам (в конце XVII — начале XVIII веков) довольно серьёзных успехов. Даже карта Средней Азии, вошедшая в книгу С. Е. Ремезова «Чертёжная книга Сибири», датированную 1697 годом, по мнению В. В. Бартольда, «представляет значительный шаг вперёд по сравнению с «Большим Чертежом» и с картой Витсена»¹²⁸. Именно данные русских исследователей позволили сделать исправление сведений о Каспийском море античных географов, которое затем и было принято западноевропейской наукой¹²⁹.

В 1695 году состоялась поездка купца Маленького в Индию. «Купец с товарищами по торгу» был снабжён грамотами к персидскому шаху и к правителям Бухары, Хивы и Балха. По мнению С. В. Жуковского, это было своего рода последнее посольство до начала активного вмешательства Петра I в российские государственные дела. Уместно отметить и то, что несмотря на все усилия московского правительства, сношения со среднеазиатскими ханствами не привели к желаемому результату, т. е. к освобождению русских пленных и открытию торгового пути в Индию¹³⁰. Такое утверждение соответствует исторической действительности.

Исследователями придаётся значение посольству Доста Бахадура, вручившему Петру в 1700 году грамоту хивинского хана Шахияза (1687—1702 гг.), в которой речь шла о принятии Хивы в подданство России. Просьба эта была удовлетворена. Данное решение Петром I было подтверждено в 1703 году и в грамоте новому хивинскому хану Араб-Мухаммеду.

Известно и посольство в Москву во главе с Алимбеком, посланным в 1701 году бухарским ханом Убайдуллоем II (1702—1711 гг.). В грамоте, вручённой царю на торжественной аудиенции 17 февраля, Убайдулла-хан извещал Петра о своём вступлении в управление Бухарой и просил

¹²⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 392.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. — С. 40—41.

«продолжить прежние дружеские отношения». В Ответной грамоте Пётр I благодарил хана за посольство и изъявил желание об укреплении обоюдных связей¹³¹. Широкою известностью впоследствии в научных кругах получило и посещение в 1713—1714 годах туркменом Ходжой Нефесом (по некоторым документам — Ходжанепес) Петербурга. Однако этот визит был частным и ради сообщения Петру «тайны великой важности, т.е. сообщения о «песочном золоте» и о старом русле Аму-Дарьи, прежде, якобы, впадавшем в море Каспийское»¹³².

Экспедиция Бековича-Черкасского

В 1714 году хивинский хан Араб Мухаммед (1702—1714 гг.) отправил в Петербург своего посла Ашурбека. Последний подтвердил показания Ходжи Нефеса и сибирского губернатора Гагарина о возможности строить вблизи места предполагаемого впадения Аму-Дарьи в Каспийское море крепость с гарнизоном. Ашурбек был принят российским царём дружелюбно, но по неизвестным причинам позднее по его же приказу подарки, которые были отправлены с послом хану (6 пушек с лафетом, 8,5 пуда пороха и 270 ядер), были отобраны, а сам Ашурбек задержан в Астрахани. О дальнейшей судьбе посла ничего неизвестно¹³². В том же 1714 году Петром был издан указ об отправлении Александра Бековича-Черкасского в Хиву с поздравлением хану Араб-Мухаммеду. Параллельно с упомянутой экспедицией была организована и отправлена другая во главе с подполковником Бухгольцем, — со стороны Сибири. Бухгольц должен был там узнать, как моют золото калмыки и в каком количестве. Хотя Бухгольц и заложил крепость в сторону к Ямышеву озеру, но подвергся нападению со стороны

¹³¹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. — С. 42.

¹³² По мнению узбекского учёного М. Ю. Юлдашева (Ташкент) главный рукав Аму-Дарьи повернут от Каспийского моря к Аральскому в конце XVI в.; см.: Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии. — С. 16.

¹³³ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. — С. 58—59.

калмыков. Его экспедиция не увенчалась успехом¹³⁴.

Особое место среди всех посольств, отправленных в период правления Петра I, занимают посольства Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 году и Флорио Беневени в Бухару — в 1718—1725 годах. Именно эти посольства и стали объектами более полного изучения со стороны исследователей. Приведённые о них факты свидетельствуют о постоянном интересе, который испытывал Пётр I к среднеазиатским государствам. «Пётр, стремясь к достижению своей «великой цели», — получению Россией выхода к Балтийскому морю, — писал выдающийся русский историк С. М. Соловьёв, — не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется тогда, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европой и Азией... Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра»¹³⁵.

Среди исследователей, имеющих отношение к политике Петра I в Средней Азии, особое место занимает работа А. Попова «Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом» (СПб., 1853). Она ценна тем, что является первым серьёзным исследованием, освещающим более разносторонне отношения Петра I к Средней Азии. В данной работе основное внимание уделено экспедиции Бековича-Черкасского в Хиву и посольству Флорио Беневени в Бухару. В качестве приложения автором в книге приведены документы, касающиеся посольства Флорио Беневени.

До этого периода правители России по-видимому не стремились к подчинению Средней Азии своей власти. Во всяком случае, в большинстве своём имеющиеся сведения подтверждают повышенный интерес русского государства к выходу в Индию и Китай через Среднюю Азию. Но вопрос о полном подчинении последней Россией тогда определённо ещё не стоял. По всей вероятности, это вызывалась тем, что,

¹³⁴ Там же. — С. 57—58; Архив АН РФ (Санкт-Петербургское отделение). — Ф. 21. — Оп. 2. — Кн. 14. — Л. 242; о данной экспедиции см. также: Костенко Л. Средняя Азия и возрождение в ней русской гражданственности. — С. 96—97; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 396—397; История Узбекской ССР. — Т. 1. — Ташкент, 1955. — С. 441; История Казахской ССР. — Алма-Ата, 1957. — С. 228—229.

¹³⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён // Соч. — Кн. IX (т. 17—18). — М., 1963. — С. 345.

во-первых, несмотря на тесные торговые связи, русское правительство ещё чётко не представляло экономическую и военную отсталость Средней Азии после Тимура и его ближайших преемников. Во-вторых, правителей России пугали и трудности перехода через естественный барьер, каким являлась безводная пустыня, занимающая огромное пространство на пути к Средней Азии, с почти непроходимыми песками.

Иначе смотрел на это великий реформатор Пётр I. К тому же поводом для его повышенного интереса к Средней Азии стали внешне убедительные слухи о, якобы, исчерпаемых «золотых песках» Аму-Дарьи, и возможность повернуть русло этой реки к Каспийскому морю, куда она, согласно сведениям, впадала в прошлые времена.

Слухи эти исходили от знатного туркмена Ходжи Нефеса. Приехав в Астрахань в 1713 году, он рассказал князю Заманому¹³⁶ о том, что намерен передать лично русскому царю тайну «великой важности». Весной 1714 года с помощью Бековича-Черкасского¹³⁷ Ходжа Нефес был принят Петром I. При беседе он сообщил царю о «песочном золоте», якобы, находящимся в стране при Аму-Дарье (Бухарское ханство), а также рассказал, что прежде Аму-Дарья впадала в Каспийское море. Но хивинцы, опасаясь русских, повернули её русло в Аральское море. При желании её легко можно направить по прежнему течению и в этом туркмены готовы оказать содействие русским¹³⁸.

Сведения Ходжа Нефеса подтвердили сибирский губернатор Гагарин и находившийся в 1714 году в российской столице хивинский посол Ашур-бек. Согласно мнению русских исследователей эти сообщения стали поводом организации экспедиции Бековича-Черкасского и посольства Флоридо Беллевени.

¹³⁶ По некоторым данным он Саманов и даже Соймонов. Его настоящее имя Заман-бек. Родом из иранской провинции Гиляна, где был беком. Впоследствии, переехав в Астрахань, принял христианскую веру и поступил на службу к русским.

¹³⁷ Один из приближенных Петра I. Его настоящее имя до принятия христианства Девлет-Кизден Мурза. Князь из рода кабардинских правителей. Был женат на княжне Марии Борисовне Голицыной, дочери князя Б. А. Голицына, воспитателя Петра I. Более подробно о личности Бековича-Черкасского см.: Любимов С. М. Князь Бекович-Черкасский — М., 1915; Омаров О. Ю. Отважный исследователь Каспийского моря. — Махачкала, 1965.

¹³⁸ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. — С. 52; Аппагенов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений. — С. 21.

Убедившись в достоверности поступивших к нему сведений, Пётр I задумал осуществить, далеко идущий план проникновения в Среднюю Азию, и, тем самым, приблизиться к Индии и Китаю. Эти страны интересовали Петра I как торговые партнёры. О том, какую цель правитель Руси преследовал в Средней Азии, В. В. Бартольд объясняет так: «При Петре русский царь уже не спонсировался с ханами (среднеазиатскими — Х. П.), как равный с равными; Хивинский хан был признан русским подданным, и в этом смысле были составлены грамоты к хану Араб-Мухаммеду в 1703 г.»¹³⁹. Согласно мнению автора впоследствии у Петра появилась мысль воспользоваться борьбой между ханами и узбекской аристократией для действительного подчинения ханств русской власти. Предполагалось поместить в Хиве и Бухаре русские военные отряды, которые бы помогали против их врагов. Такая мера не только укрепила бы власть ханов над их подданными, но и поставила бы ханов в полную зависимость от русского правительства.

Анализируя имеющийся материал по данному вопросу, В. В. Бартольд сделал заключение о том, что «план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи»¹⁴⁰.

А. Поповым описывается подробно сама процедура подготовки экспедиции и те задачи, которые получил Бекович-Черкасский¹⁴¹.

Уместно отметить, что наряду с другими материалами Военно-учёного архива, опубликованными в 70-е годы XIX века, увидел свет и документы, касающиеся подготовки и отправки экспедиции Бековича-Черкасского¹⁴². Хотя все документы являются крайне ценными и раскрывают отдельные важные детали экспедиции, тем не менее выделение тех из них, которые ярко отражают цель экспедиции и главные

¹³⁹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 392.

¹⁴⁰ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 392—393.

¹⁴¹ См.: Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой. — С. 9—10.

¹⁴² Соответствующие ценные документы опубликованы в сборнике: Материалы Военно-учёного архива Главного штаба (в дальнейшем — Материалы ВУА). — Т. 1, — СПб., 1871.

её задачи, на наш взгляд, является необходимым, чтобы читатель имел возможность ощутить не только атмосферу эпохи Петра I, но и понять истинные намерения русского монарха в отношении к Средней Азии. К тому же, полный текст приведённого ниже документа даёт возможность отказать от излишних комментариев авторов, которые часто ссылаются на него при определении намерений Петра I в отношении к Средней Азии и повторяют одни и те же тезисы, близкие к мнению А. Попова. В этой связи трудно воздержаться от цитирования документа под названием «Пункты, данные Государем Гвардии капитану князю Черкасскому при назначении его послом к хивинскому хану» от 14 февраля 1716 года, где приводится следующий текст указа царя:

«Указ капитану от гвардии князю Черкасскому:

1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чём просил и посол хивинский.
2. Ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки, но смотреть прилежно течению оной реки тако ж и плотины, ежели возможно, оную воду паки обратит в старой ток, к тому ж протчия устья запереть, которые идут в Оральское море, и сколько к той работе потребно людей.
3. Осмотреть место вблизи плотины, или где удобно на настоящей Амударьи реки, для строения же крепости тайным образом, а буде возможно будет то и тут другой город сделать.
4. Хан хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к ево службе и чтоб он за то радел в наших интересах.
5. Бude то он охотно примет, а станет желать той гвардии и без неё ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному сё дать сколько пристойно, но чтоб были на ево плате, а буде станет говорить что перво нечем держать, то на год и на своём жалованье оставить, а впредь что б он платил.
6. Ежели сим или иным образом склонитца хивинский хан, то просить ево, дабы послал своих людей (при которых

и наших два бы человека было), водою по Сыр-Дарье реке вверх, до Эркети¹⁴³ городка для осмотра золота.

7. Так же просить у него судов и на них отпустить купчину по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изехал её пока суды могут итти, поттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озёра и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путём, или ежели услышит в Индии ещё лутчей путь к Каспийскому морю, то оным возвратитца и описать.

8. Будучи у хивинского хана проведать и о бухарском, немочно ли ево, хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там тако и ханы бедствуют от подданных.

9. Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов сколько потребно, грамоты к обоим ханам, так же купчине к ханам же и к моголу¹⁴⁴.

10. Из морских офицеров поручика Кожина и навигаторов человек пять или более послать, которых употребить в обе посылки, первая — под образом купчины, другая — в Эркети.

11. Инженеров и учеников Куломоных дать двух человек.

12. Нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских пятьсот, да сто человек драгун и доброго командира, которым итти под образом провожания карвана из Астрахани и для строения города, и когда оные придут к плотине, тут велеть им стать и по той реке, где плотина, прислать к морю, для правожания его, сколько человек пристойно. Вышеписанному командиру накрепко смотреть, чтобы с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися для делания там города отпустить с помянутыми конными несколько лошадей и кирок.

13. Поручику Кожину приказать, чтоб он там разведал о пряхных землях и о других товарах и как для сего дела, так и для отпуску товаров придать ему, Кожину, двух человек добрых людей из купечества, и чтобы оные были не стары.

По сим пунктам господам сенату с лутчию ревностью сие дело как наискоряя отправить, понеже zelo лужно.

Пётр.

¹⁴³ Имеется в виду г. Яркенд в Синьцзяне (Китайская Народная Республика).

¹⁴⁴ Имеется в виду династия Великих моголов Индии.

В Либоу 14 день февраля 1716 г.»¹⁴⁵.

Из содержания документа явствует, что намерения Петра I далеко выходили за рамки обычного дипломатического посольства. Сам факт, что для исполнения возлагаемого поручения он велел в распоряжение Бековича-Черкасского дать войско, состоящее из 4 тысяч солдат нижних чинов, офицеров, навигаторов, инженеров, 1500 яицких, 500 гребенских казаков, 100 драгунов и купцов, общий расход снаряжений которых «составляло 218 081 руб. 30 алтын с полушкой, взятых из доходов Казанской губернии»¹⁴⁶, свидетельствует о том, что экспедиция больше напоминала военный поход, чем дипломатическую миссию.

Все вышеприведенные и другие факты, связанные с этой экспедицией по мере доступности своего времени, А. Поповым приведены в указанной работе. Ему же принадлежит заслуга более подробного описания маршрута экспедиции и, наконец, его печального исхода¹⁴⁷.

Немалый вклад в изучение экспедиции Бековича-Черкасского внёс Д. Голосов. В своём очерке «Поход в Хиву в 1717 году», опубликованном в журнале «Военный сборник», он существенно расширил границы имеющихся сведений о данном событии. Причём, работа эта была снабжена приложениями из документов, касающихся экспедиции.

Прежде чем дать анализ этой публикации, следует рассмотреть её историографическую и источниковую базу, в которой, кстати, сам автор, видимо, исходя из-за возникшей потребности, быть может, требовательности прежде всего специалистов-востоковедов и широкого круга читателей журнала «Военный сборник», довольно подробно освещает круг имеющихся или доступных к тому времени материалов,

¹⁴⁵ Посольство князя Черкасского в Хиву // Материалы ВУА.— Т. 1.— С. 213—215. Копия документа хранится в ЦГВИА.— Ф. ВУА.— Д. 35.— Ч. 1.— ЛЛ. 58—61; то же самое см.: Русско-туркменские отношения.— С. 27—28.

¹⁴⁶ Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой.— С. 10—11. Следует заметить, что приведенная цифра соответствует общей выделенной сумме для двух экспедиций Бековича-Черкасского (т. е. 1714—1717 гг.). По уточненным официальным данным общий расход на экспедицию 1717 г. составлял 183 157 руб. Согласно документа, найденного в Московском сенатском архиве общий расход двух экспедиций Бековича-Черкасского (1714—15—1717 гг.) исчисляется 218 095 руб. См.: Русско-туркменские отношения.— С. 46—47. Там же говорится, что в походе участвовало 6 350 чел., кроме офицеров и нижних чинов морского ведомства; см. там же.— С. 46.

¹⁴⁷ Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой.— С. 12—34.

прежде всего — первоисточников. Для определения, по возможности, намерения автора и причин скрупулёзного изложения вводной части работы следует подробнее остановиться на её содержании.

Как известно, вторым после экспедиции 1717 года, неудачной для России, в Хиву является поход зимой 1839—1840 годов, предпринятый оренбургским губернатором Перовским. Хотя он показал трудности организации подобных мероприятий, но не мог приостановить намерения определённых кругов в правительстве России завоевать не только территорию Хивинского ханства, выгодную ей как по экономическим, так и по стратегическим соображениям, но и продемонстрировать военную мощь своего государства, что было тактически важно после предыдущих неудавшихся походов. Тем более, что такая необходимость диктовалась и соображениями упрочить свой престиж в неблагоприятной роли «жандарма Европы», которую играла в то время Россия. Разумеется, Д. Голосову в то время невозможно было осветить тонкости русской дипломатии в силу своей методологической ограниченности. Тем не менее, он не мог не заметить, хотя бы по тем доступным ему материалам, что предпринята была в России попытка организовать очередной поход против Хивы. По соображениям более тщательной подготовки велено было собрать все сведения о походе Бековича-Черкасского и предоставить в распоряжение Перовского¹⁴⁸. Это подтверждается и А. Веселовским. «После неудачного похода в Хиву в 1839 г., — пишет он, — император Николай повелел готовиться к новому походу, и тогда-то были собраны из разных архивов (особенно много важного было найдено в Астраханском архиве) все сведения для соображения графу Перовскому»¹⁴⁹.

Согласно данным Д. Голосова в распоряжение военного министра для последующей передачи Перовскому были представлены такие документы, как Докладная записка Меншикова Петру I, содержащая сведения об экспедиции Бековича-Черкасского, копии донесения Бековича-Черкасского и поручика Кожина и донесение казанского губернатора о гибели экспедиции, рапорты полковника Видена об экспе-

¹⁴⁸ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 304.

¹⁴⁹ Веселовский Н. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 165—166.— Примеч. 2.

диции Апраксину, множество других документов, в частности, ценные материалы, собранные в 1840 году в штабе астраханского военного губернатора при деятельном участии адъютанта гвардии поручика археологической комиссии Матвеева и др. К ним относятся переводы, составленных на восточных языках документов, копии актов, хранящихся в Астраханском архиве документов хивинского посла Ашурбека, о действиях тюп-караганских туркмен в 1715—1719 годах, в большинстве связанные с экспедицией Бековича-Черкасского. Наконец, собраны были копии показаний лиц, участвовавших в экспедициях Черкасского и сумевших впоследствии возвратиться в Россию¹⁵⁰. Согласно утверждению самого Д. Голосова эти материалы и были использованы им для составления исторического очерка экспедиции князя Бековича-Черкасского в Хиву¹⁵¹.

В данной работе подробно изложены возникновение идеи об отправке данной экспедиции и участие в этом деле Ходжи Нефеса, Заманова, Гагарина и самого Бековича-Черкасского при её осуществлении¹⁵². Судя по имеющимся сведениям, об осуществлении торговых отношений с Индией и Китаем через Среднюю Азию Пётр I задумывался и раньше, чем распространились слухи о «золотом песке» или возможности повернуть течение Аму-Дарьи к Каспийскому морю. Но, будучи занятым войной против шведов, он не мог в то время уделять этому вопросу должного внимания.

Говоря о значении среднеазиатских ханств для России, Д. Голосов указывает на их невыгодность при «ничтожном развитии промышленности и необилии естественных произведений», но, по его мнению, они «чрезвычайно важны как проводники торговли с другими азиатскими странами». Исходя из этого, подчинение их, хотя бы одного из них — Хивы было крайне важно для Петра I, так давало бы ему «возможность обратить величайшую из рек Средней Азии, Аму в Каспийское море, и тем открыть удобный путь сообщения России до отдалённых пределов Индии»¹⁵³.

Следует заметить, что Д. Голосов, излагая свои соображения, тут же высказывает противоположную мысль о том, что прежде чем начать осуществление своих целей Пётр должен был «открыть для своего государства новые источ-

¹⁵⁰ См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 304—305.

¹⁵¹ Там же.— С. 305.

¹⁵² Там же.— С. 305—307.

¹⁵³ Там же.— С. 308.

ники богатства в золотоносных хивинских и бухарских реках, и особенно в распространении торговли с новыми землями»¹⁵⁴. Здесь нетрудно заметить, что хотя у Петра I были далеко идущие цели, то есть достичь Индии и Китая, тем не менее, Средняя Азия должна была в этом служить не только как средство в достижении конечных результатов, но и как цель. В этом отношении довольно ясно выразился Н. Шавров. Всё же он смог заметить, что «Европа не могла стать рынком для русской мануфактуры. Таким рынком должна была быть для России Центральная Азия, и это ясно видел Пётр Великий, при самом начале заведения фабрик в России»¹⁵⁵.

В годы правления Петра I среднеазиатские государства оставались почти неведомыми для европейских стран, в том числе и для России. К тому времени отголоски их средневековой могущественности, по всей вероятности, сохранились в той или иной мере, и Пётр не мог относиться с полным пренебрежением к этим государствам, во всяком случае, демонстрировать такое отношение, которое сложилось впоследствии, когда их слабость и беспомощность стала известна европейским государствам.

В такой обстановке для получения достоверных сведений Пётр I решил отправить две экспедиции: одну — от верховьев реки Иртыш в Малую Бухару, другую — от Каспийского моря в Хиву. «Первая экспедиция, — пишет Д. Голосов, — под начальством полковника Бухгольца, пустившись по р. Иртышу, должна была возвести крепость у Ямышева озера (озеро Балхаш) и оттуда идти к г. Еркети (город Яркенд)¹⁵⁶, овладев им, и разведать о местах, где добывается золото. Начальником другой экспедиции в Хиву избран лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик Александр Бекович-Черкасский»¹⁵⁷. В работе до-

¹⁵⁴ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 308.

¹⁵⁵ Шавров Н. Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим.— С. 27.

¹⁵⁶ Следует заметить, что из-за отсутствия достаточной информации город Яркенд, находившийся в Восточном Туркестане, в документах, в частности, в донесении губернатора Сибири Матвея Гагарина, приводится под названием Еркеть «на реке Дарье». В инструкции, данной в 1716 году, этот город помечен на Сыр-Дарье. Поэтому стремление Петра I открыть путь к «золотому песку» как со стороны Каспия, так и со стороны Сибири является вполне логичным. См.: Бартольд В. В. История изучения Востока.— С. 393.

¹⁵⁷ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 308.

вольно подробно излагается экспедиция во главе с Бековичем-Черкасским в 1714 году¹⁵⁸.

С особым старанием приводится описание маршрута экспедиции 1717 года. Согласно этим данным, отряд прошёл степью до 1350 вёрст, в течение 65 дней, по бескормной и безводной степи и в самое жаркое время. 15 августа 1717 года вышек «к рукавам и разливам реки Аму вёрстах в 100 от Хивы, где и расположился лагерь»¹⁵⁹. В публикации приводятся наиболее важные детали событий после вступления отряда на территорию Хивы. В частности, показаны усиливавшиеся враждебные отношения хана Ширгази (1715—1728 гг.) по мере приближения отряда, безуспешные нападения хивинцев на отряд, заверения хана в том, что всё это произошло помимо его воли и без его ведома, а также предложенный им мир и принятие им Бековича-Черкасского¹⁶⁰.

По данным Д. Голосова предварительный договор был заключён с приближёнными хивинского хана Кусунбеем и Назар Ходжой, причём «в знак верности» представители хана целовали Коран, а Черкасский — крест.

После этого была проведена официальная церемония приёма гостей. Князя Черкасского и Саманова — в ханском шатре, где Ширгази-хану были вручены царские подарки. В данной церемонии хан ещё раз подтвердил свою верность в своих добрых намерениях целованием Корана, и в честь гостей он дал пышный обед. При новой встрече на реке Порсунгул хан предложил Бековичу из-за отсутствия условий для компактного расположения отряда разделить его на части и разместить их в нескольких местах. После разделения отряда хан, вероломно нарушив клятву, приказал порубать саблями Черкасского, Саманова и Эксиомова со свитой, а затем голову Черкасского велел отправить правителю Бухары. Но Абулфейз-хан (1712—1747 гг.), не желая участвовать в этой кровавой акции, не принял посла Ширгази-хана¹⁶¹.

И после трагической гибели отряда Черкасского Пётр I не отказался от мысли проникнуть в Среднюю Азию. Продолжалось создание укреплений на восточном побережье

¹⁵⁸ См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 308—313.

¹⁵⁹ Там же.— С. 330.

¹⁶⁰ Там же.— С. 331—334.

¹⁶¹ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 335—337.

Каспия. По данным Голосова, в них были расположены воинские гарнизоны¹⁶². Но невыносимые условия для жизни, всё более уменьшение числа людей в результате болезней и частые нападения туркмен вынудили командование укреплений отдать распоряжение о возвращении воинских частей в Астрахань, чтобы списти остатки своих солдат¹⁶³.

Как исследователь, Д. Голосов пытался выявить причины неудачного исхода данного похода и всё полезное, что можно было извлечь из этого горького факта. В этом плане он выделил положительные черты русского солдата, готового на любые лишения и жертвы для достижения поставленных перед ним задач. Показал не только готовность русских солдат к подобным походам, но и их тактические преимущества перед противником в данном регионе. Главные его выводы состоят в следующем: 1) что поход через безводную и бескормную степь до самой Хивы был возможен для 4000-го русского войска; 2) что хивинцы не могли противостоять русским войскам в 10-ти раз слабейшим числом (и притом — изнурённым трудным степным походом); 3) что неудачная развязка похода «была следствием измены калмыцкого хана Аюки и крайней неосторожности самого князя Бековича, т. е. делом случая»¹⁶⁴. Д. Голосов также ссылается на моральное состояние Черкасского вследствие гибели жены и двух дочерей¹⁶⁵, затем осуждает его за то, что во время похода он объявил себя Давлят Гирей Султаном и этим возбудил подозрительность хивинцев. Но всё же главной причиной неудачи похода, по мнению Голосова, явилась измена калмыцкого хана Аюки¹⁶⁶, вводившего в заблуждение хивинского правителя своим подстрекательством. Автор выражает сожаление, что хан не был наказан. Более того, по его мнению, тот скрыл свою измену, ссылаясь на своё письмо к обер-коменданту Чирикову, в котором он, «желая в будущем отклонить от себя подозрения, предупреждал об опасности похода в Хиву»¹⁶⁷. Вопрос о том, почему Пётр не решился на организацию нового по-

¹⁶² Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 337.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.— С. 337—338.

¹⁶⁵ Жена и две дочери А. Б. Черкасского, прибывшие на его проводы и день отплытия отряда из Астрахани, в сентябре 1716 года утонули в море.

¹⁶⁶ Это подтверждается и документально. См.: Материалы ВУА.— С. 297.

¹⁶⁷ Голосов Д. Указ, работа.— С. 340—343.

хода на Хиву и отмщение за гибель отряда Черкасского, Голосов отвечает так: царь готовился к персидскому походу, имел сложные проблемы в европейской политике. Эти факторы «избавили Хиву от справедливого возмездия»¹⁶⁸.

Основываясь на сказанном выше, следует отметить, что Д. Голосов в своём очерке пытается убедить читателя в справедливости намерений Петра I в отношении к Средней Азии. Как и подобает приверженцу дворянской историографии Д. Голосов не выступает с позиции защиты среднеазиатских ханств перед угрозой более могущественной державы, каковой являлась Россия. Ему не откажешь в предвзятости при абсолютизации мощи и права России в данном регионе. В этом нетрудно убедиться в оценке Д. Голосовым среднеазиатских ханств с позиций наблюдателя 60-х годов XIX века¹⁶⁹.

Некоторые подробности об отношении Петра I к Средней Азии и, в частности, об экспедиции Бековича-Черкасского изложены Л. Костенко. Но, ввиду того, что круг проблем, стоящих перед исследователем, требовал от него рассмотреть эту тему лишь в контексте истории намерений России относительно Средней Азии, то по уровню привлечения источников, охвату проблем, глубине анализа, он несомненно уступает предыдущему автору¹⁷⁰. Тем не менее, представляет интерес его заключение о том, что «конечные результаты изысканий о Средней Азии по повелению Петра I должны были убедить царя в необходимости водворить в ней русское влияние. Он, с одной стороны, утвердился в мысли, что Средняя Азия действительно «есть неисчерпаемый рудник минеральных богатств, что направление течения Аму-Дарьи позволяло спустить её воды в Каспий, а следовательно — облегчить доставку этих минеральных богатств в Россию»¹⁷¹. Данное заключение явно противоречит мнению тех исследователей, которые склонны утверждать, что главной целью Петра I являлось лишь открытие пути в Индию. Во всяком случае, в неё более откровенно изложено намерение русского самодержца в отношении Средней Азии, ибо по мнению автора «пользу от Средней Азии можно будет

¹⁶⁸ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г.— С. 342.

¹⁶⁹ Там же.— С. 339.

¹⁷⁰ См.: Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.— С. 89—106.

¹⁷¹ Там же.— С. 104.

извлечь только тогда, когда она войдёт в состав русских владений»¹⁷².

С большим интересом к освещению вопроса об экспедиции Бековича-Черкасского относился Н. Веселовский. В известном труде «Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве», подтверждая как факт просьбу хивинского хана Шах-Нияза к Петру I о принятии его в подданство России, он довольно убедительно аргументировал причины такого пожелания.

Согласно его мнению, Шах-Нияз, не имея законного права на престол¹⁷³, не мог быть уверенным в том, что ханство останется за ним и за его потомством. Оставалось одно, признать себя вассалом. Тем более, что этот путь Шах-Ниязу был знаком, уже однажды он отдавал Хиву в подданство хану бухарскому. Но теперь, отделаться от Бухары, было не так-то легко. Принять подданство Персии, как держивающейся шиизма, было невозможно. Другого сильного мусульманского государства поблизости не было. Оставалось одно: обратиться к России¹⁷⁴. Правда, исследователь выдвигает и другую версию — внутреннюю неурядицу, но сам же, опровергая её, указывает, что «не во внутренних беспорядках следует искать причину подданства Шах-Нияза императору Петру I»¹⁷⁵. Как бы то ни было Н. Веселовский считает, что смотреть на такое подданство, как на нечто серьёзное было бы большой ошибкой. Ибо в отличие от Европы, в Азии принимают добровольно подданство из-за материальных выгод, т. е. с целью «оббирать своего сюзерена за ту честь, которой тот пользуется только номинально»¹⁷⁶.

С присущей пытливостью академического учёного Н. Веселовский, анализируя внутреннюю обстановку Хивинского ханства, довольно подробно останавливается на событиях,

¹⁷² Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.— С. 104.

¹⁷³ По просьбе хивинцев, спасавшихся ещё большего услады внутренних распри после отправления хана Эренк Султана, сына Ануши, который в 1610 году, свергнув отца, захватил власть, бухарский эмир назначил им нового хана Шах-Нияза. Такая практика практиковалась и раньше. Естественно, Шах-Нияз желал своей подчиненностью эмиру и, чтобы получить полную свободу, просил Петра I принять Хиву в подданство России. См.: Ханьков Я. В. Пояснительная записка.— С. 271—272.

¹⁷⁴ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 159.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.— С. 159—160.

разворачивающихся в ханстве в период правления Ширгази. По его словам, «в самом паче ханствования Ширгази-хану предстояло столкновение с Россией, которое разрешилось походом на Хиву в 1717 году»¹⁷⁷.

Учёный подробно останавливается и на всём ходе подготовки похода с момента получения известия от Ходжи Нефеса и губернатора Гагарина о золотом песке и возможности направления русла Аму-Дарьи к Каспийскому морю. В этой связи он намного отчётливее раскрывает истинное намерение Петра I в отношении к Средней Азии, чем предыдущие исследователи, в частности А. Попов. Это убедительно отразилось в следующих словах: «Он (т.е. Пётр I — Х. П.), хотел войти в более близкие отношения с Востоком и утвердить русское господство в Средней Азии. План этот, составленный Петром Великим, — план гениальный, а именно: утвердиться в Средней Азии при помощи военных отрядов — задуман широко и, если привёл он к результатам совершенно противоположным, чем можно было ожидать, то причиной тому был не сам план, а неудачный выбор лица, которому поручено проведение его в исполнение, и простая случайность, трудно предвидимая во всяком новом предприятии»¹⁷⁸.

Несмотря на краткость своего изложения, Н. Веселовский сумел охватить главные детали экспедиции 1717 года, в том числе, описание маршрута, первые столкновения с хивинскими отрядами, подстрекательскую роль калмыцкого хана Аюки, который сумел вызвать большую подозрительность хивинского хана относительно мирных намерений посольства, нападение на экспедицию в урочище Карагач, затем — мирные переговоры, визитные обмены, договорённость о разделе русского отряда на 5 частей, якобы для удобного размещения и, наконец, нанесение вероломного удара по разделённым группам отряда и уничтожение их¹⁷⁹.

Н. Веселовский не снимает вину Бековича-Черкасского в печальном исходе экспедиции. Осуждает его за нерешительность, растерянность и излишнюю доверчивость¹⁸⁰. В определении причины этой трагедии он не исключает и нравственное потрясение, приведшее к психологической раст-

¹⁷⁷ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений. — С. 165.

¹⁷⁸ Там же. — С. 167.

¹⁷⁹ Там же. — С. 168—173.

¹⁸⁰ Там же. — С. 173.

роенности Черкасского, накануне получившего известие о гибели жены и двух дочерей, утонувших в море, после того как они проводили Бековича в поход и возвращавшихся на судне в Астрахань. Но, по его мнению, и в этом не главное. «Причина эта, — пишет Н. Веселовский, — странное двусмысленное положение Бековича, — как мирного посланца, с одной стороны, и предводителя военного отряда, следовательно, неприятеля, — с другой»¹⁸¹. Данный вывод является наиболее удачным и обоснованным по сравнению с мнениями других исследователей.

Несмотря на печальный исход, эта экспедиция всё же не явилась совершенно бесполезной для последующей истории России. Хотя польза и не идёт ни в какое сравнение с той трагедией, которую уготовила её участникам судьба, тем не менее, по мнению Н. Веселовского, следует отметить и такие её уроки как демонстрация выносливости и подготовленности русских солдат к условиям безводной пустыни, их превосходство в боевых действиях против местных воинских отрядов, что имело место при столкновениях до начала переговоров. Для науки экспедиция была полезна тем, что на основе точных сведений о восточном берегу Каспийского моря Бекович-Черкасский начертил карту, изменившую тогдашний взгляд на Каспийское море и Аму-Дарью.

Кроме сказанного о заслугах Н. Веселовского в изучении экспедиции Бековича-Черкасского, следует особо отметить и такую его ценную лепту, как составление историко-графического перечня опубликованных в печати сведений об экспедиции¹⁸², что и явилось ценным ориентиром для последующих исследователей.

Отдельные сведения о политике Петра I в отношении Средней Азии имеются и в работе А. Шепелева «Очерки военных и дипломатических сношений России со Средней Азией». Основной акцент сделан на то значение, которое Пётр I придал развитию торговли, тот интерес, который он проявлял к «расширению торговых связей подданных безиностраниго посредничества с цветущими областями Закавказья и Персии, Средней Азией, в особенности с Индией»¹⁸³. По мнению автора получение известных сведений и

¹⁸¹ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. — С. 173.

¹⁸² Там же. — С. 165—166. — Прим. 2.

¹⁸³ Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. — С. 12—13.

о Средней Азии совпали со стремлениями Петра и вызвали в нём решимость отправки в Среднюю Азию двух экспедиций: одну — со стороны Каспийского моря, другую — со стороны Сибири. Далее исследователь ведёт речь об известиях, которые получил царь от туркмена Ходжи Нефеса и от сибирского губернатора Гагарина. События в этой работе описываются несколько обобщённо, по приведённой выше схеме.

Судя по содержанию работы, интересующий нас вопрос освещён компилятивно. У А. Шепелева отсутствует своё мнение при освещении отдельных важнейших фактов из истории похода Бековича-Черкасского.

Русско-среднеазиатские отношения периода Петра I находят своё отражение, в известной мере, и в работе Ф. И. Лобысевича «Поступательное движение в Среднюю Азию». По его мнению, Пётр I стал интересоваться Средней Азией с 1700 года, т. е. с изъявления желания хана Шахняза о принятии его в подданство России¹⁸⁴. Сам же автор не скрывал своих сомнений по поводу серьёзности данного шага и считал его не более чем «азиатской уловкой извлечь возможно больше выгоды из номинального подчинения более сильному государству»¹⁸⁵.

В работе даётся последовательное описание подготовки к отправлению экспедиции Бековича-Черкасского. Раскрывается общая картина его действий в ходе осуществления задач, поставленных перед ним Петром¹⁸⁶. Следует отметить, что Лобысевичем были изучены почти все основные исследования предыдущих авторов (А. Попов, Д. Голосов, Н. Веселовский и др.), а также соответствующие изданные документы из «Полного собрания законов Российской империи».

Выражая сожаление о печальном исходе экспедиции Бековича-Черкасского, автор указывает на некоторые действия царя, выражавшего гнев по отношению к хивинскому хану, который сильно переживал за совершённое злодеяние и страшился возмездия со стороны России. Сообразив, что он может дорого поплатиться за содеянное, Ширгази-хан

немедленно отправил своего посланника в Петербург. Последнему вероятно поручено было умиловить царя, представив всё дело в ином свете и свалив всю вину на князя Черкасского¹⁸⁷. Но об этом, по мнению автора, в имеющихся документах нет известий, в то же время есть документальные подтверждения о новом хивинском посольстве в 1720 году во главе с Аваз Мухаммедом. Но он был арестован по велению царя и умер в Петербурге, а трое его спутников сосланы были на каторжные работы¹⁸⁸.

В отличие от Хивы, отношение Петра к Бухаре развивалось в более благоприятном русле. По мнению Ф. И. Лобысевича, Петра не покидала мысль проникнуть в Индию через Среднюю Азию. Он принял посланца бухарского хана Абулфейза по имени Кули Бек. Последний при изложении своего поручения, которое сводилось к просьбе хана о поддержке мира и торговых сношений и об отправлении в Бухару «разумного человека», также советовал «остерегаться туркменов»¹⁸⁹.

Желание осветить место Средней Азии в дипломатии Петра I и в особенности задачи, возложенные царём на экспедицию Бековича-Черкасского, в известной степени наблюдаются и у А. М. Макшеева. В его упомянутом «Историческом обзоре» изложена суть предпринятых Петром I мероприятий, главным образом, его надежды на удачное осуществление данного похода. Но, судя по содержанию изложенного материала¹⁹⁰ и суждениям, он существенно не внёс ничего нового, отличавшегося от предыдущих исследователей в этом направлении.

В несколько обобщённой форме отношение Петра I к Средней Азии отражено и в работе К. К. Абаза «Завоевание Туркестана»¹⁹¹.

Признание автора в том, что его труд должен стать общедоступным из-за отсутствия таковых, свидетельствует, что он не намерен был внести что-нибудь новое в изучение истории движения России в Среднюю Азию вплоть до окон-

¹⁸⁷ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 33—34.

¹⁸⁸ Там же.— С. 34.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ См.: Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских.— С. 64—80.

¹⁹¹ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории. Очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении — СПб., 1902.

¹⁸⁴ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии.— С. 19.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.— С. 19—34.

чательного её завоевания. Знакомство с работой убеждает в известной мере в этом. Словом, на фоне академических работ, вышедших из печати к тому времени, данная работа явно не выглядит выигрышной.

У того же автора имеется ещё две статьи: «Описание похода князя Бековича-Черкасского» и «Зимний поход графа Перовского в 1839—1840 гг.» под рубрикой «Первые походы в Хиву», опубликованные в «Роднике» за 1888 и 1889 годы. Так как их содержание существенно не отличается от предыдущей работы того же исследователя, естественно, нет смысла анализировать их подробно¹⁹².

Отношение Петра I к Средней Азии и его планы укрепления своей позиции в этом регионе с тем, чтобы в дальнейшем через него получить возможность проникнуть в Индию, более подробно отражены в труде М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии»¹⁹³. Работа носит исследовательский характер. Некоторые вопросы, касающиеся экспедиции Бековича-Черкасского и Флориа Беневени, освещены более детально. Довольно подробно отражены действия Петра I по подготовке и организации экспедиции для проверки правдивости известий, полученных им от Ходжи Нefеса и Гагарина, о наличии «золотого песка» и возможности повернуть русло реки Аму в Каспийское море¹⁹⁴. Следует отметить, что М. А. Терентьев, как и многие другие исследователи, отводил второстепенное место среднеазиатским владениям в стратегии внешнеполитического курса Петра I. Они, согласно его мнению, являлись только лишь промежуточным или тактическим звеном в осуществлении главной проблемы открыть торговый путь в Индию. «Не столько золото,— пишет М. А. Терентьев,— сколько возможность обратить величайшую из рек Средней Азии — Аму в Каспийское море, и тем открыть удобный путь сообщения России с отдалёнными странами» побудили желание Петра I предпринять экспедиции со стороны Каспийского моря и Сибири¹⁹⁵. Автор подробно описывает ор-

ганизованные в 1714 и 1717 годах экспедиции во главе с Бековичем-Черкасским¹⁹⁶.

Следует отметить, что автор не скрывает своей позиции возложить на Бековича-Черкасского всю вину за трагедию, постигшую экспедицию. По его мнению Черкасский действовал вопреки приказу Петра I. В частности, он выражает недоумение, почему тот вместо одной крепости, как было велено, построил три, в которых оставил почти всю пехоту и этот, по его мнению, «самый надёжный элемент совершенно бесполезно для дела оставлен был умирать в безводных и вонючих прибрежных укреплениях»¹⁹⁷. М. А. Терентьев считает также, что выбранный Бековичем Черкасским маршрут не соответствовал указанию Петра I. Среди ошибок, совершённых Черкасским, по мнению автора, следует выделить и то, что по мере приближения к Хиве, он вырядился в азиатский костюм, обрил голову и принял титул Давлят-Гирея, т.е. «покорителя царств», что вызвало подозрение его команды в измене, и, тем самым, подрывало их доверие к нему. Другой факт, на котором М. А. Терентьев опирается и выдаёт за доказательство измены Черкасского, то, что после смерти его жены и детей родственники, которые прежде чуждались его, примирились с ним и два его брата Сиунча и Ак-Мирза пришли со своими людьми, и остались в составе экспедиции¹⁹⁸.

Исследователь излагает о возникших разногласиях в руководящем составе экспедиции, в частности, между Черкасским и Кожиным. Последний, по мнению М. А. Терентьева, не хотел исполнять поручения князя Черкасского, не желал участвовать в экспедиции, доказывая, что она, не удастся и просил особого поручения в Индию. Он, якобы, знал от Люки — хана калмыцкого, что Хива готовится встретить русских подружелобно, с оружием. Возвратившись в Петербург, он об этом известил царя, Апраксина и Меншикова. Но его самовольный поступок не вызвал одобрения и он был наказан, хотя вскоре и был прощён¹⁹⁹. Спisyвая другие подробности о действиях руководства экспедиции, автор в качестве аргумента о некомпетентности Черкасского приводит и такой факт, что тот не смог заранее определить или заметить враждебные намерения хана, даже когда хи-

¹⁹² См.: Абаза К. К. Завоевание Туркестана.— С. 2—20; он же: Первые походы в Хиву: Зимний поход графа Перовского в 1839—1840 гг. // Родник.— 1889.— С. 155—169.

¹⁹³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— Т. 1.— С. 9—40.

¹⁹⁴ Там же.— С. 20—24.

¹⁹⁵ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— С. 21,

¹⁹⁶ См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— С. 20—26.

¹⁹⁷ Там же.— С. 27.

¹⁹⁸ Там же.— С. 22.

¹⁹⁹ Там же.— С. 31—32.

винцы во главе с ханом уже вели приготовления к нападению, в частности, сбор 24-тысячного отряда, так подействовавшего на Ходжи Нефеса, что тот бежал от русских. Другой факт — пленение 60 казаков, посланных на рыбную ловлю, на другой день после прибытия русских к Карагачу, т. е. 16 августа. А 17 августа хивинская конница внезапно атаковала русских. Бой продолжался до наступления темноты и возобновился на следующее утро. Они продолжались трое суток, по другим сведениям — 5 суток. В результате было убито 10 русских и только после этого, убедившись в безуспешности своих действий, хан пытался представить всё происшедшее случайным, произошедшим без его ведома. Но и после этого заверения хана Ширгази 20 августа вновь повторилось нападение²⁰⁰. В довершение всего о неискренности хана свидетельствовало и его возвращение царских подарков (с упрёком на изъяны сукна, его предварительно разорвал на несколько кусков Заманов), которое пришлось заменить. Тем не менее, как считает М. А. Терентьев, Бекевич пошёл на сделку с ханом, ставшую причиной гибели отряда. Поверив хану, предложившему разделить его отряд на мелкие части, якобы, для удобного его размещения, Черкасский отдал приказ об этом. Хотя у отдельных представителей командующего состава и возникли сомнения, они перед непреклонностью Черкасского не смогли устоять.

Описывая подробности печального финала экспедиции, М. А. Терентьев указывает, что истреблены были не все, наиболее сильных отобрали как рабочую силу. Пленных использовали на рытье каналов-арыков, и самые крупные из них, как например, канал Палван-ата, по преданию, существовавшим в Хиве, сооружены были русскими²⁰¹.

Впрочем, М. А. Терентьев приводит и другую версию гибели отряда, приведённую, по его словам, в книге Абдул Гази Бахадур-хана «Родословная история о татарах» (часть II, с. 354), согласно которой, якобы, во время переговоров Бекевич потребовал от хивинцев, чтобы они «разрушили

плотину, отклонившую реку от направления к Каспию». Но, получив отказ ввиду трудности выполнения этой задачи, он решил это сделать сам. Для этой цели, взяв аманатов из числа туркмен, заставил их пойти вместе с отрядом к Аму-Дарье, где надо было строить плотину, чтобы отвести реку от Аральского моря. Но проводники повели русских безводными степями, и когда на шестой день жажда заставила русских разделиться, чтобы скорее найти воду, то хивинцы порубили их саблями²⁰². Следует отметить, что сам же М. А. Терентьев сомневался в правдивости этого варианта, он отстаивает первый вариант и в гибели отряда, помимо Бекевича, обвиняет его офицеров Франкенберга и Пальчикова, которые не сумели отличить законное приказание от незаконных и повиновались начальнику, неспособному руководить²⁰³, что привело к катастрофическому концу. «Весь урон,— пишет М. А. Терентьев,— безумных распоряжений православного татарина превысил 6 000 чел. и 6 орудий»²⁰⁴, не говоря о материальной и моральной стороне вопроса.

Следует сказать, что данная экспедиция и личность Бекевича-Черкасского привлекали и советских исследователей. В этом плане определённый интерес представляет небольшая по объёму работа О. Ю. Омарова «Отважный исследователь Каспийского моря»²⁰⁵. Давая краткий очерк о значении Каспийского моря для России, через которое должны были устанавливаться тесные торговые контакты с восточными государствами, автор излагает и своё мнение о политике Петра I по отношению к Средней Азии. Не без основания он считает, что наиболее важным периодом в изучении этого моря является петровский период.

Омаров согласен с дореволюционными русскими исследователями об отношении Петра I к Средней Азии²⁰⁶. Также не противоречит его мнению относительно важности мероприятий Петра I для укрепления позиций России в Средней Азии. Некоторые противоречия имеются в определении

²⁰⁰ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— С. 31—32.

²⁰¹ Терентьев М. А. Указ, соч.— С. 34. Подробно о расчленении отряда, его истреблении и зверской жестокости при казни самого Черкасского и его приближённых см.: Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. Документ № 24.— С. 50—51; см. также показания Ходжи Нефеса и др., опубликованные в ЗИРГО.— Кн. IX.— СПб., 1853.

²⁰² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— Т. I.— С. 35—36.

²⁰³ Там же.— С. 35—37.

²⁰⁴ Там же.— С. 37.

²⁰⁵ Омаров О. Ю. Отважный исследователь Каспийского моря.— Махачкала, 1965.— 80 с.

²⁰⁶ Указ. сочинение.— С. 17—19.

заслуг самого Черкасского в осуществлении им указаний Петра I.

В работе О. Омарова даётся описание жизни и деятельности Бековича-Черкасского²⁰⁷. В гибели отряда он обвиняет Кожина, который будто бы всячески мешал и сопротивлялся нормальному осуществлению тех мероприятий, которые были указаны Петром и диктовали сами условия. Перед тем как выступить в поход, пишет О. Ю. Омаров, в Астрахань прибыл офицер А. Касаткин с новыми указаниями и наставлениями от Петра I. Для ознакомления с ними и обсуждения плана похода экспедиции был создан совет. Голоса на совете разделились, Кожин открыто обвинил своего начальника в злом намерении погубить вверенное ему войско. Он отрицал наличие пересохшего речного русла у Красных вод и утверждал, что по данному вопросу тот ввёл в заблуждение Ходжу Нефесом²⁰⁸. Считая обвинения Кожина беспочвенными, О. Ю. Омаров пишет: «Эти обвинения Кожина, как выяснилось, были явной клеветой». В качестве аргументов он приводит мнение авторитетных исследователей А. С. Берга и Л. Келя, высказавших сомнения по этому вопросу. «Впоследствии,— пишет он,— было установлено, что Бекович действительно нашёл прежнее место впадения Аму-Дарьи в Каспийское море»²⁰⁹. В качестве заслуги руководителя экспедиции он приводит изучение рельефа побережья Каспийского моря. По мнению О. Ю. Омарова Черкасский является автором его первой научной карты²¹⁰.

Заметный интерес к изучению экспедиции Бековича-Черкасского проявил известный туркменский историк М. Аннанепесов. В упомянутой уже книге «Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв.» он на основе архивных документов раскрывает цель и задачи экспедиции. Безусловно, в данной им сжатой характеристике события, связанные с экспедицией Бековича-Черкасского, заслуживают внимания. Учёный умело использовал обширный до-

²⁰⁷ Омаров О. Ю. Отважный исследователь Каспийского моря.— С. 20 и сл.

²⁰⁸ Там же.— С. 41.

²⁰⁹ Омаров О. Ю. Отважный исследователь Каспийского моря.— С. 41; см. и ср.: Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий.— М., 1946.— С. 174; Кель Л. С. Русло Узбой и его генезис//Турды Института географии АН СССР.— Вып. 30 — Л., 1939.— С. 71.

²¹⁰ Омаров О. Ю. Указ. работа.— С. 57 и сл.

кументальный материал²¹¹. Но несколько тенденциозны его выводы относительно гибели экспедиции. В этом он обвиняет хана Аюки и Ширгази-хана. Осуждая последнего, он пишет: «Зверский поступок Ширгази-хана — один из многочисленных примеров трусости восточных деспотов»²¹², которые часто творили кровавые злодеяния, лицемерно используя религию, фарисейски целуя Коран и т. д.»²¹³. Причём, автор старается во всём оправдать этот предприимчивый Петром поход в Среднюю Азию. Интересно отметить тот факт, что, излагая события, автор подчёркнуто описывает благожелательное отношение туркмен к русским, их готовность оказать им услугу. По его мнению, всё то печальное, что произошло в итоге с экспедицией Бековича-Черкасского, совершилось без участия туркмен. Они даже помогли Ходже Нефесу скрыться и избежать кары, которая нависла над ним, за сообщённые царю сведения о песочном золоте²¹⁴. Кстати, М. Аннанепесов действия Ходжи Нефеса показывает только с благородной стороны. По его мнению, он отстаивал благополучие своего народа. «Будучи движим,— пишет исследователь,— благородным стремлением повернуть Аму-Дарью по старому руслу в сторону Каспийского моря и тем самым обеспечить оросительной водой туркменские земли и открыть водный путь в страны Востока, он выражал вековые чаяния своего народа»²¹⁵.

Однако эти выводы являются беспочвенными из-за отсутствия какого-нибудь документального подтверждения. С такой же лёгкостью можно дать и противоположную оценку действиям Ходжи Нефеса, скажем, ради своей личной выгоды. В случае успеха (а он знал о могуществе России, несомненно, верил в него), ему сулило большое вознаграждение и может быть какой-нибудь высокий пост.

Итак, рассмотренные выше труды, в которых имеются сведения об экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву, несмотря на некоторую тенденциозность в изложении се-

²¹¹ См.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 18—38.

²¹² Можно подумать, что западные деспоты в этом плане отличались более благородными качествами.

²¹³ Аннанепесов М. Указ. работа.— С. 33. Разве мало примеров в истории фарисеев, целовавших Библию?

²¹⁴ Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 33—34.

²¹⁵ Там же.— С. 33.

бытий, воочию свидетельствуют о том, что Пётр I безусловно интересовался Средней Азией. И не только с торгово-экономических позиций. Вместе с тем, анализ приведённых фактов недвусмысленно убеждает в том, что через посредство Средней Азии российский монарх стремился установить постоянные торговые связи с Индией и если удастся — и с Китаем.

Посольство Флорио Беневени

Среди посольств, направленных как со стороны России, так и со стороны Хивы и Бухары в период правления Петра I после похода Бековича-Черкасского, вторым по значению является посольство Флорио Беневени. Русскими дореволюционными, да и советскими, исследователями его описанию уделено немало внимания.

Судя по имеющимся данным, Пётр I глубоко переживал о трагическом исходе экспедиции Бековича-Черкасского. Он сохранил до самой смерти глубокую ненависть и чувство мести за злодеяние, совершённое хивинским ханом. Это находит подтверждение и в приведённом А. С. Пушкиным предании о том, что «Пётр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отомстил Турции за прутскую неудачу, а Хиве — за убийство Бековича»²¹⁶. Поэтому любое противодействие, которое можно было учинить хивинскому хану, поощрялось Петром I. Примером тому может послужить пышная встреча, организованная царём послу бухарского хана Абулфейза Кулибеку, прибывшему с большой свитой из 62 спутников для поздравления Петра по случаю его победы над шведами. Разумеется, царь был проинформирован о том, что бухарский хан не только не поддержал действия хивинского хана в отношении к посольству Бековича-Черкасского, но и даже осудил их. Поэтому нужно было использовать эти и другие разногласия, имеющиеся между этими двумя правителями и создать условия для организации не только постоянного давления со стороны бухарского ханства, но и использовать последнее в качестве плацдарма для возможного смещения. Тем более, что Пётр I не отказался от мысли укрепить свою позицию в Средней Азии и получить максимум возможностей к расширению

²¹⁶ Пушкин А. С. История Петра // Полн. собр. соч. — 4-е издание. — Т. 9. — Л., 1974. — С. 190.

торговли в этом регионе, а через него — с Индией и Китаем. Следовательно, воспользовавшись желанием Абулфейза-хана видеть у себя в Бухаре с ответным визитом русского посла — «разумного человека». Пётр I принял решение дипломатическим путём выяснить обстановку в Средней Азии, чтобы в дальнейшем действовать, исходя из реальной ситуации (хотя и бытует мнение о том, что вначале царём было задумано организовать «Великое посольство») ²¹⁷. Для этой цели и было организовано посольство, во главе которого был поставлен секретарь Ориентальной Комиссии коллегии Министерства иностранных дел Флорио Беневени. Это был человек незаурядных способностей, отлично знавший персидский, турецкий, татарский и итальянский языки ²¹⁸.

Посланнику, кроме царской грамоты и всевозможных подарков для хана и его приближённых (на сумму 3 тысячи рублей), была вручена секретная инструкция или программа действий от 13 июля 1718 года за подписью канцлера Головкина и подканцлера Шафировова, которая была составлена согласно указанию Петра I. Она состояла из 7 пунктов ²¹⁹, содержание которых сводится к следующему: 1) застать ожидавшего его в Астрахани бухарского посла Кулибека. Представиться бухарскому хану в качестве посланника царя; 2) ехать с послом бухарским «инкогнито под другим лицом», тщательно наблюдать пристани и города и какие «реки большие и малые впадают» в Каспийское море, скрытно, но тщательно смотреть города, их фортификационные сооружения; 3) предварительно узнать, как прежде принимались послы от шаха персидского и царских посланников, требовать «почётной аудиенции, достойной царского величества»; 4) находясь в ханстве, тщательно разведать, сколько крепостей имеется. Узнать их места расположения, число войск, их род и видов оружия; 5) прилежно разведывать отношение хана с персами и хивинцами и с другими соседственными владетелями, так же и с турками, и не «имеет ли от кого какой в нападении на

²¹⁷ См.: Воловников В. Г. По дорогам Востока и времени. (Вступительная статья) // Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 гг. — М., 1986. — С. 16.

²¹⁸ Более подробно о Флорио Беневени см.: Указ. раб. — С. 12—18.

²¹⁹ Полный текст см.: Инструкция секретаря экспедиции Ориентальной комиссии Флорио Беневени. Приложение // Посланник Петра I на Востоке. — С. 136—137.

себя опасности, и силён ли он в подданных своих, и самовластелен ли, и не склонны ль подданные к бунту, и какая форма управления, так же с кем граничит их земля, и от кого имеет больше опасности, и с кем в дружбе, и не потребна ль им будет помощь царского величества...». По возможности заключить оборонительный союз «против всех нападателей на обои владения, а больше на хивинцев...»; б) тщательно разведать и усмотреть «какие товары бухаряне в своём владении имеют и куда оным торгуют и не возможно ль те край российского купечества размножить и чрез какой канал и какие товары потребны...»; 7) посланнику поручено узнать о Бухаре и Хиве, в каком из притоков Аму-Дарьи добывают золото (то, что было поручено узнать Бековичу-Черкасскому). «При наличии крепости и людей можно ли получить много золота». Кроме того, поручено было стараться узнать не будет ли раздражать бухарского хана, если русские заведут туда людей с надёжной охраной от нападения хивинцев. О важных наблюдениях Флорио Беневени, согласно инструкции должен был сообщить через посыльных царю. В конце также было указано узнать, желает ли хан иметь для собственной охраны «несколько сот или более российских людей».

Анализируя степень изученности вопроса и в ней заслуги русских дореволюционных исследователей, следует отметить, что посольство Флорио Беневени в той или иной степени находит своё освещение в работах, касающихся изучения политики Петра I в Средней Азии, наиболее известные представители которых упомянуты выше. В этом плане несколько выделяется работа А. Попова «Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом». Подробно описывая торжественный приём бухарского посла Кулибека 10 октября 1717 года Петром I, автор подводит к мысли о том, что этот приём имел прямое отношение к печальным последствиям экспедиции Бековича-Черкасского. Пётр хотел до конца разобраться в причине такого исхода и использовать бухарского хана не только для оказания постоянного давления и нагнетания страха на хивинского хана, как минимум, но и для прямого военного вмешательства в Хиву, чтобы тем самым укрепиться в Средней Азии и в дальнейшем осуществить намеченный дипломатический курс — сближении России к Индии и Китаю. Воспользовавшись случа-

ем, Пётр I решил вместе с Кулибеком послать Флорио Беневени.

В работе приводится основное содержание Инструкции, согласно которой должен был действовать посланник²²⁰. Освещая задачи, стоящие перед экспедицией, автор, в частности, пишет, что «кроме политической цели это посольство имело и цель торговую»²²¹.

Опасаясь нападения хивинцев, посольство пошло через Иран. И лишь после долгих и трудных препятствий, краткое описание которых приводит А. Попов²²², в начале ноября 1721 года удалось прибыть в Бухару. Оно было принято ханом Бухары Абулфейзом весьма любезно и по воле обстоятельств оставалось в ханстве до 8 апреля 1725 года. А. Попов даёт подробное изложение истории нахождения посольства в Бухаре. 8 апреля 1725 года никому не говоря ни слова о своём намерении, оставил всё своё имущество одному русскому купцу, Беневени с проводником-татаринном в спешном порядке выехал из Бухары²²³. Причины долгого задержания его в Бухаре сообщены в реляциях Петру I и письмах, отправляемых им в Коллегию иностранных дел. В этом отношении важен и такой документ как «Краткий журнал посланника... Флорио Беневени в Бухарах бывшего». В нём в краткой форме довольно чётко приводится всё сделанное Флорио Беневени в порядке выполнения изложенных в Инструкции указаний²²⁴. Судя по их содержанию, бухарский хан, всецело находясь под влиянием знати, которая была враждебно настроена против России, не мог положительно решить те вопросы, которые ставил Флорио Беневени согласно порученной им Instruc-

220 См.: Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой.— С. 35—36. Следует заметить, что автором в качестве приложения к работе приведён полный текст Инструкции.— См. с. 102—104.

221 Там же.— С. 38; см. также: Воловников В. Г. По дорогам Востока и времени.— С. 12—20.

222 Попов А. Указ. работа.— С. 55—70.

223 Более подробно см.: Ахмедов Б. А. Реляция из Бухары Флорио Беневени // Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. Письменные памятники.— Ташкент, 1983.— С. 212—216.

224 Полные тексты о реляции и «Краткий журнал» см.: Посланник Петра I в Востоке.— С. 32—135.

ции²²⁵ Тем временем наиболее ярые противники сближения с Россией советовали хану ограбить и убить посланника. Хан даже не имел возможности беседовать с ним наедине. Поэтому он всегда при встречах воздерживался от прямого ответа и откладывал окончание переговоров. Наконец, Флорио Беневени, убедившись в невозможности заключения договора, причём ради осторожности не раскрыв хану некоторые пункты полученной им от Петра I инструкции (например, предложение о выделении ему, т.е. хану, личной гвардии из числа русских солдат или казаков), чувствуя, что тучи всё более сгущаются над его головой, решил тайком бежать из Бухары.

А. Н. Поповым приводится и посещение Флорио Беневени Хивы, куда неоднократно его звали представители Шергази-хана, причём правитель этой страны принял его дружелюбно. По-видимому, Шергази-хан этим самым хотел загладить свою вину перед Россией за злодейское уничтожение отряда Бековича-Черкасского. Он очень опасался, что Пётр I может жестоко наказать Хиву. Опасения хана усиливались вдвойне и тем обстоятельством, что положение внутри ханства было нестабильным, хан хорошо осознавал шаткость своего положения. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к записям Флорио Беневени, изложенным им в «Журнале» своего путешествия, представленного в Коллегию иностранных дел. Там, в частности, приводится содержащее его разговора с хивинским ханом в ходе одной из аудиенции, где наряду с другими вопросами речь шла об экспедиции Бековича-Черкасского. По завершении беседы хан просил посла передать царю, что князь Бекович «претендовал быть от фамилии Гиурджи-Хана и, что противно указам его величества имел с собою солдат многие тысячи. Въехав в Хиву, учинил сам себя ханом по своей воле яко наследственным, и что не приезжал он как посол, как его величество ему поверил»²²⁶.

Из сохранившихся документов, составленных Флорио Беневени, А. Н. Попов приводит немало сведений, касаю-

щихся социально-политического и экономического положения в Бухаре и Хиве. Так, А. Попов передаёт слова Флорио Беневени о том, что «торговля в Бухаре некогда была довольно значительна, но в последнее время упала от постоянных возмущений узбеков»²²⁷.

Упоминая о посольстве Флорио Беневени, И. Вессловский в «Очерке историко-географических сведений о Хивинском ханстве», указывает на причины, побудившие Петра I к отправке этого посольства. В этом плане он подтверждает в общем мнение А. Попова относительно результата поездки. Выделяет лишь то, что поездка Флорио Беневени способствовала расширению сведений познавательного характера. Собранные им сведения изложены и в его дневнике, который он вёл в Бухаре, а на обратном пути — и в Хиве»²²⁸. Автор также указывает на крайне незавидное положение Шергази — хана хивинского, который смертельно опасался мести русских за устроенную им резню над членами экспедиции Бековича-Черкасского. Чтобы каким-то образом смягчить ярость царя, он хотел освободить всех 1500 русских невольных, но «узбеки не хотели подчиняться ему»²²⁹.

Посольство Флорио Беневени получило освещение и в работе А. Шелелева «Очерк военных и дипломатических сношений». Хотя речь здесь шла с подробностями этого посольства, фактически автор не мог добавить ничего существенного по сравнению с предыдущими публикациями²³⁰, если не считать оценку, данную им Петру I о его решимости в доведении до конца начатых дел. По его словам, царь «не переставал подготавливать почву для достижения своих целей в Средней Азии»²³¹.

Достоинно внимания и стремление Ф. И. Лобысевича в освещении истории посольства Флорио Беневени. Он также отмечает, что отношение Петра I к Бухаре, в отличие от Хивы, развивалось в ином русле. Царь не изменил своего

²²⁵ См.: Воловников В. Г. По дорогам Востока и времени.— С. 20—25.

²²⁶ Перевод из итальянского журнала, который был передан Флорио Беневени в Коллегию иностранных дел // Посланник Петра I на Востоке.— С. 115—116.

²²⁷ Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарой.— С. 66.

²²⁸ Вессловский И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 175.

²²⁹ Там же.— С. 177—178.

²³⁰ Шелелев А. Очерк военных и дипломатических сношений.— С. 21—23.

²³¹ Там же.— С. 24.

отношения к задуманному плану до конца жизни. Поэтому удачно использовал приезд бухарского посла Кулибека, чтобы вместе с ним отправить своего представителя-посла. Таковым был Флорио Беневени. В работе Ф. И. Лобысевича имеются подробности о деятельности Флорио Беневени в Бухаре. Отмечено, что хотя в Бухаре посол был принят с почётом, но, тем не менее, из-за постоянных распрей между феодальными кругами этой страны, его жизнь была в опасности. Однако, благодаря своей изворотливости и сообразительности, Беневени всё-таки удалось послать своего человека в Балх и Бадахшан, чтобы собрать сведения о драгоценных минералах. Он не переставал собирать и сообщать государю весьма любопытные сведения о внутреннем положении ханства, отношениях его с соседями, торговле и других вопросах, включённых в программу его инструкции. Сведения о «богатствах бадахшанских», по-видимому сильно подействовали на посла и он в одном из сообщений предлагал Петру Великому снарядить экспедицию для овладения странами в верховьях Окса, поясняя, что при тогдашних «постоянных между владельцами ссорах не встретится к тому больших препятствий»²³². Описаны также ситуации, в которых находился Беневени при его возвращении. Вырвавшись бегством из Бухары, он был приглашён ханом Хивы Ширгази. В ходе бесед, которые проходили с необыкновенной любезностью, хан объяснил ему, что Бекович-Черкасский сам виноват в трагедии экспедиции²³³.

Вопросы, связанные с экспедицией Флорио Беневени, находят краткое изложение в работе М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии»²³⁴. Как и приведённые выше исследователи, он склонен утверждать, что неудачи, постигшие Россию по результатам экспедиции Бековича-Черкасского, «несколько однако же не отклонили Петра I от видов на Среднюю Азию»²³⁵. Им также приводятся некоторые подробности о подготовке и отправке экспедиции Флорио Беневени, но в целом по той известной схеме которой придерживались многие другие исследователи. Он

²³² Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии.— С. 35.

²³³ Там же.— С. 37.

²³⁴ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— Т. 1.— С. 37—42.

²³⁵ Там же.— С. 37.

подтверждает и тот факт, что послу было поручено утвердить русское влияние в Бухаре и по возможности заключить с ней оборонительный альянс, а хану — предложить гвардию из русских. «Кроме того, Беневени должен был собрать сведения о торговле и особенно разведать о реках золотоносных»²³⁶.

В известной мере освещены были нахождение посла в пути и пребывание в Бухаре. Причины неудачного итога посольства М. А. Терентьев видит в нестабильности положения в Бухаре, где происходили частые войны с Хивой, междоусобица среди феодальных кругов, что делало положение хана ненадёжным²³⁷. Что касается посещения послом Хивы, то М. А. Терентьев указывает, что хивинцы направили к нему своего представителя, чтобы пригласит его в Хиву. «Они боялись мщения России за Бековича и поэтому искали примерения с нею», — писал он. В конце-концов Беневени удалось воспользоваться этим приглашением. Бежавший 8 апреля 1825 года тайком из Бухары, он прибыл в Хиву через 11 дней. Говоря о радушном приёме Беневени ханом Шергази, автор особо выделяет при этом слова последнего о том, что «Бекович действовал для своей личной выгоды». Опираясь на это, М. А. Терентьев говорит, что это бросает свет на действия Бековича: становится понятным и принятое им прозвище «Покорителя царств» (Даулет Гирей) и бритьё головы, и азиатский костюм. Что касается итогов экспедиции и её выгоды для российского государства, то мнение Терентьева выражено в следующих словах: «Беневени, не успевший приобрести для России ни политических, ни торговых выгод, весьма внимательно разведая о минеральных богатствах края». Кратко характеризуя сведения, порученные Беневени, в соответствии с требованиями Инструкции, автор приводит, в частности, факты, полученные в результате поездки камердинера Беневени Николая Мишера в Балх и Бадахшан, согласно которым подтверждалось мнение о наличии золота, серебра, лалов и других минералов, которыми богата Средняя Азия. В этой связи исследователь приводит и мнение посла о том, что единственно верный путь к пополнению казны — покорение Средней Азии силой оружия, тем более, что ситуация бла-

²³⁶ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— С. 38.

²³⁷ См.: Там же.— С. 38—39.

гоприятствовала и, согласно его наблюдениям, «все генерально между собой драки имели»²³⁸.

Все вышеприведённые факты, касающиеся участия М. А. Терентьева в исследовании вопроса, дают основания для вывода о том, что если ему не принадлежит заслуга быть одним из первых среди исследователей политики Петра I в отношении Средней Азии, то всё же удалось несколько углубить анализ происходивших событий, высказать по ним своё самостоятельное суждение. Не менее важно и то, что данный вопрос, как соответствующий раздел серьёзного труда, удачно вписывается в общий контекст тех проблем, исследование которых составляет его основу.

Прослеживая степень изученности политики Петра I в Средней Азии, его стремления проникнуть вглубь региона, следует добавить ещё один факт, ускользнувший из виду русских и советских (за исключением М. Аннанесова) авторов, свидетельствующий о повышенном интересе царя в осуществлении задуманного им плана. Это исследования английского капитана Бруса на восточном побережье Каспийского моря, проводившегося по поручению Петра I в 1723 году. Результаты их были опубликованы в 1772 году в Лондоне²³⁹.

Анализ имеющихся фактов и суждений в работах русских дореволюционных авторов, касающихся русско-среднеазиатских отношений периода правления Петра I, приводят к заключению о том, что данный вопрос стоял в центре внимания исследователей-ориенталистов. Дополняя друг друга новыми фактами и суждениями, они воссоздали довольно полную картину политики Петра I по отношению к Средней Азии. Но несмотря на ценный вклад, который они внесли в изучение этого вопроса, следует отметить и некоторую, на наш взгляд, тенденциозность и предвзятость при оценке социально-экономического положения в ханствах Средней Азии.

Итак, в дореволюционной русской историографии политика Петра I в Азии определяется следующим образом:

²³⁸ См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии.— Т. 1, С. 39—40.

²³⁹ The Country of Turkomans.—London, 1977.— P. 89, См. также: Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений, — С. 71.— Прим, 3,

проникнуть в Среднюю Азию и посредством этого региона установить торгово-экономические связи России с Индией и Китаем. Для таких выводов, разумеется, были основания. Исследователи исходили из тех реалий, при которых принимались решения. Они не могли не понять следующие факторы, стимулирующие проведение активной политики Петра I в Средней Азии:

1) государства Средней Азии к тому времени уже потеряли экономическую и военную мощь, которую имели в средние века, когда они являлись центром среднеазиатской торговли и торговых миссий между Европой и Азией;

2) усиление междоусобных войн, которые к тому времени привели этот край к разорению;

3) сама просьба хивинского хана Шахнияза о принятии ханства в русское подданство (хотя понятие «подданство» было совершенно иным, т. е. только защитной мерой, направленной против более сильного соседа, каким являлось Бухарское ханство).

Указанные факторы, разумеется, не могли не вселить в Петра I уверенность в лёгкой процедуре склонения ханств Средней Азии к подданству России и с их помощью открытия пути в Индию. Судя по мнению большинства исследователей, это и являлось главным в общей стратегии внешнеполитического курса российского самодержца в данном направлении.

Выражая полное согласие в правильности принятых Петром I решениях, исследователи по всей вероятности не задумывались глубоко над тем обстоятельством, что Пётр I считал земли Средней Азии преждевременно уже «своими». Иначе с какой целью было организовывать посольство в сопровождении значительного контингента вооружённых людей и отправлять его через чужое и почти неизвестное для России государство, каким являлась Хива? Тогда и вывод о гибели экспедиции Бековича-Черкасского не был бы столь примитивным. Одни обвиняют в трагедии экспедиции только Бековича-Черкасского, другие в злодейских действиях хивинского хана, третьи — в прелатстве и двуличной роли калмыцкого хана Аюки (среди их приверженцев есть и советские исследователи²⁴⁰), четвёртые — во враждебных

²⁴⁰ См.: Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений,— С. 31—39,

отношениях местного населения к русским и представителям русского правительства. О вероятности первых трёх причин свидетельствуют вышеприведённые факты и выводы исследователей. Что касается состоятельности вывода приверженцев последней точки зрения, то письмо туркменского старшины Сеид Мухаммад Султана на имя астраханского губернатора от 25 июля 1715 года свидетельствует об обратном. В нём он писал: «...По указу великого государя приехал к нам князь Александр Бекович, и по приказу его мы всё исполнили такожде и для дружбы, и он князь делал нам добро»²⁴¹. Здесь недвусмысленно говорится о доброжелательном отношении местных жителей и представителей администрации, потому что не чувствовали они опасности в намерениях России, а во второй экспедиции, состоявшей уже из значительного количества войск, правители Хивы и население увидели угрозу для страны. Эту мысль подтверждает в своём дописании казанский губернатор П. С. Салтыков, направлением в адрес президента коллегии Адмиралтейства, где речь идёт о казни Бековича-Черкасского (от 2 октября 1717 г.). В документе говорится: «И оны-де хивинцы говорили ему, капитану: ежели б-де он князь Черкасский, от царского величества был послом, и с ним бы-де надобно людей человек с двести, а ныне с ним много людей»²⁴².

Подытоживая сказанное выше, следует заключить: в трагическом исходе экспедиции, прежде всего, виноват А. Бекович-Черкасский, который чересчур доверился словам Ширгази-хана и разделил свой отряд на пять отдельных частей (в противном случае хивинцы, безусловно, не осмелились бы напасть на него)²⁴³. Воспользовавшись этим, хивинский хан вопреки договорённости вероломно и жестоко расправился с отрядом Черкасского.

И гибели экспедиции сказались и недочёты в среднеазиатской политике Петра I. Допустим, что если бы даже удалось Бековичу осуществить предписания Петра I, то его успех был бы временным. Потому что укрепить свои позиции в чужой труднодоступной стране с ограниченным количеством войск, без надёжного тыла, конечно, было невозможно. Всё это наводит на мысль о закономерности гибели

экспедиции. Исходя из такого суждения, нельзя не усомниться в утверждении В. В. Григорьева о том, что предпринятая Петром I «затея, при тогдашнем положении дел в Средней Азии, нисколько не была рискованною, но и могла бы увенчаться полною удачею, не испорти государь всего дела возложением его на князя Бековича-Черкасского»²⁴⁴.

Следовательно, нельзя односторонне смотреть на отношения Петра I к Средней Азии. На наш взгляд, независимо от намерения его установить тесные торговые контакты с Индией через Среднюю Азию, последняя для него не была лишь пустым пространством, не сулившим никакой выгоды, как это стремятся представить большинство исследователей. В своих суждениях они почти совершенно не брали во внимание или же может быть попросту не могли понять до конца устремления Петра I. Иначе бы могли заметить повышенный интерес царя к этому региону. Во всяком случае сопоставление фактов приводит к такому логическому суждению, что когда речь шла об утверждении господства России над Средней Азией, на переднем плане не стояла экономическая выгода только по той причине, что русский самодержец считал эту проблему для себя решённой или почти решённой. Поэтому его волновали более дальние перспективы, т. е. те соблазнительные планы, которые должны были решаться после «лёгкой процедуры» подчинения Средней Азии.

О значении, которое Пётр I придавал Средней Азии, свидетельствует хотя бы тот факт, что, узнав о «золотом песке» и возможности повернуть русло Аму-Дарьи к Каспийскому морю, он сразу же взялся за организацию экспедиции. Теперь покорение края и добыча золота выходят на первый план. Уверенность в приобретении несметного богатства и возможности открыть путь в Индию и стали по сути катализаторами действий Петра I. «И в самом деле, говорится в одном из документов,— будь только русское войско в Хиве, тогда и при сохранении местной хивинской власти, действительное владычество над страной перешло бы, конечно, в руки России»²⁴⁵.

²⁴⁴ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии.— С. 12.

²⁴⁵ Архив Внешней политики России.— Ф. СПб.— Гл. Арх. 1—9.— Ол. 8.— Д. 6.— Ч. II. Краткое обозрение сношений России с Хивой.— Л. 671.

²⁴¹ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— Док. № 2.— С. 26.

²⁴² Там же.— Док. № 13.— С. 33—34.

²⁴³ См.: Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX—начале XX вв.— С. 12.

Говоря о походе Бековича-Черкасского, отдельные западноевропейские авторы, в том числе, немецкий исследователь истории Средней Азии фон Вартенбург²⁴⁶, недвусмысленно утверждали, что Пётр I ставил своей задачей вначале захватить Хиву, а затем подчинить Индию. Такое утверждение не совсем верно. Не имея чёткого представления об Индии (о её военном потенциале), естественно, он не мог поставить вопрос об её покорении, чего не скажешь, как отмечено выше, по отношению к Средней Азии. Поэтому справедливее будет поддержать мнение о том, что Пётр I интересовался, главным образом, вопросом расширения торговли России со странами Востока, в том числе и с Индией, но отнюдь не стремился к её захвату.

Было бы ошибкой, разумеется, видеть в действиях Петра I в Средней Азии только неудачи и разочарования или просто реакционное колониальное стремление. Хотя, согласно верному определению Л. Костенко, ему «принадлежит начало систематического водворения» в регионе русского влияния²⁴⁷.

Надо отдать должное большинству авторов, которые отметили, что труд русского императора в этом направлении не пропал даром. Он по сути заложил прочную основу для будущего развития торгово-дипломатических взаимоотношений. И самое главное, по очень четкой и лаконичной оценке академика В. В. Бартольда «с именем Петра I связаны первые русские работы научного характера в области изучения Востока»²⁴⁸, что в полной мере относится и к Средней Азии.

Русско-среднеазиатские взаимоотношения при преемниках Петра I

Согласно заключению большинства русских исследователей и сохранившихся источников, русско-среднеазиатские торгово-дипломатические отношения при преемниках Петра I несколько ослабли. Разумеется, на это были свои при-

чины. В этой связи нельзя сбрасывать со счетов дворцовые интриги, приводившие к сравнительно частым переворотам, при ближайших преемниках Петра I²⁴⁹, как один из факторов ослабления русско-среднеазиатских отношений, о которых почти умалчивают как дореволюционные, так и исследователи новейшего периода. Зато проявляется почти единодушно мнение о том, что всё-таки гибель экспедиции Бековича-Черкасского стала главной причиной взаимного недоверия и подозрительности²⁵⁰. Более того, со стороны России возрастало чувство мести за содеянное — в офицерских кругах, русской дипломатии и правительства в целом. Хотя у российских властей было и стремление к утверждению своего влияния в Хиве. Но всё же в общем кажущемся широком спектре мнений, по сути фактически приведших к указанному общему выводу о причинах ослабления русско-среднеазиатских взаимоотношений при преемниках Петра I, есть и иное суждение. В этом плане любопытны выводы В. В. Григорьева, видевшего главную причину ослабления русско-среднеазиатских отношений при ближайших преемниках Петра I в излишней европеизации русского двора. Слепо подражая западным атрибутам в управленческом обиходе и предавая забвению интересы России на Востоке, которые всегда были в центре внимания не только Петра I, но и многих его предшественников-престоловладельцев, иноземцы, безудержно привлекавшиеся на российскую службу, естественно, не проявляли никакого интереса к тому курсу, к которому он стремился.

Сложение повышенного интереса «без разбора ко всякой западной европейщине», по мнению В. В. Григорьева, и привело к тому, что политика российского правительства «по отношению к Средней Азии в течение XVIII столетия должна была сильно понизиться в уровне против таковой же политики не только в XVII, но даже и XIV века с немалым

²⁴⁶ Von Wartenburg. Das Vordringen russischen Macht un Asien. — Berlin, 1900.— j. s. 9.

²⁴⁷ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданскойственности.— С. 89—90.

²⁴⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России — С. 391.

²⁴⁹ О дворцовых интригах и переворотах см.: Воллшевский К. Преемники Петра (перевод с французского).— Репринт-воспроизведение изд. 1912 г.— М., 1990; Аписимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра.— М., 1986; Безвременье и временажи: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720.—1760-е гг.).— Л., 1991.

²⁵⁰ Аннапепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 39.

от того ущербом, как для интересов русского народа, так и для достоинства самого правительства»²⁵¹.

Ослабление русско-среднеазиатских отношений находит подтверждение и у А. Шепелева. «Ближайшие преемники Петра I,— пишет он,— оградичились, так сказать, отрицательной политикой по отношению к Средней Азии, хотя продолжали поддерживать с ханствами безрезультатные сношения»²⁵².

Исследователь выражает в данном случае общую атмосферу взаимоотношений и их сохранение не на прежнем уровне, тем не менее, категоричность его заявлений об «отрицательной политике» и «безрезультатных сношениях», судя по данным других лиц, является несколько преувеличенной. В этой связи нельзя не замечать полностью или игнорировать обоюдную заинтересованность сторон в оживлении торгово-дипломатических отношений. О том убедительно свидетельствуют сравнительно частое направление послов в Россию и порсю проявление любезности со стороны официальных лиц в их приёме, и наоборот, отправка русских послов в Среднюю Азию. К тому же, приведённые тем же исследователем данные о довольно быстром возобновлении прерванных отношений с Хивой ставят под сомнение категоричность его же мнения.

«В 1726 году,— пишет А. Шепелев,— явился в Россию хивинский посланец Субхан-Кули, отправленный вслед за выездом из Хивы Беневени, вероятно ему поручено было просить о забвении злодейского поступка с Бековичем, на что и последовало разрешение Верховного совета от 27 апреля 1727 года о возобновлении прерванных с Хивой торговых сношений»²⁵³. Мнения о том, что целью отправки Субханкулихана явилось возобновление прерванных из-за убийства Бековича-Черкасского торгово-дипломатических отношений, поддерживают и другие исследователи, в частности, С. В. Жуковский²⁵⁴.

А. Шепелев склонен утверждать, что оживление в улуч-

шении отношений России со Средней Азией наблюдалось в период правления императрицы Анны Ивановны (1730—1740 гг.). Хотя Ф. И. Лобысевич однозначно отмечает отсутствие их практических результатов²⁵⁵. Поводом же к такой перемене в отношениях послужило заявление хана Малой орды Абулхайра о желании его и подвластных ему кочевников принять подданство России. Но, как вскоре выяснилось, это была личная инициатива Абулхайра. Не имея достаточного влияния у народа, «он затеял всё это для того, чтобы получить заручительство и поддержку русского правительства и удержать власть»²⁵⁶. Впоследствии, благодаря умелым действиям М. Тевкелева (татарин по происхождению, переводчик Коллегии иностранных дел), контакты были налажены, хотя трудно было ощутить их практические результаты.

В этой связи следует отметить, что казахи всех трёх орд, притеснённых калмыцкими правителями, часто подвергавшихся нападению на них и порою вынужденных признавать над собой их власть, должны были прибегнуть к демонстрации своей подданности и преданности русским властям. Ещё в 1717 году, в период правления Петра I, намеревавшегося подчинить казахскую степь, все три хана — Тявка, Каип и Абулхайр — признали себя подданными России, но это, как и подданство Хиве, использовалось лишь для укрепления позиций правителей в глазах своих внешних и внутренних соперников.

Абулхайр, «теснимый джунгарами и тревожимый башкирами и калмыками»²⁵⁷, подтвердил своё подданство в 1730 году. Причём, присягая на подданство, он обещал: 1) охранять русские границы, смежные с землями киргизов; 2) защищать купеческие караваны при следовании их через степь; 3) давать подвластных своих в случае надобности как вспомогательное войско и 4) платить ясаки звериными шкурами. Взамен просил «утвердить за его родом ханский титул на вечные времена»²⁵⁸. После чего к нему был от-

²⁵¹ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. — С. 13—14.

²⁵² Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. — С. 24.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 66—67.

²⁵⁵ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии. — С. 41.

²⁵⁶ Там же. — С. 40.

²⁵⁷ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. — С. 106.

²⁵⁸ Там же. — С. 107.

правлен упомянутый М. Тевкелев. В результате продолжительных (двухлетних) переговоров ему удалось склонить к присяге в подданстве России не только Малую Орду (с ханом Абулхайром), но и часть Средней Орды с её ханом Идеякой²⁵⁹. Желание Абулхайра о постройке двух городов, имеющих стратегическое значение, на реке Ори (притоке Яика, позднее переименованного в Урал) и в устье Сыр-Дарьи было передано русскому правительству через посольство во главе с сыном Абулхайра Эрали, отправленном в Россию вместе с Тевкелевым.

Известны факты о пребывании хивинского и бухарского госла Ядгара (правильнее — Ядгар) в России в 1730 году. Следует отметить, что Ядгар, как бывший бухарский купец, принимавший подданство России, жил в Астрахани. В 1738—39 годах в качестве представителя русской дипломатии был отправлен в Бухару и Хиву. Как ни парадоксально, по окончании переговоров он вернулся в Россию в качестве бухарского и хивинского посла. А 22 июня 1731 года, излучив стипендию аудиенцию, с ответными грамотами вновь был отправлен в Хиву и Бухару. Вместе с ним из Москвы были направлены полковник Гербер, в обязанности которого входила охрана купеческого каравана, и московский купец Якоб Семеновиков — для наблюдения за торговыми делами. Но поездка сложилась неудачно. На них напали киргиз-кайсаки и ограбили их караван. В результате они были вынуждены вернуться обратно²⁶⁰.

Относительно того дипломатического курса или дипломатической игры, которую вёл с русским правительством Абулхайр²⁶¹, следует подчеркнуть тот факт, что он всегда во главу угла ставил свои интересы, умело используя чувство великодержавного величия России по отношению к себе как к слабому, незащищённому соседу. Поэтому при возникновении внутренней нестабильности и внешней угрозе правительству Хивы традиционно прибегало к просьбе о принятии его в подданство России. Причём, в таких случаях

²⁵⁹ См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г.— С. 11—12; Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана.— С. 81—82.

²⁶⁰ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 68—69; Лобисевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии.— С. 41.

²⁶¹ Более подробно о деятельности и политике Абулхайра см.: История Казахской ССР.— Алма-Ата, 1957.— С. 234—243.

властителей Хивы мало интересовало мнение народа, о чём свидетельствует и случай, упомянутый выше. Стоило А. Тевкелеву лишь приложить больше усилия и мапористости, как удалось наладить взаимопонимание Абулхайра с подвластным ему народом в признании его решения о принятии в российское подданство.

Желание Абулхайра о строительстве городов совпало с интересами российского правительства, которое учитывая ослабление Турции и ханств Средней Азии, замышляло овладение последней и составляло «обширные завоевательные проекты»²⁶². Центральное место в этих проектах занимало мнение сенатского обер-прокурора Кириллова, призывавшего русскую власть в Средней Азии «с помощью киргизкайсацких орд». Созданная по его плану и под его начальством Оренбургская экспедиция²⁶³ (1734 г.) должна была осуществить полное овладение Россией Аральским морем и вновь поднять неосуществлённый при Петре I вопрос об открытии торгового пути через Среднюю Азию к Индии²⁶⁴. Для этой цели в 1735 году Кирилловым был построен на реке Ори город Оренбург (на месте нынешнего Орска), но ввиду неудачного выбора местности в 1739 году город был перенесён на новое место (Красногорская станция), и оттуда в 1742 году — в третий раз — на новое, т. е. место нынешнего Оренбурга. Вскоре из Уфы в этот город были перенесены административные учреждения, и в 1744

²⁶² См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 405—406; см. также: История Казахской ССР.— С. 238—239.

²⁶³ Экспедицию возглавляли: Обер-секретарь Сената, статский советник Кириллов (1734—1737 гг.), тайный советник Татищев (1737—1739 гг.), генерал-лейтенант, князь Урусов (1739—1741 гг.) и тайный советник Неплюев (с 1842 г.). Причём, согласно Инструкции, основные задачи экспедиции сводились к устройству и обеспечению границ по р. Яик, в «упрочнении подданства киргиз-казахов» и развитии торговых отношений со среднеазиатскими странами. Следует сказать, что задачи эти были удовлетворительно решены только с упразднением в 1824 г. ханов в киргизских степях и особенно с заведением в них русских укреплений и поселений». См.: Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана.— С. 81—82.

²⁶⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 406; см. также: Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских.— С. 82.

году была образована Оренбургская губерния. Город Оренбург, таким образом, до завоевания Средней Азии и создания Туркестанского генерал-губернаторства стал главным центром административного управления казахскими степями, и, совершенно вытеснив Астрахань, явился определяющим пунктом торгово-дипломатических отношений России с государствами Средней Азии²⁶⁵. Продолжавшиеся враждебные отношения между башкирами и киргизами и частые нападения их друг на друга способствовали довольно беспрепятственному укреплению России в этом регионе, что однако мешало выполнению намечанного Кирилловым плана, одним из пунктов которого было построение города в низовьях Сыр-Дарьи.

Всё это свидетельствует о непрекращающихся попытках России найти благоприятные возможности приближения к границам Средней Азии, а со стороны среднеазиатских правителей, главным образом Хивы, не только наладить взаимовыгодную торговлю, но и использовать мощь России для обеспечения своей безопасности. Другое дело — посольства не всегда добивались желаемых результатов. В частности, очередным неудачником оказался хивинский посол Хаджи Батыр, скончавшийся в 1733 году в Астрахани.

В августе 1734 года в Петербург прибыл бухарский посол Алибек-парваначи вместе с купцом Нагбет-караулбеги и есаулом Пирмухаммедом и свитой из 41 человека для поздравления Анны Ивановны по случаю вступления её на российский престол (1730 г.), а также, разумеется, для решения торговых вопросов. Получив одобрение и грамоту императрицы, посол, в мае 1735 года выехал обратно. Не дождавшись его возвращения, Абулфейз отправил в Россию новое посольство во главе с Ходжимухаммедом, но его вернули из Астрахани из-за неправильного оформления грамоты на имя императрицы. В 1739 году хивинским ханом был направлен в Россию посол Артык Батур Разумбай (в документах — Разумбаев). Цель посольства заключалась в получении разрешения на вывоз из России в Хиву оружия, панцырей и стали. Получив отказ, он возвратился назад, но, узнав о погроме в Хиве Надиршаха, попросил разрешения остаться жить в России. На что получив положительный

²⁶⁵ См.: Столянский П. Н. Город Оренбург, Материалы к истории и топографии города. — Оренбург, 1908; Бартольд В. В. Указ. соч. — С. 406—407.

ответ, остался в Самаре²⁶⁶ (по другим данным — в Астрахани).

В истории отношений России со Средней Азией перипетия правления преемников Петра I заметное место занимает поездка в Хиву Гладышева и Муравина в 1740—1741 годах. В освещении её результатов нельзя не отметить заслуг Я. В. Ханькова. Учёный внимательно собрал, систематизировал и подготовил довольно оригинальную работу, отражающую как в дипломатическом, так и в научном плане важность этой поездки в Среднюю Азию²⁶⁷. Причём, к работе приложена замечательная, и для того времени совершенная, карта, составленная Миллером: «Пути от Орска до Зюнгарских владений и обратно». В своём предисловии к показаниям поручика Гладышева и геодезиста Муравина, составитель, указывая на цель поездки, отмечает, что хан Абулхайр, в очередной раз подтвердивший свою верность в ранее принятом решении о принятии подданства России, в 1839 году просил об оказании помощи в подборе местности для постройки города, в архитектурном плане походившем на русские и европейские, вблизи устья Сыр-Дарьи. Исполнение этой просьбы и ряда других поручений было возложено на поручика драгунского полка Дмитрия Гладышева и геодезиста Муравина. Помимо них, в состав группы входили инженер-надзиратель Назимов, переводчик Усман Арсланов и несколько казаков.

Поездка Гладышева и Муравина совпала с нашествием Надир-шаха в Среднюю Азию. «Ограбив Индию, — писал Н. Веселовский, — и отдохнув неделю в Герате, он (Надиршах — Х. П.) при Чарджуе перешёл Аму-Дарью и вступил в Бухарское ханство». Опираясь на мнение Мирзы Мегды, причину такого вторжения Н. Веселовский видит в желании шаха наказать узбеков за грабительские набеги на Хорасан, совершённые в его отсутствие. Это и было, по всей вероятности, одной из главных причин похода Надир-шаха в Мавераннахр²⁶⁸. По сути, он завоевал только Хорезм, Бухара

²⁶⁶ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 76.
²⁶⁷ См.: Ханьков Я. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершённая в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиним. — С. 85.
²⁶⁸ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. — С. 186; более подробно о Надиршахе и его государстве см.: Арунова М. Ф., Ашрафян К. З. Государство Надиршаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века. — М., 1958.

же сдалась добровольно.

Не добравшись до кочевья Абулхайра вёрст 100, группа Гладышева и Муравина подверглась нападению и ограблению со стороны разбойников из рода чиклинцев. Кроме имущества, грабители забрали с собой двух членов группы, 7 октября 1740 года Гладышев с товарищами с трудом прибыл в ставку Абулхайра на реке Адам-Ата (недалеко от Куван-Дарьи). Так как хана на месте не оказалось, русские посланцы в сопровождении его сына и дяди прибыли 2 ноября в аральский городок Шахтемир и на другой день вместе с ханом направились в Хиву, куда их позвали хивинцы, которым угрожал персидский шах. Чтобы спасти себя и свои владения, Абулхайр вместе с послами к Надиршаху (его лагерь расположился под городом Ханки), отправил Муравина, задача которого состояла в том, чтобы убедить шаха в подданстве Абулхайра и его владений российскому императору. Этим Абулхайр не только спас себя и свои владения от неминуемого полного разгрома со стороны грозного Надиршаха²⁶⁹, но и волей судьбы занял хивинский престол вместо убитого последним хана Юлбарса. С Абулхайром в Хиву вошли и находившиеся при нём Гладышев, Муравин и Назимов²⁷⁰.

Следует отметить, что Надиршах объявил о своём намерении (во всяком случае в присутствии Муравина), заключить с Абулхайром договор. Но тот, не веря в искренность шаха, считая эти заверения лишь лживой уловкой для его захвата, предпочёл бежать в степь. После этого Надиршах занял Хиву и назначил своего наместника на место хана Юлбарса. Но вскоре, с уходом шаха со своим войском, хивинцы вернули себе независимость и пригласили сына Абулхайра Нурали занять престол. Это побудило русские власти убедиться в преданности нового хана. В 1742 году Гладышев и Муравин вторично были посланы для этой цели. Они потребовали от Нурали подтвердить своё подданство России подписанием присяжного листа. Но, получив решительный отказ, возвратились назад²⁷¹.

²⁶⁹ Подробно см.: Ханьков В. В. Поездка из Орска в Хиву.— С. 123 и далее.

²⁷⁰ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.— С. 115.

²⁷¹ См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 407—408.

Следует сказать, что кроме выполнения задач, вытекаемых из официальных посольских предписаний, поездки Гладышева и Муравина оказались полезны тем, что во время их были собраны обстоятельные сведения «об очертании берегов Аральского моря и соседних к ним жителям». Существенным итогом поездок стало принятие в русское подданство каракалпаков Сыр-Дарьи, проживающих в 12 тысячах кибиток²⁷².

Нурали смог удержаться на хивинском троне до 1747 года. Он был изгнан хивинцами, а ханом объявлен Каип (1747—1757 гг.), сын казахского султана Батыра, постоянно соперничавшего с Абулхайром. Унаследованная Каипом непримиримость не могла не сказаться на безопасности торговых караванов и вообще русско-хивинских взаимоотношениях. Абулхайр был убит султаном Бараком — сторонником Джунгарии, после чего в октябре 1748 года его сын Нурали при содействии оренбургского губернатора был избран ханом. Нурали (1748—1786 гг.) пытался распространить свою власть далеко за пределами Младшего жуза²⁷³.

В годы правления Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.) Оренбург, как известно, стал не только главным связующим пунктом в торговле, к нему перешёл также из Астрахани центр тяжести дипломатических сношений России со среднеазиатскими ханствами²⁷⁴. Но проблемы остались. «С тех пор,— пишет Ф. И. Лобысевич,— как хивинские ханы стали избираться из киргизских (казахских — Х. П.) султанов, между родами которых существовала постоянная вражда, мы были поставлены в необходимость часто вмешиваться во взаимные ссоры хивинцев с киргизами»²⁷⁵. Тем не менее, тот же автор, отмечая с одной стороны бессилие России в обеспечении полного прекращения этих частых кровопролитных раздоров, указывает, с другой стороны, на сознательный отказ русских властей от прямых репрессивных действий в 40-х годах. «желая избежать неудовольствия персидского шаха»²⁷⁶. Хотя у Н. Веселовского по этому поводу имеется совершенно противоположное мнение, сог-

²⁷² Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии.— С. 48.

²⁷³ История Казахской ССР.— С. 259—260 и посл.

²⁷⁴ Лобысевич Ф. И. Указ. работа.— С. 48.

²⁷⁵ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Средней Азии.— С. 48.

²⁷⁶ Там же.— С. 49.

ласно которому у Надиршаха не было намерения упрочить свою власть в этом регионе, чтобы не портить отношения с Россией. Поэтому он вовсе не помышлял о прочном присоединении к своим владениям ни Бухары, ни Хивы²⁷⁷. В этой связи любопытен и тот факт, приведённый Ф. И. Лобысевичем, что русское правительство специальным указом запретило до 1750 года принятие ханского престола в Хиве каким-либо из казахских султанов, вступившим в русское подданство. Но после смерти Надиршаха отмечается нарушение данного указа²⁷⁸, о чём свидетельствует занятие ханского престола Каипом.

Судя по частой отправке среднеазиатских послов в Россию, наблюдается заинтересованность среднеазиатских ханств в налаживании нормальных взаимовыгодных торгово-дипломатических отношений. В этом плане наибольшую активность проявляла Хива. Даже частые перемены, происходившие во властвующих кругах, не могли помешать стремлению хивинских ханов к сохранению тесных и стабильных торгово-дипломатических связей с Россией.

В 1743 году в Россию были направлены хивинские послы Алла-Вердий и Артык с целью усиления торговых отношений и возвращения вышеупомянутого хивинского посла Артыка. В 1745 году в Астрахань приезжал новый посланник хивинского хана Абулгази Мухаммед, но он не был допущен ко двору по той причине, что русское правительство сомневалось в сохранении независимости Хивы после нападения Надир-шаха²⁷⁹. Противоречивые слухи, да и непредсказуемость поведения хивинского правителя, не желавшего подтвердить подданство ханства, настораживали и дипломатические круги России.

Согласно приведённым П. И. Рычковым сведениям, тот же посол был направлен в Россию в 1747 году. На этот раз, по предположению исследователя, как представитель упомянутого хана Каипа, вступившего в управление Хивой в 1747 году. (П. И. Рычков ошибочно указывает на 1848 год). Другой посланец Каипа Ширбек (или Аширбек²⁸⁰)

²⁷⁷ См.: Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 186—187.

²⁷⁸ Лобысевич Ф. И. Указ, работа.— С. 49.

²⁷⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой.— С. 83.

²⁸⁰ Михалёва Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая пол. XVIII — пер. пол. XIX вв.).— Ташкент, 1982.— С. 64.

прибыл в Оренбург 25 апреля 1750 года. Действия Каипа, ещё больше усиливавшее разногласие, переполнило чашу терпения Нурали-хана, который распорядился не ограничить своих подданных в нападении и ограблении караванов, проходивших через степи²⁸¹.

Русские исследователи приводили немало фактов, свидетельствующих о непрерывных прямых интригах между Каипом и Нурали-ханом. В частности, опираясь на официальные источники, Ф. И. Лобысевич нарисовал довольно убедительную картину этих интриг²⁸². Согласно его мнению, для разжигания своих амбициозных стремлений, они использовали самые незначительные поводы. Но всегда, разумеется, во главе угла стояла их личная выгода. Например, Каип через своего посланца в Оренбург пытался доказать, что нужно отправить караван через земли своего отца Батыра, а не через земли Нурали-хана. Он делал вид, что печётся о безопасности караванов, обещав обеспечить им надёжную охрану, на самом же деле он «здобылся» лишь о взаимании таможенных или иных сборов.

Так или иначе такие устремления не вызывали благожелательности оренбургского генерал-губернатора. Послу Хивы не было разрешено прибыть в столицу России, ввиду того, что Коллегия иностранных дел не была уверена в полной самостоятельности хана от иранского шаха даже после смерти Надира. В ответ на это Каип запретил хивинским купцам «ходить» в Оренбург и обратно, минуя земли своего отца. В противодействие тому Нурали совершил нападение на хивинский караван, шедший в Россию. Он не только упорно сопротивлялся на требования Иеплюева вернуть ограбленное, но более того, просил прислать ему в помощь русское войско для овладения Хивой, мотивируя это тем, что, якобы, хивинские власти готовятся к нападению на русскую границу. Всё завершилось тем, что Нурали получил от русских властей обещание «производить ему ежегодное жалованье», после чего просил направить для разбора претензий русских свидетелей, ограбленных хивинцами. Воспользовавшись этим, Иеплюев и Тевкелев снарядили купеческий караван на сумму 20

²⁸¹ См.: Рычков П. И. История оренбургская (1730—1750 гг.).— Оренбург, 1896; Жуковский С. В. Указ, работа.— С. 83—84.

²⁸² См.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение.— С. 49—50; см. также: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 408.

тысяч рублей во главе с купцом Даниилом Рукавкиным канцеляристом Чучаковым. В качестве же личного представителя губернатора к Каипу был отправлен переводчик Гуляев, состоявший несколько лет на службе при Абулхайре и Нурали. По прибытии в Хиву в декабре 1753 года (вместе с ними были и доверенные лица Нурали), они изложили цель своего приезда, но Каип по совету ряда приближённых, объяснивших ему пришествие русских наблюдателей и купцов, якобы, не для разбора по делу ограбления, а для подготовки к отмщению Хиве за гибель отряда Бековича-Черкасского, затягивая приём гостей, содержал их под строгим присмотром. К тому же, запретив русским купцам вести торговлю, он часть их товара взял в залог и держал его целый год. Только задержка в Оренбурге всех находившихся там хивинцев вынудила хана в конце 1754 года после унижительного приёма, наконец, отпустить, пришедших с караваном русских представителей²⁸³.

Соперничество между Нурали и Батыром и его сыном Каипом сохранялось, что не только затрудняло русско-среднеазиатские торговые отношения, но и, по словам В. В. Бартольда, «вновь высказанная в 1752 г. надежда на расширение русской торговли до Индии оставалась столь же неосуществимой, как и прежде»²⁸⁴.

Очередное хивинское посольство было отправлено в 1761 году во главе с Исхаком Тангрибердыевым (по С. В. Жуковскому — Исхал-Муллой) вместе с торговым караваном из 40 верблюдов, предназначенным для оренбургской ярмарки. Цель этого посольства, как и предыдущих, было установление нормальных посольских и торговых связей. В трёх днях пути от Оренбурга караван был разграблен кочевниками чиклинского рода. Посол получил отказ от оренбургского генерал-губернатора А. Р. Давыдова в отправке в Петербург ко двору по причине отсутствия пе-

²⁸³ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение.— С. 50; см. также: Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга вместе купеческом караване самарского купца Даниила Рукавкина // Журнал Министерства внутренних дел.— Ч. 34.— № 12.— С. 373—385.

²⁸⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 408.

чати в официальном посольском листе²⁸⁵. Несмотря на отсутствие необходимых сведений о личности послов отправленных в столицу России в начале 60-х годов, в частности 1762—1763 годах, тем не менее они являлись представителями хивинского хана.

Что касается отправки русских представителей в Среднюю Азию в целом, то за этот период, помимо упомянутого Тевкелева (1731 г.), согласно данным, приведённым Д. Голосовым, этот край посетили: Соймонов и Долматов — 1731 г., Дубровин — 1729 г., Гарбер — 1731 г., Угрюмов — 1732 г., Миллер — 1734 г., Муравин и Гладышев — 1741—1742 гг., Миллер — 1743 г., Эльтон — 1743 г., Лерхе — 1743 г., Лерхе — 1747 г., Риссельман — 1750 г., Рукавкин и Максютов — 1753 г., экспедиция — 1760—1761 гг.²⁸⁶

Некоторые из них не получили известности среди исследователей, тем не менее, сам факт о сравнительно частых поездках в Среднюю Азию свидетельствуют о заинтересованности России в налаживании торгово-экономических и дипломатических контактов с государствами этого региона. Другое дело, что интересы России, разумеется, не ограничивались лишь налаживанием торговых и дипломатических контактов. Экспансия Средней Азии и через неё открытие пути в Индию по-прежнему являлось доминирующим в определении внешнеполитической стратегии российского правительства в Азии. В решении вопросов, связанных с расширением юго-восточных азиатских границ, Россия почти не сталкивалась с такими препятствиями, перед которыми чувствовала бы своё бессилие. Хотя было и немало случаев, приводивших к огорчению русских дипломатических кругов в связи с неудачным осуществлением того или иного посольства. В большинстве случаев причиной того становились нападение и разграбление их со стороны кочевых племён казахов, не входивших в подданство России. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что по приказанию оренбургского генерал-губернатора Татищева в Ташкент и в другие бухарские города был отправлен караван под начальством поручика Миллера. Он должен был вести переговоры о предоставлении Русским купцам беспоплатной торговли в Средней Азии.

²⁸⁵ См. Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой — С. 86; Михалт; ва Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами.— С. 64—65.

²⁸⁶ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г.— № 1.— С. 13—14 (примеч.).

Но его попытка не увенчалась успехом, так как караван был разграблен вблизи Ташкента казахами Большой орды, к тому времени ещё не принявшие подданство России²⁸⁷.

Говоря о русско-среднеазиатских отношениях в целом, следует в этой связи обратить внимание и на русско-туркменские связи. Как правило, туркмены, не имея своего вполне сложившегося государственного образования, оказывались иногда вне поля зрения исследователей, в центре внимания которых находились и находятся лишь взаимоотношения России с ханствами данного региона.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о традиционном довольно доброжелательном отношении между представителями России и туркменским народом, испытывающим в то время всю горечь раздробленности, межплеменные распри и частые нападения со стороны соседних государств. В создавшейся трудной ситуации, чтобы каким-то образом сохранить себя и соплеменников, туркменские старшины выходили с письмами и прошениями о принятии их Россией в своё подданство. Но, к их сожалению, вопрос этот не получал своего разрешения и оставался на уровне обещаний российских властей.

Обращая на это внимание, В. В. Бартольд пишет: «мало последствий имели предложения со стороны прикаспийских туркмен об устройстве русских крепостей на восточном берегу Каспийского моря. Ещё в 1744 г. туркменские послы предложили «устроить крепость для торга» на Мангышлакском полуострове, впоследствии намечались другие местности, устье Эмбы и даже Огурчинские острова, расположенные от старого русла Аму-Дарьи, но ни одно из этих предложений не было осуществлено»²⁸⁸.

В том же году туркмены (жители 2500 кибиток), через представителей России — капитана Калытовского и штурмана Лебедева — просили о принятии их в подданство России. Был получен ответ, что они будут приняты только с условием, если будут оказывать содействие проезжающим от Мангышлака в Хиву и Бухару купцам²⁸⁹.

Имеются документы, свидетельствующие о том, что после занятия Хивы Надир-шах призывал туркмен оставаться

²⁸⁷ См.: Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 76.

²⁸⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 408.

²⁸⁹ Там же. — С. 409.

на своём месте и за большое жалованье выделить ему на службу молодых парней. Однако туркмены, не вняв просьбе, откочевали из Хивы к северо-восточному побережью Каспия, Мангышлаку и Эмбе. Сталкиваясь с трудностями, они непосредственно через управителя калмыков Дондук Омби²⁹⁰ просили российские власти об оказании им помощи хлебом²⁹¹, а также о разрешении перекочевать к Яику и перейти в подданство России²⁹². К Мангышлаку вернулись те туркмены, которые ранее испытывали недоверие к России и покинули эти места. В одном из прошений туркменских старшин Мангышлака астраханскому губернатору, ссылаясь на это, указывается, что «наперед сего имели мы кочевые при Мангышлаке и потом от белого царя отошли в Бухару, и ныне так и возвратились на прошлые места, где кочевье имеем». Взамен на разрешение вернуться на старые места туркмены обещали обеспечить безопасность торговых караванов от Мангышлака до Хивы и Бухары»²⁹³.

В этом плане важно упомянуть о предписании Коллегии иностранных дел за подписью графа А. И. Остермана, князя Черкасского и графа Гольдига (от 21 марта 1741 года) астраханскому генерал-губернатору М. Голицыну о необходимости установления торговли «взаим с мангышлакскими туркменами и возможности принятия их в подданство России. В документе речь идёт о налаживании торговли зерном и изучении просьбы туркмен и прочих обстоятельств, «ища лучшую пользу интересам его императорского величества...»²⁹⁴. Имеется немало сведений о помощи России туркменам, оказавшимся в сложной обстановке. В частности, весной 1741 года в Мангышлак было отправлено специальное судно с мукой и другими продуктами. Также содействие им было оказано и в будущем²⁹⁵.

²⁹⁰ Внук калмыцкого хана Аюки в 1735 году Дондук Омби был назначен главным управителем калмыков. Вскоре за заслуги, оказанные царскому правительству, он был удостоен ханского титула.

²⁹¹ АВПР. Ф. «Туркменские дела». — 1741. — Оп. 1331. — Д. 1. — Лл. 11—12. — Д. 2. — Лл. 1—1 об.

²⁹² АВПР. Ф. «Туркменские дела». — 1741 г. — Оп. 1331. — Д. 1. — Лл. 11—12. — Д. 2. — Лл. 1—3.

²⁹³ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. — С. 55

²⁹⁴ АВПР. — Ф. «Туркменские дела». — Д. 1. — Лл. 6—7.

²⁹⁵ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. — С. 56—83.

Касаясь вопроса принятия туркмен в российское подданство, следует, несколько забегаая вперёд, отметить, что это дело, вплоть до завоевания края, существенно не продвинулось. Российская дипломатия действовала в этом плане в зависимости от ситуации с Персией. Тем не менее переходившие на Мангышлак туркменские племена, содействовали в перспективе оживлению торговли России с ханствами Средней Азии.

В работах русских дореволюционных исследователей той или иной мере коснувшихся освещения русско-среднеазиатских взаимоотношений периода правления преемников Петра I, сведения о состоянии торговли крайне скудны. В них отсутствуют более или менее конкретные статистические показатели. В лучшем случае из-за отсутствия достоверных источников они, по-видимому, довольствовались лишь упоминанием отправки торговых караванов или же перечнем отдельных видов товаров. Важными моментами в проявлении заинтересованности российского правительства в упорядочении торговли со среднеазиатскими ханствами являются факты прямого документального повеления основателю Оренбурга статскому советнику Кириллову: «Обратить особое внимание оживлению коммерции с Бухарой, для чего сначала отправить малый, а затем большой караван в Бухарию и куда можно будет»²⁹⁶.

Вторым заметным шагом в этом плане является тот факт, что учитывая пожелания бухарского и хивинского ханов об оживлении взаимовыгодной торговли «по представлению Коллегии иностранных дел определением правительствующего сената от 14 мая 1752 г. было для соглашения с оными ханами установления коммерции послать нарочного...»²⁹⁷. Третьим моментом следует считать указ правительственного сената Коллегии иностранных дел от 30 июня 1759 года о предоставлении монопольного права на торговлю с Хивой и туркменами на 30 лет генералу Воронцову с условием, чтобы он «всяким образом с прилежностью старался оный торг не только самим действием производить, но и от времени распространять»²⁹⁸.

Хотя, и без сомнения, эти факты свидетельствуют о заинтересованности России в улучшении торговли со сред-

²⁹⁶ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 90.

²⁹⁷ Там же.— С. 91.

²⁹⁸ См. там же.— С. 90—92.

неазиатскими владениями, тем не менее, их осуществление согласно предписаниям практически в условиях сложившихся к тому времени взаимоотношений и возможностей официальных кругов были ограничены. Поэтому эти намерения правителей не могли дать желаемых результатов. Тем не менее, сам факт о наличии стремления к взаимовыгодным связям естественно давал, хотя и медленно, но заметные результаты.

Торгово-дипломатические отношения во второй половине XVIII века

После смерти Надир-шаха усиление внутренней неурядицы в его огромном владении не могли не повлиять и на Среднюю Азию. Особенно ощущается усиление процесса феодальной раздробленности, что проявилось в разгорании пожара междоусобных войн. В Хиве в 50-х годах XVIII века шла nastоящая война за власть. В ней, наряду с узбекскими феодалами из династии мангитов и кунгурадцев, непосредственное участие принимали туркменские племена, особенно йомуды, човдуры и салыры. Борьба в ханстве была жестокой и разорительной. Хозяйство пришло в упадок, торговля почти прекратилась, города опустели, неоднократно отмечался массовый голод²⁹⁹. Разумеется, всё это не могло не повлиять отрицательно на активность обоюдных стремлений к нормальному налаживанию торгово-дипломатических отношений. Тем не менее, имеющиеся источники и анализ материалов, содержащийся в работах русских исследователей, свидетельствуют о заинтересованности России во второй половине XVIII века к «заведению с азиатами порядочного торгу», да и самих среднеазиатских ханств — в постоянных торгово-дипломатических связях. «Императрица Екатерина Великая,— пишет Н. Веселовский,— тотчас же по вступлении на престол обратила особенное внимание на развитие торговли Астрахани с Хивой и Бухарой. Может быть вследствие этой заботливости и образовалась в Астрахани в 1762 г. компания русских купцов для торговли с Хивою. В то же время приезжал в Россию посланец хивинского хана»³⁰⁰. Хотя и не

²⁹⁹ Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв.— С. 60.

³⁰⁰ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений.— С. 228.

называется имя посла, можно предположить, что это был Алла Шукурбай. Имеется также известие о пребывании в России и в 1763 году посла, цель которого была просить у русского двора о присылке в Мангышлак в апреле и в августе судов для хивинских товаров. В ответ он получил от канцлера Воронцова требование на гарантийное письмо от хана, обеспечивающее безопасность русских в пределах ханства и их свободное ведение торговли³⁰¹.

О заинтересованности среднеазиатских купцов и официальных кругов свидетельствует письмо старшине мангышлакских туркмен Екатерине II от 23 октября 1764 года. В нём, заверяя о своей готовности содействовать безопасности торговли России со Средней Азией, они просили взамен отправлять два раза в год суда в Мангышлакскую (Сарыдашскую) пристань, для привоза товаров и отправки «прибывших купцов из Бухары и из Хивы индейцев (индусов — Х. П.) и туркменов на оных судах, куда надлежит отправлять...»³⁰².

Как обычно, состояние русско-среднеазиатских отношений со стороны исследователей получило неоднозначную оценку. Например, А. Шепелев говорит о довольно вялом состоянии дипломатической службы периода правления Екатерины II в отношении к Средней Азии. Согласно его словам, дипломатические отношения России со среднеазиатскими ханствами при Екатерине II «не отличались большим оживлением»³⁰³. Шестидесятые годы, т. е. начало её царствования были самыми неспокойными. Шла ожесточённая борьба между казахами и калмыками.

Калмыцкие феодалы, кочевавшие по территории между Уралом и Волгой в 50—60 годах, часто совершали нападения на казахов Младшего жуза. Например, только зимой 1759 года калмыцкие тайши угнали у казахов около 40 тысяч голов скота. Результатом всё более усиливавшейся враждебности с казахами, а также обострившихся внутренних межфеодалных распрей и было знаменитое бегство калмыков в 1771 году в Китай³⁰⁴. Всё это

³⁰¹ См.: Жуковский С. В. Отношение России с Бухарой и Хивой, — С. 87.

³⁰² Русско-туркменские отношения в XVIII—XXI вв. — С. 107.

³⁰³ Шепелев А. Очерки военных и дипломатических сношений России со Средней Азией, — С. 36—37.

³⁰⁴ Там же, — С. 262.

вызывало необходимость укрепления тех границ, которые Россия считала пределами своих владений. В итоге границы получали свои очертания, которые имелись в начале XIX века. «Таким образом, — пишет А. Шепелев, — пограничная черта наша со Средней Азией получила к началу нынешнего столетия вид непрерывной волнутой линии крепостей и постов, постепенно заселявшихся русским элементом и прикрывавших Западную Сибирь с юга, а Европейскую Россию с Востока»³⁰⁵.

Тот же исследователь, указывая на частые отправки посольств из Хивы в Россию, тем не менее, ввиду однообразного характера при ведении переговоров, считает их бесполезными³⁰⁶. Непокорность отдельных предводителей, например, казахов, приносила немало огорчений русским и препятствовала налаживанию нормальной торговой связи с оседлыми жителями Средней Азии, о расширении которой до пределов Индии постоянно мечтали те, кто определял внешнюю политику России в азиатском регионе. Настороженность вызывало и частое повторение желания казахов принять их в подданство России, после которых следовали не менее частые нападения и разграбления торговых караванов. «При таких условиях, — отмечал В. В. Григорьев, — торговые сношения наши со Средней Азией процветать не могли и нередко вовсе прекращались на долгие сроки. Да и производились они с Оренбургской линией почти исключительно с Бухарою и Хивой»³⁰⁷.

Следует отметить, что оренбургский путь ввиду своей длительности и рискованности (караваны здесь часто подвергались нападению со стороны грабителей, зачастую состоявших на службе казахских феодалов), вызывал опасения. Всё это не совсем устраивало как русских, так и среднеазиатских купцов. Судя по имеющимся сведениям, в этом плане предпочтение отдавалось более короткому, безопасному пути по Каспийскому морю через Астрахань — Мангышлак³⁰⁸. О неблагоприятных поступках Нурали-хана в отношении русских торговых караванов и туркмен,

³⁰⁵ Шепелев А. Очерки военных и дипломатических сношений, — С. 36—37.

³⁰⁶ Там же. Следует заметить, что это точь-в-точь повторяется и в работе Ф. И. Лобысевича «Поступательное движение...» (с. 57).

³⁰⁷ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии, — С. 19—20.

³⁰⁸ Аннаниесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений, — С. 61.

желавших принять подданство России, недвусмысленно говорится в письме туркменских старшин Екатерине II от 6 мая 1767 года. В нём старшины Камбарбек, Суерган-бек, Карабатыр, Нияз-батыр напоминали о своей присяге русской императрице по поводу взятия обязательства охранять и провожать русские караваны, «проезжающие из Астрахани в Хиву и Бухарию» и обратно. Они уверяли, что, несмотря на их старания, Нурали разграбил караван «в шестистах верблюдах». Кроме того, судя по их словам, узнав о следовании каравана, состоящего из 500 верблюдов из Астрахани в Хиву, он же направил для его разграбления четырёхтысячный отряд во главе со своим братом Айчуваком. Но из-за хорошо организованной охраны со стороны туркмен потерял в бою до тысячи человек, и вынужден был отступить. Во избежание повторения таких неприятностей старшины просили императрицу «подобно Оренбургу город строить и их принять в подданство»³⁰⁹.

Словом, как бы то ни было, обоюдная заинтересованность была налицо. Это и привело Екатерину II к мысли о создании более благоприятной почвы для усиления торгово-дипломатических контактов со Средней Азией. Такая монаршая благосклонность, по всей вероятности, и породила слухи о её чрезмерной щедрости, граничащей с расточительством, в отношении к Средней Азии.

Судя по утверждению В. В. Григорьева, императрица выделила со своего личного счёта 40 000 рублей для строительства медресе в Бухаре³¹⁰. Хотя пужно отметить, что В. В. Бартольд недвусмысленно считал этот факт «совершенно неосновательным»³¹¹. В намерения императрицы входило также создание специального поселения в устье Сыр-Дарьи. Но это не было воплощено в жизнь³¹². Несмотря на то, что имелась возможность оживить торговлю с Хивой через Каспийское море и туркменскую степь, однако она была незначительной из-за чрезмерной жестокости хивинцев (они всё ещё боялись мщения России за гибель экспедиции Бековича-Черкасского), хотя *время* от времени производились отправки послов. В частности,

309 Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 107—108.

310 Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии.— С. 19—20.

311 См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 411.

312 Григорьев В. В. Указ, соч.— С. 20.

в 1763 году, согласно утверждению Ф. И. Лобысевича, к русскому двору прибыл посланец хивинского хана. Главной целью его присезда была просьба хивинской стороны о ежегодной присылке в начале апреля и в конце августа судов в Мангышлакскую пристань для провоза хивинских товаров в Астрахань. Давая согласие, русские официальные представители взамен требовали обеспечения безопасности проезда русских купцов во владения хивинского хана и права свободной торговли в них. Но хивинцы в очередной раз не сдержали слова³¹³. Из-за беспомощности хана перед разбойничьими группировками, вероятно, и происходили частые нападения на русские торговые караваны.

Екатерина II приложила немало сил и для умиротворения казахов, мало поддающихся подчинению своего хана из рода Абулхайра. Согласно данным Д. Костенко, в 1772 году с этой целью она решила принять более рациональные меры. Под названием Пограничной экспедиции, она отменила запрещение о пропуске их скота на зиму в пределы России и назначила значительные суммы для постройки мечетей, школ и караван-сараев. Для разбирательства дел между ними и пограничными жителями императрица учредила в 1782 году особый пограничный суд, просуществовавший до 1799 года. Отменён же он был «по той причине, что в него никто не приходил судиться»³¹⁴. Но, и эти меры не имели успеха. В 1799 году пограничная экспедиция заменена Комиссией, действовавшей несколько на других началах³¹⁵.

О стремлении Екатерины II закрепить торгово-дипломатические интересы (да и не только их) в Средней Азии свидетельствуют факты интенсивного усиления влияния и расширения зоны своего владения за счёт «свободных», спорных территорий или же земель, принадлежащих местным правителям. Причём, нередко ловко использовались разногласия между различными родами казахов, каракалпаков, калмыков. В этом плане особо следует сказать, что русские официальные круги считали пределами своих границ в этом регионе все зоны временных и постоянных кочёвок казахов Малой орды, принявших в большинстве сво-

313 Лобысевич Ф. И. Поступательное движение.— С. 57.

314 Костенко Д. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.— С. 108.

315 См.: Там же.— С. 108.

ём подданство России, т. е. действовали по принципу: границей России должны стать все те места, где жили стада, принадлежащие их подданным. А при отсутствии официальных границ и чувства уверенности в своей защищённости эти и другие подданные могли беспрепятственно занять под пастбища для себя всё желаемое, во всяком случае, сколь угодно удобное и безопасное пространство. В этом легко убеждают слова известного учёного, путешественника и дипломата Н. А. Северцева: «Каракалпаки не занимали всего пространства между Сыром и Джан-Дарьёю, а только оба берега от Майлибаша до устья на Сыре. И пространство от Тумар-актау до Ак-кыра, на Джани выше по сыру и Джане были вероятно и тогда, как теперь, зимовки кригиз Малой орды, наших подданных: в таком случае и тогда наши владения доходили до Джани, но это не было приведено в известность Гладышевым и Муравьёвым»³¹⁶.

По его данным каракалпаки были вытеснены из низовий Сыр-Дарьи калмыками. В 1771 году они ушли в Хиву и поселились между главным руслом Аму-Дарьи и южным берегом Аральского моря, калмыки же были разбиты вблизи Сыр-Дарьи казаками Малой орды, находящимися в подданстве России, и с того времени эти последние достоверно основали свои зимовки по Сыр-Дарье и за Сыр-Дарьёй, местами по Джани, которые занимают и теперь преимущественно из малоордынских родов — Чумакеевского и Кечмен-Чиклинского и множества других). «Таким образом, — пишет Н. А. Северцев, — будучи покинуты прежними владельцами и занятые русскими подданными земли между Сыром и Джаной по крайней мере с 1771 г., если не прежде, перешли в русские владения»³¹⁷. Причём, последние слова им повторены дважды.

Следует также отметить, что процесс формирования одного из трёх могущественных государств Средней Азии — Коканда совпал с периодом правления Екатерины II, и, естественно, все перипетии и интриги, связанные с этим процессом, не могли оставить без внимания к этим событиям представителей российской дипломатии. Тем более,

³¹⁶ Северцев Н. А. Записка о действительной границе русских и хивинских владений в Сыр-Дарьинском крае // ИТОРГО. — Т. XI. — В. 1. — 1915. — С. XV—XVI.

³¹⁷ Северцев Н. А. Записка о действительной границе русских и хивинских владений. — С. XVI—XVII.

что в расширении зоны своего влияния в этом регионе заинтересован был и Китай. Об этом свидетельствуют предпринятые с его стороны неоднократные попытки проникнуть в глубь региона. В частности, известен факт о том, что Китай в очередной раз, в 1758 году, овладел Ташкентом и многие местные влиятельные лица даже признали верховную власть Китая. Но это продолжалось недолго. Под руководством Шохрухбека, одного из узбекских предводителей, прибывших в Поволжье, китайские представители были вытеснены и основано Кокандское ханство — в пределах Ферганы. В качестве резиденции было избрано местечко Кукан, находившееся в 20 верстах к западу от теперешнего Коканда. Однако внутренняя нестабильность и внешняя опасность препятствовали надолго появлению благоприятных условий для безболезненного становления и упрочнения этой государственности. Положение вновь образованного государства довольно лаконично описано известными исследователями края А. Миддендорфом и В. Наливкиным³¹⁸.

Справедливо отмечая наличие довольно скудной информации о событиях, происходивших в Туркестане в XVIII столетии, А. Миддендорф пишет, что «с половины XVIII столетия Фергана утратила старое название, которое превратилось в Коканд. С той поры Коканд был ареной непрерывного ряда насилий. Он то оборонялся от своих сильных соседей, живущих в юго-западных оазисах — Хиве и Бухаре, хотя всё-таки по происшествии некоторого времени был завоеван Бухарой, то распространял свою власть на весь западный Туркестан — даже до Аральского моря». Он также указывает на сложную внутреннюю обстановку, в которой преобладал «восточный порядок вещей в наиболее типичной форме»³¹⁹.

Разумеется, всё это не могло не повлиять на осуществление дипломатической активности России в этом регионе. К тому же различные силы, как со стороны официальных ханских кругов, так и тех, кто находился в своего рода оппозиции, стремились использовать авторитет и мощь России для достижения своих целей. В этом и проявлялись

³¹⁸ Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. — СПб., 1882; Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886; см. также: Набиев Р. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). — Ташкент, 1973.

³¹⁹ Миддендорф А. Указ. соч. — С. 383—384.

интересы к частой отправке обоюдных торговых и дипломатических представителей.

В этой связи не могут не вызывать интерес приведённые С. В. Жуковским факты довольно интенсивного обмена посольств и торговых экспедиций с обеих сторон. Они важны и тем, что автор в лаконичной форме излагает цели, задачи и основные их результаты.

Судя по приведённым им данным, можно предположить, что упомянутый выше Алла Шукурбай был первым послом хивинского хана, который посетил Россию с деловым визитом по вступлении на престол императрицы Екатерины II. Но ввиду отсутствия достаточной информации исследователь не смог подробно охарактеризовать цель и итоги данной поездки.

Для С. В. Жуковского не осталась незамеченной и вынужденная поездка в Среднюю Азию Филиппа Ефремова, попавшего в плен в 1774 году во время восстания под предводительством Е. Пугачёва — около Оренбургской линии. Он сначала был пленён яицкими казаками, а затем — казахами, которые увезли его в Бухару. Благодаря хорошему знанию военного дела, он был взят на службу к Даниял-бийю. По поручению последнего ездил в Хиву и Мерв. Впоследствии ему всё же удалось бежать из Бухары в Коканд, оттуда через Кашгар Яркент и Тибет — в Индию, а затем через Англию он вернулся в Россию. Описание своих приключений и странствий Ефремов приводит в книге «Странствование», выдержавшей за короткий период три издания³²⁰.

В 1774 году через Астрахань в Москву проезжал бухарский посланник мулла Ирнazar Максютев с письмом об «удовлетворении просьбы бухарских купцов, ограбленных киргизами и сообщниками Пугачёва». Он был принят хорошо, получил разрешение на беспощадную торговлю по Каспийскому морю на десять тысяч рублей в продолжении 5 лет. Но просьба возратить ограбленное Пугачёвым не была удовлетворена. Кроме того, Максютев по-

³²⁰ Российского унтер-офицера Ефремова десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, написанное им самим.— СПб., 1786, 1794 и 1811 гг. Новое изд.: М., 1950, Отзыв о книге Ефремова см.: Мушкетов И. Туркестан, Геологическое, орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг.— Изд. 2-е.— Пг., 1915.— С. 84; см. также: Завьялов В. В. Исторический обзор путешествий в Бухарию.— С. 8—10,

лучил богатые подарки в четыре тысячи рублей серебром для постройки училища в Бухаре³²¹. Видимо ссылаясь на это, некоторые исследователи, как отмечено выше, и утверждают, что на деньги Екатерины II было построено медресе.

С. В. Жуковский приводит и факт о том, что 19 декабря 1776 года по именному указу пожалован был находящемуся при дворе посланнику «Большой Бухары» корабль для распространения торговли в пределах Российской империи. Он также указывает и на повторное посещение России в 1779 году Ирнazarов Максютевым. И в этот раз тот просил о возмещении ущерба, нанесённый ему киргизами при нападении на их караван, но вновь получил отказ. Кроме того, он просил содействия со стороны России мусульманским полонникам, которые отправлялись в хадж в Мекку через Константинополь. Эта просьба была удовлетворена.

С. В. Жуковским также отмечено российское посольство Бекчуринца в Бухару в 1781 году. Оно было послано по указу Екатерины II к бухарскому хану с письмами от графа Н. И. Панина и оренбургского губернатора. Послано поручено было решать торговые вопросы. Кроме проведения официальных переговоров им были собраны немало важные сведения, касающиеся внутреннего состояния ханства³²².

Следует отметить, что В. В. Бартольд считал посольство переводчика Мандияра Бекчуринца в Бухару в 1780—1781 годах единственным официальным посольством в XVIII веке, хотя и не умалял роли торговых караванов в укреплении и развитии дипломатических взаимосвязей³²³.

С. В. Жуковский указывает также на посольство, отправленное в 1783 году хивинским ханом, но ввиду неправильного оформления посольского листа оно не было допущено ко двору³²⁴.

Немало интересных сведений о Средней Азии периода

³²¹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой.— С. 87—89.

³²² Там же.— С. 89—91; более подробно см.: Жуковский С. В. К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчуринца в Бухару в 1781 г. // Восточный сборник.— Кн. II.— Пг., 1916.— С. 273—340.

³²³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 410—411.

³²⁴ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой.— С. 91.

правления Екатерины II имеется в путевых записках Хрисанфа, митрополита Новопатрасского, посетившего этот край в 1790 году. Записки, составленные им примерно в середине 1796 года, благодаря стараниям известного востоковеда В. В. Григорьева, сохранились до наших дней³²⁵.

Находясь на государственной службе в Оренбургском генерал-губернаторстве в 1851—1862 годах, В. В. Григорьев обнаружил эти материалы под названием «Записки греческого митрополита Хрисанфа Новопатрасского, поданный им в 1795 г. князю Зубову для соображения графа Валериана Зубова при походе его в Персию». Их содержание не могло не вызывать интереса учёного для установления личности Хрисанфа. Согласно документам, обнаруженным в Синодальском архиве, Хрисанф, грек по национальности из венецианских дворян, был митрополитом Новых Патр, расположенных неподалёку от Афин, по фамилии — Контарини. В 1774 году был назначен митрополитом в Хиротанисан вблизи Константинополя. До 1784 года он жил в епархии. После чего отправился в Сирию, чтобы обозреть ливонские монастыри, оттуда — в Алеппо (Халаб). Затем присоединился к английским купцам. После долгих путешествий по ближневосточным странам через Индию, Кашмир, Кабул и Балх прибыл в Среднюю Азию. Посетил Самарканд, Бухару и Хиву. Отсюда он отправился в Россию, где были обнаружены его обширные знания и был принят на религиозную и гражданскую службы.

Оставленная им рукопись, по мнению В. В. Григорьева, оказалась довольно полезной для исследования края. «Небольшая рукопись эта, — пишет он, — по-видимому переведённая с греческого, оказалась заключающей в себе довольно любопытные и весьма верные известия о положении Средней Азии в последних годах прошедшего столетия. Человек, не бывший на месте, явно не мог бы составить подобной записки».

Наряду со сведениями, указывающими на нестабильность внутренней обстановки в Хиве, Хрисанф говорит и про

³²⁵ Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещённых им в 1791 г. (введ. и примеч. В. В. Григорьева) // Чтения в обществе истории и древности России при Московском университете. — Кн. 1. — М., 1861. — С. 1—28; см. также: Ахмедов Б. А. Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии // Историко-географическая литература о Средней Азии XVI—VIII вв. — С. 217—219.

оживление торговли. «Многие из хивинцев, — пишет он, — производят также торговлю с Астраханью и Бухарою»³²⁶.

Заслуживает интереса и тот факт, что по наблюдениям Хрисанфа, особую остроту междоусобица получила после умерщвления бывшего везира из рода кидитов (следует заметить, что В. В. Григорьев кидитов относит к таджикам)³²⁷. Причём, Хрисанф говорит об охотном желании последних, как и мангышлакских туркмен «притесняемых киргиз-кайсаками», заключить союз с Россией³²⁸.

Согласно данным Хрисанфа, положение в Бухаре тогда было более благополучным, чем в Хиве. В этой стране «весьма много купцов и другого звания людей, которые несметные имеют богатства, состоящие по большей части в серебре и золоте, в жемчугах и драгоценных камнях. Хан организовывает частые набеги на Балх и Мешхед. Сражаются бухарцы отчаянно...»³²⁹. Он же указывает на многочисленных пленников в Бухаре и Хиве. Согласно его данным было много русских пленников, число персидских пленников — до 60 000 человек³³⁰, а в Хиве было 10 000, из которых 4 тысячи русских и 6 тысяч персиян, причём готовых к восстанию против своих хозяев. В его «Записке» вскользь говорится о разорении и спустшении Самарканда со стороны наместника бухарского хана и т. п.³³¹

Ко всему следует добавить, что этот служитель культа, ревностно отстаивая интересы России в Средней Азии, призвал императрицу незамедлительно включить данный регион в состав России. Причём, это, по его мнению, для России не могло стать обременительным в смысле финансовых затрат³³².

Указывая на своевременность и справедливость такого пожелания, В. В. Григорьев добавлял с некоторым упреком:

³²⁶ Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии. С. 5—6.

³²⁷ Трудно согласиться с мнением Б. А. Ахмедова, в том, что «под кидитами следовало бы подразумевать кидитов, т. е. выходцев из г. Кията и вообще выходцев из Южного Хорезма и коренных жителей этой страны, не таджиков». (Ахмедов Б. А. Указ. соч. — С. 217).

³²⁸ Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии. — С. 5—6.

³²⁹ Там же. — С. 8.

³³⁰ Там же. — С. 9.

³³¹ Там же. — С. 5.

³³² Там же. — С. 14.

«Если бы правительство наше (т. е. российское — *Х. П.*) желало только, что Средняя Азия до Гиндукуша давно бы уже могла быть в наших руках. Для местного народонаселения, живущего под управлением самым варварским, в непрерывном опасении лишиться имущества и головы или свободы — это было бы, бесспорно, благодеянием». Причём, В. В. Григорьев, не сбрасывая со счетов религиозный фанатизм местных жителей, выражает уверенность, что этот фактор не представит опасности, если умело с ним обращаться. В этом плане его пугало несколько увеличение расходов на содержание войска и аппарат административного управления края. Он также высказал опасение, что при неумелом и недостаточном извлечении местных доходов эта тяжесть «падала бы опять-таки на ответчика., на русского мужика»³³³.

Почти все исследователи, пытавшиеся в той или иной мере описать русско-среднеазиатские торгово-дипломатические отношения в годы правления Екатерины II, упоминают об майоре-медики Бланкеннагеле. Согласно их данным, в апреле 1793 года в Оренбург из Хивы при купеческом караване прибыли два хивинских посла — Искандар Аллаберди и Рахимбай Достмурад. Они были посланы к главному пограничному оренбургскому начальству с просьбой направить в Хиву искусного глазного врача, который бы помог дяде высокопоставленного чиновника Аваза Мухаммеда Фазыл-бея вылечить от слепоты³³⁴. Почти все исследователи единодушны в том, что одной из причин согласия императрицы на отправку указанного врача было то, что пользуясь случаем, этот опытный и наблюдательный посланец мог бы собрать как можно больше сведений о ханстве³³⁵. За 5-месячное пребывание врача в Хиве, несмотря на весь драматизм ситуации, угрожающей его жизни, он

³³³ Григорьев В. В. Примечания к работе Хрисанфа «О странах Средней Азии». — Указ. соч. — С. 28. Примеч. 41.

³³⁴ Следует отметить, что Фазыл-бей не был ханом Хивы, как об этом писал Я. В. Ханьков, а до болезни был одним из представителей административного аппарата в ханстве с титулом инака, после болезни его должность и звания переданы племяннику Аваз-беку, а ханом в то время был Абуль-Газы, сын Каиша. См.: Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. — С. 276 и 322; Замечания майора Бланкеннагеля вследствие его поездки из Оренбурга в Хиву. Извл. из ВИРГО. — 1858. — № 3. — С. 23. — Прим. 1.

³³⁵ См.: Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. — С. 37—38; Лобысевич Ф. И. Паступательное движение. — С. 58 и др.

сумел существенно пополнить те знания или представления, которые существовали до него по отношению к Хиве. Но всё же вовлечением в научный оборот всех этих наблюдений Бланкеннагеля последующие исследователи, также во многом обязаны В. В. Григорьеву, по инициативе которого опубликованы «Путевые заметки», причём с обширными комментариями учёного³³⁶.

Причины и цель, побудившие В. В. Григорьева вновь издать «дельный труд» Бланкеннагеля, заключается в том, что его публикация в начале XIX века в журнале «Соревнователи просвещения и благотворения» стала библиографической редкостью³³⁷.

В. В. Григорьев, указывая на значение, которое придавали русские официальные власти поездке этого «умного и наблюдательного человека», отмечает, что «майору-медику этому были должны помагать весьма важные секретные поручения, но в чём заключались они, кроме того, о чём он сам упоминает, неизвестно»³³⁸. По прибытии в Хиву 5 октября 1793 года Бланкеннагель установил, что глаза Фазыл-бея не поддаются лечению. Он оказался совершенно слепшим. Но, несмотря на объяснения о невозможности прозрения больного, распространились слухи, что будто бы врач специально не желает лечить, и его даже подозревали в шпионаже, якобы засланного для сбора информации военного характера. На этой почве вынашивался план его умерщвления. Но врачу удалось бежать в марте 1794 года³³⁹ при помощи русских пленных. Как ни странно, правитель Хивы был в курсе такого отношения к Бланкеннагелю, но не мог этому воспрепятствовать. Он был хорошо осведомлён и о готовившемся побеге, возможно и сам принимал в том участие. Об этом нетрудно догадаться по тому факту, что хивинский посол Эйвас (вероятно Аваз) Мухаммед-бег, который должен был сопровождать с трудом вырвавшегося Бланкеннагеля и при его содействии поставить вопрос перед российскими властями об уменьшении торговых пошлин

³³⁶ См.: Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг. с примечаниями В. В. Григорьева // ВИРГО. — Ч. XXII. — Кн. 3. — СПб., 1858. — С. 87—116; те же: Извлеч. — СПб., 1858. — С. 3. Те же замечания майора Бланкеннагеля, вследствие поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793—94 годах. — СПб., 1858. — 32 с.

³³⁷ Там же. — С. 32. (Примеч. 51).

³³⁸ Там же. — С. 23. — Примеч. 1.

³³⁹ Жуковский С. В. Соезнения России с Бухарой и Хивой. — С. 91—93.

и возвращении конфискованных в Астрахани около 1 000 червонных, так же получит разрешение на вывоз из России нескольких тысяч пудов железа³⁴⁰.

Бланкеннагель, давая краткое описание края, указывает, в частности, на раздробленное его состояние, непрекращающиеся междоусобицы, грабежи и насилия³⁴¹.

Желая привлечь внимание России к той выгоде, которую она могла бы получать при восстановлении порядка путём экспансии региона, если даже не в военном, то в экономическом отношении, используя его как сырьевой придаток, Бланкеннагель говорит, что «когда бы мог восстановиться в иной порядок, спокойствие и безопасность — тогда бы Хива по-прежнему производила, между прочим, множество шёлку, а хлопчатной бумаги столько, что могла одна продовольствовать ею почти всю Россию»³⁴².

Не исключая возможность военной экспансии, он указывает на сравнительную лёгкость завладения Хивой. «Я осмеливаюсь утвердительно сказать, — пишет Бланкеннагель, — что с пятью тысячами человек можно без затруднения взять все хивинские владения, но для вещей безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойствии и тишине удержанию, можно бы туда переселить, ещё несколько тысяч казаков, а после уже нечего будет опасаться»³⁴³.

Он считает даже, что той суммы, которую Россия намеревается заплатить за выкуп пленных, достаточно хватило бы на организацию мероприятий по овладению Хивой. С недвусмысленной уверенностью он указывает и на «величайшие выгоды», которые достались бы России от «завладения Хивой». Главные из них, по его мнению, заключались в следующем:

1. Малая орда «могла бы быть совершенно покорена Россией».

2. С приобретением Хивы «Россия выиграла бы ежегодно до миллиона рублей...».

3. Россия могла бы установить «торг прямо с Индией».

4. Освободили бы несколько тысяч российских пленных.

³⁴⁰ Жуковский С. В. Соплиения России с Бухарой и Хивой. — С. 93.

³⁴¹ Замечания майора Бланкеннагеля. — С. 9—10.

³⁴² Там же. — С. 17.

³⁴³ Там же. — С. 20.

5. Перешли бы к России богатые золотые и серебряные рудники³⁴⁴.

Как видно, Бланкеннагель не без основания и с нетерпением ждал решения российского правительства в деле завоевания Хивы.

В целом, о большой заинтересованности России налаживать удобную почву для проникновения в глубь Средней Азии в период правления Екатерины II, в основном, писали те исследователи, которые были хорошо знакомы с имеющимися документальными источниками и являлись специалистами, занимающимися изучением проблем, касающихся внешней политики России того времени. Но так как круг таких специалистов был невелик, да и не все имеющиеся документы были им известны, не все подметили ту закономерность, которую проявляла Россия, вернее правительство России, в отношении к Средней Азии. Необходимо отметить и то, что Россия широко использовала торгово-дипломатические каналы в расширении своего политического влияния в данном регионе. Об этом свидетельствуют наставления, которые давались при отправке как торговых, так и военных посольств и экспедиций.

О заинтересованности правительства Екатерины II в оживлении не только торгово-дипломатических контактов, но и прямого влияния, свидетельствуют частые отправки экспедиций и посольств России в Среднюю Азию. Из них, по мнению Д. Голосова, наибольшую известность получили следующие: Токмачёв и Панин посетили Среднюю Азию в 1764 г., затем послана экспедиция в 1767 г., Паллас и Крафт — 1769 г., Гмелин — 1770 г., экспедиция — 1771 г., Лович и Иноходцев — 1769—1771 гг., Исленьев, Лепёхин, Рычков, Фальк и Соколов — 1771 г., экспедиция — 1774 г., Чернышев — 1780 г., Ефремов — 1774—1782 гг., Воинов — 1781 г., экспедиция — 1784 г., 1785 и 1790 гг., Герман — 1790 г., Сиверс — 1791 г., Бланкеннагель — 1793 г., Чевкин — 1794 г., Снегирёв — 1795 г., Жданов — 1796 г.³⁴⁵

В этот список почему-то не попали Т. С. Бурнашев — горный чиновник Змеиногорского серебряного рудника и

³⁴⁴ Там же. — С. 19—20. О поездке Бланкеннагеля несколько поверхностно упоминает и Савельев П. Хива и хивинцы. — С. 4—6; Лобьсев Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 58—59; Веселовский Н. Очерки. — С. 241—249.

³⁴⁵ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. — № 1, — С. 14. — Примеч.

А. С. Безносиков — сержант IV мушкетёрского батальона, которые ездили в Бухару в последние годы правления Екатерины II. Им удалось собрать важные сведения о бухарском ханстве. Не указана и их попытка посетить Ташкент в 1795—1796 годах. Бленкеншпегель не упоминает также о посещении Ташкента русской миссией в 1796 году. А. С. Безносикова и переводчика Я. Быкова. Их целью было обнаружение золота и серебра. В результате были обнаружены медь, свинец и золото³⁴⁶.

Как явствует из приведённых выше довольно частых отправок с обеих сторон посольств и торговых караванов, русско-среднеазиатские взаимоотношения в период правления Екатерины II были, если даже недостаточно оживлёнными, то заметными на общем фоне внешнеполитического курса России в Азии. Что касается среднеазиатских ханств, то для них во внешней политике их правителей отношение к России почти всегда занимало приоритетное место. Сохранившиеся деловые бумаги и иные архивные документы вполне подтверждают такое мнение³⁴⁷.

Для осуществления нормальной торговой связи продолжались обследования восточного побережья Каспийского моря, — с целью определения и положения безопасных путей, торговых пунктов, крепостей стратегического назначения. Этим намеревалось создать более благоприятные условия для развития торговли с Бухарой и Хивой. О таких стремлениях российского правительства убедительно свидетельствует указ Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Н. Бекетову «О посылке экспедиции для обследования восточного побережья Каспийского моря и развития торговли с Хивой и Бухарой от 1763 г.». Этим указом Коллегия иностранных дел обязывала губернатора в том, чтобы он обстоятельно усмотрел удобное место для построения на восточном берегу Каспийского моря крепости. В указе велено было использовать живущих в Астрахани туркмен, хивинцев и бухарцев, хорошо знакомых с местностью, особенно знающих источники пресной воды, через которые следовало проложить торговый путь, подобрать место для постройки крепости. Причём, возведение крепости, а также исследование восточного побережья Каспийского моря было возложено на инженера-майора Лады-

женского. О результатах его деятельности сохранился ряд важных документов³⁴⁸, в том числе, так называемый журнал плавания³⁴⁹.

Искушённые дипломаты из Коллегии иностранных дел предостерегали астраханского губернатора Н. А. Бекетова, что при отправке Ладыженского (в мае 1764 года) следовало ему быть крайне осторожным и показывать, что в намерение экспедиции входит только задача выбора места для стоянки судов. Согласно инструкции Ладыженский должен был строго выполнять следующие задачи:

а) тщательно обследовать и, если нужно, внести в карту исправления о восточных берегах Каспийского моря;

б) выбрать удобное место для сооружения торгового центра;

в) не вызывать подозрения со стороны официальных кругов Персии и Турции;

г) завоевать дружественные чувства местного населения;

д) если в этих местах окажутся из подданных Бухары, Хивы и других азиатских государств лица, они должны быть информированы «не более о намерении сей экспедиции»³⁵⁰.

Следует отметить, что туркмены, проживающие в Мангышлаке, с большой заинтересованностью и надеждой смотрели на Россию. Их предводители и аксакалы, как и многие другие туркменские правители несколько раз официально изъявляли о своём желании вхождения в подданство России. При этом они заявляли о готовности содействовать нормальной и безопасной торговле России со Средней Азией³⁵¹. Имеется также прошение на имя Екатерины II о разрешении кочевать в Калмыцких степях³⁵². Следует отметить и просьбу купца Стефана Шарыпина астраханскому губернатору об отправке на Мангышлак судов с товарами туркменских и хивинских купцов — от 28 июля 1778 года³⁵³.

³⁴⁸ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 98—104.
³⁴⁹ АВПР. Ф. «Туркменские дела». — Оп. 133/3. — 1763—1767 гг. — Д. 2. — Лл. 187—269.

³⁵⁰ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 100.

³⁵¹ Там же.— С. 106—112.

³⁵² Там же.— С. 115; Веселовский П. И. Первые подданства туркмен к России // Исторический вестник.— Т. XVI.— 1884.— № 1.— С. 300—306.

³⁵³ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 116.

³⁴⁶ См.: Халфил Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 49—50.

³⁴⁷ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 95—96.

В рапорте астраханского губернатора И. Якоби Екатерине II от 1778 года, где речь идёт о назначении специального писаря к Пирали-хану, говорится и о передаче в его ведение также контроля за развитием регулярной торговли между среднеазиатскими государствами и Россией. В документе сказано о том, что приезжающим из Хивы и Бухары, и, наоборот, едущим туда из Астрахани купцам с товарам, свободно пропускать их через «туркменские» земли³⁵⁴.

Екатерина II всячески поощряла тех, кто своими действиями демонстрировали верность служению России. Особой милости императрицы удостоились те, кто содействовал укреплению торгово-дипломатических отношений со Средней Азией. Например, старшине Бурамбаю Турдыеву за верноподданническое служение в 1794 году был пожалован титул тарханства со всеми соответствующими льготами³⁵⁵.

Все эти факты свидетельствуют о значительной заинтересованности российской императрицы, которая проявлялась ею в деле поощрения и украшения торгово-дипломатических связей России со среднеазиатскими государствами. Особое значение имели действия, лично исходящие от Екатерины II, несмотря на их эпизодическое проявление, т. е. нерегулярность их характера, тем не менее они являются крайне важными, хотя бы потому, что они были из первого лица в российском государстве.

По всей вероятности, многие из таких факторов не были известны исследователям второй половины XIX века, которые занимались изучением вопросов, связанных с деятельностью внешнеполитического ведомства российского правительства, главным образом, в отношении к Средней Азии. Поэтому ряд исследователей, о них речь шла выше, по-видимому, не располагая достаточной информацией, пытался несколько снизить значение того внимания, которое имели русско-среднеазиатские взаимоотношения. От них и исходило заключение о том, что будто бы эти взаимоотношения в период правления Екатерины II являлись одним из слабых звеньев внешнеполитической деятельности русского правительства. А точнее, они пытались преднамеренно подчеркнуть пренебрежительность и высокомерное отношение русских властей к среднеазиатским государствам.

³⁵⁴ АВПР. Ф. «Туркменские дела». — 1775—1778 гг. — Д. 6/н. — Л. 20—21.

³⁵⁵ Русско-туркменские отношения. — С. 126.

О заметной заинтересованности России в сохранении и расширении торгово-дипломатических связей со среднеазиатскими ханствами свидетельствует её постоянное стремление утвердиться на восточных побережьях Каспийского моря. Разумеется, в этом преобладали стратегические намерения царского правительства, тем не менее, факт стремления России к расширению своих интересов в Средней Азии не только не вызывал резкого сопротивления соседей, но, напротив, во многих случаях совпадал с интересами туркменских племён, обитавших на побережье Каспия, и даже официальных кругов среднеазиатских ханств. На это были свои причины, о которых речь шла выше.

Туркменские племена в целом, независимо от истинных намерений российского правительства, с одобрением, да и надеждой смотрели на утверждение влияния России на их обитаемом пространстве. В этом они видели единственный путь не только для сохранения своей безопасности от частых набегов соседних кочевых племён и государств, но и для выгоды от приобщения их к русско-среднеазиатской торговле. Поэтому так часто они обращались к астраханским губернаторам (В. Татищев, И. Брылкин, Н. Бекетов, И. Якоби, Аршеневский), сменявшим на этом посту друг друга.

Такое стремление сохранилось и при Павле I. О том свидетельствует очередная просьба туркменских старшин в конце XVIII века о построении города в урочище Тюб-Караган. Судя по содержанию рапорта астраханского губернатора Аршеневского Павлу I от 18 мая 1798 года желания старшин и губернатора о выгоды строительства этого города как для России, так и для местных жителей совпадали. Доведя до сведения самодержца суть просьбы, губернатор отмечает, что местное население давно считает себя российскими подданными и желает на их земле в урочище Тюб-Караган, недалеко от Мангышлака, где «удобная гавань есть», построить город. «В сей новый город,— говорится в документе,— препровождаемы будут проходящие караваны из Ташкента, Самарканда, Бухарии, Ургенча и Астрахани...»³⁵⁶. Далее речь идёт о том, что туркмены обещают обеспечить безопасность для торговцев и сохранение их товаров. Относительно возмещения расходов на строительство города сказано, что «казна, имеющая упот-

³⁵⁶ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. — С. 127.

решиться на построение города, с избытком вознаградится ст золотых и серебряных руд, сокрытых в Чёрных горах (Кара-тау — Х. П.), лежащих в земле их неподалёку от Каспийского моря»³⁵⁷. О выгодности постройки города в Тоб-Карагане говорил и российский генеральный консул в Иране Скибиневский, побывавший здесь заездом летом 1860 года³⁵⁸.

Следует отметить, что русско-среднеазиатские отношения в период правления Павла I, судя по имеющимся данным, несколько ослабли. Сократился обмен официальными посольствами, во всяком случае, со стороны России это было более заметно. Вероятно, события, происходившие в Европе и в основном связанные с последствиями французской революции (1789—1794 гг.) и приходом к власти Наполеона Бонапарта, не могли не привлечь основное внимание внешнеполитического ведомства России, как и других крупных государств. Тем более, что Павел задумал грандиозный план подготовки и осуществления совместного с Францией похода в Индию³⁵⁹.

В этот период с учётом интересов и просьб местных правителей в Среднюю Азию отправляли больше специалистов горного и инженерного дела, нежели дипломатических миссий или посольств. Это верно отметил Н. А. Халфин. «На рубеже XVIII в., — пишет он, — из России в Бухару, а через несколько лет и в Ташкент отправлялись не купцы и не дипломаты, а представители горного ведомства. Отправленные из далёкой северной стороны официальные лица впервые посетили ташкентские владения»³⁶⁰. В этом плане он приводит указание Ю. А. Соколова на русского посла Д. Телятникова, ездившего в Ташкент в 1796—1797 годах, о котором нет упоминания в дореволюционной русской литературе»³⁶¹.

Согласно данным, на которые опирался Н. А. Халфин, правитель Ташкента Юнус Ходжа в качестве ответного визита отправил вместе с Телятниковым и Безносиковым в Петербург ответственную миссию, в которую вошёл его

³⁵⁷ Русско-туркменские отношения. — С. 127.

³⁵⁸ Там же. — С. 128.

³⁵⁹ См.: Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений. — С. 40.

³⁶⁰ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. — С. 40.

³⁶¹ Там же; см. также: Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. — Ташкент, 1965. — С. 38.

ближайший советник Мулладжан Махсум и тысячник Ашур Али Баходур.

В сентябре данное позольство прибыло в Омскую крепость. 9 января 1793 года члены посольства имели встречу с канцлером А. Л. Безборко. Послание Юнус Ходжи было вручено Павлу I. Наряду с другими просьбами в Коллегии иностранных дел было передано письмо правителя, в котором речь шла о его надежде на помощь и покровительство России в случае нападения соседних ханств. Российская сторона хотя и приняла эту просьбу, но фактически в то время была лишена возможности оказать непосредственную помощь. В свою очередь Ташкент не смог защитить свою самостоятельность. Узбекский правитель Ферганы Алим, первым принявший титул хана, присоединил Ташкент к вновь образованному Кокандскому ханству. «Коканд, — писал А. Миддендорф, — силился овладеть Ташкентом³⁶² уже в 1799 г., но этот город был взят лишь в 1810 г. с помощью кара-киргизов». До этого случая торговые отношения России с Ташкентом поддерживались на сравнительно удовлетворительном уровне³⁶³.

Одной из серьёзных экспедиций со стороны России в Ташкент в период правления Павла I является поездка в 1800 году Бурнашева³⁶⁴ и М. Пospelова, по их функции ограничивались только рамками геологических изысканий и сбором соответствующих материалов о находившихся вблизи Ташкента приисков. Следует также отметить, что поездки в Ташкент и Коканд совершались преимущественно из пограничных городов Сибири, главным из которых являлся Петропавловск, или как его называли местные, Кызыл-Джар³⁶⁵.

Несмотря на скудность освещения вопроса торговых отношений России со Средней Азией в период правления Екатерины II и Павла I в трудах русских дореволюционных исследователей, ограничившихся лишь поверхностным упоминанием о взаимной торговле, перечнем основных вывозимых и привозимых товаров, сохранились некоторые статистического характера документы, отражающие общие тенденции роста.

³⁶² Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. — С. 385.

³⁶³ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. — С. 51.

³⁶⁴ Бурнашев до этого ещё в 1794 году совершил поездку в Бухару.

³⁶⁵ См. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 44; см. также: Обзорные Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // ЗИРГО. — Кн. III, — 1849. — С. 176—216.

Во второй половине XVIII века в торговле России со среднеазиатскими ханствами главная роль принадлежала Оренбургу. Согласно извлечениям Г. А. Михалевой из сохранившихся соответствующих документов, с середины 40-х до середины 70-х годов XVIII века общий объём товарооборота через Оренбург характеризовался следующими показателями ³⁶⁶:

Годы	Ввоз товаров в Оренбург из Средней Азии (в рублях серебром)	Вывоз товаров из Оренбурга в Среднюю Азию (в рублях серебром)
1774—1754	1.344.186	3.458.026
1754—1764	1.939.912	1.368.329
1764—1774	1.769.930	1.792.138

По подсчётам того же исследователя в 1790 году через Оренбург в Россию из Бухары и Хивы ввезено товаров на сумму 422 448 руб. серебром, а вывезено из России на 400 135 руб. В 1796 году этот показатель составляет соответственно сумму: 535 830 и 455 456 руб. серебром ³⁶⁷.

Судя по данным, приведённым Г. А. Михалевой, ассортимент товаров, отправленных в Бухару через Оренбург и обратно был довольно разнообразным. Например, среди товаров, привозимых в Бухару, преобладали изделия из кожи, платя атласные, меха, зеркала, штоф, жемчуг, воск белый, мёд, парча, бархат, платки шёлковые, ситцы, сукна, сталь, холст, пряженное золото и серебро, юфть, железо, латунь и др. ³⁶⁸ Даже это далеко не полный перечень ассортимента товаров, поставляемых российскими торговцами в Бухару, недвусмысленно свидетельствует о том значении, которое Россия придавала торговле со среднеазиатскими ханствами.

Что касается общего товарооборота, то согласно имеющимся сведениям в конце 50-х — начале 60-х годов из Средней Азии в Россию ввозили ежегодно товаров на сумму 250 тыс. руб. серебром, а обратно — на 288 тыс. В

³⁶⁶ Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (2-я пол. XVIII — 1-я пол. XIX вв.). — Ташкент, 1982. — С. 40.

³⁶⁷ Там же. — С. 42.

³⁶⁸ Михалева Г. А. Торговые и посольские связи. — С. 10.

конце 60-х — начале 70-х годов соответственно на 275 и 245 тыс. руб. В 90-е годы этот показатель существенно изменился. Сам факт, что в 1792 году было вывезено в Россию товаров более чем на 1 млн. 400 тыс. руб. серебром, а ввезено в Среднюю Азию из России на сумму 1 млн. 130 тыс. руб. ³⁶⁹, свидетельствует о существенном росте внешней торговли. Интерес представляет и то, что к началу XIX века свыше 70 процентов вывозимых из Бухары в Россию товаров составляли хлопок и хлопчатобумажные изделия ³⁷⁰.

Таким образом, анализ имеющихся сведений и суждений в работах русских дореволюционных авторов, касающихся русско-среднеазиатских взаимоотношений в XVIII веке, приводит к убеждению о том, что данный вопрос всегда стоял в центре внимания ориенталистов-исследователей. Во внешней политике России в отношении к Средней Азии, начиная с Петра I, доминирующей стала попытка усиления своего влияния в данном регионе и через него установление торгово-экономических связей с Индией и Китаем.

Неудачный поход Бековича-Черкасского не мог изменить этот курс. Несмотря на различные толкования отношения Петра I к Средней Азии, очевидно можно считать тот факт, что российский монарх был глубоко заинтересован в утверждении в данном регионе. Вполне правы те исследователи, кто отметил, что труд русского императора в этом направлении не пропал даром. Он по сути дела заложил прочную основу для будущего развития торгово-дипломатических взаимоотношений.

Что касается русско-среднеазиатских отношений в годы правления преемников Петра I, то судя по имеющимся источникам, они несколько ослабли. Гибель экспедиции Бековича-Черкасского не могла не сказаться на них. На это несколько отрицательно влияли и дворцовые интриги, и частые перевороты при ближайших преемниках Петра I. Но всё это не могло свести на нет официальные отношения русских властей к Средней Азии, о чём свидетельствовал частый обмен послами.

Существенное оживление в русско-среднеазиатских взаимоотношениях наблюдается в годы правления Екатерины II. Она приложила немало усилий для умиротворения казахов.

³⁶⁹ История Узбекской ССР. — Т. 1. — Кн. вторая. — Ташкент, 1956. — С. 28.

³⁷⁰ Там же.

О стремлении Екатерины II закрепить торгово-дипломатические и политические интересы в Средней Азии, свидетельствуют факты интенсивного влияния и расширения зоны своего владения за счёт так называемых «свободных», спорных, или же земель, принадлежащих местным правителям. Для осуществления нормальной торговли продолжались обследование и нанесение на карту восточного побережья Каспийского моря.

Такие действия, естественно, приводили к увеличению торгового оборота между Россией и среднеазиатскими ханствами, закладывали прочную основу для развития их взаимоотношений.

ГЛАВА III. РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Политико-дипломатические отношения

В новый, XIX век, Россия вступила как мощная держава. Её территория продолжала расширяться, и в середине этого столетия площадь её достигла 18 млн. кв. км, а население — 74 млн. человек. Этот период в исторической литературе принято считать периодом разложения феодально-крепостнической системы, когда новые общественно-экономические отношения всё больше пробивали себе путь к наращиванию темпа капиталистического производства, приведшего к существенным переменам в социально-политической жизни страны. Происходила хозяйственно-производственная специализация регионов, и вместе с тем, интенсивная колонизация отдалённых районов.

Усиление общественного разделения труда, товарно-денежных отношений, становление внутреннего и внешнего рынка способствовали оживлению экономики России. Но господствующие по-прежнему феодально-крепостнические отношения в политической и социально-экономической жизни страны всячески тормозили рост производительности труда³⁷¹. Тем не менее, усиливающиеся капиталистические отношения, в свою очередь, активизировали стремления царского правительства в расширении сферы экономического влияния, чаще под видом равноправного взаимоотношения с более слабыми соседними государствами, главным образом с теми, кто представлялся экономически и стратегически выгодными. К таковым в то время и относились государства среднеазиатского региона.

Сама социально-экономическая обстановка, сложившаяся в то время в государствах Средней Азии, способствовала не только активизации действий царского правительства в этом регионе, но и устремлениям правителей, отдельных социальных слоёв общества к поиску взаимопремлемых экономических выгод и даже покровительству могучего соседнего государства, которое могло бы стать гарантом в ослаблении постоянных разорительных межгосударственных,

³⁷¹ См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 184—185.

родоплеменных и династических интриг, присущих феодальной раздробленности. Это обстоятельство подтверждается многочисленными фактами, которые содержатся в сохранившихся официальных документах того периода и работах дореволюционных русских исследователей. Несмотря на отдельные негативные моменты, в целом, в них прослеживается общая тенденция торгово-экономического и дипломатического сближения, выражавшаяся в частых отправлениях послов и иных акциях.

В результате дворцового переворота в ночь на 12 марта 1801 года был убит русский самодержец Павел I и императором стал его старший сын Александр I (1801—1825 гг.). Хорошая половина его царствования совпала с очень сложной международной обстановкой, вызванной действиями французского императора Наполеона Бонапарта, стремившегося к установлению своего господства не только в Европе, но и в мире. В этой обстановке Россия вынуждена была все свои дипломатические и военные усилия направить на решение самых противоречивых межгосударственных дипломатических интриг и неудачных военных столкновений в составе антинаполеоновских коалиций в 1805 и 1806—1807 годах, а затем, и некоторое время после Тильзитского мира (1807 г.), в систему континентальной блокады против Англии, до окончательного разрыва взаимоприемлемых отношений с Францией.

Немало дипломатических и военных усилий России пришлось затратить на ведение войны с Турцией (1806—1811 гг.), Ираном (1804—1813 гг.) и Швецией ((1808—1809 гг.)), результаты которых для неё были удачными. В 1801—1812 годах в состав России были включены Финляндия, Восточная и Западная Грузия, Азербайджан, Дагестан, Ингушетия и Молдавия. Наконец, грозная, но победоносная Отечественная война 1812 года, европейские походы и события, разворачивающиеся в Европе после окончательного поражения Наполеона, в которых доминирующее место принадлежало России, взявшей на себя довольно неблагоприятную и печальную роль жандарма Европы, что поглощало почти всецело внимание русского правительства.

Вышеприведённые события, естественно, не могли не повлиять на русско-среднеазиатские отношения, тем не менее, сложившаяся тенденция в их торгово-дипломатических отношениях сохранялась. Об этом недвусмысленно свидетельствуют факты, приведённые в работах русских исследователей и архивных документах.

Даже под влиянием вышеуказанных обстоятельств Александр I не проявлял безразличия к русско-среднеазиатским отношениям с самого начала своего царствования. Ещё в 1801 году, вступив только что на престол, он принял посла эмира Хайдара Ишмухаммед Байкишиева, известившего его о смене правителя Бухары (эмир Хайдар занял трон после смерти своего отца Шахмурада в 1800 году).

Поверхностно коснувшись состояния русско-среднеазиатских отношений в начале XIX века, Н. Залесов отмечает отставку из Орска в 1803 году посольства «в более дружескую Бухару» под начальством Гавердовского³⁷².

Несколько подробнее по сравнению с Н. Залесовым описание поездки Гавердовского приводится Ф. И. Лобысевичем. При этом указывая на повышенный интерес России в улучшении торговых отношений с Бухарой, «служившей не только потребителем русских изделий, но и проводником их на рынки мелких ханств Аму-Дарьинского бассейна, Афганистана и северо-западной Индии», он утверждает, что Россия «изыскивала более надёжный путь для торгового движения между Оренбургскою линиею и Бухарскою». Этой цели и должна была служить миссия Гавердовского, подготовка к которой началась по указанию царя в 1802 году, а отправлена в путь она была лишь в середине 1803 года³⁷³. Об этом посольстве в довольно сжатой форме также писал С. В. Жуковский. Согласно его данным, Александр I, реагируя на доклад министра коммерции графа Румянцева, 12 августа 1802 года велел организовать и отправить посольство в Бухару, считавшуюся тогда, да и последующие годы, «дружественной страной». Посольство в сопровождении доктора Большого, колонновожатых Иванова и Богдановича, переводчиков Бектяшева и Бекчурин³⁷⁴ и сравнительно небольшого конвоя (в целом, группа из 50 чел.) выступило из Орска с караваном 29 июля 1803 года³⁷⁵.

Следует сказать, что, указывая на миссию Я. П. Гавердовского, никто из русских дореволюционных исследователей, помимо основных его поручений не упоминает о

³⁷² Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.— С. 43.

³⁷³ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 63.

³⁷⁴ С. В. Жуковский высказывал мнение о том, что он являлся тем Бекчуриним, который был командирован русским правительством в Бухару ещё в 1781 году. См.: Жуковский С. В. Отъезды России с Бухарой и Хивой.— С. 96.

³⁷⁵ Жуковский С. В. Указ. работа.— С. 96—97.

том, что ему было дано задание приложить максимум усилий для выяснения слухов о паличии в употреблении в Бухаре фальшивых монет. Как явствует из обсуждения донесения, вынесенного на рассмотрение заседания Комитета министров от 16 сентября 1803 года, министром коммерции была получена информация о появлении и распространении в Бухаре русских фальшивых ассигнаций, якобы, изготавливаемых там же. Этот факт вызвал несколько неожиданную, разумеется, отрицательную реакцию Комитета министров, о чём свидетельствует следующая запись: «На сие Комитет определил употребить все меры, чтобы того человека, на которого падает подозрение отсюда вывести, и при том подтвердить таможенным директором, чтобы они строжайшим образом осматривали и обыскивали всех отсюда выезжающих, поступая с теми, у которых найдутся фальшивые ассигнации, по силе законов». Далее говорится, что министру коммерции, оренбургскому военному губернатору, поручено выбрать человека способного, которого можно было послать туда, «как по сему предмету, так и вообще для собрания сведений по торговле с сим краем»³⁷⁶. В документе хотя и не упомянуто имя «подходящего» человека, но согласно данным, обнаруженным Н. А. Халфиным, выбор пал на Я. П. Гавердовского.

Указанный исследователь миссию Я. П. Гавердовского считает несколько оригинальной. Она была организована для решения ряда важных торгово-дипломатических задач, выявления и поимки фальшивомонетчика Валита Хамитова из Уфимского округа, перебравшегося в Бухару и занимавшимся изготовлением фальшивых ассигнаций³⁷⁷.

Гавердовскому, получившему большие полномочия по беспрепятственному продвижению по всей территории Бухарского ханства, предписывалось тщательно ознакомиться с авторитетом эмирата в международном аспекте, его торговыми отношениями с Китаем, Персией и Афганистаном, а также побывать в Хиве и Ташкенте с тем намерением, чтобы выяснить наличие там русских пленных и по возможности принять меры для облегчения их участи и возможно даже их освобождения. По данным Ф. И. Лобысевича, дойдя до Сыр-Дарьи, Гавердовский получил известие о готовившемся нападении на членов экспедиции и каравана находившихся уже поблизости значительных «хивинских и

³⁷⁶ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I.— Т. 1.— 1802.— СПб., 1888.— С. 11.

³⁷⁷ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 70—75.

киргизских шаек». Не решившись идти к переправе, он повернул назад, но был застигнут врасплох разбойниками и вынужден был организовать защиту и упорно сопротивляться. Ему удалось спастись, потеряв однако свою жену, доктора и большую часть конвоя, оставшихся в руках киргизов³⁷⁸. Согласно более уточненным данным Н. А. Халфина, в 70 верстах от Сыр-Дарьи, в Муэнтаилской степи урочища Ходжа-берган, караван был ограблен казахами-чиклинцами. Я. П. Гавердовскому удалось спасти лишь дипломатические документы, а торговцам — некоторые ценные вещи. Общий ущерб составил более чем 300 тыс. рублей. Кроме того, доктор Большой был угнан в неволю³⁷⁹.

Разумеется, данное событие не могло оставаться незамеченным со стороны России. Тем не менее, обмен посольствами, особую активность в котором проявляли среднеазиатские правители, осуществлялся не безуспешно. В декабре 1803 года в Петербург прибыли послы из Бухары: диван-беги Мир Мухаммед Амин и курбаши Мирзо Мухаммед Юсуф Байкишиев. Они были приняты Александром I и канцлером А. Р. Воронцовым. Тот же Амин посетил Россию и в 1805 году. На этот раз ему было разрешено увезти 15 тысяч пудов стали, вывоз которой в то время из России был запрещён. Но в Астрахани по какой-то причине этот груз был конфискован³⁸⁰.

В 1803 году в Петербурге находился посол Ташкента Мулладжан Магзум (Махсум), прибывший с официальным письмом правителя Юсуфа Ходжи, в котором говорилось о желании утвердить навсегда торговлю между российскими и ташкентскими купечествами³⁸¹.

Довольно интересные факты, касающиеся русско-среднеазиатских взаимоотношений, содержатся в «Журналах Комитета министров»³⁸². В частности, на одном из заседаний (15 сентября 1808 года) на обсуждение выносилась записка оренбургского губернатора князя Волконского от 26 августа, в которой сообщалась просьба 8 бухарских паломников о содействии России совершить проезд через Константинополь в Мекку. Просьба эта была отклонена

³⁷⁸ Лобысевич Ф. И. Поступательно движение в Среднюю Азию.— С. 63—64.

³⁷⁹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 72—73.

³⁸⁰ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 81—84.

³⁸¹ Там же.— С. 60.

³⁸² Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I.— 1802—1826 гг.— Т. 1.— 1802—1810 гг.— Т. 11.— 1810—1812 гг.— СПб., 1891.

из-за продолжающейся русско-турецкой войны³⁸³, однако сам факт совершения такого важного с точки зрения правоверного мусульманина как хадж при содействии России вполне свидетельствует о имевшейся атмосфере доверительности³⁸⁴. Таких примеров можно найти немало.

В 1809 году в Бухару был командирован офицер башкирского войска Абдуль-Насыр Субханкулов, но судя по тому, что он до города Бухары не смог доехать³⁸⁵, можно предположить о трудностях, которые возникли на его пути. По предположению Я. В. Ханькова Субханкулов составил подробный маршрут и заметки о своей поездке, но ему, как и другим исследователям Бухарского и Хивинского ханств, оказалось неизвестно их местонахождение.

В целом, положительно характеризуя русско-бухарские отношения в начале XIX века, Н. А. Халфин пишет: «Тёплый приём, оказанный приехавшим в начале XIX века посланцам эмира Хайдара, удовлетворение почти всех их просьб и пожеланий правительство Российской империи укрепляет дружественные связи с Бухарой, изыскивало средства и возможности расширять торговлю, которая приносила доход обеим сторонам»³⁸⁶. Были и случаи, когда некоторые представители официальных кругов предлагали иным, т. е. силовым путём добиться улучшения торговых и дипломатических отношений с Бухарой. В частности, это прослеживается в проекте одного из членов Комитета по азиатским делам князя Г. С. Волконского, предложившего путём применения силового и административного нажима обеспечить нормальную торговлю³⁸⁷. Но эти факты в общем осторожном действии большинства представителей внешнеполитического ведомства российского правительства не были достаточно заметными.

Что касается отношения с Хивой, то, судя по имеющимся сведениям, они были менее стабильными по причине излишней недоверчивости хивинских феодалов и правителей в искренности российского правительства, а также частых разбоев, совершённых ими и казахскими грабителями на караванных дорогах. Очередным случаем подобного действия стало ограбление торгового каравана русских купцов Назарова и Енушева хивинцами. Когда тот же баш-

кирский офицер Абдуль-Насыр Субханкулов, побывавший в Бухаре в 1809 году, был послан в Хиву в 1818 году Оренбургским губернатором для выяснения и разбирательства жалобы этих купцов, то он был принят крайне враждебно. От казни его спасло то, что он являлся мусульманином по происхождению. Причём, хан направил губернатору Эсену предупреждение о том, что «всякий русский посланник будет казнён или превращён в раба»³⁸⁸. Всё это, естественно, порою порождало атмосферу взаимного недоверия, хотя оно и не всегда определяло общий принцип подхода к межгосударственным, прежде всего торгово-дипломатическим связям. Этому способствовало географическое расположение Хивы, её перспективы в качестве торгового партнёра, и наконец, место ханства вообще стратегическом плане российского правительства в регионе и за её пределами.

В истории взаимоотношений России и Средней Азии первой четверти XIX века, вернее в её освещении, которое благодаря стараниям тех, кем по долгу службы, любви-знательности, волеи судьбы, призванию служения науке вложена посильная лепта, нельзя не отметить имя Филиппа Назарова, переводчика, ездившего в 1812—1814 годах, при правлении Омар-хана. Свои наблюдения он приводит в «Записках», ставших важным источником для исследователей не только Кокандского ханства, но и всей Средней Азии начала XIX века³⁸⁹.

В результате своей активной политики на Кавказе в начале XIX столетия России удалось за короткое время присоединить основную часть этого региона. Была создана благоприятная возможность через Кавказ проинкинуть в Среднюю Азию, что намного облегчило бы осуществление давно вынашиваемого плана утвердиться на восточном берегу Каспийского моря и через Хиву продвинуться в глубь Средней Азии. Сам дух официальной политики России в отношении к Средней Азии, согласно общему смыслу имеющихся документальных источников и сведений, выражавших мнение представителей, близких к высшему военному ведомству, приводят к убеждению, что в первой четверти

388 Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой.— С. 97—98.

389 См.: Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Ф. Назарова.— М., 1968. О поездке Ф. Назарова см.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 444—445; Гафуров Б. Ф. Тошкент. Охирхон агр. миёна ва даврани нав.— Душанбе, 1985.— С. 137 и др.

383 Журналы Комитета министров.— Т. 11.— С. 2.

384 Там же.

385 Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 97.

386 Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 84.

387 См. там же.— С. 85—103.

XIX века намерения российского правительства почти совпадали с теми же планами, которые вынашивались со времени Петра I. Причём, в проведении этой политики русские дипломаты и правительственные круги до конца 30-х годов воздерживались от применения грубого, бесцеремонного военного давления на среднеазиатские государства (когда сами хивинцы со страхом ожидали нападения русских). Российские власти почти всегда терпеливо использовали межплеменные и межгосударственные противоречия и столкновения, при которых часто более слабые, чувствующие свою беспомощность при этой, порою взаимоуничтожающей борьбе, присущей феодальной раздробленности, просили русских правителей взять их под свою защиту, порою опираясь на мнение народа, переносившего всю тяжесть эти непрерывных насилией правителей Хивы, когда старшины туркменских племён, ханы или султаны казахских кочевников просили принять их в подданство России. Всё это не могло не наложить довольно своеобразный отпечаток на политику России в отношении к Средней Азии. В самом её кратком выражении эта политика звучала бы так: «при крайне минимальных потерях (или вовсе без потерь) присоединить Среднюю Азию к России».

Место прикаспийских туркмен в русской дипломатии

В российско-среднеазиатских взаимоотношениях первой четверти XIX века особое место принадлежит сложившимся под давлением обстоятельств русско-туркменским отношениям. Независимо от истинного намерения российского правительства, дипломатических хитросплетений, у туркмен в целом сложилось почтительное уважение к русским. Об этом свидетельствуют многочисленные прошения туркменских старшин о принятии их в подданство России. Разумеется, эти просьбы исходили не от хорошей жизни и не от полной уверенности в благородных намерениях царского правительства. По-видимому, при этом больше исходили из принципа выбора «наименьшего зла». Добившись согласия России о принятии в подданство, они могли бы избавиться от постоянных набегов соседних племён и притязаний со стороны Персии и Хивинского ханства на их территорию. Всё это несомненно подтверждается содержаниями прошений туркменских старшин на имя высокопоставленных русских чиновников, в том числе самодержца.

Ещё в первые дни царствования Александра I ему было представлено прошение туркмен Мангышлака о принятии их в подданство России, причём они просили не оставлять их, новых подданных «без пропитания», и взамен обещали быть «покорными и послушными»³⁹⁰. Имеется также немало других прошений к русскому правительству о принятии в подданство туркмен-абдалов Мангышлака³⁹¹.

О желаниии принятия туркмен Мангышлака в подданство России свидетельствует Грамота Александра I об утверждении одного из влиятельных лиц, Миргали-султана, ханом туркмен Мангышлака. Церемония его утверждения в должности туркменского хана состоялась в Оренбурге 14 декабря 1802 года³⁹². Сохранился также документ о принятии присяги старшинами вышеуказанных племён на верность служения России³⁹³. Согласно имеющимся документам, были моменты, когда Пиргали-хан, злоупотребляя своей должностью, начал притеснять старшин, или же не мог предотвратить набеги киргиз-кайсаков. Тогда группа старшин написала в Министерство иностранных дел России, прося довести до сведения самодержца их желание не подчиняться Пиргали-хану³⁹⁴. В ответном письме Государственного канцлера говорится о том, что мнение старшин доведено до сведения императора, и он предупреждает Пригали прекратить против туркменских старшин враждебные действия³⁹⁵. Все эти и другие документы, в частности, о награждении туркменских старшин чинами, медалями, назначении их на должности и т.п.³⁹⁶, свидетельствуют о том, что Россия твёрдо намеревалась взять этих туркмен не только под свою защиту, но и в своё подданство.

Содержание писем, донесений, рапортов, указаний, повелений и множества других документов свидетельствуют об обширном круге вопросов, по которым обращались туркменские старшины различных родов и племён к представителям российской администрации разного ранга, вплоть до самого императора. Столь же широк диапазон указаний

³⁹⁰ Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.— С. 137—138.

³⁹¹ См.: Там же.— С. 140—143.

³⁹² Русско-туркменские отношения.— С. 142—143.

³⁹³ АВПр. Ф. Гл. архив 1—8.— 1800 г.— Д. 2.— Л. 115—129.— См. так же: Русско-туркменские отношения.— С. 143. Прим. 3.

³⁹⁴ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 150—151.

³⁹⁵ Там же.— С. 152—153. По поводу прекращения Пиргали враждебного действия к туркменам-абдалам Мангышлака Александром I под-писан рескрипт от 16 апреля 1803 года.

³⁹⁶ Там же.— С. 154.

и повелений по поводу разрешения этих вопросов, которые в большинстве своём сводились к принятию местного населения в подданство России, улучшению торговли, обеспечению защиты туркмен от межплеменной распри, нападений и грабежей со стороны других кочевых народов, завоевательных стремлений хивинского хана подчинить себе живущих по соседству туркмен и, наконец, от каджар — династии правителей Персии — по указке которых правители Хорасана, Астрабада, Мазандерана часто совершали набеги и разоряли близлежащие к ним туркменские кочевья³⁹⁷. Многие из этих документов не только не были включены русскими дореволюционными исследователями в научный оборот, но и поныне ждут своего исследователя. Хотя было бы несправедливо не видеть заслуг туркменских исследователей, главным образом М. Аннанесова, Х. Агаева и др., в анализе ряда из этих документов. Тем не менее, большинство из них могут служить грядущим поколениям в объективном освещении множества проблем позднесредневековой и новой истории народов Средней Азии.

М. Аннанесов, достаточно хорошо знакомый с соответствующими документами, касающимися русско-туркменских отношений, пишет, что Александр I, главнокомандующие на Кавказе Кнорринг, Цицианов и другие высокопоставленные представители царского правительства с начала XIX века уделяли большое внимание налаживанию связей с наиболее многочисленными группами туркмен-номудами, кок-ледами и текинцами, живущими к востоку от Каспийского моря «с целью их использования в борьбе против Ирана»³⁹⁸. Причём, для этого нужно было иметь в виду сложившуюся обстановку, при которой представители каджарской династии всячески притесняли туркмен.

Каджары старались создать сильное централизованное государство. К этому особенно усердно стремился принц Аббас Мирза (третий сын Фатх Али-шаха). Выступая ярым противником России, он намеревался в кратчайший срок провести реорганизацию армии. Для этой цели он широко привлекал западных специалистов, в особенности англичан и французов, хотя они и не скрывали при этом своего соперничества, в котором перевес Франции был явным. Это заметно проявилось в годы первой русско-иранской войны

(1804—1813 гг.). Она усиливалась и ослаблялась в зависимости от обстоятельств и перемен, которые происходили в Европе, или в отношении Франции к России. Например, в период правления Павла, когда был разработан план совместного русско-французского похода в Индию, или в ходе переговоров и заключения Тильзитского мира, когда Россия была втянута в систему континентальной блокады против Англии, Франция вела свои действия в Иране крайне осторожно, но в периоды обострения отношения между Россией и Францией, последняя действовала открыто, что и активизировало действия Ирана против России³⁹⁹.

Всё это было хорошо известно русским дипломатам. Согласно донесению главнокомандующего на Кавказе государственному канцлеру от 31 июля 1813 года, в котором речь идёт о мерах по оказанию содействия туркменам, восставшим против Фатх Али-шаха, и приводится факт конкретной помощи англичан Ирану. Согласно документу, одной из главных целей английских властей было строительство для каджаров военных судов на Каспии. Командир эскадры судов капитан-лейтенант Д. Д. Челсе в рапортах командующему Каспийской флотилии от 29 января и 5 мая 1810 года сообщает о прибытии в Иран трёх тысяч англичан со ста орудиями, двумя тысячами винтовок, 1 200 000 денег, а также о прибытии «на иранские берега Каспия английских мастеров для лития пушек и построения судов», а в Персидский залив английской эскадры, состоящей из «15 судов, много оружия и военной амуниции»⁴⁰⁰. Тем временем, русско-иранская война продолжалась с явным перевесом России, и даже нашествие Наполеона в Россию не улучшило положение Ирана. Наконец окончательно потерпев поражение, шах согласился на явно нежелательные для него условия мира. В результате переговоров в октябре 1813 года в местечке Гюлистан был подписан мирный договор, согласно которому за Россией закреплялись все территории, занятые русскими войсками. Договор оформил отказ Ирана на притязания к переходившим в состав России Дагестана, Грузии и ханств — Карабагского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Бакинского и северной части Та-

³⁹⁹ Подробнее см.: Ивалов М. С. Очерк истории Ирана.— М., 1952.— С. 128—135.

⁴⁰⁰ Русско-туркменские отношения.— С. 185—187, Прим. 7; см. также: Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 128—129.

³⁹⁷ См.: Там же.— С. 142—251.

³⁹⁸ Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 98.

лышского. Россия получила право иметь военный флот на Каспийском море, на что лишился Иран.

Разумеется, последний не мог спокойно примириться с этой потерей. С расчётом выгодно использовать резаншистские настроения правящих кругов Ирана активизировала в противовес России свои традиционные дипломатические игры в этой стране Англия. С этой целью 25 ноября 1814 года в Тегеране на основе предварительного договора 1809 года был подписан англо-иранский договор, согласно которому шах взял на себя обязательство аннулировать все договоры и союзы с враждебными Англии европейскими государствами; не пропускать через Иран в Индию войска европейских держав; не пропускать также и через их территории войска в Индию, ряд других пунктов⁴⁰¹, которые в целом, поставили иранскую внешнюю политику под контроль Англии.

В этой обстановке российское правительство не могло не активизировать свои дипломатические усилия и действия по укреплению позиций России на восточном побережье Каспийского моря, через Кавказ, что считалось более выгодным и целесообразным. Тем более, что туркмены не только сохранили свои враждебные отношения к каджарам, притеснявшим их постоянно, и усиливали против них борьбу, надеясь на помощь России. Одним из таких наиболее важных проявлений этой борьбы является восстание номулов и гокленов против иранского гнёта в 1813 году⁴⁰². Восставшие полностью взяли под свой контроль Астрабад. Узнав об этом событии, главнокомандующий на Кавказе генерал Р. Ф. Ртищев, соответственно дал распоряжение командующему эскадрой капитану 1-го ранга Весёлову удостовериться в верности слухов и поручил в случае правдивости сведений «туркменцев всемерно поддерживать, обещая со стороны нашей покровительство и всякую помощь». Такое же поручение получил генерал-лейтенант Ротгоф, командовавший другой эскадрой у Маизгышлакских берегов⁴⁰³. Этот факт, как многое другое, свидетельствует о заинтересованности России использовать подобные случаи в своих интересах, отдельные официальные лица даже при-

⁴⁰¹ Подробно см.: Иванов М. С. Очерк истории Ирана.— С. 136—137.

⁴⁰² Подробно о восстании см.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 129—130.

⁴⁰³ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 186—187.

зывали туркмен «беспокоить персидские владения и занимать выгодные места для себя»⁴⁰⁴.

Насколько помощь России была искренней показали события накануне и в ходе заключения Гюлистанского мира. Во время переговоров главнокомандующий на Кавказе Р. Ф. Ртищев, или кавказский наместник, возглавляющий русскую делегацию, использовал делегацию туркменских старшин как инструмент нажима на уполномоченного шахского правительства Мирза Хасан-хана, убедившегося, что при принятии диктуемых его стороне условий и срыве переговоров туркмены, поддерживаемые Россией, могли перейти к решительным действиям, что означало открытие столь нежелательного для Ирана второго фронта в закаспийских степях. Но после подписания Гюлистанского мирного договора 12 октября 1813 года отношения к делегации туркмен сразу стали другими. Вместо твёрдых обещаний об оказании им помощи в овладении Астрабадом, уже занятым повстанцами⁴⁰⁵, Н. Ф. Ртищев отделался скромными подарками и любезными наставлениями. В частности, в его письме предводителю ритрекских туркмен инициатору восстания Ходжи Саиду-Мухаммеду от 19 октября 1813 года говорится, что в сложившихся обстоятельствах он утвердительно не может отвечать на предложение туркменского народа⁴⁰⁶, что союз и вечная дружба, соединяющие теперь императора с Фатх-Али-шахом не позволяют ему, в нарушение мирного трактата, оказать туркменам какую-либо помощь «в противовес пользам Персии»⁴⁰⁷. Это же повторяется в предписании Н. Ф. Ртищева генерал-лейтенанту Ротгофу от 19 октября 1813 года⁴⁰⁸.

Вышеприведённые факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что российские официальные круги всегда исходили именно из своих интересов и выгод. А заверения о долге и помощи соседним народам, якобы, отстающим от мировой цивилизации являлись не чем иным, как пустым дипломатическим словословием.

⁴⁰⁴ См.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 134.

⁴⁰⁵ Русско-туркменские отношения.— С. 187—188.

⁴⁰⁶ Имеется в виду просьба о закреплении за ними занятой их войсками Астрабадской провинции и получения независимости от ненавистного им Баба-хана.

⁴⁰⁷ Русско-туркменские отношения.— С. 192—193.

⁴⁰⁸ Там же.— С. 193—194.

Во всяком случае, Гюлистанский мир и связанные с ним заметные перемены в русской дипломатии в отношении к дружественно расположенным туркменам несколько охладило искренность и доверительное отношение старшин русским властям, но разумеется, не могли привести к разрыву торгово-дипломатических отношений. Но русско-туркменские связи через Кавказ временно прекратились⁴⁰⁹, потому что невыгодность совершённых акций для туркмен стала очевидной. Вскоре под давлением обстоятельств всё больше ощущались пресмахи такого рода поступков⁴¹⁰. Польза от туркмен, при сохранении и наращивании давления на Иран, для русской официальной дипломатии не могла долго быть лишь достойным прошедшего времени, и вскоре она получила своё заметное место в определении политики России в отношении не только Ирана, но и ещё больше в отношении к Средней Азии, куда и были направлены главные усилия.

Посольство Н. Н. Муравьёва

Среди посольских визитов, которые в той или иной мере оставили заметный след в процессе российско-среднеазиатских взаимоотношений, достойное место занимает посольство Николая Муравьёва в Хиву в 1819—1820 годах. Нужно отдать должное этому мужественному и тонкому наблюдателю, который, воспользовавшись случаем, даже в самые неблагоприятные моменты этой поездки (а их было куда больше, чем кратковременных надежд на благополучный исход), сумел собрать столь полезную информацию о ханстве, которую не могли получить посетившие этот край его предшественники. Результатом поездки стала довольно интересная книга «Путешествие в Туркмению и Хиву»⁴¹¹, сделавшая имя автора вскоре довольно известным среди дипломатов, специалистов-исследователей, да и широкого круга читателей не только в России.

⁴⁰⁹ Аннанеспесов М. Укрепление русско-среднеазиатских взаимоотношений.— С. 139.

⁴¹⁰ В этом немалая заслуга принадлежит назначенному в 1816 году заместителем или главнокомандующим на Кавказе видному военачальнику, героя войны 1812 года генералу А. П. Ермолову. См.: Русско-туркменские отношения.— С. 195—198.

⁴¹¹ Муравьёв Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах.— Ч. I и II.— М., 1822.

В книге обстоятельно раскрываются предпосылки, цели и задачи посольства, анализируется довольно богатый собранный материал в ходе экспедиции. Недаром данная работа, как и личность самого автора, ставшего впоследствии генерал-адъютантом, известным под именем Муравьёва-Карского⁴¹², получила высшую оценку как со стороны специалистов дореволюционных⁴¹³, так и советских⁴¹⁴.

Из многих лестных отзывов, которых удостоена книга «Путешествие в Туркмению и Хиву», исследователями разных поколений нескольких примеров достаточно, чтобы убедиться в ценности данного труда. Известный учёный Н. И. Веселовский считал работу Н. П. Муравьёва «главным источником для событий начала XIX столетия в Хиве»⁴¹⁵. В. В. Бартольд писал относительно экспедиции и труда капитана Муравьёва, что «результатом этого путешествия была книга о Хивинском ханстве, тотчас же переведённая на французский и немецкий языки, и долгое время оставшаяся для европейских читателей почти единственным источником сведений об этом узбекском владении»⁴¹⁶. Согласно мнению Н. А. Халфина, по объёму и качеству собранных сведений о туркменских землях в Хиве, охвату различных сюжетов и связности изложения Муравьёва занимает уникальное место в отечественном востоковедении вплоть

⁴¹² Муравьёв-Карский Николай Николаевич (1791—1866) брат декабриста Александра Николаевича Муравьёва (1792—1863) — один из сторонников отмены крепостного права в России. В Крымскую войну, в 1854—1856 гг., наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским корпусом, руководил и проявлял героизм при взятии Карса (1855 г.).

⁴¹³ См.: Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник.— Т. 22.— СПб., 1861.— № 11.— С. 43—45; Веселовский Н. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 285—289; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 442—443; Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 65—69; Потоцкий В. Поездка Муравьёва в Хиву в 1819 году.— СПб., 1899 и др.

⁴¹⁴ Дружинин Н. М. В страну туркмен и узбеков.— Л., 1927; История Туркменской ССР.— Т. 1.— Кн. 1.— Ашхабад, 1957.— С. 95—98; Агаев Х. Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в.— Ашхабад, 1965; Аннанеспесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 146—167; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 104—130.

⁴¹⁵ Веселовский Н. И. Указ. работа.— С. 285.

⁴¹⁶ Бартольд В. В. Указ. соч.— С. 443.

до второй половины XIX века⁴¹⁷. Дополняя свою оценку о достоинстве данного труда, он пишет, что книга Н. Н. Муравьева «насыщена колоссальным количеством фактов и является первоклассным источником по истории, экономике, этнографии, политическом и военном устройстве посещённых Муравьевым земель в начале XIX в.»⁴¹⁸.

Все дореволюционные исследователи, которые в той или иной мере касались вопросов взаимоотношения России и Средней Азии в первой половине XIX века, не могли обойти стороной тот ценный материал, который был собран Н. Н. Муравьевым. Из них следует особо выделить Н. Веселовского, Ф. И. Лобысевича и В. Потто. Н. Веселовский, приводя краткое описание поездки Муравьева со всеми её приключениями, а также не совсем удачные его переговоры с хивинским ханом Мухаммедом Рахимом (1806—1825), как и многие предыдущие авторы, склонен несколько преувеличивать дружеские намерения России по отношению к этому ханству. Он их видит, в частности, на примере проявления заботы о поиске удобного торгового пути, что и составляло главную тему переговоров. Согласно выдвинутого предложения Муравьевым, хан должен был согласиться на выбор нового безопасного пути в Красноводск, который к тому же, был почти вдвое короче, дорога, пролегающая на Мангышлак, протяжённостью в 30 дней — по безводной пустыне. Преимущество этого пути было и в том, что на пристани Красноводска всегда можно было застать несколько судов из Астрахани. Но как ни странно, хан отдал предпочтение дороге к Мангышлаку, ссылаясь на то, что жители тех мест находятся в его подданстве, на новом же пути, идущем по побережью, проживали племена номудов, которые, якобы, усердно служили каджарам и могли подвергаться нападению караваны как российские, так и хивинские»⁴¹⁹.

Следует недвусмысленно отметить мнение Н. Веселовского о данном посольстве, как неудавшемся в дипломатическом, но вполне полезном в научно-познавательном смысле. Как бы подытоживая своё мнение о результатах экспедиции, он пишет, что посольство это «не принесло никаких очевидных выгод, кроме взаимных уверений в дружбе. Но зато

⁴¹⁷ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 128.

⁴¹⁸ Там же.— С. 130.

⁴¹⁹ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 287—288.

оно обогатило нас новыми сведениями, как о самом ханстве, его политической жизни, его администрации, военном состоянии, нравах, вероисповедании, обычаях и просвещении узбеков, так и описанием пути, который до него не был описан, ещё ни одним из русских путешественников». Кроме того, автор указал, что для России путешествие Муравьева имело огромное значение в том отношении, что разъяснило действительное положение русских пленных в Хиве. Только после Муравьева вопрос о русских пленных в Хиве «стал играть первую роль» в российских дипломатических сношениях с Хивой⁴²⁰.

Ф. И. Лобысевич в своём труде «Поступательное движение в Среднюю Азию» попытался несколько подробнее остановиться на освещении действий данного посольства⁴²¹. Суть изложенного им мнения по поводу организации посольства, его цели, маршрут и итоги поездки заключается в следующем. Правительство, будучи заинтересованным в улучшении торгово-дипломатических, да и политических отношений со Средней Азией, поручило вновь назначенному главнокомандующему на Кавказе генералу А. П. Ермолову снарядить две экспедиции: одну для исследования восточных берегов Каспийского моря и установления сношений с туркменами, другую — с целью войти в соглашение с Хивинским ханством относительно направления караванов в Астрахань, не к Мангышлаку, где они подвергались во время следования грабёжам со стороны разбойников, а к другому пункту, который предполагалось избрать южнее, «в видах сокращения и безопасности караванного пути». Поручение к туркменам возложено было на майора М. И. Пономарёва, а посольство в Хиву — на капитана Н. Н. Муравьева.

20 ноября Н. Н. Муравьеву удалось встретиться с ханом. Несмотря на дружелюбный тон разговора, предложение Н. Н. Муравьева определить направление караванного пути к Красноводскому заливу не было одобрено. По утверждению хана путь на Мангышлак, хотя и в два раза длиннее, но является более безопасным ввиду того, что там кочуют преданные Хиве туркмены. На этом и завершилась официальная часть встречи и Н. Н. Муравьев возвратился обратно в сопровождении присоединившихся затем к нему

⁴²⁰ Там же.— С. 288—289.

⁴²¹ См.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию, — С. 65—69.

хивинских посланцев и двух туркменских депутатов. Задача первых, состояла исключительно в передаче генералу Ермолову ответного письма Мухаммед-Рахима, а последние подтвердили решение соплеменников о принятии их под покровительство России⁴²².

Согласно мнению Ф. И. Лобысевича, заявление туркменской делегации о принятии их в подданство России совпало с желанием генерала Ермолова. Он считал, что воспользовавшись моментом, незамедлительно следует строить крепость в Балханском заливе, которая важна не только для улучшения торговли со Средней Азией, но и на «случай войны с Персией, а также для завоевания Хивы и Бухары», хотя о последнем он и вслух не заявлял, чувствуя осторожность правительственных кругов, тем не менее это «считал легкоосуществимым», и главную выгоду от обладания двумя ханствами видел в возможности установления «прямых сношений между Россией и Северною Индиею»⁴²³.

Следует отметить, что несмотря на сравнительно подробное освещение Ф. И. Лобысевичем посольства Муравьёва в Хиву всё же в итоге он на довольно пессимистической ноте утверждает бесполезность данной миссии. «Посольство Муравьёва в Хиву,— пишет исследователь,— оказалось таким же бесполезным в смысле упрочения наших торговых сношений, как все предшествовавшие ему попытки подобного рода, прибавим тут как и все последующие»⁴²⁴.

Разумеется, поездка эта не могла дать те результаты, которые заранее были запланированы заинтересованными представителями правительственных и военных кругов.

Исходя из таких критериев оценок, разумеется, результаты поездки Н. Муравьёва не могли удовлетворить тех лиц, которые могли мыслить только категориями лишь права России в поглощении слабых соседних государств или получения сиюминутных экономических и стратегических выгод. Однако, специалисты с более широким кругозором, в основном учёные и дипломаты, не могли не заметить полезности подобных поездок. Да и сам Ф. И. Лобысевич немало почерпнул «полезного» именно из материалов подобных поездок, в частности, из материалов, собранных Н. Муравьёвым.

⁴²² Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 66.

⁴²³ Там же, — С. 66—67.

⁴²⁴ Там же, — С. 67.

Интересна, хотя и несколько примитивна, работа В. Потто «Поездка Муравьёва в Хиву в 1819 году». Да и цель этой работы заключалась в том, чтобы в довольно сказочной форме ознакомить малосведующих читателей, прежде учащихся начальных училищ, с дорогой, пролежавшей через бескрайние пустыни между российскими владениями и Хивинским ханством, вернее от побережья Каспия до Хивы. Недаром книга издана с одобрением и рекомендацией Российского министерства просвещения.

Давая описание цели и задач поездки Н. Н. Муравьёва и М. И. Пономарёва в основном по вышеприведённой Ф. И. Лобысевичем схеме⁴²⁵, В Потто указывает, что подлежащая к исполнению Инструкция являлась лишь видимой частью поручения. Была и широко неоглашаемая часть, которая заключалась в тщательной подготовке информации о социально-политической и экономической жизни ханства с расчётом возможностей его военного противостояния в случае осложнения отношений. Автор довольно подробно и красочно описывает тот пустынный пейзаж, по которому пролегал путь.

Собственно этому и посвящено две трети книги. Касаясь переговоров с ханом, автор крайне сдержанно, как бы между прочим пишет, что «несмотря на все изложенные мнения об улучшении торговли и выбора удобного пути, получил решительный отказ» и приводит слова хана о том, что жители Маггышлака являются его подданными и сменить путь это означает отнять у них преимущество. Все уговоры после не изменили решения хана⁴²⁶.

Следует отметить, что кто бы не освещал ход переговоров Н. Н. Муравьёва с хивинским ханом Мухаммедом Рахимом, лучше самого посла никто не смог передать ту атмосферу, при которой они проходили. Это обстоятельство приводится в книге Н. Н. Муравьёва, более лаконично ход и результат переговоров изложен в рапорте Н. Н. Муравьёва Пономарёву М. И. от 17 декабря 1819 года. В документе говорится, что после утомительного 48-дневного ожидания в крепости Ильгельды и по слухам, доходившим до Муравьёва, после долгих колебаний хан наконец согласился его принять. 20 ноября состоялась непродолжительная встреча с ханом, после которой на следующий день Муравьёв выехал

⁴²⁵ См.: Потто В. Поездка Муравьёва в Хиву. — С. 6—27.

⁴²⁶ Потто В. Поездка Муравьёва в Хиву. — С. 26—27.

обратно в Ильгельды, а 27 ноября отправился в обратный путь в Красноводск.

Указывая на явно заметную атмосферу подозрительности со стороны хана и его окружения, опасавшегося мести России за совершённые до этого ряд актов насилия (от убийства Бековича-Черкасского до ограбления торговых караванов, сожжения несколько лет назад двух торговых судов и т. п.), Н. Н. Муравьёва сжато подытоживает встречу, суть которой передаётся следующими словами: «Он немедленно приказал мне ехать из Хивы». Явное нежелание Мухаммеда Рахим-хана принять предложения, предъявляемые Россией, по мнению посла крылось в его стремлении покорить туркмен и присоединить их территорию к ханству. На этом пути у хана были свои проблемы, главным образом, с неповиновением самих туркмен. А укрепление России на восточном побережье Каспия не только могло лишить хана этой возможности, но и подвергнуть его опасности быть завоёванным ею. Это не трудно было понять послу⁴²⁷.

Несмотря на все неудавшиеся дипломатические переговоры, А. П. Ермолов, по мнению В. Потто, высоко ценил общие результаты поездки. «Действительно,— пишет он,— хотя попытка открыть сношения с Хивой и не увенчалась желаемым успехом, однако посольство не осталось без результата; Муравьёв собрал положительные сведения о стране, до тех пор совершенно не известной, и убедился в возможности с большим успехом действовать против Хивы даже оружием»⁴²⁸. Как бы усиливая последний тезис, В. Потто приводит мнение Н. Н. Муравьёва о том, что трёхтысячного отряда было достаточно, чтобы покорить и удержать за Россию ханство, столь важное при открытии торговых сношений с Азией⁴²⁹.

Вопросы, связанные с укреплением позиции России на восточном побережье Каспия и её стремлением к созданию нормальных условий для процветания торговли с Хивой, нашли сравнительно широкое освещение в советской исторической литературе. В этом отношении всё же главная

⁴²⁷ Русско-туркменские отношения.— С. 209—210.

⁴²⁸ Потто В. Поездка Муравьёва в Хиву.— С. 31.

⁴²⁹ Там же.

заслуга принадлежит учёным П. М. Дружинину, Н. А. Халфину и М. Аннанепесову⁴³⁰.

Не вдаваясь в подробности анализа их исследований, следует привести лишь мнение Н. А. Халфина о том, что результат вышеуказанной поездки приводил А. П. Ермолов к убеждению о выгоде укрепления России в этом регионе. Это облегчило бы её вмешательство в случае внутренних осложнений, в Хиве, Бухаре и Персии⁴³¹.

М. Аннанепесов, с большой тщательностью анализируя и сопоставляя сведения, извлечённые из множества документальных источников, довольно подробно останавливается на взаимоотношениях официальной России и туркмен не только до поездки Н. И. Пономарёва в восточные побережья Каспия и Н. Н. Муравьёва в Хиву, но и после них. В этом плане уместно отметить тот факт, что делегация туркмен во главе с известным общественно-политическим и коммерческим деятелем Кият-ханом (получившим широкую популярность среди русских официальных кругов за усердную пророссийскую деятельность, неустанный стремление к укреплению и упрочению русско-туркменских взаимоотношений), прибывшая с Н. Н. Муравьёвым в Дербент, была холодно встречена А. П. Ермоловым, который до отправки экспедиции был самым страстным инициатором её организации и осуждавшим пассивное отношение своих предшественников к туркменам. Хотя М. Аннанепесов и оправдывает А. П. Ермолова, стараясь всю вину возложить на царя и ссылаясь на его слова, дававшие понять наместнику, что он «не променяет дружбу с Персией на какой-то участок земли»⁴³², тем не менее в этом ярко проявляется то, о чём было сказано выше, т. е. интересы официальной России часто ограничивались в сфере своей непосредственной выгоды, поэтому они не были принципиальными последовательными. Не прошло и года, как высшие определители русской дипломатии опять дали недвусмысленно понять о своём интересе к улучшению отношений с туркменами, с тем, чтобы срочно укрепиться на восточном побережье Каспия. И на этот раз М. Аннанепесов склонен также свести всё к инициативе

⁴³⁰ См.: Дружинин Н. М. В страну туркмен и узбеков. Туркмено-хивинская экспедиция Н. Н. Муравьёва.— Л., 1927; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 85—117; Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 155—159.

⁴³¹ Халфин Н. А. Указ. соч.— С. 104.

⁴³² См.: Аннанепесов М. Указ. работа.— С. 155—157.

А. П. Ермолова, который был, по его мнению, главной фигурой в выдвижении и осуществлении чёткого плана действий в этом направлении⁴³³.

Об ускоренном росте заинтересованности официальных кругов свидетельствует и повторная организация отправки, теперь уже полковника Н. Н. Муравьёва, тем же А. П. Ермоловым для исследования восточных берегов Каспийского моря и установления дружественных отношений с туркменами. Цель и задачи этой поездки определены Н. Н. Муравьёву инструкцией командующего Отдельным кавказским корпусом генерал-лейтенантом Вельяминовым от 26 марта 1821 года. Инструкция состоит из 14 пунктов. Из всех указаний, подлежащих к исполнению, наиболее важными, на наш взгляд, являлись следующие: по прибытии на месте «немедленно заняться съёмкой Красноводской косы, северного берега Балханского залива и островов в заливе находящихся»; определить удобное место с наличием пресной воды для постройки пристани и крепости для размещения гарнизона и товаров; исследовать северо-восточные побережья; быть ласковым с туркменами; при исследовании юго-восточной части побережья вблизи Астрабада быть крайне осторожными, чтобы не вызывать подозрений персов и сохранить принципы Гюлистанского мира; при обнаружении подходящего человека, заслуживающего доверия, послать в Хиву «для разведывания о происходящем там и для узнания о расположениях к нам (т. е. к России — Х. П.) хивинского хана, но не вступать с ним в прямое сношение без специального на то указания»⁴³⁴.

Судя по содержанию рапортов Н. Н. Муравьёва генералу Вельяминову от 27 июня и 27 ноября 1821 года, эти наставления были в известной мере выполнены. Н. Н. Муравьёв, имея возможность поближе ознакомиться с положением живущих в Атреке и Гургене туркмен, говорит об их вере и надежде на помощь России в избавлении от притеснения персов⁴³⁵.

Словом, последняя поездка ещё больше обогатила знания или сведения, которые были накоплены Н. Н. Муравьёвым в результате предыдущей поездки, о жизни и положении прибрежных туркмен. Он ещё раз убедился в

искреннем отношении туркмен к России, в поддержку которой они верили, несмотря на разочарования в связи с заключением Гюлистанского мира.

Как видно, многие из вышеприведённых фактов, связанных с вопросами взаимоотношений России с туркменами и Хивой, по ряду причин не были известны исследователям (прежде всего из-за разбросанности штабных бумаг в архивах внешнеполитического ведомства) и, естественно, оставались вне их поля зрения. Поэтому в своих работах они ограничивались анализом лишь тех общезвестных официальных и неофициальных сведений, которые им были доступны.

Посольство А. Ф. Негри. Значение исследования Е. К. Мейендорфа

Одним из наиболее важных посольств, отправленных Россией в Среднюю Азию в первой четверти XIX века, является миссия А. Ф. Негри в Бухару в 1820 году. Она была организована по велению императора Александра I в ответ на просьбу эмира «видеть русского посольства в Бухарии»⁴³⁶. Путешествие из Оренбурга в Бухару списано двумя его участниками: офицером генерального штаба Е. К. Мейендорфом, назначенным секретарём посольства и натуралистом Э. А. Зверсманом. Итогом их наблюдений, кроме множества мелких сообщений в периодической печати, стали книга Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 году», затем в полном объёме в 1826 году в Париже на французском языке, и «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Эдуарда Зверсмана, изданная через два года после этого события на немецком языке в Берлине. Издание на французском и немецком языках осуществлено было в связи с тем, что, во-первых, книги были написаны на этих языках; во-вторых, они так могли быстрее стать достоянием широкого круга специалистов и любителей, жаждущих знаний об этих далёких, крайне малоизвестных странах Средней Азии. Но самой главной причиной всё же, по мнению Н. А. Халфина, было то, что в начале XIX века французская востоковедческая наука занимала одно из ведущих мест в мире. Проявленный повышенный интерес

⁴³⁶ Просьба эмира Хайдара передана через посланцев во главе с Азимджаном Мумгиджаном, посетивших Санкт-Петербург в 1815—1816 и вторично в 1819—1820 годах,

⁴³³ См. Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 158.

⁴³⁴ Русско-туркменские отношения.— С. 236—239.

⁴³⁵ Там же.— С. 242—243.

этого государства связан с активизацией её колониальной политики в Азии и Африке⁴³⁷.

Э. А. Эверсман, как натуралист, в основном уделил внимание природным ресурсам, растительному и животному миру пролегающих по их маршруту земель. Е. К. Мейендорф в соответствии с возложенными на него задачами, свои наблюдения концентрировал вокруг вопросов, касающихся социально-экономического положения и политико-административной структуры Бухарского ханства и близлежащих к нему государств и независимых владений. Ввиду этого, при анализе деятельности посольства А. Ф. Негри следует особое внимание уделить работе Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару», как на одно из первых обстоятельных исследований, отражающих различные стороны жизни Бухарского ханства конца XVIII — начала XIX веков. Недаром ни один из серьёзных исследователей Средней Азии и того, и последующего периодов не мог обойти эту работу и почти все единодушны во мнении о том, что она намного обогатила представления европейцев о Средней Азии и, главным образом, о Бухарском эмирате. Этот труд, хотя и полностью не был издан в виде отдельной книги на русском языке⁴³⁸ (отдельные его отрывки печатались в некоторых журналах того времени)⁴³⁹, тем не менее, получил достойную оценку в дореволюционной русской историографии⁴⁴⁰.

Одним из первых исследователей, которые на профессиональном уровне отметили важность этой экспедиции в изу-

⁴³⁷ Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару. Предисловие к книге Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару». — М., 1975. — С. 9.

⁴³⁸ Книга Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару», в полном объёме с научными комментариями подготовлена к изданию советским востоковедом Н. А. Халфиным. (М., 1975). В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.

⁴³⁹ Северный архив. — Ч. 22. — 1825. — С. 395—401; Ч. 23. — 1825. — С. 161—162; Ч. 24. — С. 72—85; Ч. 25. — С. 178—194; Московский телеграф. — С. 1826; Ч. X. — № 15. — С. 231—239; Ч. XI. — № 16. — С. 48—62; Мануфактур и торговли. — 1832. — № 6. — С. 83—105; Казанский вестник. — Ч. 18. — 1825. — Кн. 12. — С. 233—259; Азиатский вестник. — 1825. — Кн. 1. — С. 3—15; Кн. 2. — С. 75—80; Кн. 4. — С. 231—240; Кн. 5. — С. 304—311; Кн. 6. — С. 374—380.

⁴⁴⁰ См.: Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару. — С. 12—14, О дальнейшей судьбе Е. К. Мейендорфа, его научной, государственной и военной карьере см. там же. — С. 14—17.

чении Средней Азии и по достоинству оценили её итоги, главным образом значение труда Е. К. Мейендорфа, является П. Савельев. Давая общее описание обстоятельств, вызвавших необходимость организации экспедиции, компетентности её состава в выполнении порученного дела, и обращая внимание читателя на ценность труда Е. К. Мейендорфа, он пишет: «Занимательное описание посольства г. Негри, составленное бароном Е. К. Мейендорфом, пролило большой свет на современное состояние земель, составлявших знаменитый Мавераннегр средних веков»⁴⁴¹. Он указывает, что во время путешествия вёл дневник и П. Л. Яковлев, но его записки о Бухаре не изданы. Интересно и то, что П. Савельев, упоминая о докторе Эверсмане и его работе, писал, что «книга его не представляет важных известий, и обязана известностью только тому обстоятельству, что вышла в свет прежде сочинения барона Мейендорфа»⁴⁴².

Книга Е. К. Мейендорфа, по справедливой оценке Н. А. Халфина, — «едва ли не первое обстоятельное описание Бухары, принадлежащее перу европейского путешественника».

Е. К. Мейендорфу⁴⁴³ было поручено «собирать географические и статистические сведения о стране». Поручик Вольховский и Тимофеев должны были сопровождать и помогать ему в сборе материала.

Знакомство с данной работой свидетельствует о большой эрудиции и наблюдательности автора. Даже незначительное, на первый взгляд, сведение, раскрывающее какой-то штрих общего фона социально-политической или экономической жизни эмирата имеет, определяющее значение во мнении и научном суждении исследователя, что бросается в глаза при знакомстве с первой частью. Например, в двух верстах от Кара-агача навстречу посольству вышли четыре бухарских таможенника. Тепло приветствуя делегацию, они произносили слова «хуш амедин!». Они сообщили, что хан выслал для посольства продовольствие. На встречу в Агатму (в 38 верстах от Кара-агача) прибыл бухарский чиновник (из-

⁴⁴¹ Савельев П. Бухара в 1835 году. — С. 22—23.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Е. К. Мейендорф — участник Отечественной войны 1812 и европейских походов 1813—1815 годов, родился в 1794 году в семье потомственного прибалтийского барона генерала от кавалерии, 8 октября 1811 года он вступил колонновожатым в царскую свиту. Вскоре стал прапорщиком, а в 1818 году был произведён в капитаны. Умер в 1863 году. Более подробно о нём см.: Халфин Н. А. Е. К. Мейендорф. — С. 6, 14—17.

баши) в сопровождении 20 всадников, он взял А. Ф. Негри за руку и все хором несколько раз провозгласили: «хуш амеид!»⁴⁴⁴. Затем в их честь организовали пышное угощение⁴⁴⁵. Эти, на первый взгляд, не столь важные детали свидетельствуют, что, во-первых, устроенный далеко от подступа к столице приём был нередкостью дружелюбным, это свидетельствовало о большой заинтересованности правителя Бухары в завоевании расположения или благосклонности России как крупной державы, а во-вторых, слова «хуш амеид!» — не что иное, как таджикское «хуш омадед», в буквальном переводе «добро пожаловать!». Всё это свидетельствует о проведении официальной встречи на таджикском языке. Это подтверждает тот факт, что официально в эмирате государственным языком был таджикский, хотя во главе его стояли представители узбекской (мангытской) династии. Это мнение более обстоятельно подтверждается описанием маршрута посольства по мере приближения к столице эмирата. За 40 вёрст до Базарчи, что в двух вёрстах от Бухары, посольство встречал кушбегн Хаким-бек, который «объяснялся по-персидски с большой лёгкостью». До Базарчи они, следуя вместе с кушбегн в окружении многочисленной любопытной толпы, «продвигались вперёд среди шума и выражений общего веселья», возбуждённого прибытием гостей из дружественной страны. Е. К. Мейендорф выражает даже своё удивление, что из четырёх вельмож, присланных навстречу посольству для вручения приветственного письма хана, недалеко от Вабкента, один из них (как позже выяснилось — родственник хана) не говорил на персидском (таджикском) языке и это, по его словам, «был единственный из узбекских вельмож... который не говорил на этом языке»⁴⁴⁵. Мнение об официальном государственном значении таджикского языка ещё более чётко подтверждается автором в конце книги. «Персидский, — пишет он, — язык таджиков, городских жителей и всех более или менее цивилизованных бухарцев. Им пользуются при ведении дел и для переписки»⁴⁴⁶.

Интерес представляет и описание торжественного приёма в Бухаре, куда посольство прибыло в полдень 20 декабря 1820 года, которое также подтверждает мнение о дружественном расположении эмира и бухарских сановников к пред-

⁴⁴⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — С. 52—53.

⁴⁴⁵ Там же. — С. 55—56.

⁴⁴⁶ Там же. — С. 152.

ставителям русского посольства. В столице Бухарского эмирата посольство оставалось до 10 марта 1821 года⁴⁴⁷.

В пяти небольших главах второй части своего труда Е. К. Мейендорф сосредотачивает внимание на общих сведениях о народах, обитающих в Средней Азии, историко-географическом обзоре государств и народов, находящихся в непосредственной близости от Бухары. Интересно заметить, что автор вносит ясность в определение этнических групп и народов, проживающих здесь народов.

Смело бросая вызов учёным, которые придерживались мнения называть этот обширный регион «Татарией» и там, где они жили действительно в своём большинстве «Малой Бухарой»⁴⁴⁸, Е. К. Мейендорф пишет: «Я не разделяю мнения тех, кто утверждает, что география должна считать Татарию страной, которая простирается на Восток до гор Белур и на юго-восток до Гиндукуша, хребта, отделяющего Тарию от Афганистана. Действительно, хотя татарская раса не распространяется так далеко к югу, тем не менее в наименовании «Татария» в географическом смысле будут включаться страны совершенно не татарские, в то время как в неё не войдёт Китайский Туркестан, область фактически татарская... было бы лучше заменить название «Татария» именем «Средняя Азия», каковое я нахожу более точным и более правильным с географической точки зрения»⁴⁴⁹.

Итак, последующие поколения должны быть благодарны этому исследователю (если даже отбросить его другие заслуги), только лишь за то, что он вводил в научный обиход такие удачные географические названия или термины как «Средняя Азия» и «Китайский Туркестан», которых и сегодня при всём желании нельзя заменить, ибо вряд ли удастся найти более подходящие названия, ко-

⁴⁴⁷ Мейендорф Е. К. Указ, работа. — С. 56—57.

⁴⁴⁸ Касательно этого Е. К. Мейендорф писал: «Татары, живущие и преобладающие в стране, которую мы неправильно называем Малой Бухарой (имя неизвестное никому из азиатов; в дальнейшем я заменяю его названием «Китайский Туркестан»), хотя и покорённые калмыками, не были окончательно истреблены. Скорее это произошло с джунгарскими калмыками, которые были уничтожены в Китайском Туркестане манджурами в 1759 г. Татарский язык до сих пор преобладает в Кашгаре, Яркенде, Хотане и Аксу — странах, принадлежащих Татарию в этнографическом смысле». Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — С. 59.

⁴⁴⁹ Мейендорф Е. К. Указ, работа. — С. 59—60.

торые так логично вобрали в себя не только географические, но и этнографические понятия. Причём, не претерпело изменение и поныне его территориальное определение «Средняя Азия»⁴⁵⁰.

Большой интерес представляет и перечисления тех государств, самостоятельных владений, народностей, этнических групп в том пространстве, которое Е. К. Мейендорфу удалось охватить в сферу своего исследования. Причём, нельзя упрекнуть автора в неточности отдельных названий местности или этнических групп, ибо многие из них являются распространёнными и благодаря автору впервые даже может быть несколько в искажённом варианте стали известными европейскому читателю. «Ту часть Азии,— пишет Е. К. Мейендорф,— которую я проехал или на которую распространились мои исследования, можно разделить так: к северу — страна киргизов (казахов — *Х. П.*), к западу — Хивинское ханство, где живут каракалпаки, аральцы и туркмены, к востоку — Кокандское ханство — Фергана, как называют её арабские географы, включающие также города Ташкент и Туркестан, к югу — Бухария, туркменские пустыни, ханства Меймене, Андхой, Балх, Хульм, Бадахшан, Хиссар, Шерсабес, или Шахрисябз, и страна, населённая гальчами, или восточными персами, элеутами и хезерейцами, кочевниками шнитами шигани и дарваза, кочевниками-язычниками»⁴⁵¹.

Как видно, автор не мог не допускать такие неточности как названия этнических групп «гальча» и «восточные персы», под которыми следует понимать таджиков, или вместо «язычниками» правильнее было писать «исмаилиты» и т. п., которые в связи с крайне скудными сведениями, полученными из вторых и третьих уст, претерпели изменения в произношении. Тоже самое следует сказать о различных географических объектах: горы, реки, степные равнины и т. д.

Касательно Хивинского ханства, воздерживаясь от более полного его описания ввиду недавнего пребывания в этом ханстве Н. Н. Муравьёва, опубликовавшего подробное сообщение о своём путешествии, Е. К. Мейендорф довольствуется тем, что несколько поверхностно характеризуя предприимчивость хивинского хана Мухаммед Рахима I

(1806—1825 гг.), подчинившего «многие туркменские орды, обитавшие на юго-востоке и западе», распространившего свою власть «от берегов Каспийского моря до границ Бухарии». К югу от Хазараспа, самого южного города Хивинского ханства, а также к западу приблизительно до 40-й параллели»⁴⁵². Согласно его данным в Хиве проживали узбеки, кочевые и полукочевые туркмены, каракалпаки, таджики, небольшое число евреев.

Сведения, приведённые Е. К. Мейендорфом о положении туркмен, обитающих на восточном берегу Каспийского моря, их взаимоотношении с Россией, вполне совпадают с содержанием документов, о которых речь шла выше. Он подтверждает факт о тесной связи этих туркмен с Россией, откуда получали муку и другие жизненно необходимые товары, что почти все эти туркмены являлись «заклятыми врагами персов». Он также подтверждает факт о том, что в 1813 году туркменская делегация обращалась к генералу Н. Ф. Ртищеву с просьбой скорее одержать победу над ними⁴⁵³. Судя по его словам, хивинских хан Мухаммед Рахим благосклонно относился к грабёжам русских и бухарских караванов⁴⁵⁴.

Давая географическое описание расположения Кокандского ханства, Е. К. Мейендорф отмечает, что оно лежит к востоку и северо-востоку от Бухары. «Эта страна,— пишет он,— значительно расширилась со времени присоединения Ташкента в 1805 году, и Туркестана и соседних городов в 1815-м. Границами её на западе служат пустыни или Сырдарья, на юге — Кашкар-Диван, на востоке — Алатаг, на севере — Казакли Джулак и Сузан. На юге пограничными городами являются Ош, Тахти-Сулейман, через Ок-Мечеть (ныне Кызыл-Орда — *Х. П.*), расположенный на Сырдарье, проходят все караваны, идущие из Бухары в Петропавловск»⁴⁵⁵.

Столица ханства г. Коканд, расположенный в десяти верстах от Сырдарьи «по величине равен Бухаре». Этот город, согласно данным Е. К. Мейендорфа, имел до 6 000 домов, четыре каравансарая. Вся торговля Ташкента и Кашгара с Бухарой производилась через Коканд. Автор

⁴⁵² Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару — С. 67.

⁴⁵³ Там же. — С. 68.

⁴⁵⁴ Там же. — С. 67.

⁴⁵⁵ Там же. — С. 69.

⁴⁵⁰ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — С. 60.

⁴⁵¹ Там же.

указывает на враждебное расположение друг к другу владетелей Бухары и Коканда. До завоевания бухарцами, лет десять тому назад (до 1810 г.) Ура-Тюбе сохраняла свою независимость⁴⁵⁶. Омар-хан, правивший Кокандом в период пребывания миссии Негри в Бухаре, пользовался большим авторитетом⁴⁵⁷.

Согласно сведениям Е. К. Мейендорфа, город Ташкент имел минимум 3 000 дворов. В городе десять медресе. Три из них «были выстроены по образцу бухарских»⁴⁵⁸.

Приведя сообщения, добытые им путём распросов, Е. К. Мейендорф в известной мере доводил до сведения европейского да и русского читателя о существовании независимых владений Восточной Бухары и Памира, таких как Гиссар, Куляб и Бадахшан, неверно называя их ханствами. Причём, наряду с ними, он говорит о ханствах Рамит и Обигарм, якобы воюющих с Гиссарским ханством. По его словам, Гиссар насчитывал примерно 3 000 домов. «Хиссарскому хану,— пишет он,— подвластны Денау, самый большой после Хиссара город, Сарыджуй, Тупалак, Регар или Регара, Каратаг, Дештабад, Чокмазар и Ходжа-Таман... Куляб, вмещающий приблизительно 3 000 домов, расположен восточнее Хиссара, на пути из Бадахшана в Коканд. Он независим»⁴⁵⁹. Как видно, сведения, дошедшие до Е. К. Мейендорфа несколько преувеличены и искажены. Как впрочем и тот факт, что население этих городов он считал только узбеками и что хан Обигарма часто воевал с хиссарским ханом⁴⁶⁰. Неверным являются и его утверждения о том, что «начиная с Каратегина мусульмане не встречаются... Странные кяфиры (неверные — Х. П.) живут в Калайхуме, называемым также Дарваз и лежащем на реке такого наименования... Дарваз несёт в своих волнах золото, которое возбуждает жадность бухарцев, время от времени рискующих жизнью, чтобы собрать крупичи дра-

⁴⁵⁶ Более подробно о политическом и социально-экономическом состоянии Ура-Тюбе см.: Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в.— Душанбе, 1964.— 185 с.

⁴⁵⁷ Омар-хан (1809—1822 гг.) занял престол после своего брата Алим-хана (1800—1809 гг.), не после Норбуты, как на это указывает автор. См.: Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 71.

⁴⁵⁸ Там же.— С. 70.

⁴⁵⁹ Там же.— С. 77.

⁴⁶⁰ Там же.

гоценного металла»⁴⁶¹. Такой информации, достоверность которой ему, разумеется, трудно, даже невозможно было установить, в работе встречается немало⁴⁶². Тем не менее, это не может снизить достоинства или ценность исследования. Оно стало прочной основой и в какой-то мере ориентиром для будущих исследователей отдалённых и труднодоступных горных районов Средней Азии.

Приведённые Е. К. Мейендорфом факты свидетельствуют о всё усиливающейся феодальной раздробленности в Средней Азии. Она проявилась, в частности, в сохранении порою независимости Ура-Тюбе, Ташкентом, Шахрисабзом и многими более мелкими владениями, которые часто подвергались нападению со стороны более могущественных соседей или же вели постоянные войны между собой.

Третья часть труда Е. К. Мейендорфа посвящена историко-географическому, политическому и социально-экономическому анализу Бухарского эмирата первой четверти XIX века. Любопытно, что автор, как и многие другие последующие исследователи, почти не употребляет термин «эмират» в отношении Бухарского государства. Согласно его определению, Бухарское ханство в то время не имело чёткой границы. По его словам, бухарские таможенники доходили до Карагаты для осмотра караванов, прибывающих из России, но не переходили дальше, следовательно этот пункт, считает Е. К. Мейендорф, являлся северной границей эмирата. К северо-востоку от Самарканда находилась крепость Ура-Тюбе, которая служила в качестве пограничного пункта Бухарского эмирата с этой стороны. Западная граница Бухары доходила до селения Ёйчи на Амударье. По словам исследователя, «некогда знаменитый, а ныне заброшенный Мерв — как раз то место, где расположен Бухарский аванпост, наиболее выдвинутый на запад». Южная граница бухарского государства проходила севернее Андхоя и Балха и доходила до Денау, который считался пограничным городом независимого в то время Хиссарского государства. Восточная граница примерно обозначена «линией, идущей от Денау к Ура-Тюбе и включающей город Фан, расположенный дальше всего на восток от Бухары»⁴⁶³.

⁴⁶¹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 78.

⁴⁶² Там же.— С. 77—83.

⁴⁶³ Там же.— С. 84—85.

По данным Е. К. Мейендорфа, пространство, занимаемое Бухарским эмиратом составляло 40 000 кв. вёрст⁴⁶⁴. Численность населения, по его определению, составляла приблизительно 2 478 000, из них узбеки — 1 500 000, таджики — 650 000, туркмены — 200 000, а остальное: арабы — 50 000, персы — 40 000, калмыки — 20 000, киргизы (казахи) и каракалпаки — 6 000, евреи — 4 000, афганцы — 4 000, лезгины — 2 000, цыгане — 2 000⁴⁶⁵.

Представляет большой интерес сообщение и о самом городе Бухаре. «Однажды, — пишет Е. К. Мейендорф, — я совершил верховую прогулку по Бухаре и определил, что этот город имеет в окружности приблизительно 14 вёрст. Мне сообщили, что в нём около 8 000 домов и до 70 000 жителей, три четверти которых таджики, в основном ремесленники. Остальное население состоит из узбеков, евреев, татар, афганцев, калмыков, индусов, а также купцов из соседних стран, некоторого числа паломников, персидских и русских рабов и незначительного количества негров и сияхпушов»⁴⁶⁶.

Наблюдая за взаимоотношениями Бухарского ханства с соседними государствами, Е. К. Мейендорф несколько преувеличивал возможности эмирата, который, по его мнению, мог вполне обходиться и без соседей, потому что, якобы, во много раз был сильнее их. «Бухара не ищет союза с соседними ханствами, которых она не боится, в которых совершенно не нуждается», — считает он. В то же время указывает на сохранение почти традиционной вражды между Хивой и Бухарой, в которой «Хива неоднократно подвергалась завоеваниям и всякий раз умела возвращать себе свободу». Последний раз она была покорена эмиром Хайдаром десять лет назад, но это суеверный государь, руководствуясь принципом «мусульманин не может мусульманина удержать в рабстве», возвратил ей независимость⁴⁶⁷. То же самое имело место и с Кокандским ханством, хан которого имел тесные родственные отношения с хивинским правителем и порою поддавался его внушениям, но могущество и превосходство Бухары побуждало его быть осторожным и отдавать предпочтение торговым интересам⁴⁶⁸.

⁴⁶⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — С. 106.

⁴⁶⁵ Там же. — С. 95.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. — С. 140.

⁴⁶⁸ Там же. — С. 141.

Значительный интерес также представляют суждения Е. К. Мейендорфа о международных отношениях Бухарского ханства и его дипломатических интересов. Согласно его наблюдениям, Бухара имела торговые сношения с Персией, Афганистаном, Индией, Кашмиром, Кашгаром и Малым Тибетом, но не поддерживала с этими странами никаких политических отношений. В продолжении 20 лет своего правления эмир Хайдар (1800—1826) в своих отношениях с Кашгаром ограничился отправкой коменданту этого города лишь одного письма с приложением некоторых подарков. Не установил он никакой связи с персидским шахом из-за принадлежности к разным сектам и от того, что персы были враждебно настроены к бухарцам, которые держали в рабстве более 30 тысяч их соотечественников⁴⁶⁹. В этом плане некоторое исключение представляют контакты эмира с турецким султаном. В знак своей твёрдой религиозности эмир ежегодно посылал в Константинополь султану, как премнику халифов, значительную сумму денег и заверения в дружбе и преданности. За это усердие турецкий султан в 1818 году в ответ направил посланца с несколькими религиозными книгами⁴⁷⁰.

Все вышеприведённые факты дают основание вывода о том, что постоянную торгово-дипломатическую связь бухарский эмир поддерживал только с Россией. На это явно указывает и Е. К. Мейендорф⁴⁷¹.

Общий смысл повествования Е. К. Мейендорфа убеждает в высокой образованности автора, в его обширном знании истории и культуры народов Средней Азии, в особенности Бухарского эмирата. Причём, в отличие от многих исследователей, относящихся с некоторым высокомерием к истории этих народов, чувствуется его искренность и уважение к ней. Он говорит о положении просвещения в Бухаре, его упадке вследствие бездарной политики правителей, последователей традиционного религиозного фанатизма, превративших Бухару из некогда центра восточного просветительства в жалкую безграмотную страну. Е. К. Мейендорф с досадой, но и надеждой, завершает свой труд: «И если когда-нибудь Бухару возглавит просвещённый человек, то он, конечно, сумеет оказать на Среднюю Азию благотворное

⁴⁶⁹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — С. 141.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же. — С. 141—142.

влияние, и просвещение, заимствованное Европой из Азии, сможет быть возвращено, обогащённое исследованиями и разумом веков». Осуществление этого он видит в развитии просвещения в России и её участии в распространении «в этих странах всех благ европейской цивилизации»⁴⁷².

В исследовании даны довольно ценные сведения о состоянии торговли, как внутренней, так и внешней, главным образом, о русско-бухарских торговых отношениях, о чём речь будет идти ниже.

Таким образом, несмотря на все разногласия при оценке интересов России к Средней Азии и степени их осуществления, бесспорно, что Россия в первой четверти XIX века была заинтересована в укреплении своей позиции в этом регионе и вела соответствующую деятельность и возможностями, если не довольно активную, то сравнительно заметную политику. Об этом свидетельствует не только содержание книг Н. Н. Муравьёва и Е. К. Мейендорфа, но и сведения о сравнительно частой отправке в Среднюю Азию представителей России. В этом отношении трудно удержаться от цитирования приведённого Д. Голосовым списка представителей России, посетивших Среднюю Азию в первой четверти XIX столетия. Итак, это были: Поспелов и Бурнашев — в 1800 г., Гавердовский — 1803 г., Фелькерзам — 1803 г., Клапрот — 1807 г., Колодкин — 1809—1817 гг., Назаров — 1813 г., Вишневецкий — 1806—1815 гг., экспедиция к Свинцовым горам — 1814—1815 гг., Быстринский, Завьялов, Меньшенин, Лосев и Лешов — 1817 г., Бурнашев — 1818 г., Муравьёв — 1819 г., Негри, Мейендорф и Эверсман — 1820 г., съёмки сибирской линии — 1820—1830 гг., Левшин — 1820—1822 гг., Муравьёв — 1821 г., Берг — 1822 г., Броневский Григорьев и Горский — 1823 г., Жемчужников — 1823—1824 гг., Берг, Лейм и Эверсман — 1825—1826 гг., Тафаев и Ягмин — 1825 г., Басаргин — 1823—1824—1825 гг.⁴⁷³

Разумеется, все эти поездки имели свои цели и соответственно выполняли возложенные на них поручения и в зависимости от их важности и степени выполнения, а также сохранения соответствующих интервалов нашли своё отражение в русской и советской историографии. Независимо от всей противоречивости в их оценках учёные не могли не

заметить тот существенный вклад, который внесли эти миссии в сближение государств и народов, в развитие торгово-дипломатических взаимоотношений. Если даже отбросить выполнение тех прямых или косвенных официальных поручений, ради которых и совершались эти поездки, сам факт, что благодаря им расширился круг информации о политическом и социально-экономическом состоянии среднеазиатских ханств достаточен, чтобы оценить их труд и воздать им должную оценку. Вместе с тем, возвращаясь к тому, что от них ждала Россия, следует отметить, что в этом плане они казались недостаточно эффективными. Об этом свидетельствует, например, поездка Н. Н. Муравьёва и все попытки кавказских наместников в первой четверти XIX века укрепить позиции России в Средней Азии через Кавказ, что привело к постепенному ослаблению их стремления в осуществлении данного варианта. «Царское правительство,— пишет по этому поводу Н. А. Халфин,— на какое-то время потеряло интерес к развитию связей с хивинским ханом со стороны Кавказа. Видимо, слишком велики были первоначальные надежды на то, что через Ермолова удастся более легко наладить отношения с суровым и враждебно настроенным хивинским ханом Мухаммед Рахимом»⁴⁷⁴.

С этой позиции неутешительными в то время были дела и во взаимоотношениях через Оренбург. П. К. Эссен, заменивший военного губернатора Г. С. Волконского, неоднократно сообщал о фактах ограбления купеческих караванов и трудности налаживания нормальных, безопасных торговых сношений. Действительно, долгое время существующий торговый путь из России в Среднюю Азию, который пролегал из Оренбурга через казахские степи, был очень длительным и изнурительным. Хотя этот путь был по сравнению с первым несколько более удобным (сочетался морской и сухопутный), появилась необходимость перемещения этих торговых связей южнее, в направлении через Хиву и Красноводск или Огурчинск и Баку. Этот путь был намного короче и безопаснее, что сулило большую выгоду России, прибрежному населению туркмен, да и Хивинскому и Бухарскому ханствам. В целях изучения этого пути и возможностей договориться с хивинским ханом о согласии на этот вариант обоюдно выгодного выбора маршрута и была организована экспедиция Пономарёва и Муравьёва. Исходя из неуверен-

⁴⁷² Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 153.

⁴⁷³ Голосов Д. Поход в Хиву//Военный сборник.— Т. 29.— 1863.— № 1.— С. 15—16.— Прим, 17.

⁴⁷⁴ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 124.

ности добиться желаемого результата мирным путём, П. К. Эссен настойчиво выдвигал свой план действия, основанный на насильственном давлении и военном проникновении в пределы Хивы. Назначение мятежного султана Каипа, участвовавшего в разграблении караванов «киргизским ханом», ещё больше усилило желание Эссена решать этот вопрос путём выделения «в степь военных отрядов с артиллерией». Но это не получило одобрения со стороны более дальновидных представителей дипломатических кругов Министерства иностранных дел и финансов⁴⁷⁵, которые надеялись на его мирный способ урегулирования. Однако, впоследствии действия официальных представителей правительственных и военных кругов показали всё же приверженность к военному или силовому решению вопроса.

Торговые связи

Общее содержание материалов, касающихся дипломатических отношений между Россией и Средней Азией, приводит к убеждению в том, что центральным пунктом всех переговоров, проходивших при официальных приёмах посольств или представителей, неизменно являлся вопрос улучшения взаимовыгодных торговых связей, к которому проявляли повышенный интерес с обеих сторон. Поэтому, не вдаваясь в подробности анализа переговоров, суть которых была в целом изложена выше, следует, опираясь на сведения исследователей и соответствующих источников, ограничиться лишь анализом тех практических результатов, к которым они привели.

Нужно отметить, что почти все исследователи, работы которых имеют в той или иной мере отношение к этому периоду, не обходили стороной вопросы, касающиеся общего состояния торговли между Россией и Средней Азией. Но, к сожалению, сведения, содержащиеся в их работах несколько поверхностны и далеко не достаточны, чтобы опираясь на них воссоздать полную картину, основанную на достоверных статистических показателях, того объёма торговли или же товарообмена, который осуществляли представители торговых кругов с обеих сторон. В лучшем случае многие из них

⁴⁷⁵ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.— С. 136—138.

ограничились перечислением тех видов товаров, которые ввозились или вывозились торговцами с той или иной стороны. Но всё же при тщательном анализе фактов, содержащихся в этих работах и сохранившихся источников, можно создать картину, дающую общее представление о том состоянии торговых связей или реальном объёме товарооборота между Россией и среднеазиатскими ханствами.

Что касается заслуги русских исследователей в освещении данного вопроса, то при всей скудности объёма их информации, всё же следует им отдать должное. Благодаря им учёный мир получил на уровне возможностей того времени достаточно ценные сведения о довольно ещё мало познанных европейцами Средней Азии.

К числу исследователей, пытавшихся в доступной мере анализировать состояние торговли первой четверти XIX века, бесспорно следует отнести Я. В. Ханькова. Указывая на трудности анализа товарооборота «с северо-восточной Персией по Каспийскому морю через Астрабад, а по Инду со странами, на той системе этой реки», Я. В. Ханьков ограничивается «разбором... только торгового значения северо-западной части Средней Азии». Причём, относительно истории становления торговых отношений и выбора основных торговых путей своё мнение он излагает следующим образом: «Деятельные и самостоятельные сношения России с этим пространством начались собственно с половины XVIII века, то есть с основания Оренбурга и продолжения Оренбургской линии; ибо хотя азиатские караваны приходили и до того на Сибирскую линию, равно как в Сарайчик и Астрахань, но русское купечество не принимало непосредственного участия в этой торговле, а крайняя опасность перехода через степь от калмыков, киргиз и башкир, заставляла самих азиатцев ограничить по возможности отправку товаров»⁴⁷⁶.

Согласно имеющимся в распоряжении Я. В. Ханькова сведениям в конце XVIII и первой четверти XIX веков динамика торгового оборота со всей северо-западной части Средней Азии определяется следующими данными (в руб.)⁴⁷⁷:

⁴⁷⁶ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря, — С. 287.

⁴⁷⁷ Там же.

Годы	Привоз	Отпуск
1793—1797	1 547 069	1 570 445
1804—1807	2 071 564	987 974
1812—1815	4 071 564	3 582 881
1820—1823	5 381 155	3 763 611
1824—1827	5 759 252	4 389 705

Несмотря на ограниченность этих показателей даже указание о товарообороте и тенденции его роста свидетельствует о значительной степени заинтересованности обеих сторон. Разумеется, этот показатель мог занимать малозначительную долю в общем товарообороте России с другими государствами, однако, нельзя не заметить его рост, судя по данным последующих годов.

Особое место в российско-среднеазиатской торговле занимала Бухара. Этот факт неоднократно был отмечен русскими исследователями. В частности, Ф. И. Лобысевич, обративший внимание на этот факт, пишет: «Бухара, которая по своему географическому положению, не прикасалась промышленным характером своего населения, особенно дорожила мирными торговыми сношениями с Россией и составляла важнейший среднеазиатский рынок для сбыта наших произведений»⁴⁷⁸. Далее он указывает на «значительное число» бухарских караванов, направляющихся в Оренбург и Троицк, с большим риском проходивших через казахскую степь, особенно ту её часть, которая находилась под влиянием Хивы, и добрались до пределов России. Частые нападения и грабежи вынудили бухарцев искать новые пути перевоза товаров и поэтому в начале XIX столетия «часть караванов их стала направляться к сибирской границе, где город Петропавловск занимал уже видное место в торговых оборотах с киргизами, Ташкентом и Коканом»⁴⁷⁹.

Важно отметить полезность бухарского рынка для России, который являлся не только потребителем русских изделий, но и посредником для них в выходе на рынки мелких ханств аму-дарьинского бассейна, Афганистана и северозападной Индии. Поэтому, согласно мнению Ф. И. Лобысевича, Россия должна была «изыскать более надёжный

путь для торгового движения между Оренбургскою линиею и Бухарой». Для реализации этой цели и было организовано вышеупомянутое посольство под начальством поручика Гаввердовского⁴⁸⁰, хотя в обязанности этой миссии были включены и другие поручения, о которых шла речь.

Вопросы, связанные с развитием торговли, неминуемо присутствовали во всех переговорах, проводимых с обеих сторон. Например, эмир Хайдар, только что занявший после смерти своего отца Шахмурада бухарский трон, отправил в Петербург посольство во главе с Муллою Хаитом Мухаммедом, который был принят Александром I, также только что вступившем на престол Российской империи. Приняв грамоту эмира, император выразил своё намерение поддержать и расширить торговые связи с Бухарой. То же самое повторялось при приёмах в 1803 и в 1805 годах бухарских послов во главе диванбеги Мир Мухаммедом Аминком. Этому послу в 1805 году разрешили увезти 15 пудов стали, хотя в то время она входила в число запрещённых товаров для вывоза из России. Но по каким-то причинам этот груз был всё же конфискован в Астрахани⁴⁸¹.

В сохранившихся документах, касающихся русско-туркменских отношений в первой четверти XIX века, наряду с вопросами, определяющими общее стратегическое направление в дипломатических кругах или отправку частных посланий от официальных представителей с обеих сторон, особое место уделялось торговым отношениям. Общее содержание этих деловых бумаг сводится к одному мнению: обе стороны были крайне заинтересованы в расширении торговли. В частности, инженер генерал-майор фон Фелькерзам, будучи отправленным для осмотра Тюб-Караганского угла, с тем, чтобы выбрать удобное место для постройки укрепления, в своём рапорте от 2 февраля 1806 года инструктору инженерного департамента фон Сухтелену, наряду с освещением возложенных на него задач относительно развития торговли в этом направлении, указывает на большую выгоду России при решении вопроса о постройке Тюб-Караганской крепости и соответствующих торговых сооружений⁴⁸².

Однако решение о строительстве крепости тянулось очень долго, хотя туркменские старшины непрерывно напоминали

⁴⁷⁸ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 63.

⁴⁷⁹ Там же. — С. 63—64.

⁴⁸⁰ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение... — С. 63—64.

⁴⁸¹ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. — С. 81—84.

⁴⁸² См.: Русско-туркменские отношения. — С. 169—170.

об этом самым высшим чиновникам России, вплоть до императора Александра I. Этот вопрос, в частности, в очередной раз был поднят в письме старшины Шиха (может шейха?) Али Бека астраханскому гражданскому губернатору А. А. Кожевникову от 6 февраля 1809 года⁴⁸³.

Заинтересованность туркмен в постоянном присутствии России в местах их обитания, была вызвана и царившей в то время крайне неспокойной обстановке в Хиве, где шли непрерывающиеся войны за ханский престол. Положение усугублялось и тем, что за своё кратковременное ханство Ильтузар (1804—1806 гг.) вёл войны не только против кунгурадских, мангытских сепаратистов, хивинских туркмен, но и против Бухары. Причём, он добивался полного вытеснения всех туркмен, в первую очередь иомудов, из пределов ханства⁴⁸⁴.

Постоянный поиск взаимоприемлемых условий с представителями российской администрации, частые поездки и просьбы прибрежных туркмен, визиты их представителей в Петербург дали положительные результаты. Главным же было то, что они впервые получили официальную государственную грамоту о принятии их в подданство России⁴⁸⁵. Это создавало благоприятную почву для укрепления торговых связей. Хотя дальнейшие события показали, что на этом пути предстояло решать множество проблем, о которых уже шла речь.

Одна из важнейших целей экспедиции М. И. Понсмарёва и Н. Н. Муравьёва, как известно, было изучение состояния торговли с туркменами и возможности распространения нормальной и безопасной торговли на Хиву и Бухару.

Имея достаточно обширную информационную базу для своего заключения по поводу возможности утверждения присутствия России на восточных берегах Каспия, П. Н. Муравьёв в рапорте от 12 апреля 1820 года главнокомандующему на Кавказе пишет: «Выгоды, представляющиеся от занятия сих берегов двояки: первые — со стороны торговли вторые — со стороны военных видов». К тому же ещё более проясняя свою мысль о торговом значении данного предприятия, он добавлял, что туркмены, нуждаясь в хлебе, име-

ют довольноное количество наличных денег от продажи ковров, армяков из верблюжьей шерсти, нефти, соли и скота. Поэтому пшеничный хлеб, толстые сукна, холсты, кожи, ножи, ножицы, посуда чугунная и деревянная, оружие, порох, вёсла, верёвки и множество других вещей, которых туркмены ждут, могли бы быть доставлены им»⁴⁸⁶. Далее говорится о тех перспективах, которые сулили бы России в будущем нефтяные и соляные промыслы, а также разведение чистопородных лошадей. Наконец, укрепление торговых отношений с туркменами создавало бы благоприятную почву для расширения за их пределами. Тем более, что российское правительство давно намеревалось устроить постоянную и безопасную торговлю с Хивой⁴⁸⁷. Эту же мысль Н. Н. Муравьёв (теперь уже в чине полковника) подтвердил во время его повторной поездки в 1821 году с целью продолжения исследования восточного побережья Каспийского моря⁴⁸⁸.

В сведениях, собранных в начале 20-х годов канцелярией астраханского губернатора о туркменах Мангышлака, имеются некоторые, может быть, поверхностные данные об отношении прибрежных туркмен к торговле, тем не менее они в какой-то мере могут дополнить уже известные скудные факты. Согласно им, на восточном берегу Каспийского моря проживали абдалские и икдырские роды туркмен. Первые из них с числом семейств до 400 кочевали близ пристани Гедыкской или Мангышлакской (идыри кочевали рассеяно с казахами и с абдалским родом имели вражду). Хотя они занимались «небольшим скотоводством», но главное их внимание было направлено на торговлю. При этом, привозимые к ним из городов Хивы халаты, ковры, бурметы и прочие изделия, меняли на скот⁴⁸⁹. Трудно судить об общем товарообороте русских купцов и туркмен, тем не менее даже статистические показатели из годовой (1825) ведомости астраханской портовой таможни в какой-то мере может свидетельствовать об активном участии туркменских купцов в торговых операциях⁴⁹⁰:

⁴⁸³ Русско-туркменские отношения.— С. 177.

⁴⁸⁴ Там же.— С. 178.

⁴⁸⁵ См.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 121.

⁴⁸⁶ Русско-туркменские отношения.— С. 224.

⁴⁸⁷ Там же.— С. 224—226.

⁴⁸⁸ Русско-туркменские отношения.— С. 235—247.

⁴⁸⁹ Там же.— С. 250—251.

⁴⁹⁰ Там же.— С. 251.

Фамилии туркменских купцов	На какую сумму			
	привозимых товаров		отвозимых товаров	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Атский Караджаев	712	40		
Амет Гули Ходжа Ниязов	399	30		
Курт Кельди Сент Мамет	725	20		
Еген Мамет Алиев	9 041	70		
Амир Ходжа Ниязов	3 811	00	3 364	00
Мамед Годжа Нияз Аширов			1 061	00

Как известно, исследователи едины во мнении о том, что русско-бухарские торговые сношения были более стабильными, нежели русско-хивинские. И первые во многом зависели от безопасности торговых путей, которые пролегли через туркменские кочевые пределы Хивинского ханства. Постоянная вражда между родами, набеги в пределы Хивинского ханства и соседних племён или ханств, частое ограбление торговых караванов со стороны разбойничьих групп не давали возможности для стабильного налаживания отношений и их развития, тем не менее обоюдное стремление к этому всегда отмечалось во время официальных встреч. Упомянутое обстоятельство не могло не расстраивать торговлю и через Сибирскую линию, хотя она, разумеется, по своему значению далеко не могла соперничать с Оренбургской. В донесении командира Отдельного сибирского корпуса в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России от 6 января 1823 года сообщается, что «война между Кокандом, Бухарой и Хивой препятствуют торговле нашей с Бухариею до такой степени, что в течении всего минувшего года не приходил на Сибирскую линию ни один караван бухарский»⁴⁹¹.

Относительно торгового оборота между Россией и Средней Азией в целом также очень трудно придерживаться какого-либо знаменателя. Согласно данным, приведённым Г. А.

⁴⁹¹ АВПР. Ф. Главный архив.— Д. 4.— Л. 47. Более подробно о торговле через Сибирь см.: Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв.— Ташкент, 1983.

Михалевой из официальных статистических показателей, сохранившихся в Оренбургском архиве, торговый оборот России со Средней Азией только через Оренбург за второе десятилетие XIX века составлял⁴⁹²:

Годы	В Оренбург (в руб. серебром)	Из Оренбурга (в руб. серебром)
1812—1814	3 272 081	2 031 372
1815	1 727 784	1 821 509
1817	5 682 935	нет сведений
1818	2 537 081	1 689 001
1819	4 004 945	1 353 131

В перечне поступающих из Средней Азии товаров всё прочее стал занимать хлопок-сырец и хлопковая пряжа. В этом можно убедиться по приведённым тем же автором данным⁴⁹³:

Годы	Хлопок		Пряжа	
	кол-во (пуд.)	стоимость (руб.)	кол-во (пуд.)	стоимость (руб.)
1815	4 191	12 582	8 720	854 030
1816	3 309	99 270	15 282	1 220 560
1817	4 945	164 950	14 148	1 167 080
1818	10 762	430 515	6 737	406 875
1819	16 183	645 290	18 926	1 135 680

Несколько подробнее вопросы, касающиеся русско-среднеазиатских торговых отношений, отражены в работе Е. К. Мейендорфа. Отмечая общую тенденцию развития русско-среднеазиатских торговых отношений, он ограничивается тем, что русские учредили в 1762 году в Астрахани купеческую компанию для торговли с Хивой и этим создали условия для более постоянной торговли⁴⁹⁴.

⁴⁹² Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами.— С. 44.

⁴⁹³ Там же.— С. 52.

⁴⁹⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 122—123.

Более обстоятельному анализу Е. К. Мейендорф подвергает российско-бухарские торговые отношения. По его словам, один за другим в Россию приезжали бухарские посланцы (с 1775 по 1819 годы их было 11), и каждый из них, живя в России по несколько лет, добился различных льгот для своей страны, собирал данные о вопросах потребления в империи. С того времени торговля обеих стран значительно расширилась, особенно в результате быстрого сбыта хлопка и кашмирских шалей⁴⁹⁵. Бухарские караваны направлялись к различным таможням, расположенным вдоль границы России, между Каспийским морем и Петропавловском. Е. К. Мейендорф указывает на более краткий путь от Бухары до Нижнего Новгорода. Он отмечает, что для этого нужно было пройти Хиву, Сарайчик, Астрахань и подняться по Волге, но этот путь был неудобен по двум причинам: во-первых, из-за недостатка воды для больших караванов и во-вторых, из-за нестабильного отношения между Бухарой и Хивой, что делало этот путь небезопасным. Самая длинная дорога, по данным исследователя, проходила через Петропавловск; бухарцы пользовались ею лишь тогда, когда имели твёрдые основания не опасаться, что будут ограблены киргизами Малой орды или хивинцами на пути из Троицка или Оренбурга⁴⁹⁶. Большинство караванов из Бухары направлялось в Троицк, потому что железо и медь там были дешевле, чем в других русских городах, с которыми они имели отношения с 1803 года⁴⁹⁷.

Представляет большой интерес, приведённый Е. К. Мейендорфом, следующий перечень бухарских товаров и их объём, которые проходили через Оренбургскую таможню в 1819 году⁴⁹⁸:

Название	Число, вес, мера
Ревень	10 пудов
Хлопок	16 813 пудов
Хлопчатобумажная пряжа из Шахрисабза, Самарканда, Мианкаля, Джайдаря	18 928 пудов

⁴⁹⁵ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Хиву.— С. 123.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Там же.— С. 125—126.

Белая хлопчатобумажная ткань (бязь)	20 410 кусков по 23 аршина
Цветная ткань	кусок, около 24 м
Выбойка и буюк, или по-татарски «бахата»	151 600 кусков
Хлопчатобумажные драпировочные ткани бухарские, каршинские, индийские	2 414 кусков
Одеяла	242 штуки
Хлопчатобумажные шапки	141 штука
Пояса	2 917 штук
Бирюза	12 000 штук
Ляпись-лазурь	7 пудов
Корень марены	30 пудов
Куньи шкурки	1 081 штука
Лисьи шкурки двух видов	8 450 штук
Каракулевые шкурки, или узбекские мерлушки из Дападара, Кирпюка, Шабаргана	64 825 штук

Сухие фрукты:

абрикосы	15 пудов
сливы	2 пуда
дыни	14 пудов
финики	7 пудов
кишмиш	197 пудов
шаптала или персики	452 пуда
фисташки, засахаренные в манне	7,5 пуда
фисташки	8 пудов
Чай	4 пуда
Цитварное семя	20 пудов
Ткани шёлковые полосатые	408 пудов
То же, с хлопчатобумажной ниткой	97 пудов
Шёлковые платки	268 штук
Шапочки	200 штук
Халаты шёлковые	183 штуки
То же, с хлопчатобумажной ниткой	247 штук
Ковры	5 штук
Шали обыкновенные	54 штуки
Шали кашмирские	77 штук

Следует отметить, что, судя по наблюдениям Е. К. Мейендорфа, бухарские торговцы, привезя свои товары в русские таможи, незначительную их часть продавали местным перекупщикам, главным образом татарам и башкирам. Основную же часть везли в Нижний Новгород и там реализовывали оптом фабрикантам и купцам. О заинтересованности российских официальных кругов в поощрении русско-бухарской торговли свидетельствует и тот факт, что бухарские купцы пользовались в России «привилегией торговли в пограничных азиатских городах, а с 1807 года и на трёх ярмарках — Нижнем Новгороде, Ирбите и Коренной»⁴⁹⁹.

Что же касается русских товаров, вывозимых бухарскими купцами, то по подсчётам того же Е. К. Мейендорфа, они оценивались в «половине стоимости ввезённых» и состояли из сахара, олова, красного и синего сандалового дерева, сукна, красных кунгурских, казанских и арзамасских кож, воска, некоторого количества мёда, железа, меди стали, золотых ниток, небольших зеркал, шкурок выдры, жемчуга, чугунных котлов, иглоков, кораллов, плюша, бумажных платков, незначительного количества русского холста, индейской кисеи и пр. На другую половину бухарцы приобретали голландские дукаты и экю, испанские пиастры, а также русские серебряные рубли, хотя вывоз последних был запрещён⁵⁰⁰.

Нужно также сказать, что через Бухару в Россию ежегодно ввозились товары примерно на 3 000 верблюдах общей стоимостью до 8 млн. рублей ассигнациями. «Такая сумма,— пишет Е. К. Мейендорф,— чрезвычайно велика для страны с населением лишь в 2,5 млн. и доказывает, насколько эта торговля важна для бухарцев. Поэтому она останется значительной до тех пор, пока культура хлопка и разведение шелковичных червей не начнут развиваться в южных губерниях России и пока отсталая промышленность Бухары не научится драть тонкие материи, дубить кожи и, наконец, добывать железо, которое, вероятно, имеется в Туркестанских горах»⁵⁰¹. Автор этих строк выражал уверенность в процветании русско-бухарской торговли в перспективе только при том условии, что на пути из Бухары в Россию прекратятся грабежи и разбои. По его мнению, «этот путь был бы

совершенно безопасным, если бы Хивинское ханство находилось под властью России».⁵⁰² Другими словами, он считает завоевание Хивы самым разумным выходом из положения и тем самым в очередной раз подтверждает наличие данного мнения у тех кругов, которые были заинтересованы в выборе такого принципа действия со стороны российского правительства.

Анализ материалов, приведённых Е. К. Мейендорфом относительно состояния русско-бухарской торговли, по-видимому не выглядит полным, если не добавить и такую, на первый взгляд незначительную, но дополняющую представление деталь о том, что бухарцы везли в Кашгар те привезённые из России товары, которые не смогли реализовать в Бухаре, а также товары, отправляемые самими русскими, в Кульджу и Кашгар. Этот ассортимент состоял из сукна, кораллов, мелкого жемчуга, кошинеи, золотой парчи, бархата, золотых и серебряных нитей, выдровых шкурок из Германии, кунных мехов, кожи, сахара, больших зеркал, меди, железных деталей для плугов, латуни, иглоков и пр. и привозили из Кашгара большое количество чая, фарфоровые чашки, шёлк и т. п.⁵⁰³ Бухарские торговцы доставляли российские товары также и в Персию, главным образом Мешед и Герат⁵⁰⁴.

Не вдаваясь в подробное освещение состояния русско-хивинских торговых отношений, Н. Н. Муравьёв довольствовался тем, что назвал Хиву слишком бедной в смысле производства товаров, чтобы вести «значительный торговый обмен с царствами», но в связи с близостью её расположения к России, она как бы являлась через Каспийское море «складочным местом множества восточных товаров, доставляемых в Россию»⁵⁰⁵. И в этом смысле она играла роль связующего звена в торговле между Россией и азиатскими странами. Далее перечисляя виды товаров, говоря о роли Ургенча как распределителя торговых путей, он указывает, что торговцы обычно доставляли товар через Мангышлак в Астрахань, или прямо через казахские степи — в Оренбург

502 Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 128.

503 Там же.— С. 128—129.

504 Там же.— С. 130.

505 Муравьёв Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг.— Ч. II.— С. 91.

499 Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— С. 126.

500 Там же.— С. 127.

501 Там же.— С. 128.

Бывали случаи, когда хивинские купцы, по прибытии своём в Астрахань, отправлялись с лучшими товарами на Макарьевскую ярмарку и даже в Москву. Н. Н. Муравьёв сообщил о том, что хивинцы не вывозили из ханства золото и серебро и сами мало были заинтересованы в этом. В своих торговых делах они обычно довольствовались обменом товаров⁵⁰⁶.

Говоря о торговле России со Средней Азией и месте ханства этого региона в транзитной торговле, небезынотересно взглянуть на материалы, имеющиеся в юбилейном сборнике Министерства финансов за 1802—1902 годы, изданном по предложению министра Витте в честь столетия этой структуры. Книга, состоящая из двух частей, посвящена «историческому обзору главнейших за все истекшие столетия мероприятий финансового ведомства в области порученных ему ведению задач», приводит к убеждению в том, что Россия была очень заинтересована в развитии торговли с азиатскими странами в целом и со Средней Азией в особенности. В основание Устава 1817 года была положена идея о «великом значении для России торгова с Азией: ввиду того, что Россия на западе граничила со странами, более развитыми в промышленном отношении». В сборнике чётко прослеживается мысль, что лишь на Востоке русские фабрики и заводы могут найти обеспеченный сбыт своим произведениям⁵⁰⁷. Исходя из этого соображения, «Азиатский устав» был составлен с учётом «всемерного поощрения азиатской торговли» имея в виду, прежде всего, освобождение его от «стеснительных наблюдений» и высокой пошлины. Последняя определялась в следующих размерах: сырьё — беспошлинно; полуфабрикаты — до 2; дорогие и средней цены товары в обработанном виде — от 10 до 20; предметы роскоши — 25 процентов; ввоз некоторых тканей, золотых товаров, коленкора и ассигнаций был воспрещён. С отпусковых товаров пошлина определена небольшая — всего в 1 процент. Воспрещён отпуск оружия, судов и такелажа, монет и ассигнаций⁵⁰⁸.

Для более удобного решения таможенных вопросов были образованы три округа: Астраханский, Оренбургский и Грузинский. Вскоре Оренбургский был разделён на два:

⁵⁰⁶ Муравьёв Н. Н. Указ. работа. — С. 95—96.

⁵⁰⁷ Министерство финансов 1802—1902. — Ч. 1. — С. 143.

⁵⁰⁸ Там же. — С. 148—149.

Оренбургский и Сибирский⁵⁰⁹. В указанном сборнике приводятся факты, вызывающие беспокойство властей по поводу безопасности торговых караванов, и попыток пресечения действий грабителей. Министерство финансов, в частности, считало целесообразным следовать предложенной ещё графом Румянцевым отправке караванов с вооружённой охраной. Но неудача, постигшая караван под вооружённой охраной в январе 1825 года⁵¹⁰, показала в очередной раз бесперспективность и невыгодность такого рода мер. Они ещё больше увеличивали подозрительность хивинских феодалов. О неудачном походе подобных акций можно было ожидать, имея в виду пример миссии Гавердовского в 1803 году. Неудача также относилась к вооружённому каравану, отправленному в Бухару под начальством полковника Циолковского в 1824 году⁵¹¹.

Всё это, однако, не могло серьёзно повлиять на общую тенденцию развития взаимовыгодной торговли. Это не могли не отметить и советские исследователи, опиравшиеся в основном на соответствующие источники. Например, ссылаясь на архивный источник, Г. А. Михалева отмечает, что в 1806 году из Бухары в Оренбург прибыл караван из 606 верблюдов с товарами в 1200 тюках, а в 1811 году караван состоял из 1066 верблюдов с товаром на 3,3 млн. рублей, он повёз обратно товара на 1,8 млн. рублей⁵¹². Несколько раньше, т. е. в самом начале века, вывоз товаров из России в Среднюю Азию составлял около 1 млн. рублей, ввоз из Средней Азии в Россию равнялся 2 млн. рублей. В 1825 году они были соответственно 4 и 6 млн. рублей⁵¹³, что, бесспорно, свидетельствует о росте товарооборота и обоюдной заинтересованности в устойчивых торговых отношениях.

⁵⁰⁹ Министерство финансов 1802—1902. — Ч. 1. — С. 149.

⁵¹⁰ Там же. — С. 150.

⁵¹¹ См.: Мажшеев А. Степные походы.

⁵¹² Михалева Г. А. Торговые и дипломатические связи России с Бухарским ханством через Оренбург в конце XVIII — начале XIX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Ташкент, 1963. — С. 11.

⁵¹³ Искандаров Б. И., Масов Р. М. Россия и Таджикистан. — С. 12.

ГЛАВА IV. РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Место Средней Азии в русской дипломатии второй четверти XIX века.

Во второй четверти XIX века в России шёл процесс становления капиталистических отношений, что способствовало более интенсивному ослаблению натурального хозяйства и усилению товарно-денежных отношений. Это несколько активизировало внешнеполитическую деятельность России. К тому же ореол победы над непобедимой армией Наполеона и выполнение неблагоприятной функции «жандарма Европы» не давали ослабнуть желанию российского правительства постоянно быть на переднем плане мировых событий. Об этом свидетельствует та обострённая реакция, которую проявлял русский царизм в отношении революционных движений, происходивших в Европе в 30—40-х годах. Но величественная внешне видимость явно не соответствовала внутреннему состоянию. Движение декабристов, несмотря на его поражение, и набиравшееся силы революционно-демократическое движение, говорили о внутренней социально-политической нестабильности России.

В Европе в центре внимания российской дипломатии стоял «восточный вопрос» и стремление усилить влияние на Балканах. Разумеется, эти и множество других вопросов, как, например, сопротивление горцев Кавказа под руководством Шамиля, серьёзно отвлекали внимание российских официальных военных кругов. Тем не менее, они не могли совершенно затенить проблемы, касающиеся общих перспектив военно-дипломатической стратегии России в Средней Азии.

В этом отношении, если не выделить поход Перовского в Хиву в 1839 году как выражение обострённого намерения определённых кругов направить внимание влиятельных сил российской дипломатии на, якобы, затянувшееся «справедливое возмездие» над хивинцами, то в остальном Россия придерживалась почти прежнего курса в отношении к Средней Азии, только с несколько большей активизацией своего внимания, нежели наблюдалось до этого.

В целом, прослеживая весь ход русско-среднеазиатских

взаимоотношений и истории их развития до середины XIX века, нельзя не заметить колебания в степени заинтересованности, которую испытывала Россия, в зависимости от от своих реальных возможностей, в том или ином периоде собственного развития. В этой связи нельзя не воздержаться хотя бы от поверхностной констатации фактов, определявших отношение России к Средней Азии.

В Бухаре, Хиве и Коканде не существовали специализированные дипломатические учреждения и службы, занимающиеся внешней политикой не только в отношении к России, но и вообще, какой то ни было страны. Это, разумеется, не могло не накладывать отпечаток на русско-среднеазиатские контакты.

Исходя из этих суждений, следует отметить, что русско-среднеазиатские отношения имели ряд особенностей, которые прежде всего проявлялись в проведении адекватной политики России, соответствующей политико-административному строю государств Средней Азии. Крайняя слабость этих стран в военно-экономическом и политическом отношении, к тому же не ставшая, в отличие от передовых стран, здесь традицией серьёзное отношение к межгосударственным договорным актам и беспрекословное выполнение взятых на себя обязательств (по всей вероятности в силу слабости самой центральной власти и постоянных дворцовых интриг, приводивших правителей к недоверию и излишней подозрительности не только к своим близким, но и к соседним государствам), способствовало тому, что российское правительство время от времени от чисто дипломатических воздействий переходило к всеобщему давлению для достижения желаемого результата в данном регионе.

Дипломатическая связь России с ханствами Средней Азии по-прежнему не была постоянной и поддерживалась эпизодически путём традиционного обмена послами. Причём, приём послов не всегда был радушен с обеих сторон. Российское правительство не всегда охотно принимало послов из среднеазиатских ханств. По мнению ряда чиновников из государственных служб, частый их приём мог стать обременительным для государственной казны. Поэтому вопросы, связанные с допуском послов в Россию, прежде всего в столицу, по-прежнему всецело были поручены оренбургскому генерал-губернатору. Он же, в свою очередь, допускал их в столицу как можно реже.

За всё время существования в России Коллегии иностранных дел (1718—1802 годы) и первые десятилетия после создания Министерства иностранных дел (1802 год) эти учреждения не имели какой-либо структурной части, которая непосредственно бы ведала ходом отношений с государствами Азии, в том числе и Средней Азии. Первые два десятилетия XIX века решением азиатских проблем, помимо астраханских губернаторов, а также кавказских наместников, занимался Комитет министров по представлению Министерства иностранных дел. По мере необходимости изучение отдельных вопросов Комитетом министров поручалось группе компетентных государственных деятелей. Комитет решал политические и экономические проблемы, касающиеся Средней Азии. Следует сказать, что в состав Комитета входили такие влиятельные лица, как министр коммерции Н. П. Румянцев, министр внутренних дел В. П. Кочубей, генерал от инфантерии В. Зубов, адмирал Н. С. Мордвинов, князь А. Чарторыйский⁵¹⁴.

19 апреля 1819 года был учрежден Азиатский департамент, директором которого назначен управляющий министерской канцелярией К. Радофиникин. Азиатский департамент состоял из двух отделений, или столов. Отношения со среднеазиатскими ханствами входили в функцию второго отделения.

В 1827 году был окончательно утверждён как постоянный статус Азиатского комитета. Таким образом, в России оформился высший орган, определяющий её государственную политику в отношении к Азии.

В 1847 году Азиатский комитет по существу прекратил свою деятельность. В дальнейшем комитеты, занимавшиеся азиатскими проблемами, именовались «Особыми» и собирались в присутствии царя. Тем не менее, трудно согласиться с мнением Н. А. Халфина, о том, что «как до образования Азиатского комитета, так и после его создания, а также и в период особых комитетов царское правительство не имело более или менее детально разработанных планов восточной политики (по крайней мере, применительно к Средней Азии), рассчитанных на большую перспективу»⁵¹⁵. Если следовать такой логике, то это означает, что все действия России в

отношении Средней Азии предпринимались случайно и не являлись звеньями в осуществлении далеко идущих намерений, у истоков которых стоял Пётр I.

Ещё в середине XIX века, наблюдая этот процесс, Я. В. Ханыков заметил постепенное воплощение намерений Петра I о внедрении гражданственности в Средней Азии. По его словам, царь тогда рекомендовал «не ограничиваться одной постройкой на окраинах империи, а стараться о развитии гражданственности у соседей»⁵¹⁶. Следуя этому, «с тех пор, — пишет Я. В. Ханыков, — начала гражданственности всё далее и далее были переносимы русскими вглубь Средней Азии». Далее действия России он приводит в такой последовательности: в 1820 году прирезан Илецкий район; в 1822 году с изданием Устава о сибирских киргизах началось устройство Иртышо-Ишимской степи, где в 1824 году открыты приказы Каркаралинский и Кокчетавский, в 1831 году — Аягузский и Учбулакский; в 1833 году — Баяк-Аульский, в 1834 году — Аман-Карагайский; в 1835 году основаны укрепления Улутауское и Актарское. В том же году на северо-восточном берегу Каспия было основано Ново-Александровское укрепление — при заливе Каспийского моря Кийдак; в 1846 году — укрепления Оренбургское и Уральское на Тургае и Иргизе, и Ново-Петровское — на Мангышлаке, вместо упразднённого Ново-Александровского; наконец, в 1847 году укрепление Раимское — при устье Сыр-Дарьи; в 1850 году — Копальское у подножья северо-западных отрогов Тянь-Шаня⁵¹⁷.

Подытоживая процесс продвижения России к окраинам Средней Азии, и как бы подчёркивая «благородство» русских властей, Я. В. Ханыков отмечает, что Россия «достигла этой цели без истребления туземцев, с весьма слабыми усилиями и, можно сказать, одной только административной распорядительностью»⁵¹⁸.

Таким образом, Россия к тому времени всё больше упорчивала свои позиции в присоединённых к себе ранее новых территориях, для эффективной защиты своих владений от «туркменских, хивинских и киргизских банд», создавая мощные оборонительные, да и в прямом смысле, наступатель-

⁵¹⁴ Подробнее см.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. — С. 15—20.

⁵¹⁵ Там же. — С. 21—22.

⁵¹⁶ Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. — С. 296.

⁵¹⁷ Там же. — С. 298.

⁵¹⁸ Там же. — С. 299.

ные линии. «До 1840-х годов,— пишет В. В. Бартольд,— сохранял своё значение ряд укреплений, которыми Россия защищала себя от степи, разделённой на четыре линии: Уральскую, Оренбургскую, Ишимскую и Иртышскую»⁵¹⁹. Причём, укрепления эти начинались от Гурьева, шли на север до Уральска, оттуда на Восток до Омска и далее на юго-восток вверх по Иртышу до Бухтарминской⁵²⁰. По справедливому мнению В. В. Бартольда, «преобразованием новых линий и устройством казачьих станиц, нередко грубо нарушалось земельное право туземного населения»⁵²¹. Как видно, в этом отношении мнение В. В. Бартольда несколько расходится с мнением его предшественника Я. В. Ханькова.

Во второй четверти XIX века число посещающих Среднюю Азию, по сравнению с предыдущими годами, увеличилось. Во всяком случае, Д. Голосов перечисляет следующие российские официальные лица, которые побывали в этом крае: Берг, Лейм и Эверсман — в 1825—1826 гг., Тафаев и Ярмин — 1825 г., Эйхвальд и Ладыженский — 1826 г., Мейер — 1826 г., рекогносцировка до реки Чуй — 1826 г., Гельмерсен и Гофман — 1828 г., Гумбольдт и Розе — 1826 г., съёмка Оренбургского края — 1830—1850 гг., Ленц, Ларин и Карелин — 1830 г., Паррот — 1831 г., Карелин — 1831—1832 гг., Фёдоров — 1832—1837 гг., Гельмерсен — 1833 г., рекогносцировка земель сибирских киргизов — 1832—1842 гг., Гельмерсен, Васильев и Демезон — 1834 г., Сози и Виткевич — 1835 г., Лессинг — 1833—1836 гг., Гельмерсен — 1835 г., Карелин, Фелькнер и Бларамберг — 1836 г., каспийская экспедиция — 1836—1837 гг., Гомерде Халь — 1836—1840 гг., Я. Ханьков — 1836—1839 гг., съёмка земель внутренней киргизской орды — 1836—1839 гг., Мансуров и Данилевский — 1837 г., Виткевич — 1837—1838 гг., Леман — 1838 г., Эверсман, Лейм, Болденко, Ширков, Н. Ханьков, хивинский поход Перовского — 1839 г., Васильев — 1839, Ковалевский и Гернгросс — 1839—1840 гг., Рейнхенберг — 1840 г., Романов, Бларамберг и Никифоров — 1840 г., Бутенев, Леман и Н. Ханьков — 1840—1841 гг., Карелин — 1840—1842 гг., Даль — 1832—1844 гг., Данилевский и Базинер — 1841—1842 гг., Гоце и Шренк — 1840—1844 гг., Мурчисон — 1841 г., Соко-

лов — 1842 г., Иванов и Лемм — 1846 г., Жеребцов — 1847 г., Бутаков — 1848—1849 гг., съёмочный отряд — 1850 г.⁵²²

Хотя не все поездки получили известность или оставили желаемый след в улучшении русско-среднеазиатских отношений, тем не менее каждая из них в той или иной степени давала дополнительные сведения о Средней Азии или же способствовала лучшему пониманию социально-экономического положения ханств региона. В целом все они способствовали продвижению и укреплению влияния России в пределах окраин ханств, тем самым создавая довольно прочный плацдарм для завоевания Средней Азии. Для большей убедительности, наряду с историографической характеристикой, следует проанализировать наиболее важные из вышеперечисленных поездок в пределы ханств. Причём, особое внимание необходимо уделить официальным посольским миссиям, сыгравшим определённую роль в укреплении российско-среднеазиатских отношений во второй четверти XIX века.

Российско-хивинские отношения. Посольства Никифорова и Данилевского

Хивинское ханство во второй четверти XIX века представлялось в известной степени централизованным и сравнительно устойчивым. По крайней мере, на это указывает, причём не без основания Я. В. Ханьков. «В эпоху смерти Мухаммеда Рахима, т. е. в 1825 году,— пишет он,— Хивинское ханство уже представляло одно политическое целое, действительно подчинённое хивинскому владельцу». По мнению исследователя, наследник и сын Мухаммеда Рахима Алла-кул, в течение 17 лет своего управления «если не увеличил, то, по крайней мере, не ослабил завещанной ему власти»⁵²³. После смерти Алла-кула ханский трон занял его сын Рахим-кул, но он управлял недолго, скончался в 1845 году и его заменил брат Мухаммед Амин.

Российские власти продолжали относиться к ханству с явным пренебрежением. Это явствует из той оценки, которая дана Я. В. Ханьковым. «С начала нынешнего столетия,— пишет он,— хивинские владение получило некоторую политиче-

⁵¹⁹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 428.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.— С. 429.

⁵²² Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г.— Т. XXIX.— № 1.— С. 15—16. — Примеч. 17.

⁵²³ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря.— С. 231.

скую значимость. Но это преобразование, составляя успех сравнительно с предшествовавшим положением ханства, ещё не могло сделать его важным, ни как врага, ни как союзника, для такого могущественного соседа как Россия»⁵²⁴.

Тем не менее, во внешней политике России Хива не могла оставаться незамеченной. О том свидетельствуют частые отправки послов или других представителей в ханство. В этом отношении следует вновь обратиться к работе А. И. Макшеева «Исторический обзор Туркестана», где давался, если не полный анализ, задачи и результаты путешествий, то, по крайней мере, приведено общее обозрение наиболее известных лиц, посетивших край по тому или иному поручению.

Первым из мероприятий, предпринятых Россией во второй четверти XIX века в отношении к Хиве, является организация и отправка каравана купца Кайдалова под прикрытием вооружённого отряда под начальством полковника Циолковского, с участием капитана генерального штаба Жемчужникова. Этот вооружённый караван А. И. Макшеев называл повторением опыта неудавшейся экспедиции под руководством Гавердовского в 1803 году, с которой и тогда отправлял свой товар Кайдалов.

Теперь караван состоял из 17 офицеров, 254 пехотинцев, 56 артиллеристов при двух орудиях, 270 казаков и 28 нестроусевых. Всего состав отряда насчитывал 625 человек. Караван вышел в путь из Оренбурга 2 ноября. В середине декабря он достиг Сыр-Дарьи. В январе 1825 года перешёл Яны-Дарью, а 11 января достиг возвышенности Беш-Тепле. Это был последний пункт сравнительно мирного продвижения каравана. Здесь, согласно данным, приведённым А. И. Макшеевым, караван был остановлен разбойничьей группой. Несмотря на умелую организацию защиты и двухнедельное упорное сопротивление, караван 26 января 1825 года был вынужден бросить товары и отступить. Убыток исчислялся в 550 тысяч рублей⁵²⁵.

Вскоре после возвращения каравана Циолковского, в том же 1825 году, русским правительством была снаряжена новая экспедиция под начальством полковника Л. С. Берга. Согласно мнению В. В. Бартольда, она была организована

⁵²⁴ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. — С. 281.

⁵²⁵ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана. — С. 141.

«с целью исследования возвышенности Устюрт, между Аральским и Каспийским морями»⁵²⁶. По мнению же Ф. И. Лобысевича, целью данной экспедиции было «наказать киргизов, кочевавших в низовьях Эмбы», которые своими разбойничьими нападениями «наносили весьма чувствительный вред российским рыбопромышленникам на Каспийском море и Урале»⁵²⁷.

Экспедиция скорее напоминала военный отряд, выступивший в поход. Помимо «специалистов для научных изысканий», офицера генерального штаба Вольховского, капитана-лейтенанта флота Анжу, чиновника военно-топографической службы Лемма и доктора Эверсмана экспедицию сопровождал военный отряд численностью в 2 300 человек при шести военных орудиях⁵²⁸. «Сопровождавший экспедицию военный отряд, — пишет В. В. Бартольд, — был так многочислен, что хивинцы смотрели на эту экспедицию как на военный поход против хивы»⁵²⁹. Это, разумеется, не могло не наводить страх на Хиву, о чём свидетельствует и вынужденная доброжелательность хивинцев при встрече экспедиции.

Такую цель преследовал отправленный ханом посол Байс Нияз в Сарайчиковскую крепость для любезной встречи с Бергом и с намерением получить разрешение на поездку в столицу России. Но ввиду того, что главным предварительным условием для ведения переговоров был поставлен вопрос о возмещении ханом причинённого ущерба при разграблении вооружённого каравана под начальством Циолковского и освобождении русских невольников, послу было отказано во встрече с царём⁵³⁰. Экспедиция Берга, беспрепятственно обогнув Каспийское море, направилась к Аральскому и в 1826 году возвратилась в Россию.

Тем временем нападения на торговые караваны продолжались, и, более того, на требование России вернуть или, вернее, выкупить русских невольников Алла-кули ответил

⁵²⁶ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 427.

⁵²⁷ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 77.

⁵²⁸ Там же, — С. 78; см. также: Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 104—105.

⁵²⁹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 327—328.

⁵³⁰ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 104—106.

решительным отказом. Хотя Россия и реагировала на всё это болезненно, но такие более важные события как войны с Персией (1826—1828 гг.) и Турцией (1828—1829 гг.), нестабильное положение в Западной Европе, восстание в Польше (1830 г.), да и в силу обстоятельств, оставшиеся «незамеченными» исследователями события, связанные с выступлением декабристов и последующим революционно-демократическим движением на время, разумеется, отвлекали внимание России от среднеазиатских проблем. Об этом свидетельствует тот факт, что на представленном Пограничной комиссии 21 октября 1830 года докладе, где речь шла о военном походе против Хивы, как о единственно верном способе освобождения русских пленных, император Николай I собственноручно наложил резолюцию: «теперь не время»⁵³¹.

В дальнейшем, согласно имеющимся данным, в российско-хивинских взаимоотношениях заметных улучшений не наблюдалось. Напротив, всё более увеличившееся проявление недовольства со стороны определённой части официальных кругов России привело к одобрению действий оренбургского губернатора Перовского, который не скрывал свою неприязнь к хивинскому хану. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что в 1836 году последовало повеление царя о взятии под арест «всех хивинских подданных в юго-восточных пределах империи с секвестированием их товаров и имущества». Одновременно Перовским было отправлено хивинскому хану Алла-кулу письмо, в котором в угрожающем тоне, в частности, было написано: «Дела Ваши дурны, а от дурных семян дурной плод. Вышлите немедленно всех русских пленников и дайте слово вести себя впредь мирно и дружелюбно». В письме было указано, что до исполнения всех требований Россия не примет хивинских послов и не будет вести никаких переговоров⁵³².

Разумеется, всё это увеличивало опасения хивинского хана и в 1837 году во главе с Кабил-баем в Россию было отправлено посольство. Вместе с ним было освобождено и отправлено 25 русских пленников. Но этого было явно недостаточно, чтобы вызвать благосклонность царя. Подарки, привезённые послом, не были приняты. Его вместе с

⁵³¹ Лобысевия Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 80.

⁵³² Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. — С. 110—111.

пятью отпущенными на волю хивинцами отправили обратно.

Чувствуя свою беспомощность перед грозным могущественным северным соседом, хивинский хан намеревался склонить на свою сторону в качестве союзника эмира бухарского, но безрезультатно⁵³³. Тем временем угроза всё больше нарастала и всё больше принимала очертание реального действия. Практическим её воплощением стал военный поход Перовского в 1839 году в Хиву.

Этот поход, в целом, получил довольно обстоятельное освещение в русской дореволюционной историографии. Среди всех работ, которые в той или иной степени дают описание похода, наиболее ценными следует считать работы Д. Голосова⁵³⁴, И. Иванин⁵³⁵ и И. Н. Захарьина (Якунина)⁵³⁶. Работа Д. Голосова является одной из самых полных в этом плане.

В первой главе работы, название которой «Обзор побудительных причин и поводов к войне с Хивой», автор попытался как бы обосновать «законную претензию» России к Хиве. По его мнению, в отличие от Бухары, которая постоянно поддерживает дружественные отношения с Россией, «Хива же, волнуемая с давних пор внутренними раздорами, исконно составляет как бы разбойничий притон, живущий грабежом торговых караванов и ловлей людей в неволю для продажи»⁵³⁷. К тому же Д. Голосов явно пытается доказать права России на Хивинское ханство, аргументируя это тем, что хивинские ханы (Шанияз в 1700 году, Араб Мухаммед в 1703 году, Абул-хайр в 1741 году и его сын Нурали в 1770 году) добровольно приняли российское подданство. «Отсюда и происходит, — пишет он, — положительное право России на ханство Хивинское»⁵³⁸.

Россия, по его мнению, неизменно долго терпела и об-

⁵³³ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. — С. 110—111.

⁵³⁴ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. // Военный сборник. — Т. XXIX. — СПб., 1863. — № 1. — С. 3—72; Т. XXIX. — СПб., 1863. — № 2. — С. 309—358; Т. XXX. — СПб., 1863. — № 3. — С. 3—71.

⁵³⁵ Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг. — СПб., 1874.

⁵³⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. — В двух частях. — СПб., 1901.

⁵³⁷ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. — Т. XXIX. — № 1. — С. 32—33.

⁵³⁸ Там же. — С. 33—34.

стоятельства каждый раз принуждали её «отложить войну с хивинцами до 1839 г.»⁵³⁹. Следует заметить, что Д. Голосов определил следующие «весьма побудительные к войне с Хивой причины»:

а) желание обезопасить юго-восточные пределы империи путём наказания Хивы «как главной виновницы всяких волнений в степях киргизских»;

б) намерение обезопасить торговлю со Средней Азией, прекращение грабежа караванов, что «нельзя было достигнуть без наказания оружием Хивы»;

в) попытка избавить от тяжкого рабства несколько тысяч соотечественников;

г) стремление утвердить прочное влияние России в соседних ханствах и тем самым «не допустить ускорениться в Средней Азии вредного (для России — *Х. П.*) влияния Ост-Индской компании»;

д) создание благоприятных условий для учёных изысканий описать берега Аральского моря и устье р. Аму, «окончательно решить вопрос о прежнем течении этой реки в Каспийское море»⁵⁴⁰.

Следует в этой связи отметить и мнение А. А. Семёнова по поводу причин данного похода, причём, он их ссужает до «попытки утвердиться в киргизских степях и положить конец всем неурядицам». Для этого решено было покончить с Хивой, «в которой видели всё зло»⁵⁴¹.

Организацию военного похода в Хиву Перовский задумал ещё в 1835 году, чтобы надёжно упрочить позиции России и «влияние на прикаспийских кочевников и тем уменьшить морские разбои»⁵⁴².

Полностью одобряя политику определённых кругов, а главным образом царского правительства, Д. Голосов утверждает, что «Россия была вынуждена в силу самих обстоятельств к вооружённому предприятию против Хивы»⁵⁴³.

Принципиальные действия по подготовке и проведению похода стражены в распоряжении царя от 12 марта 1839 года, содержание которого сводится к выполнению следующих пунктов:

1) приступить к приготовлению похода и «основать немедленно необходимые на пути туда склады и становища»;

2) «содержать истинную цель предприятия в тайне», при этом действовать организацией учёной экспедиции для изучения Аральского моря;

3) отложить поход «до окончания дел Англии в Афганистане», но не откладывать поход далее весны 1840 г.»;

4) в случае удачи сменить хивинского хана и «назначить его султаном, упрочить по возможности порядок, освободить всех пленников и дать полную свободу нашей (т. е. российской — *Х. П.*) торговле»;

5) определить расходы на данное предприятия до 1 700 000 рублей ассигнациями и 12 000 червонных, снабдить отряд оружием и снарядами⁵⁴⁴.

В дополнение к этому 10 октября 1839 года последовало дополнительное распоряжение, где был изложен проект обязательного акта, предусмотренного на случай занятия Хивы и утверждения нового правительства⁵⁴⁵.

В последующих восьми главах работы Д. Голосов даёт довольно подробное описание экспедиции с момента её начала и до возвращения в Оренбург, излагает также своё видение причин неудач.

Не вдаваясь в подробности анализа всех или главных описаний, изложенных автором проблем, следует ограничиться лишь его выводами относительно причин неудачного, драматического исхода предприятия похода под начальством Перовского в Хиву. По его мнению ими стали: неудачный выбор по времени, суровая зима, бездорожье, отсутствие корма для верблюдов. По его убеждению, если бы этот изнурённый отряд и достиг бы Хивы, он не мог бы добиться успеха. «Из числа выступивших из Оренбурга 2 750 унтер-офицеров и рядовых, — пишет он, — едва на половине пути остались в строю 1 853 чел.; из числа выбывших 236 чел. умерло, состояло больными 528 и оставлено в помощь Эмбенскому гарнизону 130 чел. С прибытием в Хиву, вероятно, число больных было бы ещё значительнее; поэтому, имея огромный обоз боевых запасов, больных, верблюдов, хотя частью порожних, при слабом отряде пехоты, ещё бо-

⁵³⁹ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г., — Т. XXIX, — № 1, — С. 36.

⁵⁴⁰ Там же. — С. 71—72.

⁵⁴¹ Семёнов А. А. Средняя Азия. — С. 69.

⁵⁴² Голосов Д. Указ. работа. — С. 49—50.

⁵⁴³ Там же. — С. 62.

⁵⁴⁴ Голосов Д. Поход в Хиву. — С. 62—63.

⁵⁴⁵ Там же. — С. 63.

лее слабой коннице, трудно было упорствовать в намерении дальнейшего хода»⁵⁴⁶.

Таким образом, автор этих строк приходит к убеждению, что решение Провского о возвращении назад, не достигнув 800 вёрст до обжитых мест хивинского ханства, являлось единственно верным.

Приказ о возвращении Перовский отдал 1 февраля 1840 года и прибыл в Оренбург 11 апреля. О довольно внушительных потерях отряда Перовского во время похода свидетельствуют следующие данные, приведённые тем же Д. Голосовым. Из числа 10 500 верблюдов, бывших при отряде в начале похода к 1 апреля осталось в живых менее 1 500, количество больных насчитывалось — 856 человек. В походе умерли 865 человек, из них 7 чиновников⁵⁴⁷.

Следует сказать, что больные участники похода умирали и в последующие месяцы после возвращения. В общем, в результате похода умерли 1 054 человека. Общий итоговый расход составлял 6,5 млн. руб.⁵⁴⁸

Судя по имеющимся данным, неудача сильно сказалась на самолюбии Перовского, и он, по возвращении в Оренбург, поручил начальнику корпусного штаба генерал-майору Рокасовскому заняться подготовлением к новому походу в Хиву. Это, разумеется, не осталось тайным и для хана Алла-кула. Последний, всерьёз опасаясь разрушительного для его страны исхода нового похода, стал усиленно искать пути выхода из сложившейся опасной для Хивы ситуации, дабы смягчить ярость русской властей.

С этой целью он довольно умело использовал посредничество теперь уже бывшего участника похода корнета Антова. 18 июля хан обнародовал фирман (указ), согласно которому под угрозой смертной казни «запрещалось подданным хивинским впредь и навсегда грабить и полонить русских»⁵⁴⁹. В пример другим хан первым освободил своих невольников, то же самое требовал от других⁵⁵⁰.

В ответ на этот шаг были отпущены в Хиву задержанные ещё в 1836 году хивинские купцы. Им не только были возвращены товары, но и каждому выделено пособие из казны. К тому же, демонстрируя своё расположение, от-

правили в Хиву с товарами несколько русских купцов, которые были приняты довольно дружелюбно⁵⁵¹.

Разумеется, готовность к такому жесту с обеих сторон в сложившейся ситуации нельзя было считать искренним добрососедским чувством. Это было вынужденная уступка обеих сторон. Со стороны России она была лишь временной, ввиду того, что внутренняя и внешняя обстановка не располагала к излишним затратам для покорения Хивы. Последняя, ощущая свою крайнюю слабость и беспомощность перед возможным вторжением могущественного соседа, была вынуждена пойти навстречу любым его требованиям. Во всяком случае, неудачный поход Перовского, уступки хивинского хана и ряд других обстоятельств надолго отодвинули новое вторжение России в Хиву.

Говоря о значении труда Д. Голосова в освещении этого события, несправедливо было бы не сказать о претензиях генерал-майора М. И. Иванина, обвинявшего того в присвоении его рукописей.

В письме в редакцию «Военного сборника», опубликованном под названием «Необходимое объяснение»⁵⁵², М. И. Иванов, указывая на работу Д. Голосова «Поход в Хиву в 1839 г.», заявляет о том, что «она есть большей частью выписка слово в слово, а частью извлечение из составленного им по поручению генерал-адъютанта Перовского в 1848 и 1849 годах описания этого похода, которое предназначалось для напечатания»⁵⁵³.

Одновременно с письмом был опубликован краткий, лаконичный ответ редакции «Военного сборника», в котором сообщалось, что она приобрела рукопись от капитана генерального штаба Голосова, «как труд, составленный им на основании документов и материалов, хранящихся в архивах генерального штаба отдельного Оренбургского корпуса»⁵⁵⁴.

Шквал обвинений в адрес Голосова содержится и в «заметках» М. Иванина, опубликованных в следующем номере «Военного сборника»⁵⁵⁵. Выражая свою обиду за публикацию работы Д. Голосова «Поход в Хиву 1839 г.», он пишет о неверных выводах, в особенности ютносительно

⁵⁴⁶ Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г.— Т. XXX.— № 3.— С. 47—48.

⁵⁴⁷ См.: Там же.— С. 59.

⁵⁴⁸ См.: Там же.— С. 62.

⁵⁴⁹ Там же.— С. 65.

⁵⁵⁰ Там же,

⁵⁵¹ Поход в Хиву в 1839 г.— Т. XXX.— № 3.— С. 66.

⁵⁵² См.: Военный сборник.— Т. XXX.— СПб., 1863.— № 3.— С. 73—75.

⁵⁵³ Иванов М. Необходимые объяснения // Военный сборник.— Т. XXX.— СПб., 1863.— № 3.— С. 74.

⁵⁵⁴ Там же.— С. 75.

⁵⁵⁵ Иванов М. Необходимые объяснения.— С. 75,

причин его неудачи. Автор берёт под сомнение вывод Голосова о том, что главной причиной неудачи похода было то, что он предпринят зимой⁵⁵⁶.

По его мнению, если бы поход Бековича-Черкасского 1717 года был своевременен и подробно, Перовский не совершил бы этой ошибки⁵⁵⁷. Хотя тут он явно неточен. Накануне похода, по указанию Перовского, был тщательно собран и изучен материал, касающийся экспедиции Бековича-Черкасского. Одним из главных виновников нового неудавшегося похода М. Иванин считает капитана Никифорову, которому Перовский доверял «важные дела по управлению»⁵⁵⁸. Тот отстранил хорошего знатока степи Жемчужникова «от всякого участия в распоряжениях». О том же самом М. Иванин писал, касаясь отношений Никифорова к себе, якобы, желавшего отстранить его от похода⁵⁵⁹. Далее он указывает на бесхозяйственность в период экспедиции, приведшую к падению лошадей и верблюдов, а также на несоответствие пищи и одежды зимнему степному походу, что собственно стало немаловажным фактором его неудачи⁵⁶⁰.

Для более обстоятельного изучения зимнего предприятия генерала Перовского в Хиву крайне важно ознакомиться и с работой самого М. Иванина, вышедшей в 1874 году. Она ценна в двух отношениях: во-первых, его автор является очевидцем события, во-вторых, она написана как бы в противовес исследованию Д. Голосова «Поход в Хиву в 1839 г.».

Наряду с другими причинами, побудившими подготовить давнюю работу, М. Иванин стремился выяснить причину неудавшегося похода. «Для почина исследования и описания походов в Азию,— пишет он,— я решился описать поход в Хиву генерал-адъютанта Перовского 1839—1840 гг. с указанием причин его неудачи»⁵⁶¹. Причём автор был склонен доказать, что, несмотря на все тяжести этого предприятия, которые легли, главным образом, на плечи Перовско-

⁵⁵⁶ См.: Иванин М. Заметки по поводу напечатанной во 2—3 номерах «Военного сборника» нынешнего года статьи «Поход в Хиву 1839 г.» // Военный сборник.— Т. XXX.— СПб., 1863.— № 4.— С. 484—499.

⁵⁵⁷ Там же.— С. 488.

⁵⁵⁸ См.: Там же.— С. 489—490.

⁵⁵⁹ Там же.— С. 494.

⁵⁶⁰ См.: Там же.— С. 497—499.

⁵⁶¹ Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву.— С. 2.

го, следует отдать ему и «долю заслуги за предприятие этого похода», который научил русских «обратить на дела Азии более серьёзное внимание»⁵⁶². Согласно его суждению, даже те уступки, на которые вынуждена была решиться Хива, немаловажны, чтобы изменить мнение к походу и его организатору.

М. Иванин и в этот раз опроверг бытовавшее суждение о том, что, якобы, главной причиной неудачи была суровость степной зимы. В этом отношении излагая однозначно своё мнение, он пишет, что «успех или неуспех похода в степях зависит не столько от того, что он производится зимою, сколько умения приготовить войско для похода в зимнее время»⁵⁶³. К числу причин, приведших его к трагическому исходу, М. Иванин называет «ошибочное указание складочного пункта и неправильное исполнение» плана похода, представленного полковником Бергом по результатам своей экспедиции к Аральскому морю в 1825—1826 годах. По его словам, именно эти ошибки «имели для похода 1839—1840 гг. роковые последствия»⁵⁶⁴.

Следует отметить заслуги М. И. Иванина в довольно подробном описании маршрута, по которому следовал отряд Перовского, его снаряжения, численности и т. п.⁵⁶⁵ Далее он приводит немало аргументов, по мнению автора, ставших причиной неудачи в походе, и которых можно было избежать. К ним он относит чрезмерную ограниченность и скудность литературы об опыте ведения «азиатской войны»; отсутствие укреплений, перевалов и продовольственных баз по восточной стороне Арала и на Сыр-Дарье; то, что содержалось в секрете и под видом учёной экспедиции к Аральскому морю приготовления к походу принесло более вреда, нежели пользы». Неудачны были также выбор войска за счёт линейных батальонов Оренбургского корпуса, а не за счёт действующего кавказского контингента; несвоевременная обработка или дезинфекция одежды и белья солдат; некомпетентность верблюдовожатых, не умеющих ухаживать, кормить и навьючивать этих животных; несоответствие одежды зимней степной войне и наконец не нужно

⁵⁶² Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву.— С. 2.

⁵⁶³ Там же.— С. 6—7. О степных походах вообще см.: Макшеев А. Степные походы.— С. 1—7. (Извл. из «Русского инвалида».— № 19 —20.— 1856).— СПб., 1856.— С. 1—7.

⁵⁶⁴ См.: Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву.— С. 16—18.

⁵⁶⁵ Там же.— С. 22—161.

было брать в поход Цюлковского (в работе автор по какому-то соображению ограничивается только указанием заглавной буквы его фамилии, т. е. «Ц»). По мнению М. Иванина, Перовскому не были известны многие из подробностей и злоупотреблений в походе⁵⁶⁶.

Поход Перовского в Хиву и связанные с ним события не могли не привлечь внимания Н. Веселовского⁵⁶⁷. Если не специально, то в общем коснувшись данной акции России по отношению к Хиве, он определяет численность отряда в 5 217 человек при 22 орудиях и четырёх ракетных станках. Коснувшись причин неудачного его исхода, он выразил своё несогласие с мнением М. Иванина. По этому поводу он пишет так: «Причины, указанные М. И. Иваниним, конечно должны были дурно сказаться на предприятии, но не надо забывать, что зимние походы и по населённым-то местностям требуют больших жертв; а что же следует сказать про зимние степные походы? А то, что едва ли они возможны»⁵⁶⁸.

Свои соображения относительно зимнего похода Перовского изложил и Ф. И. Лобысевич. Ссылаясь на решение Особого Комитета, в который входили военный министр Чернышев, вице-канцлер Нессельроде и Перовский, он приводит его заключение, смысл которого сводится в целом к одобрению⁵⁶⁹. Это свидетельствует о том, что намерения России в отношении к Хиве были слишком серьёзны и ничто не могло бы помешать ей в изменении намеченного курса. Об этом свидетельствует и то, что поход не откладывался до весны 1840 года. Перовский в конце октября 1839 года привёл всё в движение с надеждой как можно быстрее покончить с Хивой и к весне возвратиться в Оренбург. Но по воле судьбы ему не суждено было получить пальму покорителя Хивы. По мнению Ф. И. Лобысевича, главной причиной неудачи Перовского следует считать суровую степную зиму⁵⁷⁰.

Военному походу Перовского в Хиву в 1839 году посвя-

⁵⁶⁶ Более подробно см. так же.— С. 162—202.

⁵⁶⁷ См.: Веселовский Н. Очерки истории географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 288—315.

⁵⁶⁸ Там же.— С. 313—314.

⁵⁶⁹ См.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 87—88.

⁵⁷⁰ Там же.— С. 91—92.

щены и работы И. Н. Захарьина (Якунина)⁵⁷¹. Следует отметить, что, указывая на малоизученность экспедиции в силу «чрезмерной секретности данного предприятия»⁵⁷², он выразил желание восполнить этот пробел. Приём, с недоумением осуждая равнодушные учёного мира к данному событию, И. Н. Захарьин подчёркивает, что в походе принимали участие известный писатель и учёный В. И. Даль (казак Луганский), состоявший в то время чиновником особых поручений при Перовском, знаменитый впоследствии географ и путешественник Средней Азии Н. В. Ханыков, известный своим путешествием по Индии и Китаю П. А. Чихачёв, и натуралист Э. Эверсман. Но все они, включая самого Перовского, если не считать отдельные части писем, напечатанные много лет спустя в периодической прессе, не оставляли сколько-нибудь ценного сообщения или труда об этом предприятии⁵⁷³. Исключение, по его мнению, составляет книжка, изданная одним из участников экспедиции полковником М. Иваниним «Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг.». Но интересно заметить и откровенное признание автора в том, что «очень возможно, что о зимнем походе в Хиву имеются и ещё какие-нибудь напечатанные статьи, менее известные»⁵⁷⁴. Действительно, он не упоминает о ряде своих предшественников, которые в той или иной мере коснулись данного похода. Так, он же заметил даже такой, довольно серьёзной, работы Д. Голосова, как «Поход в Хиву в 1839 г.».

И. Н. Захарьин считает, что все опубликованные до него материалы, являются официальными, далеко не полными, «не всегда согласные с истиной»⁵⁷⁵. Исходя из этого, автор и намеревался взять на себя бремя написания «более серьёзного» труда, основываясь главным образом, на рассказах очевидцев событий, «на частных записках и письмах лиц, участвовавших в походе»⁵⁷⁶. Но при всём желании, он смог лишь расширить несколько представление о некоторых деталях похода и личности графа П. А. Перовского.

Касаясь организации похода, он в целом придержива-

⁵⁷¹ Захарьин (Якунин) И. Н. Хива: зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. Первое посольство в Хиву в 1842 г.— СПб., 1898; его же: Граф Перовский и его зимний поход в Хиву.— СПб., 1901.

⁵⁷² Захарьин (Якунин) И. Н. Хива.— С. 3.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Там же.— С. 3—4.

⁵⁷⁵ Захарьин (Якунин) И. Н. Хива.— С. 4.

⁵⁷⁶ Там же.

ется мнения предыдущих исследователей. Но в отличие от них И. Н. Захарьин обращает внимание на паличие разногласий при подготовке данного предприятия.

Говоря о причинах неудачи похода, И. Н. Захарьин отмечает, что первым виновником её был полковник Ф. фон Берг, который дал «совет лукавый» относительно пути на Хиву и даже наметил два маловероятных пункта для укреплений. Вторая причина, по его мнению, была всё же суровая зима. И ещё одной причиной неудачи он считает «традиционный русский авось»⁵⁷⁷.

Несмотря на трагический исход экспедиции, И. Н. Захарьин всё же видит и пользу этого предприятия, главным итогом которого он считает освобождение русских пленных и усмирение Хивы⁵⁷⁸.

Говоря о другой книге И. Н. Захарьина (Якунина) «Граф П. А. Перовский и его зимний поход в Хиву»⁵⁷⁹, следует отметить, что она от предыдущего труда того же автора отличается тем, что в ней изложены все подробности биографии военного губернатора и командующего Оренбургским корпусом П. А. Перовского. По охвату же и анализу материала она мало чем отличается от предыдущей книги.

Разумеется, хотя данный поход и не стал объектом специального исследования со стороны других, более видных учёных, тем не менее, он не мог остаться незамеченным теми исследователями, которые касались проблем русско-среднеазиатских взаимоотношений первой половины XIX века или истории внешней политики России данного периода. В их числе такие видные востоковеды как В. В. Бартольд⁵⁸⁰, А. А. Семёнов⁵⁸¹ и др. Не вдаваясь в подробности изложения их мнения, следует лишь упомянуть сказанное А. А. Семёновым относительно уроков, полученных Россией после неудавшегося похода. «Этот неудачный поход, — пишет он, — заставил русское правительство подчинить себе киргизов (т. е. казахов — Х. П.) другим путём, а именно оценить их укрепления»⁵⁸².

⁵⁷⁷ Захарьин (Якунин) И. Н. Хива. — С. 138—139.

⁵⁷⁸ Там же. — С. 158—159.

⁵⁷⁹ Захарьин (Якунин) И. Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. Первая часть книги «Граф П. А. Перовский» составляет 128 страниц. Вторая часть книги «Зимний поход в Хиву в 1839 г.» состоит из 206 страниц (вместе с приложениями писем, текста переводов и других документов).

⁵⁸⁰ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 428, 433, 443.

⁵⁸¹ Семёнов А. А. Средняя Азия. — С. 68—71.

⁵⁸² Там же. — С. 70—71.

Таким образом, все исследования или сообщения русских дореволюционных авторов, а также сохранившиеся документы по поводу данного похода недвусмысленно говорят о серьёзном намерении царизма подчинить себе Хиву и расширить базу для дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии. Это подтверждают и последующие действия России.

Неудавшийся хивинский поход Перовского, чувство мести и намерение повторения похода, с одной стороны, активизация вмешательства британских миссионеров и дипломатов в Средней Азии, с другой, оживило стремление России и Хивы найти или же избрать соответствующие взаимопремлемые действия для сближения и установления более дружественных, да и взаимовыгодных контактов.

Такие соображения и постоянный страх хивинских правителей перед Россией вынуждали хивинских ханов ставить вопрос не только о смягчении чувства мести в российских официальных кругах, но и о взаимовыгодной торговле, и наконец, использовании мощи и покровительства России для нейтрализации опасности как со стороны соседних государств, так и внутренних врагов. Обо всём этом явственно свидетельствует частый обмен послов, независимо от степени их взаимопремлемых решений проблем.

Хотя в ходе переговоров не всегда удавалось решать все вопросы согласно желанию и интересам российского правительства, однако их нельзя считать бесполезными. Такое мнение не противоречит мнению многих специалистов, исследователей истории взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами в середине XIX века. Это, в частности, подтверждает академик В. В. Бартольд: «После похода Перовского (1839 г.), — пишет он, — отношения ханства к России на короткое время сделались более дружественными, несмотря на неудачу похода, хивинцы поняли угрожающую им опасность, тем более, что в Оренбурге тотчас после возвращения Перовского начались приготовления к новому походу»⁵⁸³. Это мнение В. В. Бартольда, как и другие факты, важно тем, что свидетельствует о постоянном присутствии и давлении России, с одной стороны, и непрекращающемся страхе хивинского хана, с другой. Такие факторы всегда присутствовали во всех мероприятиях, определяющих взаимоотношения двух государств.

В истории российско-среднеазиатских отношений важное

⁵⁸³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 443.

место занимает посольство капитана Никифорова. Несмотря на множество упоминаний об этой миссии в дореволюционной литературе,⁵⁸⁴ работой освещающей, причём ранее других более подробно, эту миссию или же посольство явилась довольно обстоятельная статья Н. Залесова, опубликованная в «Военном сборнике» под названием «Посольство в Хиву капитана Никифорова»⁵⁸⁵.

Нужно сказать, что, Н. Залесов довольно подробно излагает содержание секретной инструкции, данной вице-канцлером Нессельроде капитану Никифорову от 19 февраля 1841 года № 446 и приложение к ней⁵⁸⁶. По его мнению, неудачный последний поход не остановил русское правительство. Шло приготовление к новой экспедиции, «дело принимало вид нешуточный». Хивинцы почаяли, что им необходимо считаться с такой ситуацией. Об этом свидетельствует тот факт, что летом 1840 года из Хивы прибыли посланцы Ата-Нияз Ходжи и с ним 416 человек пленных вместе с задержанным сфисером Антовым. В то же время хивинский хан издал вышеупомянутый фирман (указ), в котором речь шла о его заверениях в твёрдом намерении «искать дружбу и приязнь с Россией».

По мнению Н. Залесова твёрдое заверение хана и стало причиной того, что опасность нападения на Хиву на время миновала⁵⁸⁷.

Согласно предоставлению генерала Перовского российское правительство должно было отправить ранней весной 1841 года своих временных и постоянных агентов в Бухару, Хиву и Коканд. Исходя из представленного соображения Перовского в 1841 году последовало повеление царя

⁵⁸⁴ См.: Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 316—319; Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана.— С. 165; Захарьин (Якунин) И. Н. Посольство в Хиву в 1842 г. (По рассказам и запискам очевидцев) // Хива.— СПб., 1898.— С. 167—205; Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 95—100; Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 122—128 и др. См. также: Гафуров Б. Ф. Точикон, Охирхон асри мийона ва давран нав.— Душанбе, 1935.— С. 141; История Узбекской ССР.— Т. I.— Кн. II.— С. 81 и др.

⁵⁸⁵ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник.— Т. XXII— № 11— С. 41—80; там же: Приложение.— С. 81—82

⁵⁸⁶ См. и ср.: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.— Т. III.— 1841. Составитель полковник А. Г. Серебряков.— Ташкент, 1912.— С. 10—27.

⁵⁸⁷ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.— С. 46—47.

о «посылке в Бухару горного инженера майора Бугенева, а в Хиву генерального штаба капитана Никифорова»⁵⁸⁸. участвовавшего в зимнем походе Перовского. Следует отдать должное Н. Залесову в том, что он в определённой степени освещает личность капитана Никифорова.

По его сведениям, в момент отправления посольства Никифорову было 34 года. В 1840 года он участвовал в экспедиции в степь «для составления топографического обозрения путей, ведущих к Аральскому морю и заливу Картамаку»⁵⁸⁹. Никифоров как нельзя лучше подходил для возглавления данного посольства⁵⁹⁰.

О цели посольства Никифорова свидетельствует содержание царской грамоты хану Аллакули, в которой, наряду с общими пожеланиями, были следующие пункты или статьи требований:

1. Уничтожение рабства и пленения русских, обеспечение лиц и имущества их в хивинских владениях.

2. Ограничение влияния Хивы на кочевые племена, поступившие в подданство России.

3. Обеспечение торговли русских как с Хивой, так и с соседними владениями⁵⁹¹.

Эти статьи в качестве главного предмета переговоров были указаны в секретной инструкции вице-канцлера Никифорову⁵⁹².

Знакомство с этой инструкцией глубже проливает свет на официальную политику России в отношении к Хиве, нежели освещение данного вопроса Н. Залесовым. В документе три главных направления или статьи, которые должны были доминировать в ходе переговоров Никифорова с хивинским ханом, они довольно подробно раскрывают намерение царского правительства. Согласно первой статье переговоров следовало вести с тем «умыслом», чтобы склонить хана к согласию на следующее: а) по первому требованию оренбургского губернатора или другого уполномоченного чиновника немедленно должен быть освобождён

⁵⁸⁸ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова.— С. 47.

⁵⁸⁹ См. там же.— С. 55—56.

⁵⁹⁰ Секретное письмо Перовского военному министру от 9 января 1841 г. № 1430 // Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.— Т. III.— С. 1—2.

⁵⁹¹ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова.— С. 49.

⁵⁹² Секретная инструкция вице-канцлера Нессельроде капитану Никифорову от 19 февраля 1841 г. // Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.— Т. III.— Док. 13.— С. 15.

«всякий русский, оставшийся в хивинских владениях или могущий туда попасть»; б) «чтобы русские торговцы и путешественники могли свободно ездить, для надобности и торговых дел своих по всему ханству с ответственностью хивинского правительства за безопасность лиц и имущества их»⁵⁹³. К тому же, было добавлено, что главная цель России состоит в наказании преступников за грабежи и насилие. Того же требовалось от Хивы⁵⁹⁴.

Во второй статье речь идёт о праве «исключительного владычества России» над «киргизами Меньшей орды, кочующими по Сыр-Дарье и по Уст-Юрту», сначала находившимися в управлении враждебных России султанов, затем покорены были хивинцами. Последние распространили свою власть над туркменами, а с 1810 года и над каракалпаками. Согласно наставлению, Никифоров не должен был в грубой форме говорить об этом хану, а, напротив, показать терпеливость и благородство России, которая решительно не ставит вопрос о вытеснении Хивы из таких мест.

Вместе с тем, послу было поручено «в разговорах с хивинским ханом уклоняться от определительного объявления, до каких именно мест должны простираться владения Российской империи в степи и ограничиваться одним общим подтверждением о присяге, принесённой теми кочевыми народами за подданство России»⁵⁹⁵. Здесь же говорилось о необходимости избежать «порождения взаимных неудовольствий». Нельзя было соглашаться на приближение границ Хивы слишком к Российской линии⁵⁹⁶.

Вторая статья отражала всю важность цели посольства и была главной причиной возникших впоследствии затруднений в переговорах Никифорова с хивинским правительством.

Основной задачей третьей статьи переговоров было улучшение торговли. Для этого посланник должен был склонить хана к согласию на пожелания российского правительства, суть которых состояла в том: а) чтобы русские купцы могли свободно приезжать в Хиву и торговать своими

⁵⁹³ Секретная инструкция вице-канцлера Нессельроде капитану Никифорову от 19 февраля 1841 г. № 446 // Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. — Т. III. — Док. № 13. — С. 15—16.

⁵⁹⁴ Там же — С. 17.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же.

товарами во всех городах и селениях ханства под ответственность хана; б) чтобы пошлина была установлена «необременительная»; в) чтобы в степи прекращены были насильственные остановки караванов, следовательно, были уничтожены устроенные близ Сыр-Дарьи укрепления; г) чтобы караваны, идущие из азиатских стран в Россию или наоборот, не подвергались притеснениям⁵⁹⁷.

Дух этого документа, как и других, а также дальнейший ход переговоров всё больше убеждает в том, что давление России на Хиву было целенаправленным.

В заключение Инструкции было сказано, что главная цель посольства заключалась не только в «вещественных (т. е. экономических — Х. П.) выгодах для России», но и «упрочения доверия к ней Хивы» и послу было поручено, что во всех его поступках это должно главенствовать «важнейшим условием для будущего политического влияния России над соседственным с ней ханством Средней Азии»⁵⁹⁸.

Кроме официальной Инструкции, Никифоров получил ещё три дополнительных инструкции от оренбургского военного губернатора Перовского, целью которых было как можно больше собрать сведений военно-топографического характера и установление 2,5-процентной пошлины с русских товаров⁵⁹⁹.

Н. Залесов описывает несколько подробно период пребывания посольства в Хиве и процедуру его приёма ханом⁶⁰⁰. Первый раунд переговоров, состоявшийся 11 августа 1841 года, явно показал нежелание хана вести разговор в соответствии с желанием российского посланника. В такой же обстановке проходили и последующие встречи. Даже отдельные вопросы, по которым на одном заседании достигались взаимоприемлемые решения, на другом — отменялись. При таком ведении переговоров предвидеть какой-то прогресс в них не было возможным. Тем временем здоровье посла пошатнулось и с каждым днём наблюдалось его ухудшение.

Взаимоприемлемое решение было принято по первой статье инструкции. Хотя у хана и здесь были претензии к российской стороне. Он заявлял, что эта статья уже оп-

⁵⁹⁷ Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. — Т. III. — С. 18—19.

⁵⁹⁸ Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова. — С. 51—52.

⁵⁹⁹ См.: Там же. — С. 52—53.

⁶⁰⁰ См.: Там же. — С. 68—69.

ределена его фирманом (указом) от 18 июля и желал, чтобы и другая сторона взяла на себя обязательство о неприкосновенности хивинских подданных. На это последовало возражение посла. Свой довод он аргументировал тем, что Россия не притесняла никогда хивинских подданных и нет необходимости принимать такое обязательство.

Споры разгорелись вокруг второй статьи, в частности, по определению пошлинных сборов с русских купцов. Русское представительство требовало снизить их до 2,5 процента стоимости товара. Алла-кул возражал, говоря, что пошлинного сбора в Хиве нет. С купцов же взимается, как и со всех хивинских подданных, на основании Корана закят с имущества в размере 2,5 процента. А иноверцы, согласно религиозным законам и шариату, должны платить вдвое больше. Поэтому, как правоверный мусульманин, он не может нарушить закон шариата.

Чтобы полнее убедиться в сложности ведения переговоров и ощутить атмосферу, царившую в ходе встречи российской делегации с ханом и ближайшими его советниками, мы ниже будет несколько фрагментарно привести содержание декларации, изложенной Никифоровым хану от имени оренбургского генерал-губернатора при встрече 11 сентября и их диалога, приведённого Никифоровым в письме к Перовскому от 18 октября, в котором речь идёт об определении границ между Россией и Хивой.

Декларация, предъявленная хану в явно ультимативной форме от имени оренбургского военного губернатора Никифоровым гласила:

1) «Всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей между киргизами, кочующими по северной стороне Сыра будет предан смерти, как нарушитель мира.

2) Всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей с киргизов, кочующих в песках Барсуков, на реке Эмбе, на берегах моря в урочищах Кай Кунакты и по берегам залива Карасу и на северных частях Чинка, будет предан смерти как нарушитель мира.

3) Всякий хивинский подданный, являющийся в ауле киргизов, принадлежащих Российской империи, с намерением нарушить спокойствие оных, будет схвачен и предан смерти»⁶⁰¹.

601 Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова.— С. 73—74; Приложение к статье «Посольство в Хиву»; он же.— С. 90—91.

Данная декларация не могла не обеспокоить хана. Это видно по содержанию диалога между ним и русским послом, который состоялся во время аудиенции 11 октября. В ней речь шла о прерванной беседе, где Никифоров предъявил текст вышеизложенной декларации. Хан, вернувшись к этому вопросу, сказал, что ему «нельзя уступить реку Сыр». Он, якобы, «прежде ошибался, требовал границами реки Эмбу, Иргиз и Тургай», но ныне ему известно, что «граница России есть Урал»⁶⁰².

На это Никифоров отвечал так: «Все киргизские племена — подданные России, что подтверждаю вам устами императора. Российская держава не требует от вас реки Сыра, а уступает вам левый берег оной, если вы примете условия. Если государь-император изволит признать нужным занять правый берег Сыра, то займут и без согласия вашего»⁶⁰³.

На вопрос о том, каковы требования России к Астрабаду и всем туркменским землям, хан от посла получил такой ответ: «Астрабад принадлежит Персии, а туркменские племена могли бы быть признаны российским правительством принадлежащими к Хиве, если бы вы заключили прочный союз с императором». Вместе с тем, Никифоров настаивал на признании восточного берега моря (на 15 или 20 вёрст в глубину степи) достоянием России⁶⁰⁴.

Несмотря на все уговоры посла, хан не пожелал пойти на уступки. Последняя прощальная встреча хотя и была дружелюбной и «по правилам восточной вежливости» с вручением подарков⁶⁰⁵, тем не менее, по основным вопросам не был дан окончательный ответ. 27 октября 1841 года миссия выступила в обратный путь.

Возвратившись в Оренбург, Никифоров не застал Перовского. В надежде на встречу с ним в Санкт-Петербурге и вручение отчёта о результатах миссии, он не задерживается в Оренбурге. Но по дороге болезнь усилилась. Доехав до села Новоспасского Сызранского уезда Сибирской губернии, Никифоров 13 января 1842 года окончательно слёг и вскоре, 27 января, скончался.

Миссия капитана Никифорова в известной мере освещена и в работах исследователей, среди которых наиболее

602 Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова.— С. 75.

603 Там же.

604 Там же.

605 Там же.— С. 76—77.

достойны внимания исследования Н. Веселовского и И. Н. Захарьина (Якунина), Ф. И. Лобысевича, В. В. Бартольда. В совокупности они дополняют работу Н. Залесова, посвященную изучению посольства Никифорова.

Обращая на серьезность миссии Никифорова в Хиву, Н. Веселовский крайне лаконично излагает цель этой поездки. На Никифорова, — указывает автор, — было возложено принять меры к предупреждению на будущее время: 1) уничтожения рабства и пленения русских, а также их личности и имущества в хивинском ханстве; 2) ограничения незаконного влияния Хивы на кочевые племена, давно вошедших в подданство России и 3) обозначения торговли России как с Хивой, так и с соседними владениями⁶⁰⁶. По его мнению, хотя переговоры и не имели благоприятного исхода, тем не менее они обогатили сведения о пути в Хивинское ханство, и о нём самом. Это подтверждается и Ф. И. Лобысевичем⁶⁰⁷.

Существенным дополнением к имеющимся исследованиям о посольстве Никифорова может послужить уже упомянутая работа И. Н. Захарьина (Якунина) «Посольство в Хиву в 1842 г.». Она написана на основе расспросов участников и очевидцев. Как указывает И. Н. Захарьин (Якунин) материалами для данной работы послужили, в частности, записки подполковника Г. Н. Залесина, устные рассказы двух казаков, бывших в конвое, сопровождающем посольство в Хиву⁶⁰⁸.

Согласно мнению И. Н. Захарьина (Якунина) необходимость отправки данного посольства была предиктована и тем, что итоги двух походов (Бековича-Черкасского в 1717 году и генерал-адъютанта П. А. Перовского в 1839 году) показали невозможность взятия Хивы военным путем из-за отдаленности и труднодоступности края. Поэтому мирный дипломатический путь решения вопроса об усилении влияния России в крае был признан единственно верным⁶⁰⁹.

Одной из причин не совсем утешительного для России исхода миссии, по мнению автора согласно полученным им сведениям от спутников Никифорова — Петрова и Челпано-

606 Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— С. 319.

607 См.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 95.

608 Захарьин (Якунин) И. Н. Посольство в Хиву в 1842 г.— С. 167.

609 Там же.— С. 169.

ва были некорректность и высокомерность самого Никифорова в беседе с представителями администрации хана. Для убедительности своего вывода исследователь приводит следующие слова из речи Никифорова, с которыми он выступил на первой встрече с ними: «Вы должны прилипнуть к России, — говорил он, — как рубашка к телу, потому что Россия такая большая держава, что если упадет на вас, то раздавит совершенно также, как моя обувь давит мелких козюков на дороге»⁶¹⁰.

Неудавшаяся поездка Никифорова не вызвала пессимистического настроения у официальных кругов о возможности дипломатическим путем решать вопросы, касающиеся выгодной торговли и приемлемого для России определения пограничной линии с Хивинским ханством.

Посольство не стало также поводом для открытого грубого силового давления на Хиву. Сам Никифоров в письме от 18 октября 1841 года Перовскому, не скрывая своего разочарования по этому поводу, отмечал, что «хан и его чиновники чужды всякого понятия о политических переговорах... Они не в состоянии оценить кротких мер сношения, но трепещут (перед — Х. П.) силой, которая одна может их вразумить»⁶¹¹. Россия воздерживалась от применения военной силы, предпочитая дипломатический способ наиболее приемлемым, вероятнее всего по двум причинам: во-первых, неудачный поход Перовского показал непредсказуемость такого рода мероприятий ввиду сложных естественных преград на пути к Хиве, требующих больших усилий и расходов; во-вторых, свою роль сыграли внешняя покладистость, выражение искренности и дружелюбия хана по отношению к русскому царю.

Опасаясь тяжёлого последствия от разрыва отношений с Россией, хивинский хан решил отправить к российскому двору вместе с Никифоровым для ведения переговоров «с самим правительством» посольство во главе с почётным саювником Набиевым.

По прибытию в Петербург 10 марта 1842 года этот посол был принят царём. В ходе переговоров он заверил в искреннем дружелюбии хивинского хана к русскому государю⁶¹².

610 Захарьин (Якунин) И. Н. Посольство в Хиву в 1842 г.— С. 172.

611 Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.— С. 80.

612 См.: Захарьин (Якунин) И. Н. Посольство в Хиву в 1842 г.— С. 173—174.

В таком духе была составлена и грамота или постанова хана к царю.

Визит этот завершился 9 мая и посольство отправилось в обратный путь. С ним в Хиву был направлен посол, подполковник Данилевский, рекомендованный генералом П. А. Перовским, для продолжения переговоров, начатых Никифоровым. Данилевский был одним из активных участников хивинского похода. Он служил в качестве командира авангардного отряда.

В состав посольства Данилевского вошли два офицера корпуса военных топографов, братья Земенины, пажуралист Базинер, инсеноводитель и личный секретарь посла, колдужский ретивтор Григорьев, переводчик, караванбаши и 20 казачков во главе с хорунжим Кирпичниковым. Помимо того, из Оренбурга в состав посольства в качестве путевогоителя были включены пять верных и опытных киргизов⁶¹⁸. В Оренбурге к посольству присоединились с несколькими верблюдками, нагруженными различными товарами, прикащик купца Пичугина Богарев, хорошо знакомый с торговой жизнью Хивы.

Это посольство, хотя и стало в той или иной мере объектом внимания многих дореволюционных русских исследователей, но наибольшая заслуга принадлежит тому же Н. Захарову, посвятившему ему довольно обширную статью⁶¹⁹. Интерес представляет и приложение к статье, где приведены соответствующие документы, касающиеся миссии И. Н. Захарьина (Якунина) «Посольство в Хиву в 1842 г.»⁶¹⁶.

Согласно данным, посол получил от Министерства иностранных дел две инструкции. В одной из них излагались цели и предполагаемый ход переговоров. Они «должны были иметь главной целью укрепление хана в доверии к беспрестанным видам России и утверждение в Хиве нашего (русского) влияния»⁶¹⁷. Послу в зависимости от обстоятельств предписывалось больше вести разговор о поединках. Их размер на русские товары не должен превышать пять процентов.

⁶¹³ Захарьин И. Н. (Якунин). Посольство в Хиву в 1842 г.— С. 174.

⁶¹⁴ Захаров Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник.— Т. 49—СПб., № 5.— С. 41—55.

⁶¹⁵ См.: Приложения к указ. статье.— С. 55—75.

⁶¹⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. работа.— С. 174—191.

⁶¹⁷ Захаров Н. Указ. работа.— С. 45.

Как известно, вопрос об определении границы России с Хивой не был решен в ходе переговоров Никифорова с Агта-кулом. Согласно новой инструкции, Данилевский должен был действовать по обстоятельствам, если он находит «удобным высказывать, что инструкция разрешала ему опередить границу по реке Сыр-Дарье, северному берегу Арала и северному склону Уст-Урта»⁶¹⁸.

В заключение первой инструкции речь шла о склании хана к согласию на принятие в Хиве российского постоянного агента.⁶¹⁹

Согласно второй инструкции Данилевский должен был добиться освобождения многочисленных персидских невольников⁶²⁰, о чем постоянно просило Россию правительство Персии. Такое поручение имел и Никифоров, но ввиду многосторонности дел, возникших в ходе переговоров, о которых речь шла выше, он не решился поднимать данный вопрос.

Уместно отметить, что неоднократное требование шахов Персии об освобождении невольников, осталось безответным. В этой связи персидский шах, потеряв терпение, даже готовился к войне против Хивы. Только вмешательство русского и английского посланников в Тегеране заставило шаха временно воздержаться от военных действий и направить в Хиву в качестве посла Мухаммед-Али хана для решения этого вопроса. При этом, вместе с ним в Хиву выехала английская миссия во главе с Томсоном, который должен был вспомнить роль посла Томсона, который задало самолюбие чиновников российской дипломатии. Недаром Инструкция предостерегала Данилевского, чтобы он ни под каким видом не допускал Томсона вмешиваться в российско-хивинские дела, «ибо государь-император не желает иметь посредников в делах, касающихся собственно до Российской империи»⁶²¹.

В соответствии с Инструкцией посол должен был выполнять в Хиве следующие задачи:

⁶¹⁸ Захаров Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского.— С. 45.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Согласно данным И. Н. Захарьина, их число доходило до 1500. (См.: Захарьин И. Н. (Якунин). Посольство в Хиву в 1842 г.— С. 176—177). Но данная цифра явно не соответствует действительности. Персидских невольников могло быть в несколько раз больше.

⁶²¹ Захаров Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского.— С. 46.

а) укрепить «презвещенное влияние на хивинцев»;
б) ослабить влияние Хивы на «принадлежащую России киргизскую степь»;

в) точно определить южную границу России с Хивой по реке Сыр-Дарье и по северному берегу Арала и северному склону Уст-Урта ⁶²².

По прибытии в Хиву 19 октября членам посольства пришлось долго ждать аудиенции у хана, которая под самым предлогом оттягивалась до 30 октября. Наконец, хан дважды оказал (30 октября и 10 ноября) довольно краткий прием. Как показало следствие, выходящее на болезнь, причем, во второй раз разрешил вести их своим высокопоставленным чиновником, обещая назначить время новой встречи. Но 23 ноября в Хиве было обнародовано сообщение о смерти хана Агди-кули. Престол правителя занял его сын Рахим-кул, иннок, живший до этого времени в Хазараспе. Все это, разумеется, не могло не отразиться на ходе переговоров, а также заключении договора. Так или иначе, явное неудовольствие нового хана ввести переговоры в конструктивное русло не осталось незамеченным ⁶²³.

Но, видимо, аргументированная решительность Данилевского подействовала на хивинские власти, так как оми-сконили хана на ведение переговоров. В результате к 25 декабря Соплашение было окончательно подписано. 27 декабря, после долгих дискуссий, был принят обязательный Акт следующего содержания:

«Во имя Всемогущего и милосердного Бога, ...
От владетельного хорезмского шаха, высокопоставленного Рахим-кули хана дан настоящий Акт в том, что, имея искреннюю желанию проживать в постоянном мире и тесной дружбе в пределе той и могущественной Российской империи, упрочивать приязненное с ней связь и соблюдать по всей строгости права мирнообывающих и добрых соседей, мы обняв себя за себя самих, за наших преемников и потомков и за все подвластные нам племена:

1) Отныне и впредь не принимать никаких ни явных, ни тайных враждебных действий против России;

2) не производить и не поддерживать грабежей, разбоев и захватов ни в степи, ни на Каспийском море и в

случае, если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хиве племенами, то придавать виновных немедленному наказанию, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности;

3) не держать в неволе русских пленных и отстрелявать за всякую безопасность и за сохранность имущества всякого русского подданного, могущего быть в хивинском владении;

4) в случае смерти в хивинских владениях русского подданного, отпускать в целости оставшееся после него имущество русскому пограничному начальству для передачи его наследникам;

5) не допускать бергепам и матажникам из русских подданных укрываться в хивинских владениях, но выдавать их русскому пограничному начальству;

6) с товароз, принадлежащих русским купцам, в хивинских владениях взимать пошлину ежегодно в год и не выше 5 процентов с действительной цены оных;

7) с товаров, принадлежащих русским и отправляемых в Бухару или в другие азиатские владения через реку Сыр или с прилегающих к ней путей собрать, никаких пошлин не брать;

8) не делать никаких препятствий караванной торговле азиатских владений с Российской империей, взимая с них по закону закят;

9) поступать вообще во всех случаях, как подобает добрым соседям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественной Российской империей.

В удостоверение чего мы утвердили сей Акт нашей золотой печатью и вручили сей уполномоченному со стороны могущественной Российской империи, высококороному полковнику Данилевскому.

Дан в 1258 году гитуды в месяце мухаррем ⁶²⁴.
Большой интерес представляет приведенная Н. Залесовым следующая надпись, сделанная Данилевским на копии указанного документа:

«Получив для доставления его Императорскому Величеству Великому Императору и Самодержцу Всероссийскому вышенаписанный Акт от Высокопоставленного владетеля хивинского Рахим-кули хана, я, на основании данною мне

⁶²² Захарьян И. Н. (Якушин). Пособничество в Хиву в 1842 г. — С. 174.
⁶²³ Там же. — С. 178—179.

⁶²⁴ Текст документа приведен на указанной работе Н. Залесова «Пособничество в Хиву полковника Данилевского в 1842 г.» — С. 48—50.

уполномочия, удостоверяю сим, что повзаимство поставленных в том Акте условий могутущественная Российская держава.

1) предаст совершенному забвенно прежние непрязненные против нее действия хивинских владетелей; 2) откажется от требования уплаты за разграбленные до сего времени караваны; 3) обещает совершенную безопасность и законное покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным; 4) предоставляет в своих владениях хивинским торговцам все преимущества, коими пользуются купцы других азиатских владений.

Вместе с Данилевским при возвращении было отправлено из Хивы новое посольство во главе с Магомед Амином. Последний со свитой из пяти человек прибыл в Петербург 13 мая 1843 года и был любезно принят царем. При возвращении домой 30 июня того же года им был вручен подтвержденный акт. Но велению царя вице-канцлер в документе особо отметил, что «условия, объявленные подполковником Данилевским и значащиеся в вышеприведенных четырех статьях надписи его будут со стороны могущественной Российской империей в точности выполнены доколе, доколе владетель хивинские и подвластные им племена будут свято и ненарушимо соблюдать условия, изложенные в Акте высококостепенного Рахим-кули хана»⁶²⁵. Эти документы свидетельствуют о довольно значительном успехе посольства Данилевского в решении тех проблем, в которых крайне заинтересовано было российское правительство. В договоре точно обозначались границы России с Хивой по Сыр-Дарье и Уст-Урту.

Что касается ходатайства Данилевского об учреждении в Хиве российского постоянного политического агента, то оно было отклонено ханом. Отклонено также требование российской стороны об освобождении персидских невольников⁶²⁶.

В целом, говоря о полезном исходе миссии Данилевского, следует сказать, что столь важный акт так и не стал определяющим или стабилизирующим документом в российско-хивинских взаимоотношениях.

⁶²⁵ См.: Заглесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского. — С. 50—51.

⁶²⁶ Захарьин И. Н. (Якушин). Посольство в Хиву в 1842 г. — С. 178—179.

Вскоре об этом документе забыли в Хиве и руководство ханства стало всё заметнее поддерживать неподлежность англо-русским митечкинам во главе с Кенисары и Исхотом Кутабаровым. В 1858 году князь посланник России полковник (в последствие генерал-адъютант) Игнатьев в ходе переговоров несколько раз ссылался на имеющийся договор, заключенный Данилевским с хивинским ханом. На что не получил вразумительного подтверждения. Более того, его даже не нашли в своей канцелярии.

Такое отношение к договорным актам и межгосударственным обязательствам приводило к взаимной недоверительности, которая в итоге использовалась как повод для открьтого силового, или точнее, волевого давления со стороны России.

Русско-туркменские взаимоотношения

Русско-туркменские отношения во второй четверти XIX века развивались в зависимости от обстоятельств в перелетайсь с политической Ираном.

Как известно, в первой четверти XIX века в этом плане был достигнут значительный прогресс. Тому главным образом способствовали экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева, а также личные попытки Катанг, который всё-таки хотел противопоставить интересам Персии безопасность России, в котором он видел стабильность и безопасность для туркмен. Свои принципы в этом отношении он не менял и во второй четверти XIX века⁶²⁷. Поэтому он не ходил широкою поддержку не только среди своих соплеменников, но и большинства туркмен. Выбор в союжении с Россией тактовался почти безвыходною необходимостью. Не смотря на вальнолюбие и храбрость туркменских племен, о котором немало писали и русские предстатели, поселенные край, отсутствие централизованной власти, межплеменные распри, постоянная угроза со стороны Хивинского ханства и Ирана вынуждали многих туркмен искать защиту у русских.

Русский купец Ладаев, ездивший в 1830 году в Туркмению для покупки породистых лошадей, указывает на полезность всестороннего изучения ее территории и народа.

⁶²⁷ О деятельности. Кинг-хана см.: Аннанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений. — С. 168—196.

его взаимоотношений с соседями. «Туркмены, — писал он, — весьма преданы России и желают вступить в подданство империи»⁶²⁸. Далее он недвусмысленно указывает, что туркмены готовы к оседлой жизни, но не имея хозяина и распорядителя в делах, они желали бы как милости иметь русского начальника, который водворил бы между ними порядок и спокойствие»⁶²⁹.

Немаловажным событием в истории русско-туркменских отношений второй четверти XIX века явились экспедиции Г. С. Карелина. Первая его поездка состоялась в 1830 году. Благодаря ей было более обстоятельно обследовано северо-восточное побережье Каспия. К экспедиции были привлечены и представители мангышлякских туркмен. Строительство Ново-Александровской крепости на Мангышлаке в 1834—1835 годах, вызвавшее беспокойство хивинцев⁶³⁰.

Вторая экспедиция Г. С. Карелина состоялась в 1836 году. Перед ней стояли те же задачи, которые были перед экспедицией М. И. Пonomарёва и Н. Н. Муравьёва в 1819—1821 годах, т. е. согласно инструкции, географическое определение восточного побережья Каспийского моря до иранской границы, описание жизни и быта туркменских племён, их взаимоотношения между собой и с соседними государствами, исследование природных богатств, сбор топографических данных о караванных дорогах в Хиву, Иран и Афганистан⁶³¹.

Сбором топографических и этнографических материалов занималась экспедиция офицера темерального штаба И. Ф. Бларамберга. На него был также возложен сбор достоверных сведений о караванных дорогах в Хиву, Бухару, Герат, Самарканд и Балх⁶³².

В многочисленных документах, составленных членами экспедиции, главным образом самим Г. С. Карелиным, да-

ётся довольно подробное сведение по всем вопросам, входящим в компетенцию данной миссии⁶³³.

Подробно не вдаваясь в анализ экспедиции Г. С. Карелина, следует остановиться лишь на тех привнесённых им фактах, свидетельствующих о русско-туркменских взаимных тяготениях. Об этом, в частности, свидетельствует письмо туркмен-номудов, переданное через Г. С. Карелина и сылавшееся на общее решение совета казиев, где говорится о просьбе принять в подданство России. В нём речь идёт о том, что туркмены давно тяготеют к России. Об этом неоднократно говорили в Грузии и Астрахани Кият-хал, что, хотя они могут при необходимости выставить до 20 тысяч конницы и не боятся соседей, тем не менее, их соборы из других родов «признают власть Хивы или Персии...», что последние часто беспокоят их, что и среди туркмен «есть несколько продажных людей, которые отстали от народа и за подарки сделались слугами Персии, которая называется их ханами...», но мы их почитаем изменниками». Издавая суть своей просьбы, они писали: «Мы сильны числом и храбростью, но слабы согласием, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя, который бы из всех ямутов сделал одну душу и тело. Тогда мы будем страшны соседям и тогда к нам пристанут и другие племена туркменские»⁶³⁴. Обращённый и просьба такого содержания сохранилась в м.т.о⁶³⁵.

Имеются также документы, свидетельствующие о помощи России продовольствием туркменам, пострадавшим от нападения персидского шаха в 1836 году⁶³⁶.

Несмотря на это, вызывает недоумение тот факт, что этот поход Муххамед-шаха против туркмен сопровождало русское посольство в Тегеране во главе с послом И. О. Сипоничем. Как пишет М. Анпанесов «С моря к ним (т. е.

628 Подробно об экспедиции см.: Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю // ЗИПГО по общей географии. — 1883. — Кн. X; Бларамберг И. Ф. Журнал, ведённый во время экспедиции для

629 Обзорция восточных берегов Каспийского моря 1836 г. // ЗИПГО. — 1850. — Кн. IV, его же: Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тиб-Кератан // ЗИПГО. — 1850. — Т. IV; Русско-туркменские отношения. — С. 283—317; Аннапесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений. — С. 198—211.

630 Русско-туркменские отношения. — С. 305.

631 См. там же. — С. 274—288, 313, 350, 336 и др.

632 См. там же. — С. 321—327.

к туркменам — Х. П.) приезжает экспедиция Г. С. Карелина с дружественными намерениями, а с суши на них двинулись шахские войска в сопровождении русского посольства⁶³⁷. Такое действие официальных представителей России ещё раз убеждает в их неустойчивой политике в отношении туркмен, испытывавших к ним искреннее и доверительное дружелюбие. Следует также согласиться с замечанием М. Анпанесова о том, что улучшение русско-туркменских отношений явно раздражало Хиву и Иран. «Если во взаимоотношения юго-западных туркмен с Россией постоянно вмешивались власти шахского Ирана, всячески добиваясь их ухудшения, — пишет он, — то стремление мангышлакских туркмен к торгово-экономическому сотрудничеству с Россией постоянно встречало противодействие со стороны хивинских ханов. Стратегической целью ханских властей было не допустить водворение русских на восточные берега Каспийского моря»⁶³⁸. Несмотря на это Россия всё больше укрепляла свои позиции в этом регионе. Этому способствовало, в частности, сооружение Ново-Александровского (1834 год) и Ново-Петровского при Тюб-Карагане (1846 год) укреплений.

Российско-бухарские отношения. Миссия К. Ф. Бутенева

Как известно, русско-бухарские отношения, по сравнению с Хивой и Кокандом, были более стабильными и естественно стали объектом изучения многих русских дореволюционных исследователей. Значительный вклад в изучение посольских и торговых связей между Россией и Средней Азией, и с Бухарой в частности, внёс действительный член Географического общества В. В. Завьялов. В своей работе «Исторический обзор путешествия в Бухаре» (Уфа, 1854), куда включены ранее напечатанные статьи в оренбургских губернских «Ведомостях», определяя её цель, он писал, что «настоящий очерк будет хронологическим перечислением европейских путешественников, посещавших Бухару и Самарканд прежде русской экспедицией 1841 года, в числе членов которой был Леман».

⁶³⁷ Анпанесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений. — С. 211.

⁶³⁸ Там же. — С. 222.

В работе упоминаются путешествия миссионера Иосифа Вольфа, побывавшего в Бухаре дважды (в начале 30-х и в 1843 году), посещение Бухары в 1834 году германским медиком Мартином Хоникбергером, а также посещение эмирата в 1839 году англичанином Стодартом, к которому в 1841 году присоединился капитан Конолли⁶³⁹.

Из представителей России он берёт ориенталиста Демезона, посетившего Бухару в 1834 году, и прапорщика Виткевича, побывавшего здесь в 1835 году. Он также указывает на путешествие Лемана и его спутников в Бухару в 1841 году⁶⁴⁰.

В. В. Завьялов в целом так и не смог существенно дополнить имеющиеся к тому времени сведения о бухарском эмирате, тем не менее, даже такой краткий поверхностный обзор, который содержится в его работе, имел для своего времени существенное значение, хотя бы в том смысле, что подобные посещения сыграли свою роль в расширении информации для заинтересованности России и некоторых других европейских стран в проникновении и распространении своего влияния вглубь Средней Азии.

Что касается описания самой Бухары, то задолго до указанного очерка, оно вкратце нашло отражение в статье Т. Савельева «Бухара в 1835 г.» (вышла отдельной брошюрой)⁶⁴¹. Разумеется, при наличии труда Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару», статья П. Савельева может быть и не заслуживает особого внимания, тем более, что многие факты заимствованы у Е. К. Мейендорфа, но следует учесть, что труд Е. К. Мейендорфа, вышедший в 1826 году на французском и немецком языках и лишь отдельные отрывки увидели свет в журналах «Северный архив», «Московский телеграф», «Азиатские вести» и т. д., так и не стал достоянием широкого круга читателей, проявляющих интерес к этому неведомому краю, поэтому указанная статья не могла быть бесполезной. В ней упоминается о посещении Бухары в 1823—1824 годах английскими путешественниками Муркрофтом и Гетри (о нём не говорится в работах других авторов. По всей вероятности речь идёт о

⁶³⁹ Завьялов В. В. Исторический обзор путешествий в Бухару. — С. 15—21.

⁶⁴⁰ См. там же. — С. 24—26.

⁶⁴¹ Савельев П. Бухара в 1835 году. — СПб., 1836. — 26 с.

Требеке)⁶⁴², о путешествии поручика Ост-Индской службы Г. Бернса в 1833 году, который, побывав в Бухаре в сопровождении доктора Джеральда, собрал много новых любопытных сведений⁶⁴³.

П. Савельев также указывает на посещение Бухары русским представителем, впоследствии профессором турецкого и персидского языков Института восточных языков Санкт-Петербурга Г. Демезоном. Он прибыл в Бухару с декабря 1834 года и находился там до июля 1835 года. В Бухаре встретил путешественника Гонигбергера (родом из Трансильвании), при возвращении его в Европу после пребывания в разных странах Востока почти в течение 15 лет⁶⁴⁴.

В изучении дипломатических отношений России с Бухарой во второй четверти XIX века довольно серьёзным подспорьем является работа И. Залесова «Очерк дипломатических сношений России с Бухарой»⁶⁴⁵. Указывая на исторически сложившиеся добрые взаимные отношения между Россией и Бухарским ханством, автор пишет, что «независимо от политического значения ханства это представляло интерес как важный потребитель наших произведений, как проводник, с помощью которого товары наши (т. е. российские — Х. П.) могли проникать в Афганистан и в заманчивую Индию»⁶⁴⁶. К тому же, в отличие от Хивы и Коканда у Бухары с Россией не было пограничного спора, потому что их границы до указанного периода не соприкасались.

Не вдаваясь в подробности описания целей и задач тех представителей России, которые побывали в Бухаре в предыдущие столетия, Н. Залесов ограничивается лишь перечислением тех лиц, кто возглавлял посольство или посещал Бухару с начала XIX столетия до середины 30-х годов. В частности, он упоминает ориенталиста Демезона, посетившего Бухару в 1834 году, и прапорщика Виткевича, побывавшего там в 1835 году.

Далее исследователь, приводя любезное письмо Перовского от 6 октября 1836 года эмиру бухарскому, раскрыва-

ет уважительное отношение военного губернатора к эмиру и соответственно эмира к нему⁶⁴⁷. Выражая уверенность в перспективе расширения и процветания российско-бухарских взаимоотношений, Н. Залесов ограничивается в своём очерке лишь изучением небольшого периода истории этих взаимоотношений (т. е. с 1836 по 1843 годы) в пример двум другим среднеазиатским ханствам. За этот период, согласно его данным, кроме упоминания о том, что «Россия ещё 3 раза имела удовольствие видеть у себя представителей эмира», говорилось в письме оренбургского губернатора, отмечается, что соответственно в ответ были направлены в Бухару два представителя России.

Летом 1836 года эмиром в Россию было отправлено посольство во главе с караул-беги Курбанбеком Ашурбековым (со свитой из 15 человек). Посольство любезно принял царь, и ему была вручена гармота эмира. Кроме традиционных проблем относительно упрочения торгово-политических отношений, бухарский посланник доводил до сведения царя обеспокоенность эмира в связи с усилившимся давлением Англии на Бухару как со стороны Индии, так и через Афганистан. В доказательство он, в частности, ссылаясь на участвовавшее прибывание английских агентов с попыткой убедить эмира в выгоде привоза в противовес России английских товаров⁶⁴⁸. С такой же любезностью, с ответной грамотой царя эмиру и письмом вице-канцлера к куш-беги и особой нотой, в которой речь шла о благосклонности России в приёме послов, пожелании перспектив торговых отношений, обеспечении защиты и покровительства российских подданных в Бухаре и т. д.⁶⁴⁹, посольство 24 августа 1836 года было отпущено в обратный путь.

Через два года (в августе 1838 года) эмиром было отправлено в Россию новое посольство во главе с Балта Кулибеком Рахматбековым, уже побывавшим в России в качестве представителя Бухары в 1830 году. Кроме традиционных проблем, на переговоры была внесена просьба эмира, желавшего «прислать в Бухарию горного чиновника для

⁶⁴² См.: История Узбекской ССР.— Т. 1.— С. 55; Рафуров Б. Ф. Точикен. Охиюхон асри мишна ва давран нав.— С. 138—139.

⁶⁴³ Савельев П. Бухара в 1835 году.— С. 23—24.

⁶⁴⁴ Савельев П. Указ. работа.— С. 25—26.

⁶⁴⁵ Залесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой с 1836 по 1843 гг. // Военный сборник.— Т. XXVII.— СПб., 1862.— № 9.— С. 3—32 и приложение к статье. Там же.— С. 33—46.

⁶⁴⁶ Залесов Н. Указ. работа.— С. 3.

⁶⁴⁷ Залесов Н. Очерк дипломатических сношений с Бухарой.— С. 4—6.

⁶⁴⁸ Там же.— С. 6.

⁶⁴⁹ Подробнее см.: Приложение к статье Н. Залесова «Очерк дипломатических сношений.— С. 33—Примеч. 3.

исследования руд и отыскания металлов и дорогих камней»⁶⁵⁰.

Просьба эмира не была оставлена без внимания, в апреле 1839 года в Бухару направлена особая экспедиция под начальством горного инженера — капитана Ковалевского. В состав экспедиции вошли горный инженер шабс-капитан Герингросс, переводчик Штейгер, два мастеровых и четыре казака. Ковалевский получил задание, помимо основной работы по разведке драгоценностей и способов их добычи и обработки, собирать сведения о геологическом строении почв Бухарского эмирата, о драгоценных металлах и их торговле, об обработке хорасанской стали. От департамента мануфактур и внутренней торговли ему было поручено сбор информации вообще об азиатской торговле. От Министерства иностранных дел дана инструкция исплопотать уменьшение пошлин, взимаемых с русских торговцев, узнать мнение бухарского правительства относительно учреждения в Бухаре постоянного русского консульства, собрать сведения о количестве и ценности английских товаров и их конкурентноспособности, также он должен был поставить вопрос об освобождении русских пленных, узнать о возможностях и перспективах торговли с Афганистаном через Бухару и, наконец, собрать всякого рода топографические, статистические данные⁶⁵¹.

Но осуществить эти поручения Ковалевскому было не суждено. По дороге члены экспедиции натолкнулись на вооружённые банды разбойников, и после того, как хивинский чиновник объявил, что они являются пленниками, в ночь с 21 на 22 ноября Ковалевский и Герингросс бежали к Чушка-кулю, где находилось русское укрепление. Вещи и приборы, брошенные ими, каким-то образом дошли до Бухары в сохранности, но сама экспедиция не состоялась и «посылка горных чинов в Бухару была отложена до более благоприятного времени»⁶⁵².

Следует отметить, что всё более усиливающиеся слухи о серьёзных намерениях Англии в Средней Азии, да и в подтверждение тому появление в этом регионе один за другим британских агентов (Аббат Шекспир в Хиве, Конолли

⁶⁵⁰ Залесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой — С. 8.

⁶⁵¹ См.: Там же. — С. 9.

⁶⁵² Там же. — С. 10.

в Коканде, Чарльз Стодарт в Бухаре), серьёзно встревожили российское правительство. Исходя из создавшейся ситуации и действует бухарский эмир Насрулла.

В октябре 1840 года в Петербург прибыл посланник эмира Насрулла Мулло Мукимбек Саидов со свитой из 39 человек с поручением: 1. Ходатайствовать о защите Бухары от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабили караваны; войдя в сношение с англичанами, начинали явно враждовать против Бухары⁶⁵³. Кроме того, он просил о покровительстве для бухарских купцов и богомольцев проходить через Россию в Мекку⁶⁵⁴. Этот посланник был принят царём, будучи заинтересованным в улучшении отношений с Бухарой⁶⁵⁵. Воспользовавшись этим случаем, а также и аожеланиями эмира о содействии России в поисках драгоценных металлов, в Бухару была организована экспедиция во главе с К. Ф. Бутеневым. В состав миссии входили журналист — кандидат Дерптского университета А. Леман, горный офицер Богословский, топографы Яковлев, Шалпанов и Петров, переводчик коллежский регистратор Костромитинов. По настоянию Перовского в состав делегации был введён состоящий при губернаторе чиновник МИД, титулярный советник, «знаток местных племён» и участник хивинского (1839 год) похода Николай Ханыков⁶⁵⁶.

Среди дореволюционных исследователей самый существенный вклад в изучение миссии Бутенева внёс Н. Залесов. Опираясь на соответствующие источники, он указывает, что на К. Ф. Бутенева были возложены почти те задачи, которые должен был решать в ходе переговоров с эмиром Ковалевский. Бутенев был снабжён тремя инструкциями: от Горного ведомства, от Департамента мануфактуры и МИД России. Тем самым он получил достаточные полномочия для ведения переговоров и решения широкого круга вопросов, к которым Россия проявляла повышенный интерес.

⁶⁵³ АВВР — СПб., Гл. Архив 1—6. — Д. 1840—1842. — Л. 21 В, А Перовский, К. В. Нессельроде от 17 августа 1840 г.

⁶⁵⁴ См.: Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой. — С. 121—122.

⁶⁵⁵ По возвращении Мукимбек Саидов внезапно умер в Нижнем Новгороде. Его имущество доставлено в Бухару Бутеневым.

⁶⁵⁶ См.: Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф., Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. — М., 1977. — С. 19—20.

Согласно инструкции, Бутенев должен был склонить эмира для принятия следующих решений:

«1. Ни явно, ни тайно не враждовать против России и её подданных.

2. Не держать в неволе и не приобретать никаким образом пленных русских и ответственность за личную безопасность и сохранность имущества всякого русского подданного, могущего находиться в бухарском владении.

3. В случае смерти русского подданного в бухарских владениях не отбирать в казну оставшееся после него имущество, а отпускать оное в целости русскому пограничному начальству для передачи его наследникам.

4. Не дозволять бухарским подданным производить грабежи и самовольные с русских поборы и в случае таковых грабежей и поборов предавать виновных немедленному наказанию.

5. С привозимых в Бухарию русскими купцами товаров, взимать пошлину один только раз и не более 5% с настоящей цены оных⁶⁵⁷.

6. Не делать вообще никаких притеснений русским торговцам в бухарских владениях, а напротив того оказывать им то же покровительство, каким пользуются в Российской империи бухарские купцы»⁶⁵⁸.

При приемлемости этих условий эмиром Бутенев имел полномочие от имени русского правительства обещать эмиру о бесприкословности выполнения его следующих положений:

«1. Обеспечение безопасности лиц и имуществ бухарских подданных, могущих находиться в пределах империи.

2. Предоставление им всех преимуществ наравне с торговцами других азиатских владений.

3. Взыскание с подданных России киргизов и туркменоз, в случае грабежа ими бухарских караванов.

4. Дозволение бухарским богомольцам, желающим идти в Мекку на поклонение следовать по-прежнему через российские владения, с тем, чтобы они подчинялись установленным в России полицейским распоряжениям»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁷ Перовский в своей инструкции предлагал Бутеневу настаивать на взимании не более 2,5% пошлины со стоимости товара. См.: Залесов Н. Очерк дипломатических сношений с Бухарой. С. 18—19.

⁶⁵⁸ Залесов Н. Указ. работа. — С. 14—15.

⁶⁵⁹ Залесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой. — С. 15—16.

Прибыв в бухарскую столицу, Бутенев 5 августа 1841 года был принят эмиром Насруллою. По указанию эмира Леман и Богословский были отправлены для розыскных работ в Самарканд и Кашгар. Как знаток языка для их общения с местными административными представителями, которым, как правило, преподносили подарки, их сопровождал молодой, но вполне зрелый для научных изысканий Н. В. Ханыков. Он, не пропуская ни одного более или менее удобного случая, собирал материал по всем параметрам природных условий, политико-административной, социально-экономической жизни эмирата, а также множество сведений по истории и культуре населения края.

Следует отметить, что миссия К. Ф. Бутенева в Бухару совпала с усилением подозрительности эмира к английской дипломатии по отношению к эмирату. Неслучайно были задержаны и арестованы с обвинением в шпионаже английские офицеры Стодарт и Конолли, находящиеся в это время в Бухаре. Кстати, узнав о случившемся и принимая во внимание просьбу правительства Великобритании, Бутеневу было дано указание выходить с ходатайством об их освобождении.

К тому же, миссия К. Ф. Бутенева совпала и с очередным походом бухарского эмира в Кокандское ханство. Поэтому после первой встречи другие официальные беседы и переговоры с эмиром были прерваны до возвращения последнего с «победоносного похода» из Коканда.

Согласно имеющимся данным, эмир относился к миссии с явным пренебрежением, готовясь к походу в Коканд и оттягивая переговоры. Ожидание окончательного ответа продолжалось и после успешного завершения похода. Тогда Бутенев, не выдержав, через визиря (дастарханчи) написал записку, в которой просил окончательного ответа эмира по следующим пунктам требования России: 1) относительно заключения с Россией акта; 2) об освобождении русских пленных; 3) об отпуске в Россию Стодарта и Конолли; 4) о понижении таможенной пошлины с русского купечества.

Ответ был явно уклончивым и неконструктивным с точки зрения членов посольства. Например, относительно заключения акта эмир ответил, что сначала этот документ должен подписать царь и направить обратно в Бухару через бухарского посланца, тогда и он подпишет или утвердит его. Относительно освобождения русских пленных было обещано «отослать их всех обратно в Россию как скоро будет заключён акт». Также и в вопросе о снижении таможенных пошлин

лин. Эмир ограничился объяснением, что после подписания Россией акта о снижении таможенных пошлин в отношении бухарских купцов он подпишет договор. Эмир склонил и просьбу об освобождении Стоддарта и Коволли, ссылаясь на то, что об этом написал письмо королеве, по получении ответа «их обоих отпустят из Бухары прямо в Англию». Но вскоре после возвращения миссии Бутенева они были казнены.

8 ноября 1841 года состоялась последняя встреча с эмиром. Она не дала желаемого результата, кроме щедрых заявлений о «чувстве дружбы и почтения» к российскому императору, эмир других обязательств на себя не брал. По всей вероятности причина отказа эмира от принятия условий, предложенных Бутеневым, кроется не только в высокомерии эмира Насрулло, как на это ссылается Н. А. Халфин и Е. Ф. Рассадина, опираясь на выводы самого Н. В. Ханькова, что тот «себя считает выше всех повелителей мира»⁶⁶⁰, но и на надежду на нейтрализацию давления британской дипломатии, которая намеревалась возместить неудачу после своего поражения в британско-афганской войне в 1840—1841 годах за счёт усиления своего влияния в Средней Азии, в частности, в Бухаре. В этом отношении сыграла свою роль и безрезультативность поиска русскими драгоценных металлов, главным образом золота, на обнаружение и добычу которого так надеялся эмир.

Указывая на неудачное завершение дипломатической миссии Бутенева, Ф. И. Лобысевич писал: «В одном только отношении продолжительного пребывания посольства в Бухарском ханстве принесло действительную пользу: мы говорим о важных трудах по описанию края, принадлежащих членам миссии и об обширных глазомерных съёмках малоизвестных пространств, составленных топографом Яковлевым»⁶⁶¹. Разумеется, эта сторона деятельности членов миссии не могла удовлетворить русское правительство. Оно не скрывало своего недовольства по отношению к эмиру, о чём свидетельствует тот факт, что очередному бухарскому послу караулбеги Худояру Клычбекову «недозволено было

⁶⁶⁰ Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. — С. 22—23.

⁶⁶¹ Лобысевич Ф. И. Посулательное движение в Средних Азии. — С. 106.

ехать» на встречу с императором. Оренбургский губернатор повернул его в обратный путь⁶⁶².

Как видно, Ф. И. Лобысевич, хотя и фактически ничего не мог добавить в предыдущим сведениям о посольстве Бутенева, тем не менее в известной степени он усиливал мнение о реальных намерениях российской дипломатии к эмирату и той адекватной ответной реакции, проявляемой или испытываемой эмиром к России, с учётом тех реальных обстоятельств, от которых в той или иной степени зависело определение внешнеполитического курса эмирата.

Всё же, независимо от оценки официальных властей, нужно отметить, что миссия Бутенева не была напрасной. Даже по признанию самого Н. В. Ханькова из его письма председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу о том, что члены посольства привезут русскому правительству «всё, что необходимо для верного обсуждения настоящего положения Бухарского ханства»⁶⁶³, можно судить о полезности данной миссии.

Члены экспедиции собрали «обширный и разнообразный материал для характеристики как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения»⁶⁶⁴, среди которых особое место принадлежит труду Н. В. Ханькова «Описание Бухарского ханства» и материалам, собранным А. Леманом по флоре и фауне ханства⁶⁶⁵.

Труд Н. В. Ханькова не потерял своего значения и по сей день благодаря объёму материала, научной аргументированности заключения и выводов автора по всем многообразным проблемам, вовлечённым им в орбиту своего исследования. Однако сам исследователь более чем скромно говорит о своём месте среди путешественников и тех, кто в той или иной мере причастен к изучению Бухарского ханства⁶⁶⁶.

Указывая на свою приверженность традиционным приёмам изучения местности, т. е. преимущественное предпочтение собственным наблюдениям, расспросным сведениям и письменным документам, он, не претендуя на безупречность

⁶⁶² См.: Задесов Н. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой. — С. 42; Лобысевич Ф. И. Указ, сочинение. — С. 106.

⁶⁶³ АВПР. — СПб. Гл. Архив I—V. — Д. 1840—1843. — Л. 252—253.

⁶⁶⁴ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. — С. 145.

⁶⁶⁵ О заслугах А. Лемана см.: Савельев М. М. Учёная экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана. — М.-Л., 1936.

⁶⁶⁶ См.: Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. — С. 1—11.

своего труда, уверен лишь в одном, что факты, приведённые им, «несомненные и действительно существующие»⁶⁶⁷.

Содержание работы убеждает в образовательности и широте научной эрудиции учёного. Он пытался разобраться во всех сферах политической, социально-экономической и культурной жизни эмирата.

Заслуженная оценка работе Н. В. Ханькова дана выдающимся востоковедом В. В. Бартольдом. «Его книга,— пишет он,— остаётся и до сих пор (т. е. до начала XX века — Х. П.) лучшим описанием ханства»⁶⁶⁸.

Не скрывая явную неудовлетворительность результатами посольства Бутенева и Данилевского в Бухару и Хи́ву, российское правительство долго (до конца 1857 года) демонстративно не предпринимало попыток организовать новые миссии в эти ханства. Хотя те в этом плане по-прежнему проявляли изрядную активность. Это подтверждается и словами Ф. И. Лобысевича о том, что российское правительство, «помня безрезультатные последствия» упомянутой миссии, около 16 лет воздерживалось «от непосредственных дипломатических отношений с обоими ханствами», хотя хивинские и бухарские посланцы «не переставали надоедать своими посещениями» России⁶⁶⁹.

Внутриполитическая обстановка в Кокандском ханстве и российская дипломатия

Как известно, в первой четверти XIX века Кокандское ханство превратилось в мощное централизованное государство⁶⁷⁰. В этом немалая заслуга принадлежит Алим-хану (1800—1809), первому из Кокандских беков, принявших ханский титул. При нём были завоёваны Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе. Стремление к созданию мощного и централизованно-

⁶⁶⁷ Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства.— С. 1—11.

⁶⁶⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 440.

⁶⁶⁹ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 129.

⁶⁷⁰ Более подробно об истории Кокандского ханства см.: Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства.— Казань, 1886; рецензия о данной работе: Веселовский Н. В. Краткая история Кокандского ханства // ЗВОРАЮ.— Т. IV.— 1890.— С. 126—128; Бартольд В. В. Коканд // Соч., ТIII.— М., 1965.— С. 462—466; он же: История изучения Востока в Европе и России.— С. 429—432; он же: Извлечение из «Тарихи Шохруха» // Соч., Т. II.— Кн. II.— М., 1964.— С. 350—359; История Узбекской ССР.— Т. I.— Кн. II.— С. 52—56, 61—63 и др.

го ханства наблюдается в период правления брата Алим-хана Омар-хана (1809—1822)⁶⁷¹, занявшего престол после его смерти (погиб в результате заговора, в котором принимал участие и сам Омар-хан. При последнем были присоединены город Туркестан, почти всё течение Сыр-Дарь до Аральского моря⁶⁷².

Юридическое оформление власти хана, как главы независимого государства, создание чёткой административной структуры в первой четверти XIX века свидетельствовали о полном оформлении централизованного Кокандского государства, с которым были вынуждены считаться соседние ханства и другие государства. Это наблюдалось особенно в период правления Мухаммед-Али (1822—1843). В 1829 году он совершил поход в Кашгар. Хотя он и смог укрепиться там, но опасаясь направленного против него китайского войска, вскоре покинул Кашгар, выведя оттуда до 70 тысяч жителей, которых поселил в Фергане, в частности, в Шахрихане, основанном самим Мухаммед-Али. Окрестности последнего почти полностью были заделаны выходцами из Кашгара. Такое нашествие на Кашгар Мухаммед-Али повторил ещё раз, он получил даже разрешение от китайских властей на право сбора торговых пошлин в городах Кашгара.

В годы своего правления Мухаммед-Али сумел подчинить себе горные владения Памира и Припамирья: Каратегин, Дарваз, Шугнан, Рошан и Вахан. Причём, хотя фактическая зависимость их являлась лишь номинальной, тем не менее, всё это говорит о формировании мощного государства, каким являлся Коканд⁶⁷³.

Но знакомство с происходящими событиями⁶⁷⁴ убеждает в том, что внутреннее положение Коканда было далеко не стабильным. Это не могло не сказаться на отношении соседних государств, прежде всего Бухары, которая не намерена была упустить благоприятный случай, чтобы не совершить очередное нападение на него. Разумеется, всё это влияло на русско-кокандские взаимоотношения.

Имеющиеся сведения убеждают в существовании тесных

⁶⁷¹ См.: История Узбекской ССР.— Т. I.— Кн. II.— С. 50.

⁶⁷² См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 429.

⁶⁷³ Архив АН РФ (С.-Петербург, отд.).— Ф. 23.— Оп. 1.— № 20.— Л. 148.

⁶⁷⁴ Более подробно о событиях, происходивших в Коканде в первой половине XIX в. см.: История Узбекской ССР.— Т. I.— Кн. II.— С. 50—53.

дипломатических контактов, основанных на взаимных интересах. Они также наглядно раскрывают истинные намерения российского правительства по отношению к Кокандскому ханству.

В изучении истории Кокандского ханства середины XIX века немалое значение имеет небольшая работа известного исследователя В. В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худаяр-хана»⁶⁷⁵. Судя по объяснению самого автора, разногласия, имеющиеся в двух статьях: 1) В. В. Григорьева — «Современные монеты Кокандского ханства» и 2) П. С. Савельева — «Список известных доселе монет Кокандского ханства», опубликованных в трудах Восточного отделения императорского археологического общества, «чтобы сколько-нибудь разрешить вопрос, могущий возникнуть по поводу этого разногласия», он взялся за написание очерка истории Кокандского ханства периода 1840—1850 годов. Причём, автор, ручаясь за правдивость своего рассказа, пишет: «Все нужные сведения я сам отбирал с большим тщанием, живя в Оренбурге и ездя в 1851—52 гг. по Западной Сибири и киргиз-кайсацкой степи, от очевидцев, добросовестных русских и азиатских купцов»⁶⁷⁶.

В статье речь идёт о том, что кокандский хан Мухаммед-Али, или в простонародье Мадали-хан, вдруг бросил все государственные дела, «заперся у себя в гареме и неистовством предался разврату». Это привело к тому, что его ближайшие сановники стали проявлять недовольство, в 1841 году даже организовали заговор, во главе которого стояли мингбаши, ташкентский кушбеги, кази-каляя (главный судья), военный начальник и другие. Но, чувствуя своё бессилие в организации переворота, они решили использовать для этой цели бухарского эмира Насрулло Бахадур-хана, у которого, вероятно, были и свои цели. После повторного приезда делегации заговорщиков он решился взяться за оружие и совершить военный поход 2 апреля 1842 года с 18-тысячной армией он вышел из Бухары и 17 апреля расположил свой лагерь в вёрстах 15 или 16 от города Коканда. Узнав о приближении армии эмира, Мухаммед-Али покинул город. Воспользовавшись этим благоприятным

⁶⁷⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худаяр-хана.— СПб., 1856.— 42 с. С приложением «Дневника» ростовского купца Е. Я. Ключарова, жившего в Ташкенте по торговым делам.

⁶⁷⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия.— С. 1.

моментом, кушбеги Лашкер (ташкентский), кази-каляя и другие предложили эмиру вступить в беззащитный город. Эмир отдал столицу на разграбление сарбазам. Жестокие грабежи и насилие продолжались четыре часа⁶⁷⁷.

После полного разграбления города эмир отдал приказ разыскать Мухаммед-Али. Он был пойман со всеми членами семьи: матерью, братом, сыновьями, женой. Мухаммед-Али был обвинён бухарским кази-каляном «не только как опасный солдатык, но и как преступник, женившийся на родной мачехе (супруге своего покойного отца Омар-хана — Х. П.) и заслужившего через это смерть себе и всей своей семье»⁶⁷⁸.

Одобряя этот приговор, эмир велел немедленно публично казнить Мухаммед-Али вместе с его родными в одном из залов дворца. Задержанные 250 главных чиновников Коканда были отправлены вместе с жёнами и детьми в Бухару. На другой день эмир разослал во все города Коканда своих правителей. Наместником в Хиве он назначил Ибрагим-датха, в качестве помощников — его брата Исхака, ишана, райса и кази-каляна. Им было выделено для охраны 600 человек. После 12-дневного пребывания в Коканде эмир вернулся в Бухару⁶⁷⁹.

Но бухарскому эмиру не удалось долго держать Коканд под своей властью. Через три месяца после торжественного возвращения эмира в Бухару, в Коканде вспыхнуло восстание. Причиной его, по твёрдому убеждению В. В. Вельяминова, были «насильственные поборы и налоги со стороны Ибрагим-датха». Кокандцы, чтобы изгнать наместника эмира, попросили помощь у ицевников-кипчаков. Кипчаки во главе с Шир Али и Иса-ходжа двинулись к столице и заняли дворец. Наместник эмира Ибрагим-датха и его брат Исхак чудом спаслись бегством, а другие представители власти Бухары в Коканде были казнены⁶⁸⁰.

Эмир Насрулла повелел конфисковать имущество своего наместника в Коканде Ибрагима и его брата Исхака.

По совету своего кушбеги эмир вторично, теперь с 20-тысячным войском, осенью 1844 года предпринял поход на Коканд. Причём, он взял с собой и тех 250 кокандских чиновников, которые находились у него в плену. Началась

⁶⁷⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия.— С. 5—6.

⁶⁷⁸ См. там же.— С. 9—10.

⁶⁷⁹ Там же.

⁶⁸⁰ Там же.— С. 10.

осада столицы. В это время бывший при Мухаммеде-Али юзбаша Мусулман-кул по прозвищу Чулак (хромой), сумел заверить эмира в своей преданности. Он дал слово помочь ему взять город. Эмир поверил ему и спустил его. Войдя в город, тот сумел поднять всех горожан против ненавистного им ещё по первому походу эмира. Кроме того, Мусулман-кул сочинил и подбросил эмиру письмо, в котором шла речь о готовившемся в Бухаре против эмира мятеже вельмож. Они, якобы, обещали Мусулман-кулу помощь во время его содержания в Бухаре. Письмо заканчивалось призывом начать действовать, пока эмир находится в Коканде⁶⁸¹. Кроме того, эмир получил известие о том, что хивинцы напали на его владения и увели в плен несколько тысяч бухарских подданных, а заодно и 15 тысяч баранов. В такой ситуации эмир вынужден был освободить пленных чиновников, снять осаду, продолжавшуюся 40 дней, и вернуться назад.

Таким образом, килчаки взяли в свои руки государственную власть в Коканде. Шир-али был объявлен ханом. Он сумел упрочить свою позицию. Но в 1845 году в Коканде начались новые смуты, виновником которых стал Мурадбек, сын Хадж-бия, жившего в Хиве. После смерти Алла-кула, поссорившись с его сыном, новым преемником хивинского престола Рахим-кулом, он бежал в Бухару.

Эмир Насрулла, воспользовавшись благоприятным моментом, уговорил Мурадбека свергнуть Шир-али и занять кокандский престол. Тот дал согласие и летом 1845 года, став во главе большого отряда бухарских сарбазов, двинулся на Коканд. Используя отсутствие Мусулман-кула (последний был занят сбором зякета), он сумел захватить престол и казнить Шир-али, но не смог продержаться у власти (всего 7 дней). Мусулман-кул, узнав о захвате престола, быстро поднял местное население и с большим отрядом килчаков ворвался в город. Взяв в плен Мурадбека, он казнил его. Оставшиеся бухарские сарбазы, спасаясь бегством, покинули территорию Коканда. Ханом был объявлен сын Шир-али тринадцатилетний Мухаммед Худояр⁶⁸². Но фактически государством управлял Мусулман-кул, женившийся малолетнего хана на своей дочери.

Постепенно противники Мусулман-кула смогли настроить

⁶⁸¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия — С. 12—13.
⁶⁸² Там же. — С. 19—20.

Худояра против него и наконец с их помощью, в 1852 году, Мусулман-кул был свергнут и казнён ханом⁶⁸³.

В целом, исходя из вышеописанных событий, нетрудно сделать вывод о том, что внутренняя обстановка в Кокандском ханстве во второй четверти XIX века была довольно нестабильной. Несмотря на это, наблюдается заметный интерес России в налаживании связи с этим ханством.

Из имеющихся сведений относительно взаимного обмена посольствами следует заключить, что по сравнению с Хивинским и Бухарским ханствами взаимобмен их или иные миссии между Россией и Кокандским ханством был сравнительно редким. Известен факт о том, что в 1830 году хорунжий Н. И. Потанин, сопровождая кокандское посольство, возвращавшееся из России, составил описание ханства, что для того времени имело важное значение. Записки Н. И. Потанина были изданы спустя много лет Г. Е. Катачаевым⁶⁸⁴.

Ценные сведения о Кокандском ханстве были собраны в конце 40-х годов от находившихся в Оренбурге кокандских купцов. На основании их была составлена особая записка⁶⁸⁵.

Если путешествия в Бухару и Хиву в первой половине XIX века совершались из Оренбурга, то в Кокандское ханство — преимущественно из пунктов Иртышской линии или из пограничных городов Сибири, среди которых главным был Петропавловск, которого по-местному называли Кызыл Джар⁶⁸⁶. Наблюдая за действиями представителей российской дипломатии в этом ханстве по имеющимся сведениям и опираясь на заключение авторитетных дореволюционных исследователей, нетрудно убедиться в том, что всё же преобладала политика силового давления. В. В. Бартольд ст-

⁶⁸³ См.: Потанин Н. И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия — Омск, 1916; Макишев А. И. Исторический обзор Туркестана — С. 116. Следует сказать, что указанные события нашли своё отражение в работе Н. Г. Павлова «История Туркестана», но данный труд явно носящий компилятивный характер, к имеющимся сведениям чего-либо нового, естественно, не мог добавить. См. и ср.: Павлов Н. Г. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. — Ташкент, 1910. — С. 90—94.

⁶⁸⁴ Катачаев Г. Е. Н. И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях Средней Азии. // ЗИРГО. Зап. Сиб. отд. — Т. XXXVII. — Омск, 1916 — С. 192—258.

⁶⁸⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 44.

⁶⁸⁶ См. там же. — С. 439, 444.

мечает, что «за основанием первого русского укрепления на Сыр-Дарье последовали военные действия против Кокандского ханства»⁶⁸⁷. Для подтверждения тезиса о необходимости таких действий со стороны России В. В. Бартольд, прослеживая постепенное расширение границ кокандских владений при Алим-хане, Омар-хане и Мадали-хане, пишет, что «русские при дальнейшем движении как на Сыр-Дарье, так и в Семиречье должны были прийти в столкновение с кокандцами. Примирить русские и кокандские притязания на киргизские степи было невозможно; русское правительство должно было сделать выбор между двумя решениями: или совершенно отказаться от власти над степями, или вытеснить оттуда кокандцев»⁶⁸⁸.

Справедливости ради не следует зачислять В. В. Бартольда в число ярых сторонников насильственного понижения России в Среднюю Азию. Тщательно изучая факты, он осуждал, «личное честолюбие некоторых русских генералов, действовавших вопреки полученным ими инструкциям»⁶⁸⁹.

Вышеуказанные факты, приведённые русскими дореволюционными исследователями свидетельствуют о постепенной активизации во второй четверти XIX века русской дипломатии в Кокандском ханстве.

Торговые отношения

Как известно, во второй четверти XIX столетия в России шёл процесс развития капиталистических отношений и это не могло не повлиять на усиление её торговых интересов (да и не только торговых) в Средней Азии. Неслучайно, по довольно чёткой оценке Н. А. Халфина, в этот период «экономические связи, их поддержка, расширение, развитие были предметом едва ли не важнейших забот дипломатов, составляли существенную часть политики Петербурга в Средней Азии»⁶⁹⁰. Вопросы, связанные с торговлей России и ханствами Средней Азии второй четверти XIX

века, в той или иной степени освещены в работах как дореволюционных, так и советских исследователей. Причём, по мнению большинства из них бесспорен присритель русско-бухарской торговли. Ещё в середине 30-х годов П. Савельев, отметив её перспективы, указывал на то, что «Россия для Бухары есть главнейший и почти единственный источник для сбыта азиатских произведений»⁶⁹¹.

В этом плане следует особо подчеркнуть заслуги Н. Ханькова. В упомянутом его труде «Описание Бухарского ханства» даётся довольно обстоятельный анализ состояния торговых отношений с Бухарой, с которой, в отличие от Хивы, «сношения были постоянно мирными»⁶⁹².

Указывая на существенный прогресс в торговле России с Бухарой, Н. Ханьков отмечает, что российские мануфактуристы «наделяют Среднюю Азию преимущественно через бухарцев ситцами, коленкорами, кисеями, некоторыми шёлковыми материями, сукнами, парчами и т. д.». Он же указывает, что русские товары покупали в Бухаре «весма охотно» и, следовательно, от русских фабрикантов зависело «удержать за собой это преимущество»⁶⁹³.

Автор призывает изготавливать товар по вкусу бухарцев и вообще среднеазиатов. Например, таджикам, узбекам и афганцам нравятся клетчатые чалмы, которые изготавливались в Москве и получили большое распространение в Бухаре⁶⁹⁴.

Определяя примерно объём бухарской торговли с Россией, Н. Ханьков указывает, что бухарцы ежегодно отправляли туда товаров на 5 тыс. или 6 тыс. верблюдах, груз каждого из которых составлял от 18 до 20 пудов. Средняя стоимость груза, согласно его определению, составляла 60 червонцев. «Следовательно, — пишет он, — средним числом привоз может быть заключён между пределом 3 500 000 и 4 000 000 руб.»⁶⁹⁵.

Отмечая прогрессирующие тенденции вывоза товаров в Россию из Бухары, Н. Ханьков приводит следующую таблицу⁶⁹⁶:

691 Савельев П. Бухара в 1835 году. — С. 14.

692 Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана. — С. 33.

693 Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. — С. 169.

694 Там же. — С. 170.

695 Там же. — С. 171.

696 Там же.

687 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — С. 429.

688 Там же.

689 Там же.

690 Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. — С. 7.

Годы	Товаров вывезено на сумму (в рублях)	
1828	1 180 600	р.
1829	1 463 444	р.
1830	1 834 571	р. 66 коп.
1831	1 803 414	р. 95 коп.
1832	1 056 463	р.
1837	1 849 708	р. 65 коп.
1838	2 513 912	р.
1839	2 896 329	р.
1849	3 283 654	р. 25 коп.

Он выражает уверенность, что «это возрастание будет продолжаться и вознаградит, таким образом, старания правительства для развития торговых сношений наших (т. е. русских — Х. П.) в Среднюю Азию»⁶⁹⁷.

Хорошо представляя значение русско-среднеазиатской торговли, оренбургский губернатор Перовский в одной из своих записок вице-канцлеру Н. В. Нессельроде, накануне зимнего похода в Хиву, отмечал: «среднеазиатская торговля наша (т. е. российская — Х. П.) по обширности границы, на которой она производится и характеру рынка, представляемого ею для России, заслуживает несомненно особенного внимания, как важное и главное средство для развития капиталов в малопромышленных и бедных восточных губерниях наших и как способ сбыта товаров, не имеющих другого стока»⁶⁹⁸. Нетрудно заметить откровенное признание в том, что Средняя Азия являлась самым удобным рынком для реализации русских промышленных товаров, для которых западный рынок был закрыт.

К числу работ, касающихся русско-среднеазиатских торговых отношений во второй четверти XIX века относится статья надворного советника Платона Голубкова «О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию», в известной мере отражающая взгляды современников⁶⁹⁹. Хотя статья и не представляла особой ценности для последующих исследователей, тем не менее, может служить подспорьем для общего распределения мнения о полезности торговли через

Среднюю Азию с Индией и другими государствами Азиатского континента.

Имея в виду перспективы торговли, для её оживления, следовательно, получения прибыли. П. Голубков рекомендует создать «компанию, которая основывалась бы для торга со Средней Азией и Индией». «Итак, — пишет П. Голубков, — компания может рассчитывать на барыши, составляющие от 18 до 21%. Положив половину этой прибыли на покрытие непредвиденных расходов, компания может дать от 9 до 10% дивиденда своим акционерам. Следовательно, есть чем существовать компании»⁷⁰⁰.

Он описывает предполагаемый торговый путь, который должен проходить через Волгу с её притоками, Каспийское море до Балканского залива (Красные воды)⁷⁰¹.

Уверенно предсказывая процветание торговли России с азиатскими странами, главным образом со среднеазиатскими ханствами, П. Голубков говорит о необходимости создания торгового общества и даже призывает тех, у кого имелись средства во имя будущего процветания России, не жалеть их для развития выгодной для неё торговли, тем более, что «время для исполнения этого предприятия наступило, потому что Россия уже достигла достаточной степени развития, позволяющего ей прилагать свои силы к делам обширным и многосложным»⁷⁰².

Таким образом, даже этот несовершенный взгляд П. Голубкова на географическое расположение тех пунктов данного региона, через которые намеревались наладить удобный торговый путь, свидетельствует о довольно искренней заинтересованности в монопольном праве на торговлю со Средней Азией и через неё с другими странами Азии. Общая сумма оборота предполагаемой П. Голубковым торговой компании под названием «Русско-азиатский торговый дом», согласно проекту составлял до 4 млн. руб.

П. Голубков не являлся единственным энтузиастом в этом деле. «О расширении торговли со Средней Азией и её выгодах» говорил известный ростовский купец Ф. Р. Пичугин⁷⁰³. О заинтересованности официальных кругов и представителей торгово-промышленного капитала в укреп-

⁶⁹⁷ Халиков Н. Описание Бухарского ханства. — С. 172.

⁶⁹⁸ Приложение к статье Н. Залесова «Посольство в Хиву подполковника Данилевского». — С. 58.

⁶⁹⁹ Отг. из кн. «Британская империя в Индии». — М., 1848. — 15 с.

⁷⁰⁰ Голубков П. О торговом пути в Среднюю Азию и Индию. — С. 7.

⁷⁰¹ См. там же. — С. 8—9.

⁷⁰² Там же. — С. 14.

⁷⁰³ См.: История Узбекской ССР. — Т. 1. — Ч. II. — С. 50—51.

лении торгово-экономического влияния России в Средней Азии свидетельствует и учреждение в 1845 году Московского торгового дома с целью «усиления сбыта российских изделий через Астрабад в Персию и Среднюю Азию»⁷⁰⁴

Довольно убедительно о той заинтересованности свидетельствует и «Записка» председателя Московского отделения мануфактурного и коммерческого совета Мейендорфа министру финансов Ф. П. Вронченко от 19 апреля 1846 года об учреждении компании для торговли со Средней Азией. В документе речь идёт о создании купцами и фабрикантами Барановым и Зубовым торговой компании (товарищества) для торговли с Хивой на Аральском море⁷⁰⁵.

Доказывая выгоду создания компании для России во всех отношениях, И. Ф. Баранов и И. И. Зубов с уверенностью надеялись «простыми и дешёвыми средствами» достигнуть цели⁷⁰⁶.

По данным Д. Голосова компания⁷⁰⁷ вела активную торговлю со всеми среднеазиатскими ханствами. Её усилиями в 1846 году было вывезено из Средней Азии до 20 000 пудов марены, столь необходимой для окрашивания тканей. В дальнейшем при непосредственном участии товарищества возрос и вывоз хлопка. Причём, компания содействовала, и не безуспешно, в увеличении посевов марены и хлопчатника. Для достижения этой цели, по утверждению Д. Голосова, русские купцы «наняли в Хивинском ханстве земли, чтобы под собственным надзором разводить означенные растения»⁷⁰⁸.

Приведённые факты убедительно свидетельствуют о крайней заинтересованности русских промышленников и купцов в получении монопольного права на торговлю в Средней Азии. Торгово-экономическая экспансия этого региона, о которой мечтали торгово-промышленные круги России, тесно переплеталась с официальной политикой, проводимой царским правительством по отношению к Средней

⁷⁰⁴ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 390.

⁷⁰⁵ Там же.— С. 392—393.

⁷⁰⁶ Русско-туркменские отношения.— С. 394.

⁷⁰⁷ Д. Голосов, указывая на деятельное участие купеческого товарищества под названием «Хивинская компания» в оживлении торговли России со среднеазиатскими ханствами, в качестве руководителя называет только шуйского купца Баранова, не упоминая о Зубове. См.: Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г.— Т. XXX.— № 3.— С. 65—67.

⁷⁰⁸ Голосов Д. Поход в хиву в 1839 г.— С. 67.

Азии. Чем больше происходит знакомство с аргументами, имеющимися в работах русских исследователей, главным образом с очевидцами того процесса, тем очевиднее факт главенствующей позиции Бухары в торговле с Россией. Этому отчасти способствовало постоянно усиливающееся в эмирате соперничество России и Англии. В этом плане верно выразил положение дел издатель труда А. Бернса упомянутый выше П. В. Голубков. В своём предисловии к книге этого английского путешественника «Путешествие в Бухару» он писал: «на Бухарском базаре русское купечество в продолжение последних 300 лет против Ост-Индского постоянно соперничает, и сношение между Россией и Бухарой так тесны, что Москва наполнена бухарцами, и наоборот, это самое можно сказать о Бухаре». Далее, словно возлагая вину на русских купцов за недостаточную активность в освоении бухарского рынка, он отмечает, что, если они до сих пор не утвердили «там (т. е. в Бухаре — Х. П.) свою торговлю точно так, как это сделали бухарцы в Москве, то оно справедливо должно быть обвиняемо за свою недеятельность»⁷⁰⁹.

В том, что Бухара оказалась ведущим в регионе центром торговли, по мнению А. Бернса, определяющим фактором было её удобное местоположение. «Будучи помещена между богатейшими странами Европы и Азии, в земле, окружённой степями и пустынями,— пишет он,— Бухара служит центром обширной торговли и местом отдохновения как для купца, так и для путешественника»⁷¹⁰.

Важно заметить, что А. Бернс однозначно признал Россию как главного и решающего торгового партнёра Бухарского ханства. «За 12 или 14 лет,— подчёркивает он,— торговля мануфактурными европейскими произведениями с Туркестаном, заключающим в себе Бухару и все земли, лежащие на севере от Окса, исключительно находилась в руках русских, привозивших свои товары из Оренбурга и Троицка»⁷¹¹.

Наиболее ценные сведения о российско-среднеазиатской торговле второй четверти XIX столетия содержатся в «Пояснительной записке» Я. В. Ханькова. Автор приводит убедительные аргументы, свидетельствующие о существенном

⁷⁰⁹ Голубков П. От издателя. В кн.: Бернс А. Путешествие в Бухару.— Ч. I.— М., 1848.— С. V.

⁷¹⁰ Бернс А. Путешествие в Бухару.— Ч. II.— М., 1848.— С. 470—471.

⁷¹¹ Бернс А. Путешествие в Бухару.— Ч. III.— С. 553—554.

прогрессе в этом направлении. Согласно его «разбору» привоза в Россию и отпуска товаров через северо-западную часть Средней Азии, выясняется следующий рост и объём их взаимопоставки во второй четверти XIX века (в рублях)⁷¹²:

Годы	Привоз в Россию	Отпуск в Среднюю Азию
1824—1827	5 759 252	4 389 705
1828—1831	6 267 414	5 889 646
1832	5 712 757	5 624 418
1833	6 920 935	6 781 750
1834	7 468 462	6 687 909
1835	8 208 161	6 543 484
1836	10 086 975	7 698 095
1837	10 030 513	6 794 906
1838	7 872 399	6 041 674
1839	8 544 540	6 371 059
1840	2 914 625	2 345 583
1841	3 825 886	2 738 724
1842	3 128 332	2 308 944
1843	2 654 565	2 114 224
1844	2 462 100	2 495 712
1845	2 720 328	2 266 401
1846	3 150 871	2 341 122
1847	2 893 472	2 444 245
1848	2 874 298	2 157 132

По подсчётам Я. В. Ханыкова к концу 40-х годов торговля со всей северо-западной частью Средней Азии составляла 1/56 часть всего оборота внешней торговли России. Хотя на первый взгляд это казалось незначительным, но если принять во внимание то, что, как выразился Я. В. Ханыков «торг сей существует в настоящем виде всего 75 лет, в продолжение которых он увеличился в 13 раз»⁷¹³, его следует считать вполне успешным.

Наряду с этим, судя по приведённой Я. В. Ханыковым таблице, в 40-е годы, по сравнению с 30-ми, наблюдается снижение объёма общего товарооборота и сохранение его на среднем уровне 2,5—3 млн. руб. Причинами того, по всей вероятности, были военный поход России в 1839 году в Хи-

⁷¹² Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря. — С. 287—288.

⁷¹³ Там же. — С. 288.

ву, внутренняя нестабильность как в этой стране, так и ханствах Средней Азии и, наконец, революционные события, происходящие в 40-е годы в европейских странах, которые не могли не отвлечь внимание России как главного монархического режима в Европе.

Говоря о российско-среднеазиатской торговле во второй четверти XIX века нельзя не выделить и отмеченную Я. В. Ханыковым такую её особенность, как преобладание обработанных, т. е. готовых изделий, в вывозе из России над необработанными или сырыми товарами при ввозе в неё. «Торговые сношения со Средней Азией, — писал он, — принадлежат к числу тех редких в нашем отечестве заграничных оборотов, в коих отпуск выделанных товаров слишком вдвое превосходит привоз таковых изделий, тогда как напротив, по европейской торговле привозится обработанных товаров в четыре раза «более, чем отпускается из России»⁷¹⁴. Для убедительности Я. В. Ханыков приводит данные относительно общей стоимости в рублях приёма товаров в России и отпуска в Среднюю Азию, в ту же северо-западную часть региона⁷¹⁵, обработанных изделий. Его данные важны тем, что они наглядно показывают степень отставания среднеазиатских ханств от России в промышленном отношении, которые, по сути дела, оказывались её сырьевыми придатками. То же самое явное преобладание привозимых из Европы в Россию готовых промышленных товаров над вывозимых ею в страны Старого света ярко демонстрирует отставание царской России в фабричном производстве от капиталистических стран Европы.

Как и другие исследователи, Я. В. Ханыков дальнейшую перспективу российско-среднеазиатских торговых отношений связывает «с обеспечением и удачным выбором путей сообщения». Он считает «важнейшее из этих направлений суть дорога, идущая от Оренбурга и Троицка к низовьям Сыр-Дарьи, как наиболее облегчающая сношения России с Бухарой и Кокандом и с принадлежащей ему Ташкенией»⁷¹⁶.

Таким образом, сведения, приведённые Я. В. Ханыковым, не являясь исчерпывающими в определении объёма взаимопоставок товаров, тем более, что он ограничился только те-

⁷¹⁴ Ханыков Я. В. Пояснительная записка. — С. 288.

⁷¹⁵ См.: Там же. — С. 288—289. Примеч. Ср.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. — 40—60-е годы XIX века. — С. 50 (табл. № 6).

⁷¹⁶ Ханыков Я. В. Указ, работа. — С. 289.

ми товарами, которые проходили через северо-западные части Средней Азии. Тем не менее они могут сыграть свою роль в создании общей картины российско-среднеазиатских торговых отношений.

Одним из более значительных трудов, освещающих состояние торговли России к 40-м годам XIX века является книга Павла Небольсина «Очерки торговли России со странами Средней Азии»⁷¹⁷. В книгу, кроме обстоятельного введения, вошли девять самостоятельных очерков. Завершается она приложением, где речь идёт о дороге из Семипалатинской крепости в Кашгар, Коканд и Ташкент, она написана Генсом по рассказам татарина Муртази Файз-Уддин Марзяном (из книги «XXV записок Генса»).

Во введении автор довольно подробно рассматривает роль и место каждого ханства в торговле с Россией. Он рассказывает о природе и психологии среднеазиатского торговца или купца, приводит основные статьи или предметы ввоза и вывоза. Указывая на то, что Россия со стороны Оренбургской линии вела непосредственный заграничный торг с тремя владениями Средней Азии — Бухарой, Кокандом и Хивой, П. Небольсин подчёркивает важность торговли в сближении стран. «Купец и купечество, — пишет он, — заботливее всякого политика-эконома. Они из собственных выгод этого могущественного в мире рычага думают о распространении сферы своей деятельности всеми возможными путями, знают и потребности своих соседей и средства удовлетворять им лучше чем посвятившие себя кабинетной жизни специально учёные»⁷¹⁸.

В отличие от России П. Небольсин не видит в Бухаре торгово-купеческого класса, или вернее, сословия. Он писал так: «Собственно купечествуящего класса в Бухаре нет. Там все купцы или, вернее торгошани, занимающиеся скупом и продажей того, что под рукой случится, не как торговлей в строгом смысле, а как барышничеством или сподручной промышленностью»⁷¹⁹. В то же время он указывает на наличие там капиталистов, «почти исключительно занимающиеся торговыми оборотами». К ним он прежде всего относит

⁷¹⁷ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). — СПб., 1856.

⁷¹⁸ Там же. — С. 1.

⁷¹⁹ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. — С. 4.

высших сановников и самого эмира, которые вели тайную торговлю с Россией через посредников из числа избранных агентов⁷²⁰. По его мнению, кроме доходов от торговли эмир получал большой доход от взимаемых налогов с торговцев⁷²¹.

Судя по сведениям, приводимым П. С. Небольсиным, во второй четверти XIX века русские купцы, чувствуя конкуренцию английских торговцев, поставляли в Среднюю Азию разнообразные и сравнительно дешёвые товары с учётом потребностей местного населения. Тем не менее, сами они не занимались по разным причинам непосредственной торговлей своими товарами в этом регионе. В частности, и из-за опасения нападения разбойников, изнурительной дороги, хлопот перевоза, или по-простому, из-за «бытовавшего мнения об униженности торговли важного купца в Средней Азии»⁷²². Для этой цели они использовали приказчиков из татар и других (преимущественно мусульман) русских подданных. Этот факт подтверждается позже руководителями российской миссии в Хиве и Бухаре И. Игнатьевым. По его сведениям в 40-х годах в Хиве вели торговлю приказчики московских купцов Баранова, Зубова, Пичугина. Эти купцы в 1845—1847 годах вывозили через своих приказчиков по 20 тысяч пудов марены ежегодно⁷²³. Кроме того, приказчики тех же купцов во время их активного участия в торговле с Хивой вывозили ежегодно до 20 тысяч пудов хлопка и до 500 пудов сырого шёлка (коконов)⁷²⁴.

После военного похода Перовского в Хиву Аллакули-хан, чтобы несколько смягчить недовольство наиболее радикально настроенных официальных лиц России, снял все препятствия, мешавшие обеспечению взаимной торговли. Убедившись в этом, российское правительство дало разрешение на возобновление торговли. В 1840 году в Хиву отправилось несколько русских купцов с товарами. Они были приняты ханом радушно «и взамен прежних 10% пошлины с привезённых ими товаров взыскано было в размере всего 2,5% действительной стоимости»⁷²⁵.

Судя по сведениям, приведённым П. Небольсиным, ас-

⁷²⁰ Небольсин П. Очерки торговли России. — С. 4.

⁷²¹ Там же. — С. 5.

⁷²² Там же. — С. 18—19.

⁷²³ АВПР. — Ф. СПб., Гл. Архив 1—9. — Оп. 8. — Д. 6. — Ч. II. — Л. 812.

⁷²⁴ Там же. — С. 817.

⁷²⁵ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. — С. 95.

сортимент привозимых из России в Среднюю Азию товаров был широк, особо выделялись золото, серебро, медь, чугун, железо, разного рода металлические изделия, кожа, краски, сахар, сукна, разнообразные хлопчатобумажные и шёлковые ткани, предметы первой необходимости⁷²⁶.

В обмен в Россию из Средней Азии везли хлопок, шёлк, сухофрукты и другие «предметы, получаемые от звероловства и скотоводства, мягкую фрухлядь и мерлушку»⁷²⁷.

П. Небольсин говорит и о большом значении Бухары для России как транзитном торговом пункте, через который поступали товары из восточных стран или наоборот⁷²⁸. По его данным в Оренбург проходили ежегодно два каравана. Первый выступал из Бухары в середине февраля, достигая Оренбурга во второй половине мая или в первой половине июня. Второй караван отправлялся в Оренбург в начале или середине мая с товарами российских купцов, которые не успели распродать⁷²⁹.

Бухарские купцы действовали по обстоятельствам. Если они имели возможность реализовать свои товары в самом Оренбурге или Троицке, тогда отпадала необходимость везти их на Новгородскую ярмарку. Из Бухары отправлялись и орские и троицкие караваны. Причём, троицкие караваны выходили по два-три раза в год. Таможенная пошлина бухарцами или кокандцами взималась из расчёта 2,5 бухарских тилли с верблюда. Караваны из России шли только осенью. «Главнейшим пунктом всех их закупок, продаж, заказов, расчётов, займов и уплаты денег являлась Нижегородская ярмарка»⁷³⁰.

П. Небольсин приводит достоверную статистику по таможенным документам. Согласно его данным с 1827 по 1837 годы из Средней Азии в Россию вывезли товаров на общую сумму 6 951 254 руб., а из России в Среднюю Азию — на сумму 4 575 120 руб. С 1837 по 1847 годы вывоз соответственно составлял 8 944 355 руб., а привоз — 5 027 243 руб.⁷³¹

⁷²⁶ Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии.— С. 22.

⁷²⁷ Там же.— С. 22—23.

⁷²⁸ Там же.— С. 24.

⁷²⁹ Там же.— С. 39.

⁷³⁰ Там же.— С. 48.

⁷³¹ Небольсин П. Общая сравнительная ведомость русской торговли со странами Средней Азии (за десятилетие 1840—1850 гг.) // Очерки торговли России со странами Средней Азии.— С. 2.

В том числе, в Бухару доставлено было товаров на общую сумму 5 225 287 руб. 67 коп. Из Бухары направлено в Россию в сумме 7 309 248 руб. 17 коп.⁷³² В Хиву соответственно на 1 334 198 руб. 03 коп., а из Хивы на 1 396 189 руб. 60 коп.⁷³³ В Коканд — на 24 150 руб. 16 коп., из Коканда — на 266 237 руб. 85 коп.⁷³⁴

Среднеазиатские купцы брали в России под большие проценты и наличные деньги. «Из России,— пишет Небольсин, — в течение 10 лет только с Оренбургской линии вывезено звонкой монеты на 1 530 360 руб. 35 коп. Из этой суммы только в Бухару отправлено звонкой монеты на 1 426 464 руб. 04 коп., причём бухарцы, ташкентцы и хивинцы скупали её, «платя за 1 руб. — 354, а при поспешности 360 коп. на ассигнацию»⁷³⁵.

Относительно текстильных изделий, как отмечает П. Небольсин, с 1840 по 1849 годы было отправлено в Среднюю Азию через Оренбургскую линию товаров на сумму 1 487 863 руб. 34 коп. серебром, в том числе, в Бухару — на 1 044 714 руб. 85 коп.⁷³⁶ За это же время через Оренбургскую и Троицкую таможни был перевезён шёлковый товар на сумму 102 865 руб. 15 коп. В том числе, в Бухару — на 70 337 руб. 95 коп. Кроме того, было отправлено 624 519 аршин русского фабричного сукна общей стоимостью до 750 000 руб. Таким образом, общий объём вывоза товаров текстильного производства из России по Оренбургской и Сибирской линиям за указанное десятилетие составлял 2 340 668 49 коп. Кожевенного товара за это время отправлено в Бухару на 473 662 руб.; в Коканд — на 600 207 руб.; в Хиву — на 342 913 руб. (всего на 1 416 782 руб.). Приводятся также сведения по некоторым другим видам товаров⁷³⁷.

Что касается вывоза в Россию из Средней Азии, то П. Небольсин даёт такие данные: только из Бухары в течение 10 лет (1840—1849 годы) доставлено хлопка в пределах 130 000 пудов, по общей стоимости 645 000 руб.⁷³⁸, пряжи

⁷³² Там же.— С. 3—4.

⁷³³ Там же.— С. 5.

⁷³⁴ Там же.— С. 6—7.

⁷³⁵ Там же.— С. 17—18.

⁷³⁶ Там же.— С. 33.

⁷³⁷ См.: Небольсин П. Отпускные статьи.— С. 46—47 и посл.

⁷³⁸ Небольсин П. Привозные статьи. // Очерки торговли России со странами Средней Азии.— С. 5—6.

— почти 140 000 пудов, на сумму 1 576 000 руб.⁷³⁹ За это же время в Россию из Средней Азии вывезено более 1 260 000 кусков зерделя; только из Бухары — почти миллион штук синей бязи⁷⁴⁰.

По общим подсчётам П. Небольсина хлопка и хлопчатобумажных изделий из Средней Азии в Россию за то же десятилетие поставлено на сумму 6 759 696 руб. 94 коп. серебром, т. е. почти ровно столько, сколько было привезено из России товаров и ценностей, считая «звонкую монету и разные изделия»⁷⁴¹. Им также приведены сведения об объёме русско-среднеазиатской торговли по другим видам товаров. Для большей убедительности следует привести примеры из его «Общей сравнительной ведомости», где даются данные об отпуске товаров из России по Оренбургской линии в Среднюю Азию в 40-е годы на общую сумму 6 763 635 руб. 86 коп., вывоз же товаров из Средней Азии в Россию составлял в сумме 8 971 675 руб. 62 коп.⁷⁴²

Хотя при тщательном подсчёте обнаруживаются некоторые незначительные несоответствия между общей итоговой суммой привоза в Среднюю Азию товаров из России и их отпуски каждым ханством в отдельности, тем не менее, сведения, приведённые П. Небольсиным, убедительно свидетельствуют о значительном прогрессе в русско-среднеазиатских торговых отношениях.

Завершая общий экскурс «Очерков» П. Небольсина было бы несправедливо не сказать о довольно обстоятельном отзыве о них В. В. Григорьева⁷⁴³. Подчёркивая важное значение для российской торговли, В. В. Григорьев сожалеет о том, что, в отличие от тех довольно обстоятельных сведений географического, политического и экономического характера о соседних территориях внутренней Азии, данные о торговле оставались «почти столь же неизвестны публике, как и около 1820 года»⁷⁴⁴.

Появление труда П. И. Небольсина на фоне той недо-

⁷³⁹ Небольсин П. Приводимые статьи. — С. 8.

⁷⁴⁰ Там же. — С. 17.

⁷⁴¹ Там же. — С. 27.

⁷⁴² Небольсин П. Общая сравнительная ведомость русской торговли со странами Средней Азии со стороны Оренбургской линии за десятилетие (1840—1849 гг.) // Очерки торговли России со странами Средней Азии. — С. 1—2.

⁷⁴³ Григорьев В. В. Разбор сочинения П. И. Небольсина: «Очерки торговли России со Средней Азией». — Б. М. и г. Изд. — Извл. — С. 111—182.

⁷⁴⁴ Там же. — С. 115—116.

статочной информации о торговле России со Средней Азией было равнозначно сенсации. «За подвиг этот патриотический, — пишет В. В. Григорьев, — взялся П. И. Небольсин. С этой целью он в 1850 году объехал всю Оренбургскую линию, побывав в самом Оренбурге, Троицке и Астрахани. Он беседовал с 200 русскими, татарскими, киргизскими, хивинскими, бухарскими, кокандскими, афганскими и другими лицами, имеющими непосредственное отношение к торговле. В результате и появились его «Очерки»⁷⁴⁵.

Из замечаний В. В. Григорьева следует упомянуть о его несогласии с П. И. Небольсиным по поводу его определения количества (два или три?) караванов из Бухары, Ташкента и Хивы в Оренбург и Троицк. По его мнению караваны шли друг за другом, их части могли быть более или менее многочисленны. В отдельные моменты они или объединялись, или разъединялись, поэтому каждую партию в отдельности, несмотря на количество верблюдов, можно считать отдельным караваном. Если так, то количество караванов было намного больше, чем указано у П. И. Небольсина⁷⁴⁶.

Далее В. В. Григорьев приводит график прибытия караванов из Хивы, Бухары и Ташкента в Оренбург и Троицк. Например, в 1851 году, по его наблюдениям, они пришли в мае, июне, июле, августе, октябре, ноябре. В 1852 году — в мае, июне, июле, августе, октябре, ноябре и декабре. Причём, в некоторые месяцы караваны прибывали в пункты назначения от 10 до 19 раз⁷⁴⁷.

Относительно 8 и 9 отделов книги П. И. Небольсина В. В. Григорьев пишет, что, если «по другим отделам «Очерков» большим пособием служили ему (Небольсину — Х. П.) рукописные заметки покойного Генса, в этих двух является автор изыскателем, собирателем и объяснителем совершенно самостоятельным»⁷⁴⁸.

В заключение В. В. Григорьев даёт свои выводы, исходя из анализа этого труда П. И. Небольсина. В частности, по его мнению, «не Россия вела торг с Внутренней Азией, А Внутренняя Азия с Россией, т. е. закуп и продажа... как в Азии, так и в России производится почти исключительно

⁷⁴⁵ Григорьев В. В. Разбор сочинения П. И. Небольсина. — С. 11.

⁷⁴⁶ Там же. — С. 130—131.

⁷⁴⁷ Там же. — С. 132—133.

⁷⁴⁸ Там же. — С. 152.

азиатскими торговцами». Поэтому им и достаются барыши в этой торговле. Он также высказал мнение о том, что для России выгоднее торговать с Хивой и Кокандом, чем с Бухарой, потому что они брали российских товаров почти настолько, насколько привозили свои, тогда, как бухарцы взамен своих товаров брали только на 5/7, а на 2/7 — наличной монетой, имеющей огромное преимущество перед другими ценностями.

По поводу невысокого качества доставляемых из России товаров, В. В. Григорьев говорит, что, якобы, в этой части Азии по бедности своей и грубости не желали брать что-то дорогостоящее, а русские фабриканты хорошо знали потребности и вкусы среднеазиатцев⁷⁴⁹. Российские предприятия выпускали такой товар не потому, что он предназначался среднеазиатским покупателям, а из-за отсталости промышленного производства. Автором приводится и ряд других соображений по поводу особенности русско-среднеазиатской торговли, причём, с позиции полнейшего превосходства российских товаров и недостаточно эффективного использования среднеазиатского рынка⁷⁵⁰. Таким образом, если отставить тот тон и излишнее преувеличение значения России для Средней Азии, своим «разбором» В. В. Григорьев как бы дополняет работу П. И. Небольсина и предвещает перспективы и обоюдную выгодность торговых отношений.

Мнение В. В. Григорьева в известной степени совпадает с суждением Г. И. Данилевского, знавшего о положении русско-хивинской торговли не понаслышке. Последний ставит её по объёму реализации товаров выше, чем с Бухарой. Он убеждает читателя в том, что «единственная и возможная торговля для Хивы это с Россией»⁷⁵¹. Он также сожалеет о том, что «с 1836 по 1840 гг. сношение с Хивой были вовсе прекращены». Торговля с Хивой была возобновлена и небезуспешно после зимнего похода Перовского.

Говоря о небольшой для России выгоде от торговли с Хивой, Данилевский, тем не менее, отмечает другую её примечательность в плане активизации, так как Хива являлась ближайшим к России среднеазиатским рынком⁷⁵².

Подчёркивая перспективу для России торговли со Сред-

⁷⁴⁹ Григорьев В. В. Разбор сочинения П. И. Небольсина.— С. 178—180.

⁷⁵⁰ См. там же.— С. 180—182.

⁷⁵¹ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства.— С. 129.

⁷⁵² Там же.— С. 130—131.

ней Азией и роль в ней Хивы, Данилевский говорит о необходимости «учреждения склада русских товаров и торговой конторы в Хиве», что позволило бы «использоваться выгодами» и устранения обстоятельств, «стесняющих развитие торговли»⁷⁵³.

Нужно сказать, что по сравнению с теми сведениями, которые содержатся в работах русских исследователей относительно состояния российско-среднеазиатской торговли через Оренбург и Оренбургскую линию, несколько скудным выглядит анализ взаимной торговли через Сибирскую линию. Тем не менее, архивные сведения дают основание считать её сравнительно успешной и стабильной. Об этом, в частности, свидетельствует «Обозрение киргизской степи Сибирского ведомства», составленное исполняющим делами генерал-губернатора Западной Сибири Анненковым для военного министра (23 ноября 1851 года, № 584). В этом документе помимо общих сведений о положении казахов (и части киргизов), их устройстве, речь идёт и о торговле через Сибирскую линию со Средней Азией. «Торговля наша, — писал Анненков, — через степи сибирских киргизов с Кокандом, Бухарию и западными городами Китая возвысилась с замечательным успехом, особенно в последнее трёхлетие. В 1848 году отпущено и привезено через таможенную Сибирской линии товаров на 2 850 000, а в 1850 году на 3 610 000 и таможенный сбор, составлявший в 1848 году 140 000, простирался в 1850 году до 265 000 руб. серебром»⁷⁵⁴.

Таким образом, вышеприведённые данные свидетельствуют об упрочении и расширении во второй четверти XIX века русско-среднеазиатских торговых отношений. Если учесть, что к середине 20-х годов ввоз товаров из России в Среднюю Азию увеличился до 4 млн. руб., а вывоз из Средней Азии в Россию — до 6 млн. руб., также рост этих показателей в 40-е годы на 40 процентов⁷⁵⁵, то нетрудно заметить существенный прогресс в этом направлении.

Вопросы, связанные с торговлей России со Средней Азией, всё больше обретали ключевые позиции в официальной

⁷⁵³ Там же.— С. 150—151.

⁷⁵⁴ ЦГА РУ.— Ф. И. 15.— Отд. 1.— Ед. хр. 12.— Л. 262.

⁷⁵⁵ См.: История Узбекской ССР.— Т. 1.— Кн. II.— С. 78; Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение.— Т. II.— 1941.— С. 10—21; История таджикского народа.— Т. II.— Кн. II.— М., 1964.— С. 102.

внешней политике российского правительства. Заинтересованность усиливалась по мере оживления соперничества на среднеазиатском рынке европейских товаров. Поэтому Министерство финансов через отделения и комитеты мануфактурного и коммерческого советов и своих корреспондентов «обращало внимание фабрикантов и купечества на грядущую для русской промышленности опасность», что вызывало необходимость укрепления торгового влияния России в Средней Азии. Для этой цели по представлению Министерства финансов оренбургским купцам третьей гильдии предложено было право вести заграничную торговлю; такое же право в 1829 году получили купцы Западной Сибири и в 1835 году — крестьяне Западной Сибири, торгующие по свидетельствам третьей гильдии⁷⁵⁶.

Вышеприведённые факты свидетельствуют в целом о довольно значительном во второй четверти XIX века русско-среднеазиатских торговых отношений. Проявление большой заинтересованности и активности России в этом направлении не было случайностью.

Помимо соперничества с Англией, главным катализатором усиления заинтересованности российского правительства в обретении безраздельного господства на среднеазиатском рынке являлось развитие и упрочение капиталистических отношений не только в экономике, но и в политическом мышлении разработчиков внешней политики царской России.

ГЛАВА V. РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 50-х — НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА.

Социально-экономическое положение ханств Средней Азии и основные задачи российской дипломатии в регионе

К середине XIX века социально-экономическая обстановка в Средней Азии не претерпела в целом существенного изменения. По-прежнему сохранялись все признаки феодальной раздробленности. Помимо Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, продолжали существовать и сохранять свою независимость или полунезависимость немало бекств, шахств и иных владений. Как правило, все эти крупные и мелкие государственные объединения не имели чётко обозначенных границ и в зависимости от обстоятельств их пределы часто менялись⁷⁵⁷. Мелкие владения сохраняли свою самостоятельность благодаря действиям закономерностей, присущих феодальной раздробленности. Непрерывное активное соперничество при сохранившейся хронической слабости военно-экономического потенциала не давали возможности какому-либо из более могущественных соседей окончательно сломить сопротивление более мелких самостоятельных владений или государств. Этому в известной мере способствовала и их отдалённость, и труднодоступность.

Не сдавали свои позиции и пережитки дофеодального, патриархально-родового и рабовладельческого строя. Характеризуя общественно-политический строй ханств Средней Азии, В. И. Ленин указывал, что «важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствует ещё докапиталистические отношения»⁷⁵⁸. Феодальная собственность на землю и определяла формы эксплуатации. Административная структура в целом соответствовала существо-

⁷⁵⁶ Министерство финансов в 1802—1902 гг.— Ч. 1.— СПб., 1902.— С. 336.

⁷⁵⁷ Более подробно см.: История Узбекской ССР.— Т. 1. Кн. II.— С. 9—77; История таджикского народа.— Т. II. Кн. II.— С. 81—114, 127—131.

⁷⁵⁸ Ленин В. И. Конгресс Коммунистического Интернационала // Поли. собр. соч.— Т. 41.— С. 244.

вашему феодальному строю и была приспособлена к защите его интересов и беспредельной эксплуатации трудящихся масс.

О процветании края в обозримом будущем при такой обстановке не могло быть и речи. Напротив, обеднение ханств, их экономический упадок были гарантированы теми методами управления, которые были на вооружении правителей и административно-государственного аппарата. Идеи проведения каких-либо реформ, способствующих улучшению жизни народа и создающих условия для обеспечения хотя бы минимального прогресса, просто отсутствовали. Разумеется, эти беспросветные и бесперспективные социально-экономические и политические условия рано или поздно привели бы эти ханства к неминуемой колониальной зависимости от той капиталистической державы, которая больше других преуспела в упрочении своего влияния в регионе. В этом отношении всё больше вырисовывалась картина их подчинения Россией или Англией. Неслучайно между этими державами разгорелось с ещё большей силой соперничество

Несмотря на отчаянное сопротивление феодально-крепостнических производственных отношений и соответствующей им структуре управления, новые производительные силы, основывающиеся на капиталистическом способе производства всё больше пробивали в России себе путь к приобретению господствующего положения в политической и социально-экономической жизни общества. Становление и развитие капиталистических отношений, создавших благоприятную почву для промышленного переворота (начавшегося в 30-х и завершившегося в 80-х годах XIX века), привели если не к радикальной, то по крайней мере к довольно серьёзной ломке феодально-крепостнической системы и переходу к капитализму, рубежом которого, официально принято считать 19 февраля 1861 года, т. е. отмену крепостного права.

В. И. Ленин, глубоко изучивший и выявивший закономерности развития капиталистических отношений и утверждения капитализма с его особенностями в России, писал: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство ка-

питализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»⁷⁵⁹.

Следовательно, российская буржуазия была кровно заинтересована в расширении территории, захвате рынков сбыта и источников сырья. Немалый интерес в этом проявляло и царское правительство, которое тем намеренно было снизить накал внутренних социальных противоречий и несколько удовлетворить желание правящего помещичьего класса, стремящегося получить новые доходные административные должности и возможности расширения сфер своей земельной собственности. Таким образом, в проведении активной колониальной политики в России были заинтересованы и новый, и старый классы имущих.

Средняя Азия в этом плане подходила как нельзя лучше. Тем более, что намерение утверждения господства в этом регионе давно стало одним из центральных вопросов официальной российской дипломатии. Для такой цели постепенно, в течение почти полутора столетия, была заложена Россией прочная основа путём постройки множества военных укреплений и ряда стратегических линий на подступах к Средней Азии.

С конца второй четверти XIX века царское правительство вплотную занялось осуществлением давно задуманного предприятия — планомерного продвижения вглубь Средней Азии. В этом отношении захват устья Сыр-Дарьи и постройка Раимского (Аральского) укрепления в 1847 году считаются важным шагом. Тем самым Россия фактически открыла путь к военному проникновению на территорию Хивинского и Кокандского ханств. В дальнейшем, перебросив довольно солидный военный отряд от Аральского моря вверх по Сыр-Дарье, русские построили в 1853 году новое укрепление под названием «Форт № 1» (ныне город Казалинск). В том же году по инициативе оренбургского и самарского генерал-губернатора Перовского была захвачена довольно сильная Кокандская крепость — Ак-Мечеть, расположенная на правом берегу Сыр-Дарьи. На её месте было возведено очередное укрепление — Форт Перовского (ныне Кызыл-Орда). Этим завершилось создание так называемой Сыр-Дарьинской линии, послужившей впоследствии удобным плацдармом для дальнейшего продвижения вглубь Средней Азии.

⁷⁵⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Поли. собр. соч. — Т. 3. — С. 595.

Одновременно с этой линией при помощи войска, находившегося под начальством западносибирского генерал-губернатора, у Семиреченского Улу-Тау было основано укрепление Копал. В течение 1850—1854 годов был занят весь заилыйский край и у селения Алмата построено мощное укрепление — город Верный. Таким образом, на подступах Средней Азии была создана новая — Сибирская военная линия, соединяющая Семипалатинск с Верным.

Созданием Сыр-Дарьинской и Сибирской линий царское правительство предредило судьбу среднеазиатских ханств. Полный захват края стал вопросом времени. Теперь все зависело от появления более благоприятных условий. Этот момент наступил лишь после неудачной для России Крымской войны (1853—1856 годы) и отмены крепостного права (1861 год).

Насколько были оправданы эти и другие действия России, какие карты разыгрывались вершителями русской дипломатии в этой захватнической политической игре — верный ответ на такие вопросы нужно искать только путём тщательного изучения материалов, содержащихся в многочисленных трудах русских исследователей и описаниях очевидцев событий.

По имеющимся данным, подкреплённым документальными источниками и выводами, большинство исследователей, пытавшихся осветить российские интересы в Средней Азии, склонны считать, что Россия в конце 40-х, и в особенности, в 50-х — начале 60-х годов XIX века, не только не перестала придавать значения всем вопросам, касающимся защиты своих интересов в Хиве, Бухаре и в целом в Средней Азии, но, напротив, всё более реальные очертания принимало силовое давление с её стороны. При преемнике Рахим-кула Мухаммед Амине (1845—1855 годы) России удалось существенно ослабить влияние хивинцев на приграничных к ним казахов⁷⁶⁰, и в дальнейшем лишить хивинцев сбора пошлин с русских и бухарских караванов, перевозивших товар через Сыр-Дарью у урочища Майлибаш.

Немало хлопот у России в 40-е годы было с мятежным казахским султаном Кенисары Касымовым, который при покровительстве хивинского ханства совершал дерзкие

⁷⁶⁰ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой, — С. 141.

нападения на русские пограничные селения и отряды⁷⁶¹. В годы своего пребывания на посту оренбургского генерал-губернатора Обручев (сменивший Перовского в 1842 году) непрерывно вёл борьбу с ним. И лишь после его смерти (в 1847 году он был убит в одной из схваток кара-киргизами), по словам Н. Г. Павлова, «начинается неуклонное наступление России в недра Турана»⁷⁶².

Построив в 1847 году Рамское (с 1851 года — Аральское⁷⁶³) укрепление на низовьях Сыр-Дарьи, русские окончательно упрочили здесь свои позиции. В этом немаловажную роль сыграли пуск на аральскую воду в 1848 и 1849 годах судов «Николай» и «Константин», с помощью которых удалось осуществить подробное исследование Аральского моря для выявления пригодности Аму-Дарьи для судоходства. В 1850 году на Сыр-Дарью спущен первый пароход «Обручев», а в 1853 году — пароход «Перовский». Они были изготовлены в Швеции по заказу России⁷⁶⁴.

Касаясь отношений ханств Средней Азии к России, следует отметить, что в 1850 и 1852 годах в Петербург из Хивы были направлены посольства. Несмотря на скудные сведения об этих миссиях, всё же известно, что посольство 1852 года имело целью выяснить или «удостовериться с ведома ли Государя императора производилась рекогносцировка и съёмка местности за Сыр-Дарьёй» и заодно разведать о намерениях оренбургского губернатора Перовского (вновь назначенного в мае 1851 года⁷⁶⁵) в отношении к Коканду⁷⁶⁶.

⁷⁶¹ См.: Павлов Н. Г. История Туркестана. — С. 84—85.

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 19.— Ед. хр. 10.— Л. 21 (приказ по Оренбургскому корпусу от 1 февраля 1851 г.)

⁷⁶⁴ Павлов Н. Г. Указ. соч.— С. 86.

⁷⁶⁵ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 12.— Л. 137 (приказ по Оренбургскому корпусу оренбургского и самарского генерал-губернатора Перовского от 29 мая 1851 г. № 130).

⁷⁶⁶ См.: Галкин-Враской М. Н. Этнографические и исторические материалы по истории Средней Азии и Оренбургского края.— СПб., 1868.— С. 162; см. также: Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 142—143.

Военный поход Перовского и усиление политического давления на Среднюю Азию

Проследивая за ходом событий, которые в той или иной степени способствовали упрочению позиций России на подступах к Средней Азии с началом её продвижения вглубь региона, нельзя не отметить того значения, которое имело для России взятие Ак-Мечети.

Вопросы, касающиеся этого события, в известной степени освещены многими русскими исследователями. К их числу прежде всего следует отнести В. В. Григорьева⁷⁶⁷, В. В. Бартольда⁷⁶⁸, А. И. Макшеева⁷⁶⁹, С. В. Жуковского⁷⁷⁰ и др. Материалы, содержащиеся в их работах, в совокупности с архивными документами объективно и ясно показывают не только тактический замысел действий Перовского в овладении Ак-Мечетским укреплением, но и главные стратегические намерения России в отношении к Средней Азии.

Вкратце освещая события, В. В. Григорьев явно не скрывает своего восхищения действиями России⁷⁷¹.

Среди материалов, посвящённых действиям генерала Перовского по захвату Ак-Мечети и прилегающих к крепости местностей, наиболее ценным по объёму и анализу является работа профессора Николаевской академии Главного штаба генерал-лейтенанта А. И. Макшеева «Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю». Она охватывает довольно продолжительный период путешествия автора⁷⁷².

Лично наблюдая предшествующие этому событию действия военных, выполнявших волю правителей, А. И. Макшеев даёт подробное описание действий российских властей в 40-е годы по укреплению своих позиций с целью дальней-

шего продвижения вглубь Средней Азии. При этом умело использовались случаи набегов хивинских и казахских разбойничьих шаек для предлога к такому продвижению и построению новых укреплений⁷⁷³. А. И. Макшеев, как и В. В. Григорьев, отмечает особую заслугу генерала Обручева⁷⁷⁴. Построенное им Раимское укрепление оказалось весьма удачным и сыграло большую роль в утверждении господства России в Сыр-Дарьинском бассейне. Неслучайно Г. Вамбери в своей известной работе «История Бохары и Трасоксании с древнейших времён до настоящего» назвал это укрепление «для узбеков Хивы сучком в глазу, от которого они не могли избавиться, невзирая на повторные усилия свои, и должны были спокойно смотреть, как русский орёл на левом берегу Яксарта всё более расширил свои крылья, зловещая тень которых грозила затмить небо их будущности»⁷⁷⁵.

Так или иначе, следует отметить, что через месяц после завершения строительства укрепления (20 августа 1847 года), начались опустошительные набеги хивинцев на аулы сыр-дарьинских киргизов. Несмотря на действия русских солдат Раимского укрепления, эти набеги были крайне разорительными. После третьего хивинского набега сыр-дарьинские киргизы попали в крайнюю нищету.

Набеги хивинцев на окрестности Аральска прекратились в 1848 году, но в 1850 году начались также набеги киргизов, кочевавших около Ак-Мечети и в бассейне Сыра ниже Туркестана, во владениях Якуб-бека, ставшего впоследствии правителем Кашгарии. Имеются факты о разграблении в ночь 16 февраля 1850 года 20 аулов Чумакеевского рода, кочевавших в 50 вёрстах от Аральска. Подобное случилось и в ночь на 25 августа.

Этот и ряд других случаев стали причиной перемен в направлении в Среднюю Азию. «До 1852 года,— пишет А. Макшеев,— оренбургское начальство при всех своих поли-

⁷⁶⁷ Григорьев В. В. (Зайлский) Среднеазиатские дела.— С. 64—65, 79—82.

⁷⁶⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока.— С. 430.

⁷⁶⁹ Макшеев А. Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю.— С. 156—215.

⁷⁷⁰ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.— С. 142—144.

⁷⁷¹ См.: Зайлский (Григорьев) В. В. Среднеазиатские дела.— С. 77—78.

⁷⁷² В работе приведены результаты его трёх путешествий: первое — в 1848 году, второе — в 1851 году, третье в составе Ак-Мечетинской экспедиции — в 1853 году.

⁷⁷³ См.: Макшеев А. И. Указ. соч.— С. 6—32.

⁷⁷⁴ Макшеев А. И. Указ. соч.— С. 6.

⁷⁷⁵ Вамбери Г. История Бохары и Трасоксании с древнейших времён до настоящего. Перевод А. Павловского.— Т. II.— СПб., 1873.— С. 173. Следует заметить, что Г. Вамбери инициатором создания данного укрепления считает Перовского, не занимавшего в те время должность Оренбургского генерал-губернатора.— См.: Указ. соч.— С. 173.

тических соображениях имело в виду исключительно Хиву, а с этого времени обратило преимущественное внимание на Коканд. Такая перемена не была задумана заранее, а произошла также случайно, как завелись русские поселения в Оренбургской киргизской степи и Сыр-Дарье»⁷⁷⁶. Поводом к этому послужили участвовавшие нападения друг на друга ак-мечетинских киргизов, находившиеся в подданстве России. По данным А. Макшеева, эти обоюдные грабежи имели характер обыкновенной взаимной киргизской баранты, но в марте 1852 года в ней приняли непосредственное участие кокандцы и хивинцы⁷⁷⁷.

Всё это, по мнению А. И. Макшеева, непосредственного участника этих событий и одного из составителей планов соединения линий передовых укреплений оренбургского и сибирского ведомств⁷⁷⁸, послужило поводом для занятия Ак-Мечетинской крепости. Перовский вначале не решился на это, боясь повторения неудачи хивинского похода 1839 года, но после того, как кокандцы помешали проведению съёмки в степи, он пошёл на взятие Ак-Мечети. Первая попытка, осуществлённая Бларамбергом, не удалась. На следующий год (1853) «несмотря на сильные возражения С.-Петербурга» он занял Ак-Мечетинское укрепление. Причём, по признанию самого Перовского, поход для овладения Ак-Мечетью был предпринят без предварительного предупреждения⁷⁷⁹. Затем, по созданию Сыр-Дарьинской линии, было уничтожено ставшее теперь ненужным Аральское укрепление.

Хотя довольно обстоятельное освещение событий, связанных с обеспечением прочного присутствия России на Сыр-Дарье, и вызывает удовлетворение военных специалистов и исследователей, тем не менее, А. И. Макшеев в силу определённой идеализации пытается оправдать действия российских властей. «Таким образом,— пишет он,— мы сделали экспромтом ещё шаг в Азию, вопреки первоначальному желанию даже самого руководителя этого дела и как бы в

подтверждение вывода из векового опыта, что наше движение на Восток подчиняется историческому закону, который стоит выше личных желаний и произвола»⁷⁸⁰.

Насколько беспочвенно данное заключение А. Макшеева, можно судить даже по определению, приведённому им же в приложении к письму Перовского военному министру (29 января 1853 года, № 100), в котором идёт речь о целях и значении утверждения России на Сыр-Дарье. В документе отмечена двоякая польза от решения данного вопроса:

во-первых, этим прекращаются взаимные опустошительные набеги, воцарится спокойствие на южных рубежах России, улучшится административное устройство и тем самым «умножится народное богатство, а в сразмерности с этим возрастут и доходы казны»;

во-вторых, прочное занятие реки Сыра способствовало бы сближению со среднеазиатскими владениями, что является надёжным и выгодным основанием для усиления политического и коммерческого влияния России в регионе⁷⁸¹. Как видно, несмотря на все попытки А. Макшеева, желавшего сгладить истинные намерения российского правительства, на передний план всё же выводятся политические и экономические выгоды России. Именно они были главной причиной её стремления укрепиться в пограничных пределах владений среднеазиатских ханств.

В пользу такого заключения говорит и содержание ультимативного письма Перовского от 1 июля 1853 года начальнику Ак-Мечетинской крепости. В нём, в частности, говорится, что «я (т. е. Перовский — Х. П.) пришёл взять Ак-Мечеть, построенную кокандцами на русской земле для притеснения киргиз, наших подданных». Далее, указывая на бессмысленность сопротивления, в письме говорится, что «русские пришли сюда не на день, а на вечные времена, на год они не пойдут»⁷⁸². Крепость была взята 28 июля 1853 года⁷⁸³. По сведениям А. Макшеева, потери русских при осаде крепости (с 4 по 26 июля) и при штурме (28 июля) составляли: убитых и смертельно раненных — 58 (3 офицера), контуженных и ушибленных — 16 (3 офицера). У ко-

⁷⁷⁶ Макшеев А. И. Путешествие по киргизским степям.— С. 154—155.

⁷⁷⁷ См.: Макшеев А. И. Путешествие по киргизским степям.— С. 155—156.

⁷⁷⁸ До прибытия Бларамберга (16 сентября 1852 года) А. Макшеев выполнял должность квартирмейстера при оренбургском генерал-губернаторе. См.: Макшеев А. И. Указ. соч.— С. 157—158.

⁷⁷⁹ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 346.

⁷⁸⁰ Макшеев А. И. Путешествия по Киргизской степи.— С. 158.

⁷⁸¹ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 48. См. и ср.: Макшеев А. И. Указ. соч.— С. 168.

⁷⁸² ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 317.

⁷⁸³ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 307.

кандцев, находившихся в Ак-Мечети убито было во время осады 30 и затем при штурме — 212, взято в плен — 217⁷⁸⁴.

Данные, приведенные А. Макшеевым, несколько отличаются от тех официальных сведений, представленных 30 июля 1853 года Перовским русскому самодержцу в рапорте «О покорении крепости Ак-Мечети». Указывая на стойкость защитников крепости, он сообщает, что два раза атаки были отбиты и только по третьему приступу смогли ворваться в крепость. Комендант Мухаммед-Валибек и большая часть гарнизона пали, защищая стены и пролом, на которых штыками и шашками убито 206 защитников крепости. Остались живы и взяты в плен 74 человека, искавших спасения внутри строения, в том числе 35 раненых. До штурма, в период осады, потери кокандцев, по показаниям пленных, составляли до 100 человек⁷⁸⁵. Относительно потерь русских, как указано в рапорте, «при штурме ранено тяжело — 2, легко — 5 обер-офицеров, нижних чинов убито — 9, тяжело ранено — 14, лёгкие ранения получили — 25»⁷⁸⁶.

Интерес представляет, несколько ранее вышедшая обширная статья под названием «Водворение русской власти в Среднюю Азию»⁷⁸⁷. Хотя автор или составитель предпочёл не называть свою фамилию, тем не менее, он открыто признавал компилятивность своего «труда», о событиях, связанных с «движением русских на Восток», которые, по мнению составителя, осуществлялись в силу географических и этнографических побуждений, и привели к чисто политическим и экономическим последствиям⁷⁸⁸. В этой работе имеется ряд важных сведений, в связи с взятием русскими Ак-Мечети⁷⁸⁹.

После занятия крепость была восстановлена, переименована в форт «Перовский», где содержался сильный русский гарнизон. На низовьях Сыр-Дарьи были возведены ещё три укрепления: Форт-1 (Казали), Форт-2 (Кармакчи) и Форт-3 (Куван-Дарья, который был упразднён в 1855 году)⁷⁹⁰. Все вместе они составляли Сыр-Дарьинскую линию.

⁷⁸⁴ Макшеев А. И. Путешествия по киргизским степям.— С. 215.

⁷⁸⁵ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 307.

⁷⁸⁶ Там же.

⁷⁸⁷ Водворение русской власти в Средней Азии // Военный сборник.— Т. 62.— СПб., 1868.— № 8.— С. 245—275; Т. 63.— СПб., 1868.— № 9.— С. 109—150.

⁷⁸⁸ Указ. работа.— Т. 62.— № 8.— С. 249.

⁷⁸⁹ См.: Там же.— № 9.— С. 110—112.

⁷⁹⁰ Там же.— № 9.— С. 115.

Кокандцы не могли примириться с захватом русскими крепости Ак-Мечеть. «После падения Ак-Мечети,— пишет Г. Вамбери,— не проходило года, чтобы кокандцы не делали значительных и частых попыток отвоевать это место»⁷⁹¹. По имеющимся данным, вскоре после занятия крепости произошло несколько сражений между русскими отрядами и кокандцами — в августе, ноябре и декабре 1853 года⁷⁹². Но кокандцам не удалось добиться успеха.

Хотя после этого и не было прямых столкновений, тем не менее, слухи о подготовке Худояр-хана, ещё не потерявшего надежду на возвращение Ак-Мечети, к новому походу не были безосновательны. В Ташкенте и Туркестане при непосредственном участии Худояр-хана было собрано значительное войско с несколькими пушками под руководством беков Супи Даурембекова и Якуба Лескерова (может Али-ескерова или Лашкарова). Но внутренние беспорядки и усиливающиеся разногласия с бухарским эмиром препятствовали осуществлению очередного похода кокандцев на форт Перовского.

Бухарский эмир, воспользовавшись ситуацией, пытался упрочить своё положение в Коканде, используя для этого сына бывшего кокандского хана Мадали, им же умерщвлённого. Хан направил даже своего посла к Худояр-хану с предложением уступить ханство сыну Мадали-хана. Но Худояр-хан, считая для себя это оскорблением, повелел отрезать у бухарского посла уши и нос. Этим Худояр-хан дал повод эмиру Насрулло открыто начать подготовку к войне против Хивы.

Распространялись также слухи о том, что, якобы, Худояр-хан, чувствуя безуспешность перспектив своих действий, хотел склонить на свою сторону эмира для совместных действий против Хивы и России. Но Насрулло решительно отказался, так как был не намерен выступать против «дружественной России»⁷⁹³. Несмотря на такие слухи, обстановка постепенно несколько стабилизировалась. В годы

⁷⁹¹ Вамбери Г. История Бохары и Трансоксании.— Т. 2.— С. 176.

⁷⁹² ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 14.— Л. 545; см. там же: Оп. 1.— Ед. хр. 15.— Лл. 69—72. Согласно данным Г. Вамбери кокандцы произвели одно из своих самых крупных нападений от 14 до 17 декабря. См. и ср.: Вамбери Г. Указ. соч.— Т. 2.— С. 176; Макшеев А. И. Географические, этнографические, статистические материалы о Туркестанском крае.— СПб., 1868.

⁷⁹³ ЦГА Уз. ССР.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 15.— Лл. 219—221.

Крымской войны (1853—1856 годы) на Сыр-Дарьинской линии в целом сохранялось спокойствие⁷⁹⁴. Хотя по мнению Г. Вамбари, «именно между 1853—1856 гг. было самое удобное для возвращения потерянного»⁷⁹⁵.

Так или иначе позиция России постепенно упрочивалась. При форте Перовского начало создаваться поселение из оставших солдат, русских и азиатских торговцев, а в 1861 году Сыр-Дарьинская линия была продолжена занятием форта Джулек⁷⁹⁶.

В 1856 году на левый берег Сыр-Дарьи был послан отряд для разрушения укрепления хивинцев Хаджи Нияза, построенного ими в 1846 году на одном из рукавов Сыра, в Куван-Дарье. После захвата этого укрепления русскими, согласно утверждению их представителей, хивинцы больше не заявляли о своих притеснениях на низовья Сыр-Дарьи⁷⁹⁷. Теперь задача состояла в обеспечении безопасности со стороны кокандцев. Русское командование признало необходимым для сохранения безопасности форта Перовского занять кокандское укрепление Яны-Курган⁷⁹⁸.

В 1860 году для обеспечения надёжности границ и утверждения присутствия России из Петербурга был направлен полковник Генерального штаба Циммерман. Отряд под его командованием (из 6 рот, 600 казаков и 13 орудий) разбил кокандцев вблизи укрепления Верный, двинулся в Зацуйский край, где захватил и уничтожил кокандские укрепления Токмак и Пишпек. Но те, восстановив их вскоре (1861 год), совершили ряд вылазок против русских, в частности, в 1861 году они напали на Узун-Агачский пост, но потерпели поражение от отряда Семиреченской области во главе с подполковником Колпаковским⁷⁹⁹.

Следует особо сказать, что при продвижении в Среднюю Азию для упрочения своих позиций русские традиционно не ограничивались только сооружением крепостей или иных укреплений, но и создавали при них населённые пункты, преимущественно из оставших военных нижних чинов, русских переселенцев, торговцев и представителей других социаль-

⁷⁹⁴ Водворение русской власти в Средней Азии.— Т. 63.— № 9.— С. 117.

⁷⁹⁵ Вамбери Г. История Бохары и Трансоксании.— Т. 2.— С. 176.

⁷⁹⁶ Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы.— С. 21.

⁷⁹⁷ Водворение русской власти в Средней Азии.— Т. 63.— № 9.— С. 118.

⁷⁹⁸ Там же.

⁷⁹⁹ Там же.— С. 120.

ных прослоек. Такие населённые пункты нередко превращались в крупные города⁸⁰⁰.

Ознакомившись с материалами, имеющимися в научной литературе и в периодической печати, нетрудно прийти к выводу об осмысленности таких действий. Об этом свидетельствует и продвижение русских в Среднюю Азию со стороны Сибири. Для этой цели в своё время были образованы так называемые приказы и при них русские оседлые пункты. Такие пункты, как Лягурский (основан ещё в 1831 году), Копальский и Верненский, были созданы по такому же принципу⁸⁰¹.

По мере приобретения устойчивости и уверенности во вновь занятых местах, существенно менялась и структура управления. Эти новые образования из ведения Министерства иностранных дел передавались в Министерство внутренних дел.

Наблюдая за действием вооружённых отрядов после взятия Ак-Мечети и пакануне завоевания края, особенно после перехода реки Или в Семиречье и основания укрепления Верное (1854), дальнейший ход завоевания края получит видимое обоснование. Возникла необходимость вместо прежних Оренбургской и Иртышской линий образовать «сплошную линию укреплений к югу от степей, от Сыр-Дарьи до Или, для чего было необходимо соединение Оренбургского отряда с Сибирским»⁸⁰².

С начала 60-х годов начались непосредственные действия по осуществлению соединения двух линий, теперь с решительным намерением завоевания всей Средней Азии. До этого момента российские официальные круги вели дипломатические игры, создавали видимость стремления к мирным добрососедским отношениям. Хотя время от времени военные, плохо ориентирующиеся в тонкостях дипломатических перипетий, не скрывали желания скорее приблизиться к границам британских колониальных владений, тем более, что перспектива одержания лёгкой победы над слабыми и совершенно лишёнными не только современного оружия, но и тактики ведения боевых действий соседей сулило большие выгоды в смысле повышения в чинах, получения должностей, почёта, славы победителей и покорителей новых земель. Это было необходимо и русскому правительству, потерпев-

⁸⁰⁰ Макшеев А. И. Указ. соч.— С. 23—24.

⁸⁰¹ Водворение русской власти в Средней Азии.— Т. 63.— № 9.— С. 119.

⁸⁰² Бартольд В. В. История изучения Востока.— С. 430—431.

шему поражение в Крымской войне и, естественно, желавшему вернуть себе международный авторитет, которым оно пользовалось, будучи обладателем звания «жандарма Европы». Нужна была военная удача, ещё лучше в схватках со слабым противником, чтобы на этом фоне блеснуть державной мощью и тем самым вызвать трепет среди своих недругов, в особенности европейских держав, почти переставших считаться с интересами России на международной арене. Так начиналось «поступательное движение»⁸⁰³ в Среднюю Азию.

Дипломатическая миссия Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару

После посольских миссий Данилевского в Хиву и Бутенева в Бухару в 1841—1842 годах Россия в течение полутора десятилетий воздерживалась от активного ведения дипломатических переговоров, больше предпочитая военное и силовое давление по отношению к среднеазиатским ханствам. Хотя, согласно утверждениям С. В. Жуковского, «после 1842 г. Россия неоднократно пробовала войти с Хивой в дипломатические отношения, но результаты новых попыток в этом отношении были не особенно блестящими»⁸⁰⁴. Правда, о каких «новых попытках» идёт речь, автор не уточняет. Данные, свидетельствующие об искренности намерений русских властей в укреплении дипломатических связей со среднеазиатскими ханствами отсутствуют. Этого не скажешь о последних, стремящихся установить такие связи с Россией. И в этом плане они проявляли достаточную активность.

По имеющимся данным, только за менее чем десятилетие (с 1849 по 1858 годы) в Россию были отправлены посольства из Хивы в 1849, 1850, 1852, 1857 годах, а из Бухары — в 1849, 1857, 1858 годах. Отношение российских официальных кругов к этим посольствам наглядно показывает стремление российских властей к ухудшению дружественного расположения среднеазиатских послов на происходящих встречах и найти как можно больше поводов для выражения своей неприязни к выдвигаемым ими проектам, подлежащих рассмотрению и принятию. Словом, Россию к этому времени больше устраивало ухудшение отношений, чтобы найти повод к своим всё возрастающим при-

⁸⁰³ Архив ГО.—Р. 65.—п. 1.—Ед. хр. 60.—Л. 2 об.

⁸⁰⁴ Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой.—С. 141.

тениям к среднеазиатским ханствам. Об этом говорит, в частности, содержание доклада государственного канцлера графа Нессельроде от 8 февраля 1849 года о бухарском посланнике. В нём речь идёт о прибытии бухарского посла и представленной им грамоте на имя русского царя и письме кушбеги, в котором было изъявлено желание об отправке ответного посла в Бухару. По содержанию документа нетрудно понять недоверие, которое официальная Россия испытывала к бухарской стороне. «Принимая в уважение,—говорится в докладе,— что посылка в 1842 году подполковника Бутенева в Бухару не имела желаемого успеха и требования наши остались тогда неудовлетворительными, надлежало бы теперь, прежде нежели решиться на новую посылку от нас доверенного лица в Бухару, увериться в том, что требования наши будут приняты бухарским правительством во внимание»⁸⁰⁵. Далее говорится о требованиях, выдвигаемых российской стороной к Бухаре: они состояли главным образом в «сбавке» пошлины с товаров; в оказании русским торговцам защиты и покровительства; в воспрещении держать русских пленных в Бухарии», а также в необходимости выдачи тех, которые там находились. В докладе подчёркивалось, что при отправке ответной грамоты и письма к кушбеги, следует выставить требование, что «если бухарское правительство хочет на деле доказать, что оно действительно заложит дружественные и торговые связи с Россией, т. е. принять во внимание наши (т. е. российские — Х. П.) справедливые требования, то в таком случае, может быть отправлено от нас и доверенное лицо для окончательных условий»⁸⁰⁶. Следует заметить, что доклад госканцлера получил полное одобрение царя, о чём свидетельствует наложенная им резолюция: «Быть по сему». Но судя по тому, что Россия до 1858 года так и не отправила своего представителя в Бухару, просьба посольства об ответном визите не была реализована российскими властями.

Интерес представляет и записка управляющего Министерством иностранных дел Л. Синявина оренбургскому генерал-губернатору от 15 сентября 1855 года. В ней речь идёт о письме генерал-губернатора директору Азиатского департамента от 5 сентября 1855 года, в котором тот хотел узнать мнение руководства внешнеполитического ведомства

⁸⁰⁵ ЦГА РУ.—Ф. И. 715.—Оп. 1.—Ед. хр. 10.—Л. 8.

⁸⁰⁶ Там же.—Л. 9.

по поводу необходимости или целесообразности сообщения бухарскому и хивинскому ханам о кончине государя. В записке говорится, что раньше «подобных извещений от нас ханам Средней Азии не делалось, разве были какие, либо особые к тому случаи». Приводится в пример, что при восшествии на престол Николая Павловича «никакого наречного посольства с извещением о том в Среднюю Азию отправлено не было». Но так как в это время из Бухары прибыл посланник Бек Назар с грамотой на имя Александра I, то он был принят новым царём и тем представился «удобный случай навестить в светлейшей к хану грамоте о восшествии на престол императора Николая Павловича»⁸⁰⁷. Что касается Хивы, то в записке отмечено, что «хивинскому хану не только ничего не было тогда писано, но даже и посольство его, присланное для поздравления с восшествием Его Величества на престол, не было принято, так как хивинцы подавали много причин к неудовольствию»⁸⁰⁸.

Автор записки отражает пренебрежительное отношение российских официальных властей. Согласно его словам, отправленные в Хиву и Бухару нарочных посольств от имени императора с извещением о перемене царствования придали бы этим ханствам слишком большое значение. Поэтому было бы достаточным известить их письмами от имени Оренбургского военного губернатора Перовского⁸⁰⁹.

Тем не менее, 10 августа 1857 года в Санкт-Петербург прибыли хивинский посланник Фозил Ходжа Ислам и бухарское посольство во главе с Мулло Ашур-баем. Целью приезда было поздравление Александра Николаевича с благополучным восшествием на престол. Причём, оба посланника просили «присылки к ним доверенного лица с ответными грамотами»⁸¹⁰, прямо свидетельствуя о желании бухарского и хивинского правителей видеть у себя русских посланников.

Но не просьба ханов стала главной причиной, побудившей российские власти отправить в Среднюю Азию новую миссию. Согласно мнению Ф. И. Лобысевича, русское правительство было убеждено «в малой пользе дипломатических сношений с азиатскими ханствами». Отсутствие объ-

⁸⁰⁷ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 16.— Л. 164.

⁸⁰⁸ Там же

⁸⁰⁹ ЦГА РУ.— Ф. И. 715.— Оп. 1.— Ед. хр. 16.— Л. 164—165

⁸¹⁰ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию, — С. 129.

ективной информации об этих ханствах в течение долгого времени и объясняла позицию Министерства иностранных дел России⁸¹¹.

Всё это побудило русское правительство «принять» приглашение ханств и отправить к ним миссии. Руководителем миссии был назначен полковник Игнатъев (впоследствии русский посол в Константинополе, генерал-адъютант). Согласно мнению Ф. И. Лобысевича, инструкции, данные ему для ведения переговоров с хивинским ханом и бухарским эмиром, «ничем почти не отличались от указаний миссиям в 1840 и 1841 гг.»⁸¹². Единственно новым было условие добиться от ханов разрешения на свободное плавание русских судов по Аму-Дарье с предоставлением хивинскому хану права взимать с привозимых в Бухару по реке товаров соответствующую пошлину⁸¹³.

Посольство Игнатъева в составе 18 членов в сопровождении конвоя из 57 человек выступило в путь из Оренбурга. Позже к посольству присоединился военный отряд из 75 человек во главе с генералом Катениным, находившийся в то время в степи.

О довольно высоком интеллектуальном и профессиональном уровне состава посольства можно судить по тому, что, кроме Игнатъева в него вошли капитан Генерального штаба Н. Залесов, капитан Николаев, капитан 1-го ранга, начальник флотилии А. И. Бутаков, лейтенанты А. Ф. Можайский и Недорезов, дипломатический чиновник М. Н. Галкин, драгоман Батиршин, переводчик Банщикоз, секретарь посольства Е. Килевейн, астроном К. В. Струве, ориенталист П. И. Лерх, топограф Зеленин, врач Пеларский, лекарь Батишин, 2-й казачий офицер Назаров. Каждый из них в той или иной мере имел навыки исследовательской работы. Поэтому они вложили свою лепту в отражение не только полной картины путешествия и проблем сугубо политического или дипломатического характера, но и немало усилий в комплексное изучение природы, истории и социально-экономического положения края.

Дореволюционные русские исследователи посвятили немало строк общему описанию и анализу деятельности посольства. Но обстоятельнее руководителя миссии Н. П. Иг-

⁸¹¹ См.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 129—130.

⁸¹² Там же.— С. 130.

⁸¹³ Там же.— С. 131.

натьева никому не удалось отразить общую картину всего объёма той работы, которая была выполнена членами посольства. В своём солидном труде Н. П. Игнатъев⁸¹⁴ излагает видение всех проблем, имевших прямое или косвенное отношение к данной поездке. В этом плане он смог довольно профессионально понаблюдать за событиями как бы изнутри.

В книге даются подробные описания организации посольства, маршрута путешествия, состава экспедиции, важных событий, происходивших в жизни хивинского ханства, приводятся исторические сведения о войне хивинцев с туркменами, приведшей к уничтожению карванного пути из Хивы к Куна-Ургенчу (правильнее Куна-Ургенч). Даются также сведения об управлении Хивой, о характеристике хана Саид-Мухаммада (1856—1865 годы), отношения к посольству, о сборе Лерхом коллекции рукописей и книг в Хиве и Бухаре, поездке в Бухару, переговорах с эмиром Насрулло (1826—1860 годы), заключении договоров и множество другой информации, касающейся политической и социально-экономической жизни двух среднеазиатских ханств.

Сведения, имевшиеся в книге Н. П. Игнатьева о посольстве, существенно дополнялись работами Н. Г. Залесова, прежде всего такими, как «Письма»⁸¹⁵ и «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.»⁸¹⁶. В «Письмах» автор приводит описание маршрута от Оренбурга до Хивы, от Хивы до Бухары, даёт путевые наблюдения в виде дневника, заметки о политическом и экономическом положении Хивы и Бухары, о внутренней нестабильности. Имеется немало сведений этнографического характера, о положении рабов и т. д. В работе, посвящённой посольству, есть сведения, касающиеся его организации, целях, характеристике состава, пути следования и других. Особый интерес представляют сообщения об отношении хивинских и бухарских властей к посольству, ходе переговоров, проблемах, возникавших при заключении договоров, об отказе хивин-

ского хана от подписания договора и другие подробности деятельности миссии. Ценные данные приведены также об исторических событиях, которые происходили в Хиве в последние годы, предшествующие приезду посольства. В качестве приложения Н. Г. Залесовым приведён ряд важных документов, в частности, письма бухарского эмира к нему, письма Н. П. Игнатьева генералам Ковалевскому, Катенину, кунградскому градоначальнику, бухарскому визирю (премьер-министру) Бутакову, которые имели непосредственное отношение к миссии.

Полезные сведения о деятельности посольства и положении хивинского и бухарского ханств приводятся и другим его участником в качестве дипломатического чиновника М. Н. Галкиным⁸¹⁷. Интерес представляют и материалы А. И. Бутакова⁸¹⁸. Следует отметить и работы Е. Я. Килевейна⁸¹⁹, П. Назарова⁸²⁰, К. Струве⁸²¹, а также и последующих исследователей — И. В. Мушкетова⁸²², Н. И. Веселовского⁸²³, С. В. Жуковского⁸²⁴ и др. Но всё же упомянутое исследование Н. П. Игнатьева существенно отличается по обилию материала и лежит в основе последующих работ по данному вопросу. Особый интерес представляет первоначальный вариант исследования Н. П. Игнатьева и множество других материалов, которые хранятся в Архиве

⁸¹⁴ Игнатъев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году.— СПб., 1893.— 278 с.

⁸¹⁵ Залесов Н. Г. Письма из степи // Военный сборник.— Т. III.— 1858.— № 10.— С. 487—491; его же: Письма из Хивы // Военный сборник.— Т. IV.— 1858.— С. 491—497; Т. V.— 1859.— № 1.— С. 273—295; Письма из Бухары.— Т. XII.— 1860.— № 4.— С. 235—348.

⁸¹⁶ Залесов Н. Г. Посольство в Бухару и Хиву полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник.— Т. 91.— № 2.— С. 421—440; Т. 92.— 1871.— № 3.— С. 42—82.

⁸¹⁷ См.: Галкин-Враской М. Н. Этнографические и исторические материалы.— СПб., 1868.— С. 164—189, 210—243.

⁸¹⁸ Бутаков А. И. О дельте и устье Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости.— 1872.— № 32; его же: Несколько страниц из истории Хивы // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник.— Вып. 3.— СПб., 1873.— С. 414—418.

⁸¹⁹ Килевейн Е. Я. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Саид-Мухаммед Хана— 1856—1860 гг. // ЗИРГО.— 1861. Кн. 1.— С. 95—188; та же работа // Этнографический сборник.— Вып. 5— 1862.— С. 1—14.

⁸²⁰ Назаров П. Воспоминания о степном походе миссии флигель-адъютанта Игнатьева в ханства Хиву и Бухару // Военный сборник.— 1864.— С. 375—390.

⁸²¹ Струве К. Результаты барометрической нивелировки, произведённой между Оренбургом и Аральским морем в 1858 г. // ВИРГО.— Ч. 26.— 1859.— С. 1—2.

⁸²² Мушкетов И. В. Туркестан, Геологическое, историографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг.— Т. 1.— Ч. 1.— С. 1644 и посл.

⁸²³ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений.— С. 346—354.

⁸²⁴ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой.— С. 146—154.

внешней политики России (путевые заметки, отчёты и прочие записи, касающиеся его поездки в Хиву и Бухару) ⁸²⁵.

Главная задача миссии Игнатъева относительно Хивы заключалась в подписании договора о мирном и добрососедском отношении, под которым прежде всего ввиду имелось «прекращение враждебных действий против России», разрешение русским судам свободного плавания по Аму-Дарье, учреждение российского торгового агентства в Хиве, установление размера пошлины с российских товаров не выше 2,5 процентов от их стоимости. Нужно отметить, что вместе с миссией в Хиву были отправлены 2 парохода под командованием капитана 1-го ранга Бутакова с целью обследовать путь от Аральского моря в Аму-Дарью. Но дальше Кунгурата их продвижение было запрещено.

В целом переговоры Игнатъева с хивинским ханом не дали желаемого результата. Точнее, они закончились безрезультатно.

Мнение Игнатъева о положении этих ханств и результатах переговоров отражено в ответах, донесениях, заметках и других его официальных и неофициальных документах, составляющих основу его труда о данном посольстве. Большую ценность представляет его отчёт о результатах деятельности посольства ⁸²⁶.

Судя по общему содержанию отчёта Игнатъева о Хиве, он несколько преувеличивает степень пользы пребывания миссии в этом ханстве и подчёркивает, что «цель отправления экспедиции была вполне достигнута в исследовании реки Аму», но всё же указывает на, что «заклучение трактата было не сообразно с достоинством России» ⁸²⁷.

Что касается общего впечатления членов миссии о хивинском ханстве, то оно ясно отражено в «Заметках» Игнатъева ⁸²⁸.

В них довольно подробно характеризуются сложности внутриполитического состояния Хивы. В частности, изложены сведения о том, что после смерти Рахим-Кула ханский трон занял Мухаммед Амин. Он властвовал в течение 9 лет и был убит в Мерве туркменами. Занявший после него

⁸²⁵ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.

⁸²⁶ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— 1867—1868 — Д. 6.— Ч. II.— Л. 256—322.

⁸²⁷ Там же.— Л. 293.

⁸²⁸ Там же. Некоторые заметки о хивинском ханстве.— Л. 804—819 с обор.

престол Абдулла-хан смог удержаться у власти лишь 6 месяцев. Выступив в поход против взбунтовавшихся туркмен, он был умерщвлен ими. Несколько дольше своих предшественников продержался Мухаммед Рахим. При нём в 1855 году, согласно описанию Игнатъева, в Хиву пришли три тысячи туркмен. Во главе своего предводителя 100 из них под предлогом поклониться хану проникли во дворец. Во время приёма они вдруг бросились на хана и умертвили его вместе с семьёй сановниками, находившимися при нём. Только по призыву мехтера хивинцы вступили в схватку с туркменами. Смогли спастись только сто человек, которые находились в родстве с хивинцами. На престол был возведён Сейид Мухаммед ⁸²⁹. Он был потомком Ильтизар-хана, потерпевшего поражение от бухарцев и утнувшего в Аму-Дарье во время бегства ⁸³⁰.

Интересные данные приводятся Н. Игнатъевым по структуре управления хивинским ханством. Он перечисляет помимо хана следующие должностные лица, стоящие в иерархической лестнице: кушбеги, мехтерь, инак, дарга, бабачан и ясаулбеги. Приводится анализ их должностных обязанностей. Управление хана Н. Игнатъев называл «совершенно деспотическим» ⁸³¹. Духовенство или духовная власть, согласно его наблюдениям, «имеет значение только по делам религиозным». Главным лицом из них был кази. Он приглашался на совет в «важных случаях» ⁸³². Хивинское войско насчитывало до 20 тысяч конницы, 560 пеших — из невольников, 20 тысяч — из земледельцев ⁸³³.

Доходы государства составляли сбор податей и таможенные пошлины. Н. Игнатъев приводит интересные факты о размерах пошлин и податей. Хотя по трактату, заключённому с Данилевским, положено было брать с русских купцов пятипроцентную пошлину со стоимости их товаров, но во время пребывания в Хиве миссии взималось 2,5 процента, т. е. как со своих подданных. Единственной статьёй дохода, которая несколько была увеличена, была пошлина с бухарских торговцев табаком ⁸³⁴.

⁸²⁹ АВПР.— Указ Ф. и Оп.— Л. 805 об.— 806.

⁸³⁰ Там же.— Л. 806 об.

⁸³¹ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 807.

⁸³² Там же.

⁸³³ Там же.— Л. 808—809.

⁸³⁴ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 810—811.

Относительно расходов государственного бюджета Н. Игнатъев сообщает, что расходы в ханстве были «весьма неопределённые». На содержание своего двора и на разные «прихоти» хан употребляет денег столько, сколько вздумается, но все средства находятся в общей кассе у мехтера. В случае недостатка в деньгах хан берёт у купцов, в счёт будущих пошлин с товаров»⁸³⁵. Что касается содержания государственных служащих, то они жалования не получали и хан выдавал им «временно награды»⁸³⁶.

Всё это свидетельствовало о довольно нестабильной государственной структуре управления, что конечно не могло препятствовать не только произволу чиновников, но способствовало безудержной их алчности.

Говоря о миссии Н. Игнатъева в Бухару, следует отметить, что по прибытии посольства на территорию эмирата (15 сентября) его члены почувствовали несколько иную атмосферу, чем в Хиве. Они были встречены здесь более радушно, в их честь организовали конные скачки, затем, 18 сентября, при переходе от Каракуля, их встретили чиновники и их сопровождали до Бухары. По дороге, как пишет Н. Игнатъев, члены миссии старались внушить бухарцам мысль о недобром отношении хивинских властей к России и Бухаре, а также о враждебных намерениях Англии, надеясь, что этим им удастся «поссорить бухарцев с хивинцами»⁸³⁷.

22 сентября по прибытии в Бухару члены миссии узнали, что их визит совпал с осадой бухарцами Ходжента и сам эмир участвовал в ней. Вернувшись, 11 сентября эмир тотчас же принял их «отменным образом»⁸³⁸. Н. Игнатъев записал с удовлетворением: «Приём, сделанный эмиром, поразили жителей Бухары и произведёт несомненно впечатление на соседние государства». По поводу же англичан, эмир велел передать миссии устно, что «он никогда не поддаётся коварным их замыслам»⁸³⁹.

Глава посольства предложил эмиру текст договора, который состоял из следующих пунктов:

1. об освобождении русских пленных;
2. об уменьшении наполовину таможенных пошлин;
3. о необходимости введения правильной оценки товаров и ограждения русских торговцев от произвола бухарских чиновников;
4. о свободном пребывании в Бухаре временного торгового агента из чиновников, которые должны направляться в Бухару ежегодно на несколько месяцев для защиты интересов русских торговцев⁸⁴⁰;
5. о предоставлении русским торговцам особых караван-сараев (как хивинским и индийским, имеющим караван-сарай в Бухаре);
6. о свободном плавании русских судов по Аму-Дарье, для перевозки товаров из России в Бухару и обратно⁸⁴¹.

Согласно отчёту и содержанию секретного письма Н. Игнатъева на имя действительного статского советника Ханыкова, находившегося в то время в Кабуле, эмир согласился на все требования России и «дозволил свободное плавание судов по р. Аму». Указывая на доброе намерение эмира Насруллы в отношении к России, Н. Игнатъев отмечает, что эмир бухарский «всё ещё имеет виды на владения, лежащие на левом берегу р. Аму и принадлежащие теперь Дост-Магомеду»⁸⁴². В заключение своего отчёта Н. Игнатъев даёт лаконичное описание своего видения общего положения в среднеазиатских ханствах.

Разумеется, до и после посольства Игнатъева были поездки в Среднюю Азию, и хотя они не имели статуса посольства, тем не менее, выполняя те или иные задачи (военные и научные), они внесли свою лепту в изучение региона. Собранный ими материал в той или иной степени использовался для правильной ориентации во время завоевания края. И этот вклад не может быть не упомянут при изучении основных событий, происходивших в Средней Азии во второй половине XIX века. Поэтому нужно отметить путешествие выдающегося учёного-естествоиспытателя, сделавшего немало открытий в Центральной Азии, П. П. Семёно-

⁸³⁵ Там же.— Л. 811.

⁸³⁶ Там же.— Л. 811—811 об.

⁸³⁷ Там же.— Л. 295—297.

⁸³⁸ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Л. 307 об.

⁸³⁹ Там же.— Л. 315.

⁸⁴⁰ Как известно, в предыдущих переговорах речь шла о постоянном агенте.

⁸⁴¹ АВПР.— Указ. фонд и оп.— Л. 299 об.— 301 об.

⁸⁴² АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 318—319.

ва-Тян-Шанского (1827—1914)⁸⁴³, экспедиции для исследования Каспийского моря в 50—60-е годы XIX века в составе капитана-лейтенанта Н. А. Иванщицьева, лейтенантов Н. Л. Пушина, А. Ульского, Симонова и подпоручика Мякишева, в результате которых были проведены береговые съёмки почти всего каспийского побережья и частей Каспийского моря⁸⁴⁴.

Следует упомянуть и экспедицию Н. А. Северцева в Арало-Каспийскую низменность в 1857 году (в состав её, помимо Н. А. Северцева, входили ботаник И. К. Борщёва, препаратор Е. Аристов, топограф Е. А. Алексеев), поездки Чокана Велиханова в Кашгар через Центральный Тянь-Шань в 1858 году, М. И. Венюкова — для исследования озера Иссык-Куль и Заилийского края в 1859—1860 годах, экспедицию под начальством полковника В. Д. Дандевилля для обозрения восточного берега Каспийского моря в 1859 году и Зачуйскую экспедицию Н. А. Северцева в 1864 году. Все поездки и экспедиции, организованные российским правительством, разумеется, в основном в угоду своим колониальным намерениям, существенно обогатили науку новыми открытиями. Эти, в полном смысле слова, труженики бескорыстным трудом увековечили свои имена в истории науки.

Таким образом, вышеприведённое свидетельствует, что поездка Н. Игнатьева для дипломатической связи между Россией и Средней Азией являлась центральным событием. Россия, будучи вполне уверена в своём успехе в военной оккупации Средней Азии, не проявляла заинтересованности во взаимовыгодных дипломатических контактах. Судя по общему содержанию материалов, в известной мере осве-

щающих положение дел, нетрудно заметить, что российским официальным властям более выгодно было сохранять напряжённую обстановку на границе со Средней Азией, чтобы спровоцировать местные ханства и использовать их реакцию в качестве повода к насильственному продвижению вглубь региона.

Ход событий, происходивших в непосредственной близости к границам среднеазиатских ханств, создание военных укреплений, военный поход с занятием Ак-Мечети Перовским, наконец, полное обеспечение своего военного присутствия на подступах к Средней Азии свидетельствует о логическом завершении того длительного подготовительного периода, который должен был привести к непосредственным военным действиям по её завоеванию. Поэтому даже та робкая надежда, которую порой вынашивали среднеазиатские правители о создании нормальных партнёрских взаимоотношений постепенно улетучивались.

По мере укрепления России на подступах к Средней Азии и усиления силового давления, менялся и характер отношений. Хотя нарушение равноправных партнёрских отношений между Россией и ханствами данного региона, заметно наблюдается с периода правления Петра I, на наш взгляд, оно получило ярко выраженный характер по мере окончательного присоединения казахских жузов и непосредственного приближения к Средней Азии. Исходя из этих реалий, применение исследователями (главным образом, советских) понятия «взаимоотношение», потеряло свой логический смысл и уже не может объективно выражать создавшуюся тогда ситуацию.

К тому времени больше подходит термин «отношение». Существовавший когда-то термин «взаимоотношение» потерял прежний смысл. Эти «взаимоотношения» строились, как правило, в угоду русской дипломатии. Исходя из таких соображений, справедливее да и объективнее, на наш взгляд, было бы однозначно исходить из этой позиции, которую заняла Россия по отношению к среднеазиатским ханствам, т. е. с позиции силового давления и неприкрытого стремления к захвату обширной центральноазиатской территории. Теперь во главу угла в определении отношений следует ставить лишь политику России к Средней Азии, ибо для правителей последней оно имело лишь смысл пустого звучания.

⁸⁴³ См.: Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845—1895 гг.— Ч. 1.— СПб., 1896; он же: Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг.— М., 1948; о нём см.; Мушкетов И. В. Туркестан.— Т. 1.— СПб., 1886.— С. 165—170; Липский В. И. П. П. Семёнов-Тян-Шанский // Биография и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасающихся с Императорским Ботаническим садом, Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913).— Ч. 3.— СПб., 1913—1915.— С. 53—68; Фрадкин Н. Г. П. П. Семёнов-Тян-Шанский // В кн. Семёнов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг.— М., 1948.— С. 5—53 и др.

⁸⁴⁴ См.: Обзор путешествий в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Сост. О. В. Маслова.— Ч. II.— Ташкент, 1956.— С. 20—23.

Прибрежные туркмены в российской дипломатии

Несколько запутанно в 50-х — начале 60-х годов XIX века сложились русско-туркменские взаимоотношения. Согласно сохранившимся документам в 50-е годы Россия по отношению к туркменам вела политику в целом несколько противоположную, чем раньше. Имеется немало сведений о подстрекательских действиях иранских властей к туркменам. Эти враждебные действия особенно усилились после признания Россией в 1837 году её прав на пространство между реками Карасу, Гурген и Атрек, населённые туркменами. В тот период шахское правительство явно добивалось согласия России на её содействие в усмирении туркмен, якобы, постоянно предпринимавших набеги в пределы Персии⁸⁴⁵.

Так как согласно Туркманчайскому мирному договору (1828) Иран не имел права держать на Каспийском море флот, шахское правительство просило Россию взять на себя задачу усмирения туркмен, совершавших постоянные набеги на иранские прибрежные районы Астрабадской, Мазандаранской и Гилянской провинций. Идя навстречу интересам иранских властей, в начале 1841 года, под видом обеспечения безопасности южных границ, юго-восточной части Каспийского моря, было учреждено русское крейсерство на острове Ашур-ада, у устья реки Карасу. Впоследствии оно было преобразовано в Ашур-адинскую морскую станцию, взявшую на себя надзор над всеми морскими сообщениями в этом районе⁸⁴⁶.

В предписании вице-канцлера 7 января 1841 года кавказскому главнокомандующему говорится об учреждении постоянного крейсирования военного судна у туркменских берегов в Астрабадском заливе, необходимость чего была вызвана постоянным наблюдением русскими рыбопромышленниками, оказывающих, якобы, содействие туркменам в их враждебных действиях против Ирана. Присутствие военного судна должно было удерживать туркмен от набегов и от «произведения грабежей в Астрабадском заливе и Мазандаранских портах»⁸⁴⁷.

Последующие события показали, что учреждение крейсерства «неблагоприятно отразилось на развитии дружест-

⁸⁴⁵ Русско-туркменские отношения.— С. 325.

⁸⁴⁶ Аннапелесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 230.

⁸⁴⁷ Русско-туркменские отношения— С. 355—356.

венных отношений прикаспийских туркмен с Россией». Капитан Е. В. Путята, командированный летом 1842 года с целью выяснения сложившейся ситуации и принятия соответствующих мер, вскоре поддавшись влиянию и подстрекательству персидских властей, предпринял несколько карательных походов против туркмен. Он сжёг их суда в Гасанкулийском заливе и арестовал довольно влиятельного в народе старшину Якшимухаммеда⁸⁴⁸. Во время карательных рейдов Е. В. Путята уничтожил, в целом, 39 лодок и киржимов туркмен, в том числе 3 000 пудов нефти, принадлежащих лично Кият-хану⁸⁴⁹.

Всё это и, разумеется, постоянное подстрекательство со стороны иранцев в лице мазардаранского принца Мехти Кули Мирзы привело к усилению враждебных отношений части прибрежных туркмен, наряду со всеми другими соседями, долгие годы чувствующих покровительство России и тщетно стремившихся к получению её подданства, к избранию явно антирусской позиции. Стронников этой позиции возглавлял Чергез-хан, совершивший в апреле 1851 года нападение на Астрабадскую морскую станцию, находившуюся на острове Ашур-ада, но потерпевший неудачу⁸⁵⁰.

Даже в это сложное время среди туркмен действовало совершенно противоположное течение — прорусское во главе с Кадырмухаммед-ханом, который согласовывая все свои действия с командующим военной эскадрой в Астрабадском заливе. За эти заслуги он был представлен командующим военной эскадрой к награде и получению звания офицера⁸⁵¹.

В дальнейшем командующий эскадрой в Астрабадском заливе, убедившись в подстрекательской деятельности принца Мехти-Кули Мирзы, в своём рапорте от 16 апреля 1851 года российскому посланнику в Иране просил категорически поставить вопрос о необходимости безотлагательного его отзыва в Тегеран⁸⁵². Выполнение требования русских властей об освобождении принца Мехти-Кули-Мирзы с поста правителя Мазандарана способствовало существенному спаду напряжения и дальнейшему улучшению русско-туркменских

⁸⁴⁸ Аннапелесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений — С. 231.

⁸⁴⁹ АВПР.— Ф. Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— 1842—1856.— Д. 12.— Л. 37—42; см. также: Аннапелесов М. Указ, соч.— С. 233.

⁸⁵⁰ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 407—425.

⁸⁵¹ См. там же.— С. 412—413.

⁸⁵² Там же.— С. 410—411.

отношений. По мнению М. Аннанепесова, уже в начале 1853 года эти отношения полностью нормализовались⁸⁵³. Но подрывная политика иранских властей против туркмен не прекращалась и в последующие годы, к тому же в этом была заинтересована и английская разведка. Так, в 1854 году стало известно, что английский агент под вымышленным именем Магомед-бек вместе с неким Томсоном неоднократно бывал в Астрабаде. Путём подкупа Магомед-бек хотел склонить туркмен к совершению нападения на крейсерство, но осуществить этот план не удалось. Не получив поддержки туркмен, Магомед-бек вынужден был возвратиться в Тегеран. То же наблюдалось и в 1858 году со стороны английского консула Е. Ф. Макензи. Побывав в Гилянской и Мазандаранской провинциях, он пытался войти в контакт с туркменами и втянуть их в действия против русских, но безрезультатно⁸⁵⁴. Следует отметить, что британское правительство без какой бы то надобности учредило консульства в Астрабаде и Гиляне, единственной целью их было проникнуть в туркменские аулы и при случае использовать местное население против России⁸⁵⁵.

Во второй половине 50-х годов, вплоть до начала завоевания Средней Азии Россией, положение туркмен было осложнено враждебными действиями, приводившими иной раз к военным столкновениям южных туркмен с Ираном и Хивой. Туркменам пришлось трижды отражать их натиск (в 1855 году — под Серахсом, в 1858 году — под Кара-Кала и в 1861 году — в Мерве). В сложном положении находились и северные туркмены. Начавшаяся в 1855 году между ними и хивинцами война продолжалась почти полтора десятилетия. Создававшаяся ситуация вынудила туркмен выступать с частыми обращениями за помощью к российским властям. Причём, неоднократно ставился вопрос о принятии их в подданство. России, но всегда Россия «уклонялась от решения вопроса о принятии туркмен в своё подданство и откладывала его до более благоприятного момента»⁸⁵⁶.

Независимо от официальной политики российских властей, Закавказское торговое товарищество, основанное на острове Ашур-ада, согласно принятому в 1859 году проекту

его устава, должно было развернуть свою деятельность в широком плане и развивать торговые обороты в пределах всей Средней Азии, а также в Афганистане, Китайском Туркестане, Тибете и Кашмире⁸⁵⁷. Несмотря на намерение членов товарищества, которое возглавляли не только крупные купцы и капиталисты, но и царские высокопоставленные чиновники, дальнейшие события, связанные с именем начальника экспедиции, снаряжённой в 1859 году для топографических и гидрографических съёмок юго-восточного берега Каспийского моря полковника В. В. Дандевилья, несколько омрачили русско-туркменские отношения.

Заняв явно враждебную позицию по отношению к туркменам, В. В. Дандевилья стремился насильем и жестокостью удержать их в полной покорности. С этой целью он устраивал вооружённые нападения на туркменские аулы, беспощадно уничтожая жильё, имущество, сжигал торговые лодки с товарами прибрежных туркмен. Так, 18 августа под предлогом освобождения персидских рабов был совершён набег на челекенские аулы. Все чиновники, более или менее знакомые с положением дел, заявляли о явном нарушении инструкции. Тем не менее, используя покровительство оренбургского военного губернатора А. А. Катенина, В. В. Дандевилья продолжал бесчинства по отношению к туркменам⁸⁵⁸. Но действия В. В. Дандевилья и попустительство А. А. Катенина не остались незамеченными русским самодержцем. Царь отклонил ходатайство к награде Дандевилья, представленное тем же Катениным, из-за того, что «действиями своими на острове Челекен он упустил из виду главную роль возложенного на него поручения: упрочить миролюбивые торговые сношения наши с туркменами»⁸⁵⁹. Вскоре был освобождён от должности оренбургского военного губернатора и А. А. Катенин⁸⁶⁰.

Таким образом, знакомство с имеющимися материалами свидетельствует о неоднозначном отношении соответствующих официальных кругов к прибрежным туркменам. Так или иначе, вполне определённый подход к туркменскому народу, как и ко всей Средней Азии, в российской дипломатии начал явно проявляться с началом непосредственного завоевания региона.

⁸⁵⁷ См.: там же. — С. 470—471.

⁸⁵⁸ О действиях В. В. Дандевилья см.: Указанный сборник. — С. 477—496; Аннанепесов М. Указ. соч. — С. 245—251.

⁸⁵⁹ Русско-туркменские отношения. — С. 492—493.

⁸⁶⁰ Аннанепесов М. Указ. соч. — С. 251.

Состояние российско-среднеазиатской торговли

Некоторое ослабление дипломатических связей России со среднеазиатскими ханствами почти не повлияло на состояние взаимной торговли. Этому, прежде всего, способствовало не само желание царского правительства, а всё возрастающие капиталистические отношения в России.

Данные, приведённые русскими исследователями, в известной мере освещают общее состояние торговли. Интерес представляют «Письма» Н. Залесова от 26 июня 1858 года (г. Кунград)⁸⁶¹ и от 1 сентября 1858 года (близ г. Ханки)⁸⁶². Судя по его данным, своё производство в Хиве было незначительным и она, в основном, снабжалась всеми необходимыми товарами из России⁸⁶³.

Интересный материал для изучения истории торговых сношений России со Средней Азией содержится в работе Константина Ладыженского⁸⁶⁴. Приведя краткую историю торговых связей и таможенной политики России, он обратил особое внимание на перспективы русско-среднеазиатской торговли. Причём, высказал опасение о том, что, если Россия не предпримет смелые шаги, то упустит выгодный шанс в пользу другого государства и потеряет своё преимущество в торговле между Востоком и Западом⁸⁶⁵.

Такая обеспокоенность заметна при знакомстве с сохранившимися документами относительно подготовки миссии Игнатьева к поездке в Хиву и Бухару. В официальном письме от 3 ноября 1857 года № 1745 оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин (1857—1860) министру иностранных дел России по поводу состояния торговли между Россией и Средней Азией указывает на необходимость настоящего изменения положения торговли, которая, якобы, для России была «невыгодной и не обещала никакого развития в будущем»⁸⁶⁶. По его мнению все купеческие барыши от этой торговли доставались лишь среднеазиатским купцам и русские товары обходились им по самым дешёвым ценам.

⁸⁶¹ Залесов Н. Письмо из Хивы.— Т. IV.— С. 491—497.

⁸⁶² Залесов Н. Письмо из Хивы.— Т. V.— С. 273—295.

⁸⁶³ См. там же.— С. 282—283.

⁸⁶⁴ Ладыженский К. История русского таможенного тарифа.— СПб., 1886.— 332 с.

⁸⁶⁵ Там же.— С. 21.

⁸⁶⁶ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 660.

Это происходило по той причине, что бухарские и хивинские торговцы закупали российские товары на месте производства, так как русские торговцы сами не ездили в Бухару и Хиву⁸⁶⁷. Поэтому, по суждению генерал-губернатора, необходимость учреждения постоянных аккредитированных от правительства России торговых консулов в Бухаре и Хиве стала очевидной⁸⁶⁸.

В письме также говорилось о необходимости создания речной торговой флотилии на Аму-Дарье и выполнении условий трактата, заключённого между Россией и Хивой в 1842 году о невмешательстве последней в дела подданных России казахов.

К упомянутому письму была приложена «Записка» генерал-губернатора, определяющая положение взаимной торговли между Россией и Средней Азией и степень её полезности для России⁸⁶⁹.

Автор «Записки» стремился аргументировать «невыгодность» торговли для России и предлагал во что бы не стало изменить положение на уровне официальных правительственных решений. По его мнению российское правительство должно: «1) Требовать и настоять, чтобы от среднеазиатских владений с русских торговцев-христиан пошлина товарная взималась в таком же размере, как с магометан (мусульман — Х. П.), т. е. не по 5, а только 2,5 процента с товара...; 2) Привести в исполнение воспрещение среднеазиатцам торговать внутри России и ограничить действия их или меновыми дворами означенных линий (имелись ввиду Оренбургской и Сибирской — Х. П.), или такими городами в составе этих линий, как Гурьев, Уральск, Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Троицк, Петропавловск⁸⁷⁰.

В случае возникновения недовольства со стороны среднеазиатских купцов генерал-губернатор предлагал вовсе прекратить торговлю. По его мнению от этого Россия почти не проиграет, потому что главной статьёй привоза из Средней Азии являются хлопок, хлопчатобумажные изделия и мерлушка. Так как Средняя Азия поставляла лишь 1/20 долю

⁸⁶⁷ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 660 об.

⁸⁶⁸ Там же.— Л. 660 об.—661.

⁸⁶⁹ Там же.— Л. 664—669. (Краткая записка о невыгодности для России положения торговли её со Средней Азией).

⁸⁷⁰ АВПР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 666—666 об.

привозимого в Россию хлопка (остальное доставлялось из Америки и Индии), то она не могла ощутить острую нехватку этого сырья⁸⁷¹. Что касается сухофруктов и марены, то первые были невысокого качества, а второе можно с успехом привозить из Закавказья⁸⁷².

Призывая к таким действиям, генерал-губернатор уверял, что при таком положении дел Средняя Азия может почувствовать ошутимый удар, потому что среднеазиатцы из России получают такие товары, которые не могут приобрести в других государствах. К таковым он относил, прежде всего, металлы (железо, медь, чугун), металлические изделия, без которых, якобы, «среднеазиатцу не в чем будет сварить себе пищу, не во что ноги обути»⁸⁷³. По его подсчётам, взамен своих товаров, бухарцы брали в России только 5/7 часть товарами, а остальные 2/7 увозили наличными деньгами для покупки английских и иных товаров и тем самым создавали дефицит денежных знаков в оренбургском крае.

Н. Игнатьев, указывая на Хиву, Ургенч, Хазар-асп и Кунград как главные центры торговли хивинского ханства, выделял исключительно важную роль для него в этом России. По-видимому из-за отсутствия достоверных источников и воздерживаясь от приведения каких-либо статистических данных, он указывал лишь, что на период активного участия русских купцов Баранова, Зубова и Пичугина в торговле (1845—1847) из Хивы в Россию вывозилось до 20 тонн хлопка, 20 тонн марены и до 500 пудов шёлка в коконах⁸⁷⁴.

Касаясь состояния торговли России со среднеазиатскими ханствами накануне завоевания края, Ф. И. Лобысевич замечал, что в ней «не было ни системы, ни правильных действий». Положение изменилось лишь благодаря деятельному участию московских торговцев братьев Хлудовых, в особенности Михаила, прибывшего в Среднюю Азию в 1863 году и чувствующего опасность перехода рынка в иностранные руки, прежде всего английские. Стремился поставить это дело на более реальную почву, Михаил Александрович Хлудов в 1863—1865 годах первым из русских купцов посетил Бухару. Действуя открыто, он наладил сравнительно нор-

871 АВВР.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— Оп. 8.— Д. 6.— Ч. II.— Л. 668.

872 Там же.— Л. 668 об.

873 Там же.

874 Там же.— Л. 817.

мальные торговые отношения. Он же организовал в Коканде русскую контору и ценой огромного труда и затрат открыл в Ходженте европейскую шёлкомотальную фабрику. По словам Ф. И. Лобысевича, Хлудов упрочил и широко развил русское торговое дело в Средней Азии, поставив его на цивилизованную основу⁸⁷⁵.

Свой взгляд на перспективы торговли со Средней Азией имел В. В. Григорьев. По его мнению торговля с Бухарой для России была выгодной, так как она являлась самым богатым рынком для сбыта русских мануфактурных изделий. Россия, считал он, должна была давно позаботиться об удержании этого рынка в своих руках⁸⁷⁶.

Хотя по своему общему объёму для России торговые обороты на среднеазиатском рынке, по сравнению с западноевропейским были ничтожными, тем не менее в 50-х — начале 60-х годов купцы всё чаще говорили о блестящей перспективе этого направления для российских товаров⁸⁷⁷. В. В. Григорьев, определяя годовой объём ввозимых из России в Среднюю Азию товаров в 5 млн. руб., выражал сожаление в том, что в отношении этого перспективного региона нет чёткой торговой политики и строго определённой системы⁸⁷⁸.

Все вышеприведённые сведения, как видно, довольно противоречивы и недостаточны для воссоздания чёткой картины русско-среднеазиатских торговых сношений. По всей вероятности, недостаточность материалов по основным таможенным пунктам или торговым учреждениям, не давала исследователям возможности вплотную заняться тщательным статистическим анализом, поэтому они довольствовались лишь поверхностным описанием общего состояния торговли. Даже такой факт, как приобретения через бухарского купца-еврея Муши Пингасова в 1853 году ляпис-лазури весом более 3 пудов на сумму 1 151 руб. 25 коп. для оформления Исаакиевского собора⁸⁷⁹, остался незамеченным. Подробные статистические данные оседали в основном в таможенных учреждениях и требовали специального обращения к ним.

875 Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 128.

876 Заилецкий (Григорьев) В. В. Среднеазиатские дела.— С. 11.

877 Там же.— С. 11—12.

878 Там же.— С. 12—13.

879 Оренбургский областной Госархив.— Ф. 8.— Оп. 10.— Д. 6840.— Л. 1, 4, 9, 13.

Несмотря на скудность анализа по данному периоду русскими дореволюционными исследователями всё же нельзя утверждать, что они обходили его стороной. Напротив, наблюдается стремление максимально использовать доступный им материал, чтобы осветить состояние русско-среднеазиатской торговли в 50-х — начале 60-х годов. Особый интерес в этом плане представляют данные, которые приведены М. А. Терентьевым. Согласно им, суммы «главнейших товаров», привозимых из Средней Азии в Россию за семь лет до завоевания края определялись следующими показателями (в тысячах руб.)⁸⁸⁰:

Наименование товаров	Г о д ы						
	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864
Хлопок	697	486	713	536	1 864	2 933	6 583
Шёлк	69	94	82	150	156	52	46
Шерсть	91	65	87	62	68	114	180
Мягкая рухлядь	241	566	742	617	624	527	500
Кожа	928	729	753	685	781	584	687
Фрукты	177	222	191	178	232	285	114
Хлопчатобумажная пряжа	113	58	37	135	74	53	112
Хлопчатобумажные изделия	697	756	655	759	566	699	418
Шерстяные изделия	85	85	69	103	108	101	75
Скот	3 169	4 100	3 953	4 301	3 961	3 491	2 826

За это же время из России в Среднюю Азию были доставлены следующие товары (в тыс. руб.)⁸⁸¹:

⁸⁸⁰ Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки.— С. 127.
⁸⁸¹ Там же,— С. 42—43.

Наименование товаров	Г о д ы						
	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864
Хлопчатобумажные изделия	2 260	2 864	2 748	2 947	2 803	2 261	3 013
Шерстяные изделия	233	306	274	400	349	318	426
Шёлковые изделия	32	54	45	40	50	58	72
Хлопчатобумажная пряжа	250	153	259	450	224	160	446
Металлические изделия	121	209	205	345	339	274	406
Металлы (вне изделий)	96	173	149	162	222	261	338
Кожа	443	445	443	555	421	394	533
Чай	3	4	4	4	11	19	37
Сахар	107	59	91	135	115	206	323
Напитки	13	15	29	35	12	54	127
Краски	74	97	65	155	263	239	124
Меха	29	38	41	63	104	85	86
Хлеб	272	249	322	311	348	307	333

Данные, приведённые в таблицах, несмотря на некоторые колебания или неустойчивость, в целом свидетельствуют о прогрессирующем росте российско-среднеазиатской торговли.

М. А. Терентьев заостряет внимание на том факте, что из среднеазиатских ханств в качестве основного торгового партнёра России выступала Бухара, о чём убедительно говорят данные составленных таблиц товарооборота.

Итак, за три года до начала завоевания края из Бухары в Россию было вывезено (в руб.)⁸⁸²:

⁸⁸² Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки.— С. 57.

Наименование товаров	1862 г.	1863 г.	1864 г.
Хлопок	1 801 697	2 908 212	6 105 241
Шёлк	154 076	31 295	45 663
Кожа	16 618	37 697	87 908
Фрукты	68 891	73 351	7 281
Меха	244 044	235 543	250 834
Хлопчатобумажная пряжа	52 833	39 274	96 035
Хлопчатобумажные изделия	346 354	458 233	245 433
Шёлковые изделия	16 224	37 455	12 763
и проч.			
Всего:	2 740 669	3 880 659	6 368 343

За этот период из России в Бухару вывезено (в руб.)⁸⁸³:

Наименование товаров	1862 г.	1863 г.	1864 г.
Хлопчатобумажные изделия	1 683 531	1 401 066	2 386 753
Шёлковые ткани	22 367	33 377	39 843
Шерстяные ткани	186 158	201 802	308 860
Металлические изделия	191 556	182 857	185 535
Кожа	171 854	187 633	330 796
Хлопчатобумажная пряжа	223 475	159 857	445 518
Сахар	78 156	171 064	268 243
Металлы	142 185	229 949	293 336
Меха	34 392	33 917	44 990
Сундуки	13 213	17 590	11 604
Краски	253 646	234 491	110 335
Кораллы и корольки	10 075	2 900	5 318
и проч.			
Всего:	3 126 681	2 983 595	4 654 988

Пробел, имеющийся в дореволюционной русской научной литературе был существенно восполнен М. К. Рожковой. В серьёзной академической работе «Экономические свя-

⁸⁸³ Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки.— С. 60.

зи России со Средней Азией» она обстоятельно анализирует взаимные торговые сношения в 40—60-е годы XIX века⁸⁸⁴. М. К. Рожкова опирается на достоверные статистические данные, извлечённые из ежегодных официальных изданий Министерства финансов под названием «Государственная внешняя торговля в разных её видах» (до 1862 года), «Виды государственной внешней торговли (за 1863—1864 годы)», а также архивных документов. Приведённые ею цифры, несмотря на некоторые несовпадения, в целом подтверждают сведения М. А. Терентьева⁸⁸⁵.

Приведённые данные свидетельствуют о росте торговых отношений, несмотря на тенденции ухудшения политико-дипломатических отношений России со Средней Азией, явное преобладание во внешней политике силового давления и великодержавных притязаний к ханствам региона. Нельзя в этой связи не отметить и тот бесспорный факт, что к началу своего присоединения Средняя Азия уже была превращена в полном смысле слова в сырьевой придаток и рынок сбыта Российской империи, вступившей фактически и официально на капиталистический путь развития.

Англо-русское соперничество в Средней Азии

Историческое или историкографическое исследование российско-среднеазиатских взаимоотношений, без увязки с вопросами русско-английских противоречий в регионе, по меньшей мере, нарушило бы общую картину этих взаимоотношений, ибо реальная политика двух держав более рельефно прослеживается в их противоборстве, выражавшемся не только во взаимных обвинениях в неблагоприятных намерениях друг друга в отношении к народам Средней Азии, ради защиты своих интересов в которой они открыто шли даже на прямые угрозы и военное противостояние. Какими бы словами они не прикрывали свои истинные намерения, логика действий показывала, что основной целью этих держав в конечном итоге замыкалась на колониальной экспансии региона. Другое дело, что сама сложившаяся обстановка более благоприятствовала действиям России. И это было не случайно.

⁸⁸⁴ См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX в.— С. 49—50; 53—54.

⁸⁸⁵ См. и ср.: Рожкова М. К. Указ соч.— С. 53—64, 67—69.

Географическое расположение, традиционные торгово-дипломатические (посольские) связи и, может, на этой почве проявление интереса к традициям, нравам, обрядам местных народов, которые почти всегда учитывались при любом действии русских властей в регионе, и, наконец, постоянное сближение с обжитыми местами аборигенов края, сложение мирных, тесных нравственно-бытовых контактов, постепенно приводивших в какой-то мере к взаимному доверию, и, естественно, к существенному ослаблению чувства страха, во всяком случае, со стороны местного населения, всё же сыграли свою роль.

Всё это способствовало выработке у местных властей чувства уверенности в предсказуемости действий русских официальных кругов. Поэтому общее предпочтение всегда было на стороне России. Кроме того, в стратегическом плане Россия занимала более выгодную позицию.

Изучая факты истории проникновения России и Англии в Азию, сравнивая их, М. Грулев заметил для каждой из сторон особые характерные черты. Говоря о России, он, в частности, писал: «Благоприятные географические условия, в соединении с основным характером исторического роста России на её окраинах и привело к созданию обширнейшего сплошного государства, в котором окраины и ядро связаны между собою так же крепко и органически, как ветви и ствол одного дерева»⁸⁸⁶. Что касается Англии, то её колонии появились в совершенно иных условиях. В качестве примера приводя Индию, М. Грулев убедительно доказывает, что, несмотря на имеющийся ряд успехов в экономическом отношении и гражданском устройстве, она всё же осталась для своей метрополии «посторонним телом, не связанным с ней никакими жизненными артериями и чуждыми во всех отношениях»⁸⁸⁷. Разумеется, эта особенность, обеспечившая прочный тыл и вообще перевес России, не могла не воздействовать вдохновляюще на сторонников силсового или дипломатического давления на Англию.

Русско-английское соперничество занимает важное место в работах русских дореволюционных исследователей. Некоторые из них посвятили данному вопросу специальные

⁸⁸⁶ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии.— С. 2.

⁸⁸⁷ Там же.

труды⁸⁸⁸. Хотя, нужно сказать, что в основном они ограничились анализом противоречий периода середины 60-х — конца 90-х годов XIX века, что несколько не соответствует хронологическим рамкам настоящего исследования. Почти то же самое можно сказать о соответствующих исследованиях советских учёных⁸⁸⁹.

Что касается историографического анализа, то он и поныне отсутствует. Сложность вопроса, обилие литературы, в которой содержится огромный материал и чрезвычайно широкий разброс мнений, требуют общего специального исследования, причём, с привлечением источников — местных, российских и зарубежных. Но это в перспективе для специалистов, интересующихся данной проблемой. Что касается степени причастности данной работы к освещению проблемы, то, на наш взгляд, следует лишь исходить из логической целостности общей картины русско-среднеазиатских взаимоотношений в указанных временных рамках.

Русско-английское соперничество в Средней Азии имеет свою давнюю историю. По всей вероятности, началом повышенного интереса Англии к Средней Азии следует считать поездки Дженкинсона в 1558—1559 годах в Хиву и Бухару. «Дженкинсон, — писал В. В. Бартольд, — убедился в полном упадке экономического благосостояния областей Средней Азии и их торговли с Китаем»⁸⁹⁰. Хотя после этого, до утверждения владычества Англии в Индии не наблюдается её активных попыток проникнуть в Среднюю Азию⁸⁹¹, но ревностное отношение к стремлению России усилить своё влияние в этом регионе, она всё же проявляла.

В дальнейшем на первый план постепенно выходила «угроза захвата Индии» русскими. Началом проявления такой угрозы М. Грулев считает поручение Петра I Бековичу-Черкасскому разведать в 1714 году водные пути из Каспия в Индию. «Этого поручения, — пишет он, — оказалось достаточным для того, чтобы впоследствии воображение англичан и других наших (т.е. русских — Х. П.) «доброжелателей»

⁸⁸⁸ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии.— СПб., 1875; он же: Россия и Англия в борьбе за рынки; Мартеис Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии.— СПб., 1880; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии и др.

⁸⁸⁹ См. напр.: Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70 гг.).— Ташкент, 1969.

⁸⁹⁰ Бартольд В. В. История изучения Востока.— С. 306.

⁸⁹¹ Там же.

в Западной Европе создало себе целое пугало о завещании Петра Великого завоевать Индию»⁸⁹².

По мере вытеснения из Индии всех соперников — голландцев, португальцев, испанцев, а также французов — в результате семилетней войны (1756—1763 годы) и насаждения своего политического и территориально-экономического господства, Англия не только ревниво следила за действиями России, но и стремилась закрыть все подступы к Индии, что, разумеется, не могло не затрагивать интересы всех великих держав. Словом, Индия во внешней политике Англии была самым уязвимым местом. Это убедительно продемонстрировала, в частности, Франция в своём соперничестве с Англией в конце VIII — начале XIX веков. Причём, в свои действия Франция пыталась втянуть и Россию. Известны попытки Наполеона организовать совместно с Россией поход на Индию — при Екатерине II (1800—1801 годы), смерти которого остановила это, а также, наконец, при Александре I. С последним Наполеон дважды обсуждал этот вопрос (в Тильзите — после заключения мира 1807 года и в Эрфурте — в 1808 году)⁸⁹³.

Следует сказать, что вопреки желанию официальной дипломатической службы, которая никогда не давала широкую огласку истинным намерениям российского правительства в отношении Индии, русские исследователи в зависимости от степени своей информированности не обходили стороной те факты, когда Россия занялась вплотную подготовкой похода на Индию. Причём, касаясь данного вопроса, они пытались определить степень готовности России к успешному проведению этой акции, с одной стороны, а с другой — подготовленности Англии к её отражению. И тут нельзя обойти довольно серьёзный труд М. Грулева, посвящённый изучению истории русско-английского соперничества в Средней Азии⁸⁹⁴.

В той работе автор приводит мнения различного рода

⁸⁹² Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии.— С. 6—7.

⁸⁹³ Замысел и действия по подготовке плана осуществления совместных походов подробно изложены в работе: Баторский Я. Проект экспедиции в Индию, предложенный Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру в 1800 и 1807—1808 г./Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии. Вып. XXIII.— СПб., 1886.— С. 170.

⁸⁹⁴ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии.— 380 с.

специалистов, прежде всего военных и крупных дипломатов, о вероятности нападения России на Британскую Индию, планы осуществления этого намерения, готовность России к ведению войны, а также степень готовности Англии к защите своей колонии и т. д.⁸⁹⁵. «О походе в Индию,— отмечал М. Грулев,— немало писалось и говорилось, не говоря уже о походе, задуманном при императоре Павле I. Стремление перенести борьбу с Англией на среднеазиатский театр возникало у нас (т. е. у русских — Х. П.) каждый раз, как только обострялись наши отношения к «коварному Альбиону». Автор указывает, что во время Крымской войны (1853—1856 годы) генерал Хрулёв настойчиво ходатайствовал об утверждении его проекта плана похода в Индию, высказывая мнение о том, что «такая диверсия лучше всего подействует отрезвляюще на наших (русских — Х. П.) вековых соперников»⁸⁹⁶.

О распространении слухов по поводу совместного решения России и Франции, на основе тайного договора после Тильзитского мира, предпринять совместный поход на Индию писали А. Шепелев и Ф. И. Лобысевич. Согласно их мнению, «с этого времени началось среди англичан развитие той «русифобии», которая, прикрываясь необходимостью ограждать британские интересы в Азии, привела английское правительство к действиям, следы которых долго и чувствительно отзывались именно на этих интересах»⁸⁹⁷.

Указывая на участвовавшее посещение Средней Азии английскими агентами, А. Шепелев писал, что, начиная с двадцатых годов XIX века, в среднеазиатских владениях по северную сторону Гиндукуша появляется ряд английских путешественников, не ограничивающихся одними туристскими впечатлениями и коммерческими делами⁸⁹⁸. Ф. И. Лобысевич, почти дословно повторяя слова А. Шепелева, дополняет его только несколькими фактами. Так он говорит о посещении Бухары в конце 1838 года полковником Стодартом. Говорится также о вторжении индо-британской армии в Афганистан «с целью утверждения законного влияния

⁸⁹⁵ См.: Указ, соч.— С. 22—76.

⁸⁹⁶ Там же.— С. 22—23.

⁸⁹⁷ Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории хивинского похода 1873 года.— Ташкент, 1879; см, также: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 84.

⁸⁹⁸ Шепелев А. Указ, соч.— С. 55.

британской нации в Средней Азии и противодействие иноземным интригам». Но этот роковой шаг стоил Англии более 18 тысяч человеческих жизней, 15 миллионов фунтов-стерлингов, падения международного престижа, а также большого страха «вторжения России в Индию»⁸⁹⁹.

Но до того было немало фактов, вызывавших беспокойство в российских дипломатических кругах. Хотя в России дальше попытки сбора к началу похода не пошли, тем не менее, это не могло не усилить подозрение и недоверие Англии к русской дипломатии, в противовес которой она активизировала действия по расширению своих границ за пределами Индии. Не случайно её агенты из Ост-Индской компании с настойчивой активностью стали проникать в Афганистан и Среднюю Азию. Начало интенсивного посещения Средней Азии английскими миссионерами-разведчиками положила миссия Эльтинсона в Пешавар (1809 год).

В 20—30-х годах для сбора соответствующих материалов в Среднюю Азию и соседние государства был направлен ряд «профессиональных специалистов-исследователей». В 1821—1822 годах Фрейзер посетил Хорасан, где ему удалось получить немало ценных сведений о положении среднеазиатских ханств. Пробиравшиеся в Бухару в 1825 году через Пенджаб, Кашмир и Афганистан, Муркфрот и Требек также преследовали цель изучить положение среднеазиатских ханств и намерения России. То же самое следует сказать и о поездке Стирлинга и Чарльза Мэссона, посетивших Афганистан, хотя они усердно скрывали свои намерения⁹⁰⁰.

Из побывавших в Средней Азии представителей Англии в 30-х годах наиболее широкую известность получил дипломат-разведчик Александр Бернс, также прибывший в Бухару ((1832, 1836—1838 годы) через Афганистан⁹⁰¹, Вуд, впервые посетивший верховья Аму-Дарья⁹⁰².

В 1836 году посланник эмира передал русскому царю

⁸⁹⁹ См. и ср.: Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 84—86.

⁹⁰⁰ См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— С. 335; История Узбекской ССР.— Т. 1.— Кн. II.— С. 55.

⁹⁰¹ См.: Бартольд В. В. Указ. соч.— С. 335.

⁹⁰² О Вуде более подробно см.: Мушкетов И. В. Туркестан. Географическое и орфографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг.— Изд. 2.— Пг., 1915.— С. 116—126; Зайцев В. Н. Памирская страна, центр Туркестана, Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области.— Вып. II.— Новый Маргелан, 1903.— С. 27—31.

сведения по поводу участвовавшего появления британских агентов в Бухаре⁹⁰³.

Британские эмиссары, помимо сбора разведанных, стремились вытеснить Россию со среднеазиатского торгового рынка. Нередки были случаи, когда британские разведчики проникали в Среднюю Азию в составе торгового каравана. К примеру, среди прибывших из Индии в Бухару в конце 1823 года — начале 1825 года 75 купцов с караванами семеро были англичанами, имевшими особые поручения, их сопровождала прислуга из индийцев и иранцев. Свой приезд они мотивировали закупкой чистопородных лошадей⁹⁰⁴.

Привозя с собой дешёвые товары, реализация которых была явно в ущерб России, они стремились вытеснить её из Средней Азии, при этом используя купцов из близлежащих стран. До конца 30-х годов, таким образом, англичанам удалось несколько укрепить свои позиции. Но события, разворачивающиеся в Афганистане, привели не только к военной неудаче Англии, но и показали её истинные намерения среднеазиатским правителям. К тому же, активизация России в регионе способствовали оживлению антибританских настроений властей, духовенства и других прослоек местного населения. Нетрудно было заметить явное предпочтение бухарского эмира в проведении пророссийской политики. Об этом свидетельствует арест английского полковника Стодарта в 1838 году в Бухаре.

Неудачу в Бухаре английские дипломаты хотели компенсировать в Хиве, куда в 1840 году были направлены капитан Шекспир и А. Конолли. Последний на обратном пути из Коканла посетил Бухару, где был арестован. По велению эмира он в 1842 году с ранее задержанным Стодартом был казнён. В этой связи следует отметить, что в секретной инструкции от 19 января 1841 года вице-канцлера Нессельроде капитану Никифорову говорилось, что Хиву посетили два капитана Ост-Индской службы Аббот и Шекспир, и есть опасение, что появятся и другие агенты. Поводом для участвовавших посещений английских эмиссаров послужил поход Перовского в 1839 году в Хиву. Несмотря на неудачный его исход, существовало опасение повторной организации подобной акции, что вызвало беспокойство Англии.

⁹⁰³ Архив ГО.— Р. 89.— Оп. 1.— № 2.— Л. 1; см. также: История таджикского народа.— Т. II.— Кн. 2.— С. 77.

⁹⁰⁴ История таджикского народа.— Т. II.— Кн. 2.— С. 77.

Судя по содержанию документа, в России знали, что английские офицеры предлагали свои посреднические услуги для примирения Хивы и России. При таком исходе событий послу Никифорову, как уже отмечено, было поручено не допускать вмешательства или посредничества в дела России, откуда бы оно не исходило⁹⁰⁵.

Небезынтересен факт, приведённый в кратком отчёте капитана Никифорова о его переговорах с хивинским ханом Алла-кулом, состоявшихся в 1841 году. Когда речь шла об отношении Хивы с Англией, хан несколько высокомерно говорил о своём противостоянии Англии. На предостережения русского представителя, «что с Англией лучше быть в мире», что эта большая европейская страна, и Хива не может добиться успеха, выступая против неё, ответ хана был несколько неожиданным. Он чётко заявлял: «Вы мне советуете быть в мире с ними (т. е. с англичанами — Х. П.), а друзья мои Аббот и Шекспир говорили мне не мириться с русскими». Далее хан с недоумением спрашивал, что ему делать в случае покушения Англии на его самостоятельность. Ответ русского посла был таков: «Для этого довольно одного слова и в грамоте Его величества объявить, что Вы союзник России и это оградит Вас и народ Ваш»⁹⁰⁶. В этом документе явно ощущается дипломатическое противоборство России и Англии в Средней Азии. Но важно, что попытки Англии укрепиться в данном регионе потерпели провал.

Если суммировать мнения дореволюционных авторов, содержание сохранившихся документов и суждения советских исследователей, то выяснится, что причины активизации английской дипломатии в Средней Азии кроются: а) в провале силовой политики Англии в Афганистане; б) в торгово-дипломатической активизации России в регионе. Не случайно в 1840 году эмир бухарский направил в Россию посольство с просьбой защитить Бухару от грозящего английского вторжения⁹⁰⁷. В ответ на это в 1841 году из Рос-

⁹⁰⁵ Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. Составитель полковник А. Г. Серебрянников.— Т. 3.— Ташкент, 1912.— С. 31.

⁹⁰⁶ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.— Т. 3.— С. 96—97.

⁹⁰⁷ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.— Т. 2.— 1840.— Ташкент, 1912.— С. 202; см. также: Лобысевиц Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию.— С. 93—95.

сии были направлены в Бухару — горный инженер Бутеаев, а в Хиву — капитан Никифоров, подробности об экспедиции которых изложены в данной работе.

Новая волна активизации английской торгово-дипломатической службы в Средней Азии наблюдается в середине XIX века. К тому времени Англия «завершила подчинение Индии, — пишет Н. А. Халфин, — превратив её в базу своей широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке». Более того, автор не без основания пришёл к заключению о том, что «британская агентура вела активную подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Туркмении, на Памире. Правящие круги Великобритании и английская печать прикрывали, маскируя эти действия, демагогической шумихой о «русской угрозе» Индии.

Небезопасность панического опасения Англии потерять Индию отмечена в той или иной форме многими дореволюционными авторами. В частности, Э. Штейнгель писал: «Боевой клич «в Индию» с давних времён мы читали и слышали в России, начиная с Петра I, до 1900 года и не ради того, чтобы Индия особенно привлекала нас, — нет, а потому, что с потерей Индии Англия потеряет половину своего дохода и поступит в разряд второклассных держав»⁹⁰⁸. Этот исследователь с некоторым презрением отзываясь об Англии, отмечает, что ей «более к лицу... быть в разряде второклассных держав, нежели первоклассных». Далее он с недоумением говорит, что самые сильные государства, какими являются Россия, Франция и Германия, терпеливо относятся к этому и почему-то «не укажут Англии подходящего ей места»⁹⁰⁹. И, наконец, он не скрывает своего желания увидеть военные действия России и Индии, которая может стать лёгкой добычей»⁹¹⁰.

Словом, соперничество Англии и России в Средней Азии в первой половине XIX века всё больше обретало открытую враждебность, но несмотря на его явный политический характер, наиболее видимой частью этого противоборства была борьба за рынок. В этом, естественно, самое ревностное участие принимали русские купцы. Явным примером может послужить беспокойство ростовского купца Пикулина по поводу возможного захвата Англией Бухары и Хивы. По-

⁹⁰⁸ Штейнгель Э. Россия и Англия в Центральной Азии // Наблюдатель.— СПб., 1900.— № 7.— С. 49.

⁹⁰⁹ См. там же.— С. 50.

⁹¹⁰ Там же.— С. 52—53.

водом для этого опасения был привоз «многих английских товаров, в особенности ситцев», в эти ханства⁹¹¹. О завозе большого количества английских товаров, главным образом ситцев, через Мешхед в Бухарское ханство говорил Г. Небольсин⁹¹².

Об активизации ввоза английских товаров через Индию, Иран и Афганистан в Среднюю Азию и о принятии противодействующих мер свидетельствовали и военные. По мнению генерала Хрулева, высказанном в середине 50-х годов, из-за английской конкуренции русская торговля в Средней Азии не могла развиваться⁹¹³. Выход он видел только в изготовлении качественных товаров, тем более, что в этом Россия по его мнению «ещё имеет успех»⁹¹⁴.

Следует также отметить, что, наряду с другими причинами, побудившими направить полковника Н. П. Игнатьева в Бухару с посольской миссией в 1858 году, было стремление к ограничению английской торговли в среднеазиатских ханствах⁹¹⁵.

Опасение официальных лиц, купцов и военных не были беспочвенными. Сохранилось немало достоверных сведений об активизации английской агентуры в регионе. В 30—50-е годы английские разведчики особую активность проявляли среди туркменских племён. В этой связи нельзя не упомянуть о небезызвестном «путешественнике» А. Бернсе. Переодетый в дервишскую одежду, он, странствуя среди туркмен, приложил немало усилий, чтобы разжечь антирусское настроение у отдельных местных старейшин. В целом, его неблагоприятная деятельность прослеживается в написанной им книге «Путешествие в Бухару»⁹¹⁶.

⁹¹¹ Оренбургский областной Госархив.— Ф. 6.— Оп. 10.— Д. 4095.— Л. 17; см. также: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия.— М.-Л., 1949.— С. 314—315.

⁹¹² См.: Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России.— 1850.— Ч. II.— С. 372.

⁹¹³ АВПр.— Ф. СПб., Гл. Архив 1—9.— 1856.— Д. 12.— Л. 87 об.

⁹¹⁴ Проект устава товарищества для развития торговли в Средней Азии. СПб., 1863.— С. 25—27.

⁹¹⁵ Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии.— С. 85.

⁹¹⁶ Бернс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагара с подарками великобританского короля и отчёт о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг. лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Бернсом.— Ч. 1—2.— М., 1848.

Сохранился ряд документов, свидетельствующих о том, что некий английский агент по имени Мухаммад-бек, разъезжал в начале 50-х годов по туркменским сёлам и аулам, подстрекал жителей выступить против России. В прокламации этого английского агента, в частности, в кочевьях туркмен говорится в рапорте от 17 июня 1854 года командующего эскадрой в Астрабадском заливе российскому послу в Иране Н. А. Аничкову. В письме Н. А. Аничкова командиру отряда судов в Астрабадском заливе предписывается принять необходимые меры для пресечения враждебной деятельности английского агента среди туркмен (от 1 июля 1854 года). Об этом же говорится в письме товарищу министру иностранных дел, тайному советнику Л. Г. Сиявину от 3 июля 1854 года⁹¹⁷. В письме на имя командующего эскадрой от 12 июля 1854 года последний указывает на попытки агента организовать нападение на русское крейсерство⁹¹⁸. Активную подрывную работу среди туркмен вёл английский консул в Иране Ч. Ф. Макензи⁹¹⁹. Во время своего пребывания в Гиляне, Мазандаране он пытался войти в контакт с туркменами с целью втягивания их в антирусские действия⁹²⁰. Но все эти попытки не увенчались успехом.

Говоря о русско-английских противоречиях в Средней Азии, можно привести множество других фактов, свидетельствующих не только о наличии такого соперничества, но и степени его непримиримости, граничащей с прямым столкновением. В этом плане небезынтересны доклад руководителя штаба отдельного Оренбургского корпуса, статского советника Арпимовича от 4 декабря 1859 года и «Записка о будущих действиях России в Средней Азии» руководителя экспедиции, капитана 1-го ранга Бутакова к устью Аму-Дарьи в 1859 году. В этих документах речь идёт о двух совершенно противоположных мнениях, что в целом отражает мнения, бытовавшие тогда в официальных и общественных кругах.

Выводы статского советника Арпимовича основаны на сдерживании активизации России в Средней Азии и отказе от её полного подчинения. Причину этого он видит в невыгодности региона для российской экономики. Исходя из та-

⁹¹⁷ См.: Русско-туркменские отношения.— С. 433 и прим.

⁹¹⁸ Там же.— С. 435—436.

⁹¹⁹ См. там же.— С. 472, 491, 494.

⁹²⁰ См.: Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений.— С. 240.

кого суждения. Арцимович открыто выступает против ревностного отношения России к Англии из-за Средней Азии. «Торговля в Средней Азии,— пишет он в своём докладе,— равным образом положительно убыточна для России. Достаточно обратить внимание на одно обстоятельство, что среднеазиатские купцы привозят нам (т. е. русским — Х. П.) товары, продают за наличные деньги, вывозимые, судя по ценности проданного ими в России товара, и рассчитывая на неверные сведения таможи в количестве 3-х, даже 4-х миллионов рублей⁹²¹. Далее, указывая на то, что этот монетный капитал обеспечивает обращение до 20 миллионов в России кредитных билетов, подтверждает, что торговля в Средней Азии разоряет российские финансы⁹²².

Говоря об английской конкуренции в Средней Азии, он отмечает, что она не должна стать причиной конфронтации между двумя державами. Он призывает вести дела в Средней Азии так, чтобы избегать всякого воссужённого столкновения с Англией⁹²³.

Совершенно противоположное мнение изложено в «Записке» Бутакова. Говоря о торговых интересах России в регионе, он указывает, что торговля в Средней Азии будет для России выгодна тогда, когда «в этих трёх ханствах водворятся благосостояние, зажиточность, потребность в удобствах жизни и предметах сравнительной роскоши, — словом, чтобы в них преникала цивилизация»⁹²⁴. В этом он видел (во всяком случае хотел показать, что видит) миссию России в регионе. Исходя из таких соображений, он считает, что цели русского водворения вверх по Сыру и на низовьях Аму должны быть преимущественно политические⁹²⁵, что для России это означало бы владение всей Средней Азии и было настоящим ударом по Англии⁹²⁶.

Бутаков призывал к решительным действиям. Согласно его мнению, приняв в этом отношении полумеры, Россия уронит свой престиж окснительно перед азиатами. Это приведёт к полному и дешёвому торжеству Англии⁹²⁷.

Говоря о политике двух держав в Средней Азии, нельзя

921 ЦГВИА, — Ф. 483. — Ед. хр. 53. — Л. 3—3 об.

922 Там же. — Л. 3 об.

923 ЦГВИА, — Ф. 483. — Ед. хр. 53. — Л. 4—4 об.

924 Там же. — Л. 7.

925 Там же. — Л. 7 об. — 8.

926 Там же. — Л. 11—12 об.

927 ЦГВИА, — Ф. 483. — Ед. хр. 53. — Л. 11—12 об.

не заметить две ярко выраженные тенденции. Первая — это резкая непримиримая враждебность их интересов, когда речь шла об утверждении колониального господства в регионе. Это отмечается в работах подавляющего большинства исследователей, официальных документах и других письменных источниках. Вторая, хотя и менее заметная, тенденция была несколько примиренческой и построенной на спекулятивно-унизительном тоне, выплёскивавшимся из уст представителей более реакционных кругов при определении своих позиций в отношении к среднеазиатским ханствам и Востоку в целом. Не случайно в их работах часто встречаются такие презрительные эпитеты, применяемые к местным народам, как «варвары», «невежды», «дикие», «нецивилизованные» и т. п. При этом подчёркнуто говорилось о исторической миссии подчинения этих народов под своей властью с намерением «их приобщения к цивилизации». Наиболее ярким сторонником второй тенденции был профессор Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Мартенс. Свой враждебно настроенный отзыв о среднеазиатских народах он изложил в работе «Россия и Англия в Средней Азии» (СПб., 1880), которая получила вскоре достаточно широкий отклик среди более агрессивно настроенных представителей официальных и военных кругов колониальных держав. Во всяком случае барон К. Траубе, переведя эту работу с французского на русский язык, в своём предисловии указывает на её широкую популярность⁹²⁸.

В книге красной нитью проходит мысль о том, что русское и английское правительства и общественность должны не придавать значения тем слухам, которые часто проявляются в печати и распространяются неофициально. Несмотря на то, что и в Англии и в России есть немало приверженцев войны друг против друга, тем не менее, по мнению автора работы, эти цивилизованные державы «должны управлять азиатскими народами, — таков лозунг приверженцев решительной английской политики в Азии»⁹²⁹.

Останавливаясь на «значении международного права и европейской дипломатии в Средней Азии», Ф. Ф. Мартенс пытается оправдать завоевание местных ханств. Ставя их за черту правил международного права, он пытается дока-

928 Траубе К. Предисловие к кн.: Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. — С. 1.

929 Траубе К. Предисловие. — С. 3.

зать, что европейское международное право не может регулировать «сношение цивилизованных народов с народами дикими или полуварварами». Согласно его «твёрдого и справедливого» убеждения, «жизнь дикарей не знает ни торговли, ни земледелия, ни ремёсел»⁹³⁰. Этим он преследует только одну цель: оправдать завоевание региона, т. е., по его логике, эти народы имели лишь одно право — быть зависимыми, но ни от кого-либо, а именно от Англии или России. Ибо эти народы, согласно его суждению, не могут признавать каких-либо юридических правил, которым бы они должны были подчиняться всю волю. Поэтому явно «превосходящая сила только одна в состоянии заставить их отступить перед безусловной необходимостью»⁹³¹.

Данная работа была написана в конце 70-х годов, когда в основном завоевание Средней Азии Россией являлось уже свершившимся фактом, но сам дух оправдания колониальных замыслов и действий оставался без изменений. Более того, на фоне обострившихся разногласий между этими двумя заинтересованными колониальными державами появление такого рода примиренческого призыва, основывающегося на «законном праве» этих держав, что не только не разъединило, а наоборот, способствовало тесному объединению их во имя торжества той «благородной миссии», возложенной на них «богом и совестью», не могло оставаться незамеченным и не найти своих последователей. Именно на это и была направлена основная идея и цель Ф. Ф. Мартенса, о чём сам он и заявлял: «Основная идея...— это идея глубокого и непоколебимого убеждения, что интересы России и Англии в Средней Азии в сущности солидарны»⁹³².

Уверенно излагая свои соображения о перспективе сближения Англии и России, он не замечал глобальную пропасть между интересами этих стран. Несмотря на все свои благие пожелания и идейные призывы, ради установления тесных дружественных контактов с целью объединения усилий в покорении «диких и необразованных» народов Востока, этот профессор — «идеолог и правовед» не мог подняться до уровня инстинктивного понятия природы капиталистического произволства и мышления, в котором экономические интересы и выгода всегда стоят выше любых духов-

ных, моральных и даже родственных чувств и пожеланий. Вот почему, несмотря на то, что у Ф. Ф. Мартенса было немало сторонников, его идея о сближении России и Англии не могла пойти дальше благих пожеланий.

Ознакомившись в целом с материалами, отражающими различные эпизоды довольно сложного узла русско-английских противоречий в Средней Азии, невольно возникает законный вопрос: настолько же реальна была угроза завоевания Индии или же привело бы стремление Англии укрепиться в Средней Азии к экономической и политической оккупации региона? При всей противоречивости суждения всё же можно выделить степень реальных намерений двух держав. На наш взгляд, реальность была такова: обе державы вынашивали твёрдое желание не упустить благоприятного случая, чтобы осуществить свои давнишние мечты и тем самым сильнее ударить по сопернику. Об этом свидетельствуют не только торговые контрмеры, но и факты прямой, вернее, открытой попытки организации похода в Индию, как это было при Павле I, или Англии в случае успеха в Афганистане не прочь была предпринять военные действия и в Средней Азии. К тому же, переход этих двух держав к прямым военным действиям зависел во многом от состояния международных реалий, главным образом от тех противоречий, которые существовали между крупными капиталистическими державами и которые часто изменялись в отношениях друг к другу.

Исходя из такого соображения, сводить все действия этих держав к безобидной дипломатической игре является, по меньшей мере, наивным представлением исследователей, придерживающихся такого мнения.

⁹³⁰ Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии.— С. 15.

⁹³¹ Там же.— С. 16.

⁹³² Там же.— С. 90.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История российско-среднеазиатских взаимоотношений, в изучении которой главная заслуга принадлежит русским дореволюционным исследователям, берёт начало задолго до образования древнерусского государства. Эти отношения складывались, развивались и изменялись соответственно с теми переменами, которые происходили в жизни государств и народов, проживавших на бескрайних просторах России и Центральной Азии.

Исследователи, причастные к изучению данной проблемы, в большинстве своём не без основания придерживались мнения о том, что со сложением русского централизованного государства эти отношения развивались на более благоприятной почве. Частый обмен послами, регулярные торговые связи убеждают о взаимной заинтересованности в укреплении и развитии этих связей.

Наметившийся перевес влияния России в этих отношениях продолжался после падения государства Тимура и его ближайших преемников. Несколько стабилизирующие тенденции в годы правления Абдулла-хана II (1557—1598) из династии Шейбанидов не могли его остановить. В годы правления Петра I этот перевес становится очевидным.

Приведённые русскими дореволюционными исследователями данные убеждают в том, что преобразования Петра I не могли проходить бесследно для русско-среднеазиатских отношений. Несмотря на неудавшееся усилие установить непосредственное влияние в ханствах Средней Азии, а при благоприятном исходе экспедиции Бековича-Черкасского даже подчинить их, всё же была подготовлена необходимая основа для постоянных торгово-дипломатических сношений, что в свою очередь способствовало изучению истории и реального положения ханств региона.

Согласно данным исследователей, дальнейшее усиление феодальной раздробленности, постоянные междоусобные войны, дворцовые интриги привели ханства Средней Азии к крайне отсталому политическому и социально-экономическому состоянию. Былая мощь и слава среднеазиатских государств канули в область забвения. В результате того во многом определяющим фактором в политической и торгово-экономической жизни ханств оказывалась Российская империя, территориальное пространство которой по мере присоединения казахских жузов и соединения основных ли-

ний укрепления вплотную распространилась к западной, северной и восточной границам региона.

Проследивая взаимную заинтересованность российских и среднеазиатских властей в развитии торгово-дипломатических отношений, большинство исследователей пытались, тем не менее, выявить истинные намерения официальной России в отношении к Средней Азии. Данные, приведённые ими, независимо от их политических убеждений, довольно отчётливо раскрывают интересы России в регионе. Намерения российских официальных кругов в распространении своей власти на территории Средней Азии, которые стали элементом всей внешнеполитической стратегии ещё со времён Петра I, получили реальные возможности для практического воплощения с начала XIX столетия. Но этот процесс оттягивался до середины 60-х годов в силу ряда причин и событий, направивших острие активного внешнеполитического курса крупных держав, в том числе и России, в другом направлении.

Главным же сдерживающими факторами в этом плане послужили события, происходившие в Европе в первой половине XIX века, и участие России в них. К тому же произошло немало крупных событий и потрясений, потребовавших от России неимоверных усилий (участия в антинаполеоновской коалиции, военные действия, присоединение новых территорий, выполнение роли «жандарма Европы», участие в решении «восточного» вопроса, наконец, Крымская война). Немаловажную роль в этом отношении сыграла и внутриполитическая нестабильность в России, проявлявшаяся в движении декабристов, общественно-демократическом движении 30-х — первой половины 60-х годов и т. д.

Все эти события были взаимосвязаны и в той или иной мере повлияли на общий ход политики России в Средней Азии, окончательная развязка которой наступила в середине 60-х годов прошлого столетия.

Хотя российские дореволюционные авторы в силу своей идейно-методологической ограниченности не могли ясно ощутить взаимосвязь между событиями, однако многие из них в той или иной степени смогли заметить их влияния на политику России в Средней Азии. Исключение составляет лишь абсолютное умолчание русских исследователей в этом плане в связи с внутрисполитической обстановкой в России, проявлявшейся в движении декабристов и усилении револю-

ционно-демократического движения, и их влиянии на политику официальных властей.

Преследуя целью выявить и по достоинству оценить заслуги русских дореволюционных исследователей в изучении истории русско-среднеазиатских взаимоотношений, в данной работе на более комплексной основе прослеживается обширный круг проблем, ставших объектом их внимания. Это позволило при анализе обратить внимание на следующие моменты, определяющие их особую причастность в изучении истории Средней Азии:

1) проявление официальной и неофициальной заинтересованности русских к изучению края;

2) бесспорное их лидирующее место в комплексном изучении региона вообще;

3) преобладание академического принципа в их исследованиях.

Заинтересованность в изучении среднеазиатского региона диктовалась различной необходимостью. Для представителей наиболее реакционных дворянских и военных кругов с великодержавным политическим настроем она проявлялась в их стремлении к расширению границ империи за счёт более слабых и незащищённых соседних государств, что всё же сулило большие выгоды им, в частности, получение новых должностей, доходов, стратегически выгодных плацдармов для дальнейшего расширения территориальных притязаний или просто усиления сферы влияния; а для представителей торгово-промышленной буржуазии — новых рынков сбыта, дешёвой сырьевой базы и рабочих рук. Для представителей революционно-демократически настроенных кругов, учёных-исследователей и простонародья — необходимостью установления взаимовыгодных, добрососедских отношений, удовлетворения научно-познавательных интересов, желанием помочь местному населению в приобщении к более цивилизованным условиям жизни и быта, и смягчить притеснение со стороны феодалов. Словом, наблюдалось стремление втянуть местное население в общий водоворот социально-производственных отношений России, которая в то время, без сомнения, стояла по уровню развития гораздо выше среднеазиатских ханств.

Объективности ради следует подчеркнуть, что само по себе, без официальной политики царского правительства, научно-познавательная заинтересованность или просто гуманистические устремления передовой части общества не

могли получить распространения в данном регионе. Поэтому при изучении этого вопроса следует держать в поле зрения эту взаимосвязь, имея в виду определение её места и оценки.

Несмотря на наличие фактологической и концептуальной противоречивости, все исследователи, в той или иной мере причастные к изучению края, внесли соответствующую лепту в создание яркой и цельной картины истории и жизни края во всём их многообразии. Труды русских дореволюционных исследователей по глубине научного анализа и широте охвата проблем, по солидности источниковой базы в целом и поныне являются непревзойдёнными. Особую ценность представляют труды по позднесредневековому и новому периоду, где в качестве наблюдателей и участников событий выступали сами исследователи.

По мере всё большего отдаления от того периода, когда русские исследователи вели свои научные изыскания, ощущается всё больше величие их научного подвига, итогом которого явились научные открытия истории Средней Азии для аборигенов края, игравших громадную роль в истории мировой цивилизации, но по воле судьбы оказавшись надолго отброшенными на обочину прогресса.

Русским дореволюционным исследователям суждено было встать у истоков подлинно научного изучения среднеазиатского региона. В этом смысле слова А. С. Пушкина о выдающемся историке Н. М. Карамзине, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом»⁹³³, вполне применимы к Н. И. Веселовскому, В. В. Григорьеву, А. Миддендорфу, В. В. Бартольд и многим другим исследователям, которые не только заложили основу научного изучения истории Средней Азии, но и воспитали целую плеяду своих последователей. «Выдающиеся представители отечественного востоковедения, — писал академик Б. Г. Гафуров, — создали традицию научной критики источников, накопили большой опыт исследования и публикации восточных текстов. Гуманистическая, демократическая тенденция в дореволюционном отечественном востоковедении послужила основой преемственной связи лучших традиций востоковедческой науки»⁹³⁴.

Хотя анализу их научных трудов посвящено немало строк,

⁹³³ Пушкин А. С. Карамзин // Сочинения (в трёх томах). — Т. 3. — М., 1987. — С. 414.

⁹³⁴ Гафуров Б. Г. 50 лет советского востоковедения // Избранные труды. — М., 1985. — С. 531.

тем не менее каждый из этих корифеев востоковедения и менее заметных деятелей, в той или иной мере причастных к изучению истории и культуры среднеазиатского региона, многие из которых незаслуженно забыты, независимо от их политического или методологического взгляда требуют объективного, непредвзятого подхода к оценке их наследия. В этом отношении бесспорно прав Б. В. Лунин, отмечая, что «оценить по достоинству крупный и разносторонний вклад русской науки в деле изучения природы и истории Средней Азии можно только тогда, когда мы будем располагать конкретными исследованиями вопроса по отдельным отраслям знаний»⁹³⁵. К сказанному следует добавить, что требуется изучение не только по отдельным отраслям знаний, но и по конкретным их проблемам.

Настоящая работа, несмотря на свою проблемную ограниченность, ещё раз показывает значение заслуг дореволюционных исследователей в изучении истории края.

Анализ материалов, выводы и заключения их авторов убеждают в том, что именно им принадлежит непревзойдённая заслуга последовательного и систематического изучения истории русско-среднеазиатских отношений. Отбрасывая идеологический пафос и нотки великодержавных амбиций у отдельных исследователей и, следуя только принципу степени реального освещения (под углом зрения фактологической насыщенности изложенного материала), нельзя не отметить, что становление русско-среднеазиатских торгово-экономических и культурно-политических отношений, несмотря на события, происходившие в силу действий официальных кругов и несколько омрачавших общие тенденции взаимовыгодных отношений, взаимная привязанность и симпатии более ощутимы, нежели взаимные упреки и отчуждение.

Задача исследователя заключается в том, чтобы непредвзято, по-научному осмыслить это. Суметь в общем круговороте событий увидеть не только негативные моменты, но и то положительное, выражавшееся во взаимном притяжении, которого у наших народов было несомненно больше.

Комплексное изучение наследия русских исследователей не только способствует освещению картины взаимосвязей на том или ином этапе исторического развития России и

⁹³⁵ Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане.— С. 10.

Средней Азии, но и даёт возможность ощутить те перемены, которые происходили в характере этих отношений. Ярким свидетельством тому является описание перемен, происшедших в истории этих взаимоотношений.

Несмотря на некоторую противоречивость в суждениях русских дореволюционных исследователей, в их трудах нетрудно выявить, с одной стороны, официальные намерения властей и реакционных кругов, с другой — общую симпатию и заинтересованность демократически настроенных слоёв общества, большинства учёных, для которых были чужды националистические и религиозные предрассудки. Разумеется, на общем фоне доброжелательности, часть фанатично настроенного духовенства, или амбициозного чиновничества, препятствующего установлению размеренного ритма торгово-дипломатических отношений не могла омрачить общую тенденцию взаимного сближения.

Исходя из вышеуказанного, следует при изучении вопросов, касающихся взаимоотношения России и среднеазиатских народов, реально взвесить и позитивные и негативные стороны, в которых, несомненно, первые всегда брали верх. По нашему глубокому убеждению, при таком подходе чаша весов непременно склоняется в сторону позитивных моментов, прогрессивных явлений, что в конечном итоге приводило к общему переплетению судеб этих народов на пути социально-экономического и культурного прогресса. Более того, несмотря на все произвольные и непроизвольные обвинения, особенно развернувшиеся в так называемые перестроечные годы, осуждающие экспансионистско-колониальную политику царизма, всё же следует исходить из одной реалии: Россия была и будет для народов Средней Азии связующим звеном с мировой цивилизацией. Этот бесспорный факт заслуживает специального исследования.

Комплексный анализ трудов русских дореволюционных исследователей убеждает в общности наших интересов. Это обязывает при изучении их наследия в целях объективной оценки придерживаться следующих принципов:

1) Независимо от политических перемен, происходящих в жизни народов и общества в целом, избегать одностороннего подхода к освещению истории наших народов в целом, истории их взаимоотношений, в частности. При этом: а) стараться найти максимум закономерностей, происходящих событий в увязке с реальностью того периода; б) при оценке событий исходить из степени их влияния на тенденции,

стимулирующие общий прогресс;

2) Непредвзято отделять официальную политику властей, которая как известно, исходила из узко-эгоистических, национально-религиозных предрассудков, с позиции личной политической и экономической выгоды, от того прогрессивно-общественного настроения, преобладающее влияние на народные массы;

3) При изучении наследия того или иного исследователя глубоко и серьёзно разбираться в его приверженности к тому или иному политическому течению, причём, не выделяя его из того общества, мировоззрение которого является его продуктом. Только при таком подходе можно дать объективную политическую и практическую оценку его труда;

4) При изучении научного наследия дореволюционных исследователей как можно шире сопоставлять приведённые ими факты с результатами современных исследований или обнаруженными позже источниками;

5) Особого внимания и подхода требуют труды профессиональных специалистов, представителей академической школы;

6) Уделить внимание выявлению вклада русских исследователей не только по отраслям знаний, но и по конкретным проблемам отраслей;

7) Особый интерес в перспективе вызывает попытка сопоставительного изучения наследия русских и западноевропейских исследователей. Это необходимо для убедительного и практического подтверждения мнения русских востоковедов о лидирующем положении русской науки в изучении среднеазиатского региона;

8) Специальное исследование требуется по изучению степени освещения русско-среднеазиатских отношений в местных источниках;

9) Особого исследования требует роль России в истории взаимоотношений Запада и Востока.

Только при таком изучении, на наш взгляд, можно обеспечить комплексное исследование наследия русских авторов и по достоинству оценить их вклад в развитие отечественной науки. Только при этом можно взять новые рубежи в развитии науки, знамя которой высоко несли русские учёные, обессмертившие свои имена благородными стремлениями и дерзаниями. Только при этом новые, грядущие поколения смогут выполнить свой долг перед памятью таких замечательных тружеников отечественной и мировой науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Литература и опубликованные источники.

- АБАЗА К. К.** Героические рассказы.—СПб., 1900.—38 с.
- АБАЗА К. К.** Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории. Очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении.—СПб., 1902.—312 с.
- АБАЗА К. К.** Первые походы в Хиву: Зимний поход графа Перовского в 1839—18040 гг.//Родник.—1889.—С. 155—169.
- АГАЕВ Х.** Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в.—Ашхабад: Туркмениздат, 1965.—104 с.
- АКРАМОВ Н. М.** Академик В. В. Бартольд.—Душанбе: Ирфон, 1976.—55 с.
- АКРАМОВ Н. М., АКРАМОВА Х. Ф.** М. С. Андреев таджикотчи таърихи тоҷикони кӯхистон.—Душанбе: Ирфон, 1977.—55 с.
- АКРАМОВ Н. М.** Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк.—Душанбе: Изд-во АН Тадж.ССР, 1963.—112 с.
- АКРАМОВ Н. М.** Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья. Автореф. дисс. доктора ист. наук.—Душанбе—Москва, 1975.—38 с.
- АКРАМОВ Н. М.** Социально-экономическая история народов Средней Азии VI—VII вв. в трудах В. В. Бартольда//Учен. зап. Душанбинского госпединститута.—Т. 58.—Душанбе, 1968.—С. 3—36.
- АКРАМОВА Х. Ф., АКРАМОВ Н. М.** Востоковед Михаил Степанович Андреев. (Научно-биографический очерк).—Душанбе: Ирфон, 1973.—223 с.
- АЛДАН-СЕМЁНОВ А. И.** Семёнов-Тянь-Шанский (1827—1914).—М.: Молодая гвардия, 1965.—304 с.
- АМИГИН-ШАПИРО З. Л.** Библиография дореволюционной русской литературы по истории и экономике Иссык-кульской области (1768—1917 гг.).—Пржевальск, 1958.—70 с.
- АНИСИМОВ Е. В.** Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра.—М.: Мысль, 1936.—237 с.
- АННАНЕСОВ М.** Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв.—Ашхабад: Ылим, 1972.—284 с.
- АПСЛОВА Н. Г.** Экономические и политические связи Ка-

- захстана с Россией в XVIII — начале XIX вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 456 с.
- АРАПОВ Д. Ю.** Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии.— М.: Изд-во Московского университета, 1981.— 127 с.
- АРУНОВА М. Р., АШРАФЯН К. З.** Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века.— М.: Изд-во восточной литературы, 1958.— 283 с.
- АХМЕДЖАНОВ Г.** Советская историография завоевания Туркестана и установления господства России в Средней Азии. Автореф. дисс. доктора ист. наук.— Ташкент, 1991.— 43 с.
- АХМЕДОВ Б. А.** Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона // Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники).— Ташкент: Фан, 1985.— С. 194—200.
- АХМЕДОВ Б. А.** Реляции из Бухары Флорио Беневени // Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники).— Ташкент: Фан, 1985.— С. 212—216.
- АХМЕДОВ Б. А.** Хрисанф, митрополит Новопапатрасский. О странах Средней Азии // Историко-географическая литература о Средней Азии XVI—XVIII вв.— Ташкент: Фан, 1985.— С. 217—219.
- БАГГЕР Х.** Реформы Петра Великого. Обзор исследований. (Перевод с датского В. Е. Возгриня). Вступительная статья и общая редакция В. И. Буганова.— М.: Прогресс, 1985.— 194 с.
- БАРТОЛЬД В. В.** Арабские известия о русах // Сочинения.— Т. II.— Ч. I.— М.: Наука, 1963.— С. 810—858.
- БАРТОЛЬД В. В.** Ближайшие задачи изучения Туркестана // Сочинения.— Т. IX.— М.: Наука, 1977.— С. 545—555.
- БАРТОЛЬД В. В.** Восток и русская наука // Сочинения.— Т. IX.— М.: Наука, 1977.— С. 534—545.
- БАРТОЛЬД В. В.** Извлечение из Таърихи Шахруха // Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— М.: Наука, 1964.— С. 350—358.
- БАРТОЛЬД В. В.** Иран. Исторический обзор // Сочинения.— Т. VII.— М.: Наука, 1971.— С. 229—234.
- БАРТОЛЬД В. В.** История изучения Востока в Европе и России // Сочинения.— Т. IX.— М.: Наука, 1977.— С. 197—482.

- БАРТОЛЬД В. В.** Коканд // Сочинения.— Т. III.— М.: Наука, 1965.— С. 362—366.
- БАРТОЛЬД В. В.** Мир Али-шир и политическая жизнь // Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— М.: 1964.— С. 197—260.
- БАРТОЛЬД В. В.** С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие.— Петроград, 1915.— 215 с. Рецензия // Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— М.: Наука, 1964.— С. 419—422.
- БАРТОЛЬД В. В.** Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Сочинения.— Т. IX.— М.: Наука, 1977.— С. 510—533.
- БАРТОЛЬД В. В.** Улугбек и его время // Сочинения.— Т. II.— М.: Наука, 1964.— С. 23—196.
- БАРТОЛЬД В. В.** Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке // Сочинения.— Т. II.— Ч. 2.— С. 388—399.
- БАСИН В. Я.** Россия и казахские ханства в XVI—XVII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи).— Алма-Ата: Наука, 1971.— 275 с.
- БАТОРСКИЙ, подполковник генерального штаба.** Проект экспедиции в Индию, предложенный Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807—1808 гг. // Сборник географических материалов по Азии.— Вып. XXIII.— СПб., 1886.— 170 с.
- Безвременье и временщики:** Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720—1760-е гг.). Сост., подгет. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Анисимова.— Л.: Худож. лит., Ленинградское отделение, 1991.— 365 с.
- БЕКМАХАНОВ Е. Б., БОЛЬШАКОВ О. Г.** Предисловие к III тому сочинения В. В. Бартольда // Бартольд В. В. Сочинения.— Т. III.— М.: Наука, 1965.— С. 3—4.
- БЕРГ Л. С.** Аральское море. Опыт физико-географической монографии // ИГСИРГО.— Т. V.— Научные результаты Аральской экспедиции.— Вып. 9.— СПб., 1908.— С. 37—40.
- БЕРГ Л. С.** Очерки по истории русских географических открытий.— 2-е изд.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 469 с.
- БЕРНС А.** Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчёт о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской службы Александром Бернс-

- сом. Издатель.— Действительный член ИРГО П. В. Голубков.— Ч. I.— М., 1848.— 328 с.; Ч. II.— 1848.— 502 с.; Ч. III.— М., 1849.— 628 с.
- БЛАНКЕННАГЕЛЬ.** Путевые заметки майора Бланкеннагеля в Хиве в 1793—1794 годах (с примечаниями и комментариями В. В. Григорьева) // ВИРГО.— Ч. XXII.— Кн. 3.— СПб., 1858.— С. 87—116; та же: Замечания майора Бланкеннагеля в последствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793—1794 годах.— СПб., 1858.— 32 с.
- БЛАРАМБЕРГ И. Ф.** Воспоминания. (Пер. с нем. Вступ. статья Н. А. Халфина).— М.: Наука, 1978.— 357 с.
- БЛАРАМБЕРГ И. Ф.** Журнал, ведённый во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря 1836 г. // ЗИРГО.— 1850.— Кн. IV.
- БЛАРАМБЕРГ И. Ф.** Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря // ЗИРГО.— 1850.— Кн. IV.
- БОЙКОВА Н. Б.** Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях.— Ташкент: Наука, 1964.— 191 с.
- БОКИЕВ О. Б.** Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Бадахшана к России.— Душанбе: Ирфон, 1994.— 269 с.
- БОКИЕВ О. Б.** Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей.— Душанбе: Дониш, 1991.— 168 с.
- БОКИЕВ О. Б.** Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии.— Душанбе: Ирфон, 1976.— 150 с.
- БОКИЕВ О. Б.** Таджикистан в русской дореволюционной историографии. Авторет. докт. ист. наук.— Санкт-Петербургский госуниверситет, 1991.— 46 с.
- БРАГИНСКИЙ И. С., РАДЖАБОВ С. А., РОМАДИН В. А.** Историческое значение присоединения Средней Азии и Казахстана к России. В кн.: Брагинский И. С. Исследования по таджикской культуре.— М.: Наука, 1977.— С. 54—80.
- БРЕГЕЛЬ Ю. Э.** Хорезмские туркмены в XIX в.— М.: Изд-во восточной литературы, 1961.— 442 с.
- БУНАКОВ Е. В.** К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение.— Т. II.— М., 1941.— С. 9—22.
- БУНАКОВ Е. В.** Тенденция развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения её к России // Проблемы востоковедения.— М., 1960.— № 6.— С. 93—101.
- БУТАКОВ А. М.** Несколько страниц из истории Хивы // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник.— Вып. 3.— СПб., 1873.— С. 414—418.
- БУТАКОВ А. М.** О дельте и устье Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости.— 1872.— № 32.
- БУТАКОВ А. М.** Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки.— СПб., 1865.— № 11.— С. 103—112.
- ВАЛИХАНОВ Ч. Ч.** Статьи и переписки. Сост. вступ. ст. и примеч. Х. Айдаровой.— Алма-Ата: Казогиз, 1947.— 151 с.
- ВАМБЕРИ Герман.** История Бохары и Трансоксании с древнейших времён до настоящего. Перевод А. Павловского.— Т. 1—2.— СПб., 1873.— 274 и 228 с.
- ВАМБЕРИ А.** Очерки и картины восточных народов.— СПб., 1877.— 279 с.
- ВАМБЕРИ А.** Очерки Средней Азии (дополнение к Путешествию по Средней Азии).— М., 1868.— 361 с.
- ВАМБЕРИ А.** Путешествие по Средней Азии из Тегерана через туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште, членом её А. Вамбери.— М., 1867.— 369 с.
- ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ В. В.** Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени Абул-Хайр хана (1747—1765 гг.).— Уфа, 1853.— Т. I.— 131 с.
- ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ В. В.** Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммед-Али до Худояр-хана. СПб., 1856.— 42 с. (С. 25—42 приложения к статье: Дневник ростовского купца С. Я. Ключарева, находившегося в то время в Ташкенте по торговым делам).
- ВЕНИКОВ М. М.** Россия и Восток. Собр. геогр. и полит. статей.— СПб., 1877.— 297 с.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ И. И.** Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке) // Журнал Министерства народного просвещения.— Ч. 273.— СПб., 1891.— Январь (отд. II).— С. 42—72.

- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И.** К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море//ЗВОРАО.—Т. XIV.—СПб., 1902.—С. XVII—XVIII.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И., НАЛИВКИН В. П.** Краткая история Кокандского ханства.—Казань, 1886.—215 с. Рецензия//ЗВОРАО.—Т. I.—1887.—С. 227—228.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И.** Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего.—СПб., 1877.—364 с.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И. П. Шубинский.** Очерки Бухары.—СПб., 1892.—107 с. Рецензия.—Отт. без тит. л. и обл.—СПб., (1893) — 7 с.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И.** Первые подданства туркмен к России//Исторический вестник.—Т. XVI.—СПб., 1884.—№ 1.—С. 300—306.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И.** Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотова и его статейный список пребывания в Хиве в 1669—1670 гг.//Туркестанские ведомости.—1882.—№ 20.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. И.** Приём в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетия. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел//ЖМНП.—Ч. 234.—СПб., 1884.—№ 7.—Август.—Отд. II.—С. 68—105; та же работа: (отд. отт.).—СПб., 1884.—40 с.
- Восворение русской власти в Средней Азии**//Военный сборник.—Т. 62.—СПб., 1868.—№ 8.—С. 245—276; Т. 63.—1868.—№ 9.—С. 109—150.
- ВОЛИШЕВСКИЙ К.** Преемники Петра (пер. с фр.).—Репринт. воспроизведение. Изд. 1912.—М.: СП и ПА, 1990.—359 с.
- ВОЛКОВ О. Я.** Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в.//Торговля городов Сибири конца XVI—начала XX вв. Сб. науч. ст.—Новосибирск, 1987.—С. 175—214.
- ВОЛОВНИКОВ В. Г.** По дорогам Востока и времени. Вступительная статья.//В кн.: Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах.—М.: Наука, 1986.—С. 5—31.
- ГАЛКИН-ВРАСКОЙ М. Н.** Этнографические и исторические материалы по истории Средней Азии и Оренбургскому краю.—СПб., 1868.—336 с.

- ГАЛУЗО П. Г.** Туркестан — колония. (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии).—Изд. 2-е испр. и допол.—Ташкент:Госиздат УзССР, 1935.—222 с.
- ГАРКАВИ А. Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X вв. по Р. Х.).—СПб., 1870.—307 с.
- ГАФУРОВ Б. Г.** История таджикского народа в кратком изложении.—Т. I. С древнейших времён до Великой Октябрьской революции.—3-е изд., испр. и доп.—М.: Госполитиздат, 1955.—544 с.
- ГАФУРОВ Б. Г.** 50 лет советского востоковедения//Избранные труды.—М.: Наука, 1985.—С. 530—539.
- ГАФУРОВ Б. Г.** Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.—М.: Наука, 1972.—664 с.
- ГАФУРОВ Б. Г., МИРОШНИКОВ Л. И.** Изучение цивилизации Центральной Азии.—М., 1976.—127 с.
- ГЛУХОВСКОЙ А. И.** Амударьинско-каспийский водный путь и его значение для России.—СПб., 1989.—16 с.
- ГОЛОСОВ Д.** Поход в Хиву в 1717 году под начальством рейб-гвардии Преображенского полка капитана, князя Александра Бековича-Черкасского//Военный сборник.—Т. XXI—СПб., 1861.—№ 10.—С. 303—364. (Приложение: С. 343—364 и карта Оренбургского края).
- ГОЛОСОВ Д.** Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск под начальством генерал-адъютанта Перовского//Военный сборник.—Т. XXIX.—СПб., 1863.—№ 1.—С. 3—71; Т. XXIX.—1863.—№ 2.—С. 309—358; Т. XXX.—1863.—С. 3—71.
- ГОЛУБКОВ П.** О торговом пути в Среднюю Азию через Россию. (Отт. из кн.: «Британская империя в Индии»).—М., 1884.—15 с.
- ГРЕКОВ В. И.** Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг.—М.: Изд-во АН СССР, 1960.—425 с.
- ГРИГОРЬЕВ В. В.** Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним.—СПб., 1861.—306 с.
- ГРИГОРЬЕВ В. В.** Разбор сочинения П. И. Небольсина: Очерки торговли России со Средней Азией.—Извл. Без места и года изд.—С. III—182.
- ГРИГОРЬЕВ В. В.** Россия и Азия. Сборник исследований

- по истории, этнографии и географии, написанных Григорьевым, ориенталистом.— СПб., 1876.— 575 с.
- ГРИГОРЬЕВ В. В.** Русская политика в отношении к Средней Азии. (Исторический очерк).— СПб., 1874.— 30 с.
- ГРИГОРЬЕВ (ЗАИЛЕЦКИЙ) В. В.** Среднеазиатские дела. М., 1865.— 114 с.
- ГРУЛЕВ М.** Соперничество России и Англии в Средней Азии.— СПб., 1909.— 380 с.
- ДАВЛЕТОВ Д., ИЛЬЯСОВ А.** Присоединение Туркмении к России.— Ашхабад: Ылым, 1972.— 254 с.
- ДАНИЛЕВСКИЙ Г. И.** Описание Хивинского ханства // ЗИРГО.— Кн. V.— 1851.— С. 62—159.
- ДЕРГАЧЕВ Л. Д.** Средняя Азия в политике России 1857—1868 гг. (Борьба правительственных и общественных группировок). Автореф. дисс. канд. ист. наук.— М.: Изд-во МГУ, 1967.— 13 с.
- ДЖАМГЕРЧИНОВ Б. Д.** Важный этап из истории киргизского народа. (К столетию присоединения Киргизии к России).— Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957.— 93 с.
- ДЖАМГЕРЧИНОВ Б. Д.** Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Изд. 2-е.— Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963.— 436 с.
- ДЖАМОЛОВ К.** К истории торговых отношений Средней Азии с Россией до XVII в. // ИООН АН ТаджССР.— Душанбе, 1964.— № 12 (40).— С. 20—28.
- ДЖЕНКИНСОН А.** Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.— Л., 1937.— С. 167—192.
- ДРУЖИНИН Н. М.** В страну туркмен и узбеков. (Туркмено-хивинская экспедиция Н. М. Муравьева).— Л.: Брокгауз—Эфрон, 1927.— 118 с.
- ЕФРЕМОВ Ф. С.** Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию.— СПб., 1794.— 110 с. Последнее, 5-е изд.— М.: Географгиз, 1952.— 88 с.
- ЖЕЛЯБУЖСКИЙ Е.** Очерки завоевания Хивы.— М.: Журнал «Грамотей», 1875.— 128 с.
- ЖИТОВ К. Е.** Завоевание Средней Азии царской Россией.— Ташкент, 1939.
- ЖУКОВ Е. М.** Очерки методологии истории.— М.: Наука, 1987.— 255 с.
- ЖУКОВСКИЙ С. В.** Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва.— СПб., 1894.— 216 с.

- ЖУКОВСКИЙ С. В.** К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году // Восточный сборник.— Кн. II.— Пг., 1916.— С. 273—340.
- ЖУКОВСКИЙ С. В.** Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие.— Пг., 1915.— 215 с.
- Журналы Кабинета министров.**— Т. I.— 1802—1810 гг.— СПб., 1888.— 504 с.; Т. II.— 1810—1812 гг.— СПб., 1891.— 758 с.
- ЗАВЬЯЛОВ В. В.** Исторический обзор путешествия в Бухару.— Уфа, 1858.— 28 с.
- ЗАЙЦЕВ В. Н.** Памирская страна— центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области.— Вып. II.— Новый Маргелан, 1903.— С. 27—31.
- ЗАЛЕСОВ Н.** Очерк дипломатических сношений России с Бухариею с 1836 по 1843 год // Военный сборник.— Т. XXVII.— СПб., 1862.— № 9.— С. 3—46 (прилож.: С 33—46).
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Письма из Бухары // Военный сборник.— Т. XII.— 1858.— № 4.— С. 235—348.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Письма из степи // Военный сборник.— Т. III.— 1858.— № 10.— С. 487—491.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Письма из Хивы // Военный сборник.— Т. V.— СПб., 1859.— С. 273—295.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Письмо из Хивы // Военный сборник.— Т. IV.— СПб., 1858.— С. 491—497.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Посольство в Бухару и Хиву полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник.— Т. 91.— 1871.— № 2.— С. 421—440; Т. 92.— № 3.— С. 42—82.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник.— Т. XXII.— СПб., 1867.— № 11.— С. 41—80; там же: Прилож. к статье.— С. 81—92.
- ЗАЛЕСОВ Н. Г.** Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник.— Т. XI (49).— СПб., 1866.— № 5.— С. 41—75.
- ЗАХАРЬИН (ЯКУНИН) И. Н.** Граф Г. А. Перовский и его зимний поход в Хиву.— СПб., 1901. Первая часть: Граф Перовский.— 128 с.; Вторая часть: Зимний поход в Хиву в 1839 году.— 206 с.
- ЗАХАРЬИН (ЯКУНИН) И. Н.** Посольство в Хиву в 1842 г. (по рассказам и запискам очевидцев) // Хива.— СПб., 1898.— С. 167—205.

- ЗИЯЕВ Х. З.** Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв.—Ташкент: Фан, 1983.—167 с.
- ЗЫКОВ С.** Хивинские дела с 1839 по 1842 гг. (Экспедиция в Хиву Перовского 1839—1840 гг.)//Русское слово.—1862.—№ 3.—С. 1—58; № 4.—С. 1—23.
- ИВАНИН М.** Заметки по поводу напечатанной работы Д. Голосова «Поход в Хиву в 1839 г.»//Военный сборник.—Т. XXX.—СПб., 1863.—№ 4.—С. 484—499.
- ИВАНИН М.** Несобходимое объяснение//Военный сборник.—Т. XXX.—СПб., 1863.—№ 3.—С. 73—74.
- ИВАНИН М.** Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг.—СПб., 1874.—267 с.
- ИВАНОВ М. С.** Очерки истории Ирана.—М.: Госполитиздат, 1952.—468 с.
- ИВАНОВ П. П.** Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX вв.).—М.: Наука, Изд-во Восточной литературы, 1958.—247 с.
- ИГНАТЬЕВ Н. П.** Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году.—СПб., 1895.—278 с.
- Из бумаг графа **М. Н. Муравьёва.** (С предисловием гр. С. Д. Шереметьева) // Старина и новизна.—Кн. II.—СПб., 1898.—С. 264—312.
- ИОРК фон ВАРТЕНБУРГ М.** Рост России в Азии. Перевод с немецкого подполк. Губева.—Ташкент, 1900.—123 с.
- ИОРК фон ВАРТЕНБУРГ М.** Успехи России в Азии XVI—XIX вв. (Отт. из Варшавского военного журнала).—Варшава, 1900.—46 с.
- ИСКАНДАРОВ Б. И.** Вклад русских учёных в изучение до-революционного Таджикистана // ИООН АН ТаджССР.—Душанбе, 1974.—№ 33.—С. 22—31.
- ИСКАНДАРОВ Б. И.** Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.—Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960.—213 с.
- ИСКАНДАРОВ Б. И.** Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику до-революционного Таджикистана.—Душанбе: Дониш, 1976.—143 с.
- ИСКАНДАРОВ Б. И.** Из прошлого Таджикистана.—Душанбе: Дониш, 1974.—75 с.
- ИСКАНДАРОВ Б. И., МАСОВ Р. М.** Россия и Таджикистан.—Душанбе: Ирфон, 1984.—76 с.
- ИСКАНДАРОВ Б. И.** Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира накануне

присоединения Средней Азии к России//История СССР.—М.: Наука, 1959.—№ 4.—С. 126—137.

- История Казахской ССР.**—Т. 1.—Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957.—609 с.
- История Казахской ССР.** С древнейших времён до наших дней (в 5-и томах).—Т. 1.—Алма-Ата: Наука, 1977.—478 с.; Т. II.—1979.—423 с.
- История Киргизии.**—Т. I—II.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963. 591, 795 с.
- История таджикского народа**—Т. II.—Кн. 1—2—М.: Наука, 1964.—492, 355 с.
- История Туркменской ССР.**—Т. 1.—Кн. 1—2.—Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957.—531 с.
- История Узбекской ССР.**—Т. 1.—Кн. 1—2.—Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955—1956.—543, 497 с.
- История Узбекской ССР с древнейших времён до наших дней.**—Ташкент: Фан, 1974.—583 с.
- Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках.** (Сборник документов и материалов).—Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961.—743 с.
- Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 гг.).** Сборник документов и материалов.—Алма-Ата: Наука, 1964.—575 с.
- КАЙДАЛОВ Е.** Караван—записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824—1825 годах.—Ч. 1.—М., 1828.—С. I—XVI; те же «Записки», извл. из «Русского инвалида».—№ 19.—20.—18 с.
- КАТАНАЕВ Г. Е.** Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. По архивным и печатным материалам.—Вып. 1.—СПб., 1908.—Т. 1.—115 с.
- КАТАНАЕВ Г. Е. Н. И.** Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии // ЗИРГО.—Зап.-Сиб. отд.—Т. XXXVIII.—Омск, 1916.—С. 192—256.
- КИЛЕВЕЙН Е. А.** Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Саид-Мухаммед хана 1856—1860 гг./ЗИРГО.—Кн. 1.—1861.—С. 95—118; Указ. раб./Этнографический сборник.—Вып. 5.—1969.—С. 1—14.
- КИНЯНИНА Н. С., БЛИЕВ М. М. и др.** Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII

- 80-е годы XIX вв.— М.: Изд-во МГУ, 1984.— 328 с.
 Книга Большому Чертежу.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 229 с.
- КОНОПКА С. Р.** Туркестанский край.— Ташкент, 1910.— 374 с.
- КОСТЕНКО Л. Ф.** Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.— СПб., 1871.— 358 с.
- КОСТЕНКО Л. Ф.** Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. (Материалы для географии и статистики России).— СПб., 1880.— Т. I.— 488 с.; Т. II.— 231 с.; Т. III.— 303 с.
- КОСТОМАРОВ Н.** Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях.— СПб., 1862.— 300 с.
- ЛАДЫЖЕНСКИЙ К. И.** История русского таможенного тарифа.— СПб., 1886.— 312 с.; Введ. I—XV с. и прилож.— 82 с.
- ЛЕВШИН А.** Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. В трёх частях.— Ч. 2.— СПб., 1832.— 332 с.; Ч. 3.— СПб., 1832.— 304 с.
- ЛЕНИН В. И.** Конгресс Коммунистического интернационала//Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 241—247.
- ЛЕНИН В. И.** Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч.— Т. 3.— 609 с.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А., АКРАМОВ Н. М.** Александр Александрович Семёнов.— М.: Наука, 1971.— 180 с.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А., АКРАМОВ Н. М.** Академик А. А. Семёнов.— Душанбе: Ирфон, 1974.— 47 с.
- ЛОВЫСЕВИЧ Ф. И.** Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников).— СПб., 1900.— 205 с.
- ЛУНИН Б. А.** Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. (Туркестанский кружок любителей археологии — 1895—1917 гг.).— Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.— 320 с.
- ЛУНИН Б. В.** Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX вв.).— Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.— 344 с.
- ЛУНИН Б. В.** Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения.— Ташкент: Фан, 1979.— 182 с.
- ЛУНИН Б. В.** Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент: Наука, 1965.— 408 с.

- ЛУНИН Б. В.** У истоков великой дружбы.— Ташкент: Узбекистан, 1972.— 406 с.
- ЛЮБИМОВ С. М.** Князья Бековичи-Черкасские.— М., 1915.
- МАКШЕЕВ А. И.** Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае.— СПб., 1879.— 39 с.
- МАКШЕЕВ А. И.** Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае.— Без места изд. (СПб.—?).— 1868.— 60 с.
- МАКШЕЕВ А. И.** Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских.— СПб., 1890.— 375 с.— 8 карт.
- МАКШЕЕВ А. И.** Описание низовьев Сыр-Дарьи. (Извл. из «Морского сборника».— № 9.— 1856).— СПб., 1856.— 80 с.
- МАКШЕЕВ А. И.** Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю.— СПб., 1896.— 257 с.
- МАКШЕЕВ А. И.** Степные походы. (Извл. из «Русского инвалида».— №№ 18—20.— 1856).— СПб., 1856.— 17 с.
- МАРКОВ Е. Л.** Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге.— СПб., 1901.— Т. I.— 541 с.; Т. II.— 516 с.
- МАРТИРОСОВ С. З.** Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе.— Чарджоу: Туркменский институт им. В. И. Ленина, 1962.— 72 с.
- МАРТЕНС Ф. Ф.** Россия и Англия в Средней Азии. (Перевод с французского и предисл. К. Траубе).— СПб., 1880.— 91 с.
- МАСАНОВ Э. А.** Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР.— Алма-Ата: Наука, 1966.— 322 с.
- МАСАНОВ Н. Э.** Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков.— Алма-Ата: Наука, 1984.— 176 с.
- МАСЛОВА О. В.** Обзор путешествий и экспедиций в Средней Азии.— Ч. I—III.— Ташкент: Изд-во САГУ, 1956.
- МАСОВ Р. М.** История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.— Душанбе: Дониш, 1988.— 317 с.
- МАСОВ Р. М.** Таджики: История с грифом «Совершенно

- секретно». — Душанбе: Центр издания Культурного наследия, 1995. — 200 с.
- Материалы** Военно-учёного архива Главного штаба. — Т. 1. — СПб., 1871. — 846 с.
- Материалы** по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию. — СПб., 1869. — 74 с.
- Материалы** по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — Ч. 1. (Торговые отношения Московского государства с народами Средней Азии в XVI—XVII вв.) // Труды Историко-археологического института и ИВ АН СССР. — Вып. 3. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — 304 с.
- Международные отношения** в Центральной Азии XVII—XVIII вв. Документы и материалы. — Кн. 1. — М.: Наука, 1989. — 375 с.
- МЕЙЕНДОРФ Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару. (Под редакцией и со вступ. статьёй Н. А. Халфина). — М.: Наука, 1975. — 180 с.
- МЕЙЕНДОРФ Е. К.** Сообщения и заметки о путешествии Е. К. Мейендорфа в Бухару // Северный архив. — Ч. 22. — 1825. — С. 395—401; Ч. 23. — 1826. — С. 161—162; Ч. 24. — С. 72—85; Ч. 25. — С. 178—194; Московский телеграф. — 1826. — Ч. X. — № 15. — С. 231—239; Ч. XI. — № 16. — С. 48—62; Мануфактура и торговля. — 1832. — № 6. — С. 83—105; Казанский вестник. — № 18. — 1826. — Кн. 12. — С. 233—259; Азиатский вестник. — 1825. — Кн. 1. — С. 3—15; Кн. 2. — С. 75—89; Кн. 4. — С. 231—240; Кн. 6. — С. 374—380.
- МЕЙЕР Л.** Обзор западной оконечности Каратауских гор и несколько слов о взятии кокандской крепости Яны-Курган // Военный сборник. — Т. XXVII. — СПб., 1862. — № 10. — С. 263—278.
- МЕТТЕЛЬДЫЕВ С.** Социально-экономический строй туркмен средней Аму-Дарьи в XIX в. — Ашхабад: Ылым, 1980. — 148 с.
- МИДДЕНДОРФ А.** Очерки Ферганской долины. (Перевод с немец. В. И. Ковалевского). — СПб., 1882. — 489 с.
- Министерство финансов** 1802—1902 гг. — Часть первая. — СПб., 1902. — 640 с.
- МИРЗАЕВА Л. Р.** Об одном ценном источнике по истории Средней Азии XIX в. («Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», сост. А. Г. Серебрянниковым) // Научн. работ и сообщ. (отд. общ. наук АН УзССР). — Кн. 1. — Ташкент, 1960. — С. 95—102.

- МИРЗАЕВА Л. Р.** Сборник «Туркестанский край» А. Г. Серебрянникова и его значение для среднеазиатской историографии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Ташкент, 1963. — 19 с.
- МИХАЛЕВА Г. А.** Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). — Ташкент: Фан, 1982. — 92 с.
- МУРАВЬЕВ Н. Н.** Путешествие в Туркестан и Хиву в 1819 и 1820 годах. — Ч. I—II. — М., 1822. — Ч. I. — 182 с.; Ч. II. — 145 с.
- МУРЗАЕВ Э. М., РЯЗАНОВ С. И., П. П. Семёнов-Тян-Шанский** // Географические исследования в Центральном Тянь-Шане. — М., 1953. — С. 2—26.
- МУХАМЕДЖАНОВ А.** Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Бухарского ханства с Россией в 20—50-х годах XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Ташкент, 1955. — 16 с.
- МУХТАРОВ А.** История Ура-Тюбе. (Конец XV — начало XX вв.). — М.: ОАО «Типография № 3», 1998. — 278 с.
- МУХТАРОВ А. М.** Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. — Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1964. — 185 с.
- МУШКЕТОВ И. В.** Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. — Т. 1. — Ч. 1. — СПб., 1886. — 311 с.
- НАБИЕВ Р.** Из истории Кокандского ханства: (Феодальное хозяйство Худояр-хана). — Ташкент: Фан, 1973. — 387 с.
- НАЗАРОВ П.** Воспоминание о степном походе миссии флигель-адъютанта Игнатьева в ханства Хиву и Бухару // Военный сборник. — 1864. — № 4. — С. 375—390.
- НАЗАРОВ Ф.** Записки о некоторых народах средней части Азии. — СПб., 1821; Новое изд. — М.: Наука, 1968. — 76 с.
- НАЛИВКИН В. П.** Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. — 215 с.
- НАЛИВКИН В. П.** Туземцы раньше и теперь. Очерк. — Ташкент, 1913. — 143 с.
- НЕБОЛЬСИН П. И.** Очерки торговли России со странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии) — СПб., 1856. — 375 с.
- НЕЪМАТОВ Н.** Давлати Сомониён. Тоҷикон дар асрҳои IX—X. — Душанбе: Ирфон, 1989. — 304 с.

- НИГМАТОВ Т. Н.** Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Хивинского ханства с Россией в 20—50-х годах XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук.—Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955.—16 с.
- Обозрение** Кокандского ханства в нынешнем его состоянии //ЗИРГО.—Кн. III.—1849.—С. 176—216.
- Обозрение** сношений России с Хивой (1670—1858 гг.).—Саратов: Справочный листок, 1872.—№№ 257—258.
- ОМАРОВ О. Ю.** Отважный исследователь Каспийского моря.—Махачкала: Дагкниггосиздат, 1965.—80 с.
- Очерки** по истории русского востоковедения.—М.: Изд-во АН СССР, 1953.—232 с.
- ПАВЛОВ Н. Г.** История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран (Персии, Афганистана, Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана).—Ташкент, 1910.—235 с.
- ПАНКОВ А. В.** К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.//В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели (сб. статей).—Ташкент: Казгиз, 1927.—С. 20—27.
- ПАНКОВ А. В.** К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.—Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927.—27 с.
- ПЕРЕПЕЛИЦИН Л. А.** Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии.—Ташкент: Изд-во СамГУ, 1960.—107 с.
- ПИРУМШОЕВ Х.** К вопросу о русско-среднеазиатских торговых связях с IX до конца XVII веков//Вопросы истории Центральной Азии. (Сборник научных статей).—Душанбе, 1995.—С. 67—85.
- ПИРУМШОЕВ Х.** Освещение истории посольских связей между Русью и среднеазиатскими ханствами в IX—XVII вв. в русской дореволюционной историографии//Вопросы истории Центральной Азии. (Сборник научных статей). Душанбинский госпедуниверситет им. К. Джурева.—Душанбе, 1995.—С. 86—107.
- ПИРУМШОЕВ Х.** Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв.—Душанбе: Дониш, 1992.—129 с.
- ПИРУМШОЕВ Х.** Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в.—Душанбе, 1996.—111 с.

- Поездка** из Орска в Хиву и обратно, совершённая в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным//Географические известия, издаваемые ИРГО под ред. В. В. Григорьева.—СПб., 1850.—Вып. IV.—С. 519—599.
- Поездка** Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году//ВИРГО.—Ч. 1.—1851.—Кн. 1.—С. 1—56.
- ПОПОВ А. Н.** Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом.—СПб., 1853.—188 с.; Указ. работа//ЗИРГО.—Кн. IX.—1853.—С. 237—424. (С. 319—424 прилож.).
- Посланник** Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. (Подготовка текста, вступ. статья и комментарии В. Г. Воловникова).—М.: Наука, 1986.—159 с.
- Посольство** князя Черкасского в Хиву. Материалы ВУА.—Т. 1.—СПб., 1871.—846 с.
- ПОТАНИН Н. И.** Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия.—Омск, 1916.—70 с.
- ПОТТО В. А.** Поездка Муравьева в Хиву в 1819 году.—СПб., 1899.—31 с.; Изд. 2-е.—СПб., 1904.
- Присоединение** Туркмении к России. (Сборник архивных документов).—Ашхабад: Изд-во АИ Туркм. ССР, 1966.—823 с.
- Путевые** заметки Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. С примеч. действ. чл. Геогр. общества В. В. Григорьева//ВИРГО.—Ч. XXII.—Кн. 3.—СПб., 1858.—С. 87—116; Те же «Заметки».—Извл.—СПб., 1858.—30 с.
- Путешествие** в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. Антони Дженкинсона // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю. В. Гетье.—Л.: Наука, 1937.—С. 167—192.
- Путешествие** от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 году (из записок Бурнашева) // Сибирский вестник.—1818.—Ч. II.—С. 37—74.
- Путешествия** голыштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленные секретарём посольства Адамсом А. Олзарием, в переводе с немецкого П. Барсова//Чтения в Обществе истории и древностей России при Московском университете.—М., 1868. Кн. 3.—С. 103—226; Кн. 4.—С. 227—288; 1869.—Кн. 1.—С. 389—530; Кн. 2.—С. 531—592; Кн. 3.—С. 693—796; Кн. 4.—С. 797—920; 1870.—Кн. 2.—С. 921—1038.

- ПУШКИН А. С.** История Петра//Полн. собр. соч.—Т. 9.—Л.: Наука, 1979.—377 с.
- ПУШКИН А. С.** Карамзин//Соч. в трёх томах.—Т. 3.—М.: Художественная литература, 1987.—С. 414—416.
- РАДЖАБОВ С. А.** Дружба навеки (о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России).—М.: Знание, 1960.—32 с.
- РАДЖАБОВ С. А.** Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии.—Ташкент: Госиздат УзССР, 1955.—211 с.
- РОЖКОВА М. К.** Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.—392 с.
- РОЖКОВА М. К.** Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX в.—М.: Изд-во АН СССР, 1963.—238 с.
- РОСЛЯКОВ А. А.** Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России).—Ашхабад: Туркменгосиздат, 1956.—194 с.
- Россия в Средней Азии и Англия в Индии**//Русский инвалид.—1866.—№№ 37, 38, 41, 42.
- РУМЯНЦЕВ П. П.** Киргизский народ в прошлом и настоящем.—СПб., 1910.—66 с.
- Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.** (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов.—Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1963.—583 с.
- РУССОВ С. В.** Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 году с приобщением разных известий о Хиве, с отдалённых времён данные.—СПб., 1840.—50 с.
- РЫЧКОВ П. И.** Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева.—М.: Госиздат, 1949.—416 с.
- РЫЧКОВ П. И.** Топография Оренбургская.—СПб., 1762.—Ч. 1.—331 с.; Ч. 2.—263 с.
- САВЕЛЬЕВ П. С.** Бухара в 1835 г. с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 года включительно.—СПб., 1836.—26 с.
- САВЕЛЬЕВ П. С.** Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории.—СПб., 1847.—ССХХХII с.

- САВЕЛЬЕВ П. С.** О жизни и трудах Френа.—СПб., 1855.
- САВЕЛЬЕВ П. С.** Путешествие г. Базинера через киргизскую степь в Хиву (сообщено действ. чл. П. С. Савельевым)//Географические известия от Русского географического общества.—1849.—Вып. 4.—С. 151—171; Вып. 5.—С. 206—212.
- САВЕЛЬЕВ П. С.** Хива сто лет назад//Сын отечества.—1842.—Ч. 1.—№ 1.—С. 33—39.
- САВЕЛЬЕВ П. С.** Хива и хивинцы (очерк).—СПб., 1842.—Без тит. л.—8 с.
- Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края.** Составитель полковник А. Г. Серебренников.—Т. 1—14.—Ташкент, 1912—1915.
- СВЕНСКЕ К.** Обзорение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год. Статья вторая. Азия//ВИРГО.—Ч. 1.—Кн. 1.—СПб., 1851.—С. 81—200.
- СЕВЕРЦОВ Н. А.** Записка о действительной границе русских и хивинских владений в Сыр-Дарьинском крае (относится к 1858 г.)//ИТОРГО.—Т. XI.—Вып. 1.—Ташкент, 1915.—С. XIV—XIX.
- СЕВЕРЦОВ Н. А.** Месяц плена у кокандцев.—СПб., 1860.—98 с. с картой.
- СЕВЕРЦОВ Н. А.** Путешествия по Туркестанскому краю. (Второе изд. под ред. и со вступ. ст. Р. Л. Золотницкой).—М.: ОГИЗ, Госиздат географ. лит., 1947.—304 с.
- СЕМЁНОВ А. А.** К истории дипломатических отношений между Россией и Бухарой в начале XIX в.//Известия АН УзССР.—Ташкент, 1951.—№ 1.—С. 85—95.
- СЕМЁНОВ А. А.** Средняя Азия. Очерк.—Вт. вып.—М., 1910.—96 с.
- СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ П. П.** История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845—1895 гг.—Ч. 1.—СПб., 1896.
- СОКОЛОВ Ю. А.** Ташкент, ташкентцы и Россия.—Ташкент: Узбекистан, 1965.—189 с.
- СОЛОВЬЕВ С. М.** История России с древнейших времён//Сочинения.—Кн. IX. (Т. 17—18).—М.: Соцэкгиз, 1963.—701 с.
- Средняя Азия**//Энциклопедический словарь. Издатель: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), П. Л. Эфрон (СПб.).—Кн. 61.—Т. 31.—СПб., 1900.—С. 341—342.
- СРЕЗНЕВСКИЙ И.** Следы давнего знакомства с Южной

- Азией. Девятый век // ВИРГО за 1854 год.— Кн. 1.— СПб., 1854.— С. 49—68.
- СТОЛПЯНСКИЙ П. Н.** Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города.— Оренбург. 1908.
- СТРУВЕ К.** Результаты барометрической нивелировки, произведённой между Оренбургом и Аральским морем в 1858 году // ВИРГО.— Ч. 26.— Отд. 5.— 1859.— С. 1—21.
- СУЛЕЙМЕНОВ Б. С., БАСИН В. Я.** Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века.— Алма-Ата: Наука, 1981.— 247 с.
- ТАТАРИНОВ А. А.** Семимесячный плен в Бухарии.— СПб., М., 1867.— 136 с.
- ТЕБЕНЬКОВ М.** Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами.— Тифлис, 1896.— 78 с.
- ТЕРЕНТЬЕВ М. А.** История завоевания Средней Азии.— Т. I—III.— СПб., 1906.— 510, 547, 496 с.
- ТЕРЕНТЬЕВ М. А.** Россия и Англия в борьбе за рынки.— СПб., 1876.— 264 с.
- ТЕРЕНТЬЕВ М. А.** Россия и Англия в Средней Азии.— СПб., 1875.— 361 с.
- ТЕРЕНТЬЕВ М. А.** Статистические очерки Среднеазиатской России.— СПб., 1874.— 129 с.
- ТОЛСТОВ П. С.** Бируни и его время // Бируни. (Сборник). М., 1950.
- ТОРНАУ Н. Н.** К истории приобретений России в Азии (извл. из «Журнала Министерства народного просвещения» за 1914 г.).— СПб., 1914.— 17 с.
- ТРОИЦКАЯ А. Л.** Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов.— М.: Наука, 1969.— 155 с.
- Туркестан.** По дороге к Туркестану. Завоевание Туркестана. Завоевание. Земледелие в Туркестане. (Без указ. автора).— М., 1897.— 30 с.
- ТУХТАМЕТОВ Т. Г.** Истоки дружбы.— Душанбе: Иррон, 1987.— 176 с.
- ТУХТАМЕТОВ Т. Г.** Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Победа Хорезмской Народной революции.— М.: Наука.— 1969.— 141 с.
- УЛЬЯНИЦКИЙ В. А.** Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских.— М., 1888.— Кн. 3.— Отд. 11.— С. 1—62.

- ФЕХНЕР М. В.** Торговля русского государства со странами Востока в XVI в.— М.: Госкультпросветиздат, 1956.— 122 с.
- ФРАДКИН Н. Г. П. П.** Семёнов-Тян-Шанский // В кн.: Семёнов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг.— Т. II.— М.: Госиздат, 1948.— С. 5—53.
- ХАЛФИН Н. А.** Британская экспансия в Средней Азии в 30—40 гг. XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР.— М., 1972.— № 4.— С. 128—135.
- ХАЛФИЦ Н. А.** О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60—70-е годы XIX в.) // История СССР.— М., 1972.— № 4.— С. 128—135.
- ХАЛФИН Н. А.** Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.).— М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.— 272 с.
- ХАЛФИН Н. А.** Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.).— М.: Наука, 1965.— 468 с.
- ХАЛФИН Н. А., РАССАДИНА Е. Ф. Н. В.** Ханыков — востоковед и дипломат.— М.: Наука, 1977.— 277 с.
- ХАЛФИН Н. А.** Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века).— М.: Наука, 1974.— 408 с.
- ХАНЫКОВ Н. В.** О населении киргизских степей, занимаемом внутреннюю и малую ордами.— СПб., (1843).— 60 с.
- ХАНЫКОВ Н. В.** Описание Бухарского ханства.— СПб., 1843.— 279 с.
- ХАНЫКОВ Н. В.** Самарканд (рассказ очевидца).— Извл. из «Русского инвалида».— 1868.— № 161.— СПб., 1868.— 16 с.
- ХАНЫКОВ Н. В.** Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершённая в 1740—1741 годах Глазьевым и Муравиным // О Средней Азии (сборник статей) и отчёт Географического общества за 1850 г.— СПб., 1851.— С. 1—85.
- ХАНЫКОВ Я. В.** Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // ВИРГО.— Кн. V.— 1851.— С. 288—358.
- ХАСАНОВ А. С.** Экономические и политические связи Киргизии с Россией.— Фрунзе: Киргизгосиздат, 1960.— 92 с.
- Хива,** или географическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией, заимствованное из разных отечественных и иностранных писателей.— М., 1840.— 84 с.

- ХИДОЯТОВ Г. А.** Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.).— Ташкент: Фан, 1969.— 456 с.
- ХОДЖАЕВ Э. И.** Из истории экономических взаимоотношений Ташкента с Россией (конец XVIII — начало XIX вв.) // *Общественные науки в Узбекистане*.— Ташкент, 1961.— № 3.— С. 45—51.
- ХРИСАНФ**, Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещённых им в 1790 г. (Введ. и примеч. В. В. Григорьева). // *Чтения в Обществе истории и древности России при Московском университете*.— Кн. 1.— М., 1861.— С. 1—28.
- ЦАМУТАЛИ А. Н.** Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Автореф. дисс. доктора ист. наук.— Л., 1978.— 42 с.
- ЧИХАЧЕВ П.** Записка о возможности осуществления Русскою экспедиции в Индию // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*.— Вып. XXIII.— СПб., 1886.— С. 105—129.
- ЧУЛОШНИКОВ А.** Торговля Московского государства со Средней Азией в XV—XVIII вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР*.— Ч. 1.— Вып. 3.— Л.: Изд-во АН СССР, 1932.— С. 61—88.
- ШАВРОВ Н.** Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим.— СПб., 1871.— 41 с.
- ШЕПЕЛЕВ А.** Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией до начала XIX столетия // *Средняя Азия. Альманах*.— Ташкент, 1895.— С. 1—57.
- ШЕПЕЛЕВ А.** Очерк военных и дипломатических сношений России со Среднею Азиею. Материалы для истории Хивинского похода 1873 года (на правах рукописи).— Ташкент, 1879.— 87 с.
- ШПАЛТАКОВ В. П.** Среднеазиатские торговые люди в Сибири конца XVI — начала XX вв. *Сборник науч. статей*. Новосибирск, 1987.— С. 215—224.
- ШТЕЙНГЕЛЬ Э.** Россия и Англия в Центральной Азии // *Наблюдатель*.— СПб., 1900.— № 7.— С. 45—58.
- ШУВИНСКИЙ П. П.** Очерки Бухары.— СПб., 1892.— 108 с.
- ЮЗЕФОВИЧ Л. А.** «Как в посольских обычаях ведётся...». Русский посольский сбычай конца XV — начала XVII вв.— М.: *Междун. стн.*, 1988.— 214 с.
- ЮЛДАШЕВ М. Ю.** К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.— Ташкент:

Наука, 1964.— 124 с.

- ЮЛДАШЕВ М. Ю.** Некоторые документальные данные о связях Средней Азии с Россией (XVI—XVII вв.) // *Изв. АН УзССР (серия общественных наук)*.— Ташкент, 1961.— № 3.— С. 45—51.
- ЮЛДАШЕВ М. Ю.** Посольские сношения Бухары с Россией в XVI—XVII вв.— Ташкент: Фан, 1957.— 137 с.
- ЯКОВЛЕВ П.** Мулла Ирназар Максуютов, посланник бухарский. (Был в Москве в 1774 г.) // *Сибирский вестник*.— 1824.— Ч. 1.— С. 7—10.
- ЯКУБОВСКИЙ А.** Феодалное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР*.— Вып. 3.— Ч. 1.— Л.: Изд-во АН СССР, 1932.— С. 1—60.
- VON VARTENBURG.** Das Vordringen der russischen Macht in Asien.— Berlin, 1900.— j. s. 9.
- WITSEN N.** Noorden Oost Tartarye, ofte bondidh onwerp Van cenige dier London, en Volken zo als Voolzmaels becent Zyn gewcest...— Amsterdam, 1692.
- GORDON T. T.** The watershed of Central Asia east and Zovrn of the R. Gerg. S-ty.— Vol. 46.— 1876.— p. 381—396.
- ROZEN V. A. V. P.** Nalivkina. Histore du Khonak de Khokand Tradit du russe par Aug. Doron.— Paris, 1889 // *ЗВОРАО*.— Т. IV.— 1893.— С. 126—128.
- SKRINE F. H. and ROSS E. D.** The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanstes from the earliest times.— London, 1899.— XI.— 444 pp.
- The Count of the Turkomans.— London, 1977— 89 p.**

II. Архивные материалы.

Архив АН РФ (Санкт-Петербургское отделение):

- Ф. 21.— Оп. 2.— Кн. 14 — Л. 241—248.— Об экспедиции Бухгольца: Ф. 27.— Оп. 1 — Д. (№) 24.— Герман И. Ф. Описание Бухарского владения, сочинённое бывшим в сём государстве унтер-шихтмейстером Бурнашевым. Выписки из путевых записок бывшего в киргизской степи Бурнашева (1795 г.); Ф. 23. (Фонд Ч. Ч. Валиханова)— Оп. 1.— Д. (№) 20 — Восточный Туркестан. Рукопись с авторскими поправками; Ф. 68 (Фонд В. В. Бартольда).— Оп. 1; Ф. 148 (Русский комитет по изучению Средней Азии).— Оп. 1.— Ед. хр. 12.

(Протоколы заседания комитета за 1903—1918 гг.).— 177 л.

Архив внешней политики России (АВПР):

Ф. СПб., Главный Архив 1—9.— Оп. 8.— 1843.— Д. 5.— Л. 15—20.— Перевод с татарско-бухарского письма; Д. 6.— Ч. II.— Л. 648—659.— Доклад департамента Генерального штаба от 29 ноября 1857 г. об отправлении агента в Хиву и Бухару; Д. 6.— Ч. II.— Л. 660—663.— Письмо оренбургского и самарского генерал-губернатора министру иностранных дел от 30 ноября 1858 г.— № 1745; Д. 6.— Ч. II.— Л. 664—669.— Краткая записка оренбургского генерал-губернатора о невыгодности для России положения торговли её со Средней Азией; Д. 6.— Ч. II.— Л. 293—322.— Миссия полковника Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г.; Д. 6.— Ч. II.— Л. 670—674.— Краткое обозрение сношений России с Хивой от 30 ноября 1858 г.; Д. 6.— Ч. II.— Л. 804—819.— Н. Игнатьев. Некоторые заметки о Хивинском ханстве; Д. 14.— Л. 10.— О русско-бухарской торговле; Ф. «Туркменские дела».— 1741.— Оп. 133/1.— Д. 1.— Л. 11—12.— Письмо туркменских старшин о просьбе российским властям оказать им помощь (продовольственную); Д. 1.— Л. 6—7.— Предписание Коллегии иностранных дел от 21 марта 1741 г. астраханскому генерал-губернатору М. Голицину о необходимости установления торговых связей с мангышлакскими туркменами; Д. 1.— Л. 13.— Прошение туркменских старшин Мангышлака астраханскому губернатору о разрешении им вернуться в Мангышлак; Д. 2.— Л. 1—1 об.— Просьба туркмен об отправке им хлеба; Д. 2.— Л. 3—3 об.— Письмо туркменских старшин астраханскому губернатору с просьбой о разрешении им поселиться в Мангышлак; Оп. 133/3.— 1763.— Д. 2.— Л. 187—269.— Журнал плавания, составленный инженер-майором Ладыженским (по исследовании восточного побережья Каспийского моря); Д. 6/н.— Л. 20—21.— Рапорт астраханского губернатора И. Якоби Екатерине II от 1778 г. о назначении специального писаря к Пирали-хану и передаче ему контроля за развитием регулярной торговли между Россией и ханствами Средней Азии; Д. 12.— Л. 37—42.— О действиях капитана Е. В. Путяты против туркмен; Д. 12.— Л. 87.— Генерал Хрулев о качественном изготовлении товаров для

среднеазиатского рынка; Ф. «Главный архив» 1—5.— Д. 43.— Л. 252—253.— Письмо Н. В. Ханыкова председателю Оренбургской пограничной комиссии от 14 апреля 1842 г.; Ф. «Главный архив» 1—6.— Д. 1840.— 1842.— Л. 21.— Письмо Перовского Нессельроде от 17 августа 1840 г.; Ф. «Главный архив» 1—8.— 1800.— Д. 2.— Л. 115—129.— О присяге туркменских племён на верность служения России; Д. 4.— Л. 47.— Донесение командира отдельного Сибирского корпуса в Азиатский департамент МИД России от 6 января 1823 г.

Архив востоковедов ИВ АН СССР (Ленинградское отделение):

Ф. 33 (Фонд А. Л. Куна).— Оп. 14.— Ед. хр. 8.— Л. 1—24.— Порядок взимания податей в Хивинском ханстве; Ф. 33.— Оп. 1.— Ед. хр. 33.— Л. 1—24.— Личные документы А. Л. Куна; Ф. 61 (Фонд В. В. Григорьева).— Оп. 1.— Ед. хр. 13.— Л. 1—26.— Материалы, относящиеся к событиям в Хиве и Кокане, а также к убийству киргизами султана — правителя Частей Орды и возмущению, произведённом Исетом Кутебаровым и др. на 606 л.

Архив Географического общества РФ (Архив ГО):

Разряд 65.— Оп. 1.— Ед. хр. 60.— Л. 1—25.— Доклад действительного члена РГО М. И. Анненкова.— Средняя Азия и её пригодность для возвернения русской жизни; Р. 89.— Оп. 1.— Д. (№) 1.— Мирза Якуб-хан. Несколько месяцев в Бухаре (1862—1863).

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ):

Ф. И.-715. (Подготовительные материалы к составленной полковником Серебrenниковым публикации документов «Туркестанский край». Сборник материалов для истории его завоевания.— Оп. 1.— Ед. хр. 12.— Л. 262.— Обозрение Киргизской степи Сибирского ведомства исполняющим делами генерал-губернатора Западной Сибири Анненковым военному министру от 23 ноября 1851 г.; Оп. 19.— Ед. хр. 10.— Л. 8—10.— Доклад государственного канцлера Нессельроде о бухарском посланнике от 8 февраля 1849 г.; Оп. 1.— Ед. хр. 16.— Л. 164—165.— Записка управляющего МИД Л. Сенявина оренбургскому генерал-губернатору от 15 сентября 1855 г.; Оп. 1.— Ед. хр. 1—74.— Подготовительные материалы к публикации документов «Туркестанский край».

Сборник материалов для истории его завоевания» (74 единицы или томов).

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) РФ:

Ф. Военно-учёного архива (ВУА).— Д. 35.— Ч. 1.— Л. 57—61.— Пункты, данные государем гвардии капитану Черкасскому от 14 февраля 1716 г.; Ф. 483.— Ед. хр. 53.— Л. 3—4.— Доклад начальника штаба Оренбургского корпуса, статского советника Арцимовича от 4 октября 1859 г.; Л. 7—12.— Записка капитана 1-го ранга о будущих действиях России в Средней Азии.

Оренбургский облгосархив РФ:

Ф. 6. (Оренбургского военного губернатора).— Оп. 10.— Д. 6840.— Л. 13; Официальные письма касательно приобретения ляпис-лазури для оформления Исаакиевского собора; Оп. 10.— Д. 4095.— Л. 16—17.— Рапорт председателя Оренбургской пограничной комиссии военному губернатору от 15 августа 1833 г. № 153; Оп. 1281.— Д. 4791.— Л. 17—19.— Сообщ. бывшего русского пленника Чернецова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив АН РФ** — Архив Академии наук Российской Федерации (С.-Петербургское отделение).
- Архив ГО** — Архив Географического общества Российской Федерации.
- АВПР** — Архив внешней политики России.
- Б. м. и б. г.** — без года издания.
- ВИРГО** — Вестник Императорского Русского географического общества, СПб.
- ЖМВД** — Журнал Министерства внутренних дел, СПб.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- ЗВОРАО** — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб., Пг.
- ЗИРГО** — Записки Императорского русского географического общества, СПб.
- ИАН** — Известия Академии наук.
- ИИРГО** — Известия Императорского русского географического общества, СПб.
- ИРГО** — Известия Русского географического общества, Пг.
- ИТОРГО** — Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества, Ташкент.
- ЦГА РУ** — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- ЦГВИА РФ** — Центральный государственный военно-исторический архив Российской Федерации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVI—XVII вв.	23
Посольские связи	23
Торговые отношения	39
ГЛАВА II. РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVIII в.	53
Среднеазиатская политика Петра I	53
Экспедиция Бековича-Черкасского	56
Посольство Флорио Беневени	80
Русско-среднеазиатские взаимоотношения при преемниках Петра I	92
Торгово-дипломатические отношения во второй половине XVIII в.	109
ГЛАВА III. РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	133
Политико-дипломатические отношения	133
Место прикаспийских туркмен в русской дипломатии	140
Посольство Н. Н. Муравьева	146
Посольство А. Ф. Негри. Значение исследования Е. К. Мейендорфа	155
Торговые связи	168
ГЛАВА IV. РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ОСВЕЩЕНИИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	182
Место Средней Азии в русской дипломатии второй четверти XIX в.	182
Руссийско-хивинские отношения. Посольства Никифорова и Данилевского	187
Русско-туркменские взаимоотношения	215
Руссийско-бухарские отношения. Миссия К. Ф. Бутенева	218

Внутриполитическая обстановка в Кокандском ханстве и российская дипломатия	228
Торговые отношения	234
ГЛАВА V. РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 50-х — НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX века	251
Социально-экономическое положение ханств Средней Азии и основные задачи российской дипломатии в регионе	251
Военный поход Перовского и усиление политического давления на Среднюю Азию	256
Дипломатическая миссия Н. Н. Игнатьева в Хиву и Бухару	264
Прибрежные туркмены в российской дипломатии	276
Состояние руссийско-среднеазиатской торговли	280
Англо-русское соперничество в Средней Азии	287
Заключение	302
БИБЛИОГРАФИЯ	309
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	335

ПИРУМШОЕВ ХАЙДАРШО

**РОССИЙСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
XVI — СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКОВ В РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Ответственный редактор — академик **Б. А. ЛИТВИНСКИЙ**
Редактор — **В. В. ФРОЛОВ**
Технический редактор — **Х. ХАСАНОВ**
Художник — **С. ПИРУМШОЕВ**

Сдано в набор 11.01.2000 г. Подписано в печать 28.04.2000 г. Формат
60×84¹/₁₆. Объем 22 печ. л. Тираж 1 000 экз.
Душанбе, Издательство «Маориф».